

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Т.В.Блаватская

—Ψ—

ИЗ ИСТОРИИ
ГРЕЧЕСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1983

ВВЕДЕНИЕ

В книге исследуется ряд отраслей интеллигентного труда в греческих полисах III — II вв. до н. э. Основное внимание уделяется представителям массовых интеллигентных профессий — преподавателям, врачам, архитекторам, землемерам. Освещаются материальные условия различных групп образованных специалистов, система профессионального образования, организация библиотечного дела, показано отношение греческих республик к людям интеллигентного труда. Работа основана на разнообразных источниках, в том числе на малоизвестных эпиграфических документах.

Ответственный редактор
доктор искусствоведения
М. М. КОБЫЛИНА

0504010000-403
(М2(02)-83 30„83 (КЭТ_ IV)

© Издательство «Наука», 1983

Современная эпоха характеризуется усилением интереса к различным сторонам культурной жизни античного мира, в том числе и к некоторым вопросам внутренней истории полисной Греции, которые ранее находились в тени. Среди последних немаловажной является тема, раскрывающая конкретные условия деятельности рядовых работников умственного труда. В особенности это касается специалистов, связанных с повседневной жизнью всего полиса и каждого из его граждан. Назовем лишь преподавателей, врачей, зодчих, землемеров. По своему положению эти профессионалы значительно отличались от деятелей искусства или писателей, условия работы которых уже детально освещены в ряде специальных работ.

Указанное обстоятельство во многом определило круг вопросов, затронутых в данной книге. Следует оговорить, что в силу ряда обстоятельств освещение отдельных вопросов носит сугубо предварительный характер. Вопрос о массовом развитии интеллигентных профессий в греческом рабовладельческом обществе сложен и мало разработан. Отсюда — необходимость в гипотезах и предварительных предположениях. Вместе с тем обширность темы диктует необходимость ограничить изложение строгими географическими и хронологическими рамками. Поэтому здесь пойдет речь только о работниках интеллектуального труда Греции, трудившихся у себя на родине в 336 — 146 гг. до н. э. Лишь в редких случаях будут привлечены сведения о деятельности образованных греков за пределами Эллады, поскольку вне полисов этим специалистам приходилось выполнять свои обязанности в совершенно иных политических условиях. Есть еще ограничение: одна интеллигентная профессия почти полностью исключена из рассмотрения — не очень многочисленная духовная интеллигенция, которая обеспечивала функционирование центральных и местных святилищ в государствах

эллинистической Греции. Поскольку деятельность жрецов в рядовых полисах ограничивалась преимущественно местными сакральными задачами, эта группа выполняла служебную роль в общественной жизни.

Необходимость особого внимания к условиям работы интеллигенции Эллады в указанный период объясняется некоторыми новыми чертами в положении лиц, занимавшихся умственным трудом в то время. Например, следует отметить происходивший тогда чрезвычайно интенсивно процесс количественного роста этой части свободного населения страны. Он был вызван увеличением спроса на образованных специалистов, причем таких квалифицированных работников все больше требовали не только многочисленные полисы самой Греции, но и соседние страны. Обладавшая огромной культурной традицией, греческая интеллигенция в силу многих, в том числе и внешних, причин стала в эпоху эллинизма на путь исключительно широкого освоения, сохранения и умножения научных знаний, полученных от предшествующих поколений греческих ученых¹. В эллинистическое время заметный рост числа работников, владевших необходимыми для профессионального умственного труда знаниями и живших только за счет своей квалификации, придал дополнительное общественное значение интеллигенции Греции. Последнее облегчало интеллектуальным работ-

никам не только практическую деятельность, но и способствовало дальнейшему развитию ветвей греческой науки.

Мысль об изучении деятельности широких кругов образованных специалистов в жизни греческого общества сложилась у автора под впечатлением занятий и консультаций с такими яркими представителями нашей гуманитарной интеллигенции 1930-х — 1960-х годов, какими были Ю. В. Готье, Б. Н. Граков, Ф. А. Петровский, А. Н. Попов, С. И. Радциг, В. С. Сергеев, С. И. Соболевский и ряд других антиковедов. Вместе с тем понимание необходимости упорного и нелегкого труда для изучения любой интеллигентной специальности было мне внушено самоотверженным примером моего отца, В. В. Бороздина.

Изучение условий труда эллинской интеллигенции может способствовать выяснению многих малоизвестных факторов, которые содействовали созданию высокой культурной традиции, полученной человечеством от древних греков. И это тоже одна из причин, по которой названная проблема заслуживает тщательной разработки.

¹ В древние времена первые интеллигентные профессии возникали еще в период развития ранней металлургии у совсем молодых классовых обществ. Эпоха бронзы в Греции датируется III—II тысячелетиями до н. э., и тогда численность интеллектуальных работников была весьма невелика. Однако творческие успехи этой ранней интеллигенции, судя по памятникам архитектуры и техники, уже достигали высокого уровня. Позднее, в I тысячелетии до н. э., творческая деятельность большого числа образованных специалистов обеспечила создание в Греции уже в VII—VI вв. до н. э. настоящей науки — искусства теоретической мысли. Научное знание греков в V—IV вв. включало многие отрасли умственной деятельности и было представлено гениальными мыслителями. О возникновении европейской науки именно в Греции писали уже давно, по большей части ученые-физики. См.: *Любимов Н. А.* История физики. СПб., 1892, ч. 1. Период греческой науки, с. IV: «Греция есть колыбель науки вообще. Знания были и до Греции; науки не было». Ту же мысль высказывает и Э. Шредингер, утверждающий, что наука является греческим изобретением и что она возникала только у тех народов, которые испытали греческое влияние. См.: *Schrödinger E.* Nature and the Greeks. Cambridge, 1954, p. 88. См. также: *Рожанский И. Д.* Античная наука. М., 1980.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЭЛЛАДЕ

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Для более глубокого понимания закономерностей существования античного рабовладельческого общества необходимо постоянно обращаться к культурной истории Эллады. Между тем общая картина духовной жизни древних греков еще изобилует обширными белыми пятнами. В частности, почти не изучены условия труда интеллигенции, конкретно-исторические рамки, в которых разворачивалось творчество не только гениев эллинской мысли, но и рядовой массы работников умственного труда в области науки, культуры и искусства. Творчество самых ярких деятелей науки и искусства Греции этого (времени уже получило всестороннее освещение в историографии. По условиям работы и вклад рядовых работников умственного труда остаются вне внимания исследователей. А ведь именно интенсивная интеллектуальная деятельность этого слоя населения Греции в эпоху развитых рабовладельческих отношений прежде всего способствовала появлению тех выдающихся деятелей, которые создали фундаментальные духовные ценности, ставшие краеугольными камнями всей современной цивилизации.

Произведения античной философии, а также литературы и истории, отличавшиеся реализмом и высоким эстетическим уровнем, содержат в развитой форме или в зародыше многие идеи, которые получили широкое признание в последующие эпохи. Творчество художников древней Эллады доставляет человечеству художественное наслаждение на протяжении уже многих сотен лет.

Ряд естественных наук и поныне опирается на некоторые положения, выработанные учеными Греции еще в V—I вв. до н. э. Например, врач Гиппократ, уроженец

острова Коса, в V в. до п. э. заложил основы рациональной медицины. Великий математик «Начала», которые являются классическим образцом логического мышления и до сих пор служат эталоном для школьных учебников элементарной геометрии. В английских школах еще в прошлом веке геометрию преподавали по переводу Евклида. Астроном и математик Аристарх Самосский (около 310—230 гг. до н. э.), впервые сформулировал гелиоцентрическую теорию, высказав мысль о вращении Земли в ряду других планет вокруг Солнца. Архимед из Сиракуз (ок. 287—212 гг. до н. э.), руководивший защитой своего города во время римской осады, заложил основы высшей математики и прославился как выдающийся механик. Многие из созданных им механизмов не утратили своего значения и в настоящее время (например, сложные блоки).

В настоящей работе нет надобности перечислять все знания, которые мы получили от античной Греции: по отдельным отраслям науки и искусства имеется обширная специальная литература. Нас интересует другое: кто были те люди, которые создавали культурные ценности древней Греции.

Как известно, современные ученые, разрабатывающие совершенно новые отрасли знания, обращаются к лексике древнегреческого и латинского языков в поисках наиболее точной терминологии. Так появились слова: «космос, геобиосфера, экология, антропогенез, демография» и многие другие. В научном языке нашего времени живет ряд античных терминов — «зоология, философия, география, поэтика, история». Античные корни «многочисленных понятий, вошедших в современные словари, неоспоримо свидетельствуют о высоком интеллектуальном уровне работников умственного труда в древней Греции и античном Риме.

Приведенные примеры составляют лишь незначительную часть имеющихся свидетельств, но и они вполне оправдывают интерес к вопросу о том, кем были те люди, которые выработали столь устойчивые духовные ценности.

Необходимо выяснить профессиональный и социальный состав античной интеллигенции, условия ее труда, определить экономическое положение той части рабовладельческого общества Эллады, для которой умственный труд являлся источником существования.

К III — I вв. до н. э. Греция накопила большой научный потенциал, который поддерживал установившийся высокий авторитет греческой культуры. Это обстоятельство сделало возможным дальнейшее развитие научных традиций внутри самой Эллады, а также в тех сопредельных странах, куда проникали достижения греческой науки и искусства. Успехи мореходства, достигнутые ко времени эллинизма, способствовали интенсивности и быстроте не только экономических, но и культурных контактов между различными полисами, в том числе и самыми отдаленными частями эллинского мира. Результатом этого было широкое распространение греческой науки по всему Средиземноморью.

Исследуемая нами проблема заслуживает внимания еще и потому, что в современной буржуазной историографии имеют хождение теории, пытающиеся умалить вклад античной Греции в сокровищницу мировой культуры, а заодно и отрицающие важное значение многочисленных носителей интеллигентного труда в жизни античной Греции. В этой связи следует упомянуть американского историка Б. Фэррингтона, посвятившего несколько книг греческой науке¹. По мнению Фэррингтона, греко-римский мир стоял на пороге современной науки, но не перешел его, так как наука не стала реальной силой в жизни античного общества. Фэррингтон даже предлагает весьма рискованное определение науки в древней Греции: это-де некий круг вольных исследований для привилегированного меньшинства². Если приведенное мнение в какой-то мере может быть справедливо в отношении дифирамбической поэзии³ или панегирической риторики, то оно абсо-

¹ *Farrington B. Head and Hand in ancient Greece. L., 1947; Idem. Greek Science: its Meaning for us. I. N. Y., 1944; II. N. Y., 1949; Idem. Science and Politics in the Ancient World. N. Y., 1966.*

² *Farrington B. Greece Science..., II, p. 164.*

³ Поэзия в целом, однако, имела весьма широкий круг ценителей в Греции VI—V вв. Достаточно вспомнить о пифейских состязаниях, каждое четырехлетие привлекавших значительную часть населения Греции: на них соревновались поэты, певцы и музыканты, ставили трагедии драматурги. Поэзия владела театрами, а ведь греческие театры, имевшие колоссальные размеры, были рассчитаны на самого массового зрителя. Сошлемся также на многочисленные стихотворные эпитафии, которые иногда состояли из одной лишь строки (см., например: *Peek W. Griechische Versinschriften. B., 1955, № 137—141, 330*), но все же были истинно поэтическими творениями.

лютно ошибочно, если говорить об архитектуре, о строительном или инженерном деле, о гуманитарных или естественных науках⁴. Напомним, что современная физика микромира ведет свои истоки именно от научных достижений древних эллинов⁵. О многих других разделах физики, разработанных учеными древней Эллады, подробно писали уже давно⁶. Та ясно осязаемая нить преемственности, которая идет от научных изысканий древних эллинов к современному знанию, служит достаточным доказательством того, что труды ученых древней Греции, направленные на познание законов природы, отнюдь не были «вольными упражнениями».

Еще менее справедливо ограничивать круг научных тружеников Эллады «привилегированным меньшинством». Это мнение возникло лет сто назад, когда действительно были известны лишь немногочисленные крупнейшие мыслители древней Греции. Ныне с появлением огромного количества эпиграфических и папирологических источников историки получили документальные сведения о сотнях малозаметных работников умственного труда⁷. Среди многих десятков тысяч эпиграфических текстов оказались надписи, которые обогащают наши представления о рядовых представителях интеллектуальных профессий. Стали известны имена и время деятельности некоторых интеллигентов, ранее совершенно неизвестных. Мы узнали о тех похвалах и наградах, которые они получали за свой труд, о тех затруднениях, с которыми они

⁴ См.: *Рожанский И. Д. Анаксагор. М., 1972*, где весьма обстоятельно охарактеризована естественнонаучная направленность мышления Анаксагора, одного из крупнейших философов Греции в V в. до н. э. Говоря о роли Платона, И. Д. Рожанский отмечает: «Атомистическая концепция Платона («Тимей») представляет собой поразительное и в каких-то отношениях провидческое явление в истории европейского естествознания». См.: *Рожанский И. Д. Платон и современная физика.— В кн.: Платон и его эпоха. М., 1971, с. 171.*

⁵ Эта мысль четко проводится в работах нынешних физиков. См., например: *Шредингер Э. 2400 лет квантовой теории.— Избр. труды по квантовой механике. М., 1976, с. 254—260.*

⁶ *Любимов П. А. История физики, ч. 1, с. 197—264.*

⁷ Число их постоянно растет, причем особенно интенсивно расширяется список скульпторов за счет подписей на базах статуй. Но даже очень обстоятельный «Словарь античных художников (скульпторов)», изданный А. П. Чубовой в 1972 г., уже теперь требует дополнений. Например, в 1957 г. среди надписей из раскопок театра в Аргосе опубликована сигнатура скульптора Евклида, работавшего в III в. до н. э.

сталкивались, например, когда им приходилось добывать нужную литературу. Хотя в эллинистическое время во всех крупных городах были библиотеки, что позволяло грамотным деловым и располагающим возможностями людям читать книги в государственных читальнях, однако это удовлетворяло не всех. Распространение письменности и развитие книжного дела породили стремление иметь свои домашние библиотеки. Небогатые люди покупали по дешевке макулатуру того времени — папирусные свитки, исписанные с одной стороны — и переписывали на них классические произведения. На таком папирусе вторичного использования была, в частности, написана дошедшая до нас трагедия Эсхила «Гипсипила».

Скромен вклад каждого из средних интеллигентов, и данные о его деятельности могут показаться мелким, совершенно частным фактом. Однако высокий уровень профессионализма и сознание личной ответственности образованных работников при строгости законов и в условиях общедоступной гласности в полисах имел своим результатом исключительную эффективность интеллектуального труда. Именно благодаря этому образование и наука в государствах эллинистической Греции стали факторами, имевшими не только производительное, но и мировоззренческое значение. Рационалистическая направленность древнегреческой мысли и стремление к научному познанию способствовали выработке многих точных критериев, которыми коллектив граждан, особенно в демократических полисах, оценивал труд своих представителей умственного труда. Это обстоятельство стимулировало деятельность образованных тружеников Эллады, заставляло их заботиться о своем профессиональном авторитете. Самоотверженное трудолюбие рядовых работников⁹, естественно, создавало дополнитель-

8 Достаточно вспомнить о внимании Платона к знанию, к науке, которое нашло особенно яркое выражение в его трудах «Протагор» и «Государство». Столь же интересно мнение Аристотеля о том, что приобретать знания приятно не только философам, но и всем остальным людям, хотя они уделяют мало времени расширению своего образования (*Arist. Poet.*, 1448 b). Примечательна уверенность Аристотеля в том, что все люди стремятся к знаниям (*Arist. Metaph.*, 980 a).

9 Взыскательное отношение греческих специалистов к своим обязанностям нашло отражение в ряде рассказов, которые были известны и римлянам. Например, ритор Квинтилиан (I в. н. э.) сообщает об упорном труде Демосфена, который, составляя речи,

ные условия для роста творческого потенциала греческих науки и техники даже в трудные для эллинов времена¹⁰ между 336 и 146 гг. до н. э. Ставшие ныне достоянием науки многочисленные единичные факты придают иногда совершенно непредвиденное значение ранее известным крупным событиям в истории культуры. В этой связи можно вспомнить, что еще Гегель уделил большое внимание роли людей в историческом процессе¹¹, подчеркивая, что «ничто великое в мире не совершалось без страсти», что «частный интерес страсти неразрывно связан с обнаружением всеобщего, потому что всеобщее является результатом частных и определенных интересов и их отрицания»¹².

Представления о роли массы образованных профессионалов в культурной жизни античной Греции будут искаженными, если не напомнить еще одно обстоятельство. К нескольким тысячам известных ныне имен греческих работников интеллектуального труда нужно добавить столько же, если не больше, лиц вспомогательных интеллигентных профессий. Это чертежники, резчики надписей, стенографисты, переписчики нот и рукописей, изготовители инструментов, театральные механики, а также повитухи, массажисты, сиделки и другие специалисты. Тогда окажется, что население древней Эллады обслуживалось большим числом профессионально подготовленных работников¹³. Таким образом, в период эллинизма интеллигентный труд продолжал сохранять широкое распространение и являлся важным социальным фактором в жизни общества.

проверял эффективность своего ораторского искусства, глядя на себя в большое зеркало (*Quint. De inst. orat.*, XI, 68, 3).

¹⁰ Сколь тяжкие испытания претерпевала тогда Эллада, позволяет понять наблюдение М. Лонэ, который высчитал, что за 93 года (с 322 по 229 г.) Аттика была свободна от постоя чужих гарнизонов только на протяжении 12 лет — с лета 307 г. по весну 295 г. до н. э. (*Launey M. Recherches*, p. 634).

¹¹ Гегель Г. В. Ф. Собр. соч. т. VIII. Философия истории. М.; Л., 1935, с. 20—42. Ф. Энгельс высоко оценивал цитированную работу Гегеля: «...ее титанические идеи страшно захватывают меня», — писал он в 1840 г. (*Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений*. М., 1956, с. 335).

¹² Гегель Г. В. Ф. Указ. соч., с. 23, 42.

¹³ Из этого круга приходило пополнение, поднимавшее еще выше умственное развитие Эллады: например, Сократ был сыном повитухи; на приемы повивального искусства он даже ссылался в своих философских рассуждениях.

Конечно, слой лиц интеллектуального труда составлял меньшинство среди всего свободного населения каждого полиса, но, тем не менее, он был достаточно велик, поскольку включал не только граждан или инополитов, но и рабов. Упомянем хотя бы рабов-лекарей, лечивших своих сотоварищей.

Правда, среди тружеников умственных профессий были представители богатых семей, не нуждавшиеся в оплачиваемой работе. Можно назвать Эсхила, отец которого, Евфорион, принадлежал к знатному землевладельческому роду Атики, пользовавшемуся большими богатствами. Фукидид, сын Олора, располагавший немалыми доходами от золотых разработок во Фракии¹⁴, также был свободен от забот о добывании средств к жизни. Но все же таких деятелей было не очень много. Подавляющее большинство работников умственного труда существовало на заработанные деньги¹⁵.

Наличие пользующейся общественным признанием группы свободного населения, которая посвятила себя профессиональному умственному труду, составляет важную особенность, характеризующую общество эллинистической Греции. Однако не следует забывать, что лица, занимавшиеся умственным трудом, все же оставались сравнительно небольшой частью всего населения страны, довольствовавшегося началами знаний. Что же касается рабов, численность которых сильно возросла в эллинистическое время, то в массе своей они были почти совершенно лишены образования.

Следует сказать еще об одной особенности деятельности работников умственного труда Эллады в IV—II вв. до н. э. Это было время, когда страстная проповедь Исократом о необходимости единения эллинов перед лицом варваров уже вошла в арсенал теоретической мысли греков, а на практике все более возрастало значение этнического единства, ярко проявлявшегося в языке, во все прогрессирующем развитии общегреческой культуры и в религии. Наука и образованность также стали теперь одним из важных компонентов духовной жизни вези Греции. Рационалистическая направленность мировоззрения греческих ученых, писавших о могуществе разума о гармонии тела и души, о ценности жизни каждого сво-

¹⁴ *Thuc.*, IV, 105.

¹⁵ Еще поэт Архилох Паросский (вторая половина VII в.) добывал хлеб тяжким трудом воина-наемника (*Archil.* Eleg., f. 2).

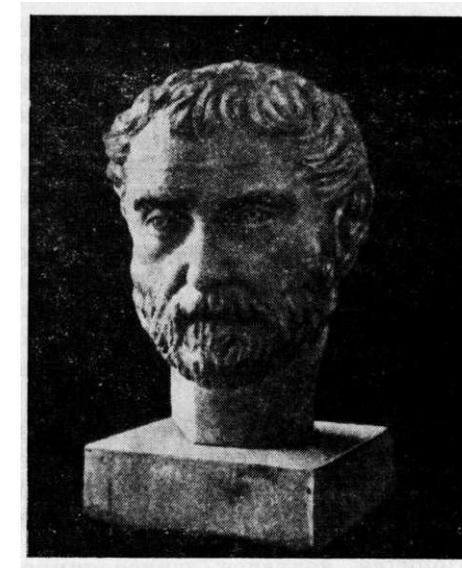

РИС. 1.
Портрет греческого интеллигента. Римская копия, восходящая к греческому оригиналу начала III в. до н. э. — портрету Демосфена (?) скульптора Полиевкта. Аполлония Иллирийская.

Портрет греческого интеллигента. Римская копия, восходящая к греческому оригиналу начала III в. до н. э. — портрету Демосфена (?) скульптора Полиевкта. Аполлония Иллирийская.

бодного гражданина, находила самый широкий отклик во всем греческом народе независимо от политических границ между отдельными полисами или целыми федерациями.

Образованный специалист, наделенный умом, знаниями и профессиональным мастерством, повсюду в Элладе был прежде всего греком, носителем эллинской образованности, и перед этим обстоятельством отступал на второй план политический партикуляризм. В силу этих обстоятельств интеллигентная часть граждан своей повседневной деятельностью весьма эффективно содействовала не только росту общенациональной культуры эллинов, но и успешному преодолению межполисных границ. Последнее становится особенно ясным, если обратить внимание на то, как всесторонне полисы использовали выработанные ими юридические нормы для привлечения к себе на работу образованных граждан иных полисов и для создания им нужных условий труда. Многочисленные декреты в честь таких квалифицированных инополитов, оказывающих, как ши

Общеэллинская роль интеллигенции имела следствием также и создание новых видов межполисных связей. Например, в эллинистическое время примечательна деятельность локальных артистических союзов, объединявших актеров и музыкантов. Эти профессионалы, именовавшиеся технитами, выступали на праздниках Диониса и других богов в театрах Аттики и ряда областей средней и южной Греции. Такие передвижные труппы технитов быстро распространяли общие идеи, эффективно способствуя дальнейшему сплочению эллинской культуры. Значение их деятельности было столь велико, что уже в 278/7 г. до н. э. Дельфийская амфиктиония даровала такому афинскому объединению артистов особые привилегии¹⁷.

Заметим попутно, что яркая деятельность греческой интеллигенции в соседних с Элладой странах, естественно, оказывала положительное воздействие на рост уважения эллинов к достижениям всего своего народа и на уменьшение локального патриотизма.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ГРЕЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ДОЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Зарождение греческой интеллигенции восходит к раннеклассовому обществу додорийских времен. Данные о металлургии, архитектуре, мореходстве и письменности в Греции II тысячелетия до н. э. бесспорно свидетельствуют о большом прогрессе в разделении труда и об обособлении ряда видов деятельности, требовавших специальных теоретических знаний. Эпос ахейских времен особо называет таких профессионалов, как врачи, строители, певцы, а также одну из групп интеллигенции, связанную с культами,—гадателей (Od., XVII, 382—386). Примечательно, что жрецы в эпосе упоминаются не столь часто — видимо, в военном быту их роль была ограничена профессиональными функциями. И хотя на протя-

перипатетику Эпикрату из Гераклеи за то, что, пребывая долгое время в их полисе, он принес большую пользу юношеству и бюрократии, под определяющим влиянием которых сложилась культура стран Древнего Востока...»¹⁸.

¹⁷ Syll.³, n 309; *Ferguson*. Hellenistic Athens, p. 214, 296—297, благодаря своему образованию, и за другие заслуги по распространению знаний. СМ.: S E G , I N 3 6 8 ; *Tod N. M*, *Sidelights on Greek Philosophers*.— JHS, 1957, LXXVII, p. 135-136.

жении многих последующих столетий в облике этого социального слоя появлялись все новые черты — особенно интенсивно формировалась группа интеллигенция с VIII—VII вв. в связи с возраставшей потребностью полисов в квалифицированном умственном труде,— возникновение некоторых принципиальных свойств этого контингента общества прослеживается далеко в глубине веков. Иными словами, в консолидации древнегреческой интеллигенции фактор времени играл существенную роль. Например, он обеспечил проверку на прочность многим фундаментальным тенденциям при обособлении работников умственного труда в процессе последовательного расщепления внутри класса свободных производителей античной Эллады.

Как теперь известно, у греков рано начались поиски рационального осмысления действительности. Высокая культура эллинов эпохи бронзы показывает, что уже тогда были накоплены важные эмпирические знания. Эта сложная, включавшая и письменность, культурная традиция дала толчок возникновению зачатков научного мышления. Успешному развитию знаний способствовали специфические особенности внутренней истории греческого народа.

Исключительно положительную роль играло то, что эллинское жречество в ахейский период не стало монопольным хранителем известных тогда знаний и не превратилось в замкнутую касту, обслуживавшую монархию. Отсутствие религиозных препятствий в распространении образованности обеспечило общедоступность поисков проникновения в суть явлений и позднее — в полисный период истории Греции. Постоянно сохранявшая светский характер, греческая мысль отличалась глубокой самобытностью и достигла невиданного ранее уровня. Эта особенность духовного развития Эллады детально исследована Ф. Х. Кессиди, который писал: «Греческая культура, приняв светский характер, поставила вместо авторитета традиции (обычного права) авторитет закона, вместо религиозного авторитета — авторитет человеческого разума. Она сделала излишней власть жречества и бюрократии, под определяющим влиянием которых сложилась культура стран Древнего Востока...»¹⁸.

¹⁸ Кессиди Ф. Х. От мифа к логосу. М., 1972, с. 25.

Успеху интеллектуальных усилий греческого общества во многом помогло и то обстоятельство, что эллины непрерывно обитали в своей стране начиная с эпохи бронзы. Передвижение одного из греческих племен, дорян, в XII в. затронуло лишь небольшую область Элоады. Так как доряне являлись носителями той же генетически общей раннегреческой культуры, то их вселение в южные области Греции не нанесло значительного ущерба развитию культуры. Находившийся в давно известной ему естественной среде народ продолжал творческую работу во всех сферах материальной и духовной жизни.

Этнический континуитет обеспечил сохранение части сложного культурного наследия эпохи бронзы. Ярким свидетельством этому является не только сохранение части ахейского эпоса в устной передаче вплоть до записи его в IX в. до н. э. Примечательно, что народная память в своей легендарной традиции удержала имена некоторых выдающихся деятелей культуры далекого прошлого. Достаточно назвать Дедала, соединявшего в себе таланты художника, зодчего и изобретателя. Упомянем и искусных врачей Махаона и Подалирия, сыновей фессалийского царя Асклепия, также искусного врача-владельца¹⁹. Эта цепь в два поколения врачей указывает на то, что во второй половине II тысячелетия до н. э. уже складывались местные традиции врачевания, из которых, судя по эпосу, самой авторитетной была фессалийская.

Приведенные данные греческой традиции показывают, сколь велик был интерес народа к сведущим людям, которые еще в древнейшие времена имели специальные знания и передавали их ученикам.

Устойчивость этнического состава населения страны во II и I тыс. до н. э. весьма способствовала обогащению его духовного арсенала. Обладавший богатым языком и постоянной территорией, греческий народ вырабатывал ряд идеологических ценностей, среди которых значительную роль играло этническое самосознание. Своеобразие греческого этноса, находившее выражение во многих проявлениях культуры, а также в психическом складе населения, особенно обозначилось в четком противопоставлении эллинов «варварам» уже ко времени Фукидида²⁰.

Сложившееся в этих рамках этническое понятие «эллин» настолько устойчивым, что два чужеземных завоевания, македонское и римское, разделенные менее чем 200 годами, не только не смогли подавить своеобразие греческой культуры, но даже способствовали восприятию ее многими иноязычными народами.

Социально-политические отношения, на фоне которых формировалась древнегреческая интеллигенция, также отличались рядом особенностей. Греческие монархии ахейского времени сохраняли в своих общественных институтах многие установления, защищавшие личность и достоинство свободного общинника. Войны с дорянами завершились крушением этой формы раннеклассового государства, и на смену монархиям в XI — IX вв. пришли республики — полисы с коллективными, аристократическими или демократическими, формами правления. В стране появилось множество небольших самоуправляющихся полисов. Принципы полисной автаркии и автономии открыли широкие возможности для возникновения слоя специалистов интеллигентного профиля в пределах каждого гражданского коллектива. Потребность в собственных землемерах, законооведах, судьях, чиновниках, учителях, архитекторах, строителях и прочих специалистах обусловила неуклонный рост числа образованных людей. По мере усложнения полисной государственности нужда в кадрах интеллигенции усиливалась. В этом же направлении действовали и другие факторы — увеличение размеров старых полисов и возникновение множества новых республик, в том числе и на периферии греческого мира.

Особенностью полисной интеллигенции была не только ее относительная многочисленность. Принципиально новым для эпохи рабовладельческих отношений было то, что образованные специалисты Греции работали на весь гражданский коллектив, тогда как в монархиях они обслуживали преимущественно царя и его приближенных.

Особенностью полисной интеллигенции была не только ее относительная многочисленность. Принципиально новым для эпохи рабовладельческих отношений было то, что образованные специалисты Греции работали на весь гражданский коллектив, тогда как в монархиях они обслуживали преимущественно царя и его приближенных.

¹⁹ Согласно общим представлениям того времени, Асклепий выучился врачеванию не сам, а получил знания от существа божественного происхождения, кентавра Хирона, сына Кроноса. Мудрый Хирон был сведущ и в других отраслях знаний.

²⁰ Примечательно, что Фукидид рассматривает отход образа жизни эллинов от сходных обычаев варваров как процесс в хозяйственной деятельности народа, занявший длительное время (*Thuc.*, I, 5-6).

Будучи сами полноправными членами этого социального организма, интеллигенты, как граждане своего полиса, трудились на пользу государства не за страх, а за совесть. Полновластие полиса в отношении отдельных граждан накладывало серьезный отпечаток на всю систему связей государства и интеллигенции.

Детальный контроль, которому полис издавна и постоянно подвергал деятельность своих должностных лиц, распространялся и на труд представителей интеллигентных профессий — врачей, строителей, поэтов, артистов²¹. Это особенно повышало требовательность каждого профессионала к своей работе — иначе он мог подвергнуться публичному осуждению и даже суровому наказанию. А это грозило лишением работы.

Внимание всего гражданского коллектива к качеству работы своей интеллигенции²² засвидетельствовано многочисленными древними документами. Поэтому трудно согласиться с мнением Г. Бенгтсона, считающего, что «греческие города-государства²³ не знали планомерной заботы об искусстве и науке». Автор совершенно упускает из виду то, что науки и искусства в греческом полисе в значительной мере были поставлены на службу самому полису, обеспечивая его жизнеспособность. Так, безопасность граждан зависела не только от состояния оборонительных сооружений. Боеспособность граждан-воинов во многом определялась качеством профессиональной и идеологической подготовки, которую они в юности получали в школах от своих учителей. Обсуждая в народном собрании качество работы учителя или проекта постройки, которая призвана возвеличить славу и мощь государства, греческий полис проявлял самую действенную заботу о творческой деятельности своей интеллигенции. Что же касается «планомерной заботы», то искать ее в политике античных обществ совершенно бесплодно, поскольку эта идея характерна для государственной практики много более позднего времени.

²¹ Процесс Фидия в Афинах (*Plut. Per.*, 31; *Diod.*, XII, 39) является одним из ярких ранних примеров.

²² В этом сказывается многообразие понятия «свободный гражданин греческого полиса». Как отдельная личность работник умственного труда подчинялся требованиям своего государства. Как активный участник в государственном управлении он осуществлял на практике эти же требования.

²³ *Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1960, S. 448.*

Активное и непосредственное участие работников умственного труда в государственной жизни и их тесное общение с согражданами придавали большой вес образованной части свободного населения. Сознание своего значения в обществе воспитывало чувство достоинства среди греческой интеллигенции. Подтверждающие это документальные свидетельства известны уже с VII в. до н. э., когда появляются подписи мастеров на своих произведениях. Назовем сигнатуру Евтикартида, гражданина Наксоса, исполнившего статую курiosa для храма Аполлона на Делосе²⁴. В VI в. обычай ставить свое имя широко распространился среди работников самых различных профессий. Известны многие сигнатуры вазописцев²⁵ и скульпторов, причем о своем авторстве заявляли не только крупные мастера, но и рядовые исполнители надгробных рельефов²⁶. Благодаря этому такие поздние писатели, как Плиний и Павсаний, смогли привести в своих трудах множество имен художников VII—I вв. до н. э.

Сознание гражданского достоинства было присуще не только работникам искусства. Любопытна надпись греческих воинов в Абу-Симбеле, высеченная около 589 г. до н. э.²⁷ Этот документ свидетельствует, что у Псамметиха II служили не только простые эллины, хорошо понимавшие значение своего участия в далеком походе в Нубию.

Уважение греческого общества к труду образованного работника²⁸ сказалось и в том, что именно в Элладе возник литературный жанр биографии частного человека. Рассказы о жизни политиков или деятелей культуры, сначала передававшиеся в устной традиции, а затем ставшие обособленным разделом литературного творчества, содержат немало важнейших сведений. Однако эллины проявляли и критичное отношение к своей интеллигенции.

²⁴ *Чубова А. П. Словарь...*, № 319.

²⁵ Ряд художников, расписывавших вазы в Коринфе, писали свои имена еще в VII в. — Аристоноф, Тимонид, Харес. См.: *Блаватский В. Д. История античной рас...* с. 300-302.

²⁶ *Guarducci M. Epigraphical Appendix.— Trj: Richter G. M. A. The Archaic Gravestones of Attica. L., 1961, p. 155—172, N 34, 35, 53, 67.*

²⁷ *Syll.*³, N 1.

²⁸ Уже Аристофан рисует в «Облаках» Стрепсиада глубоко убежденным во всемогуществе образованного человека.

Это можно проследить хотя бы по поэтическим произведениям. В греческих эпиграммах наряду с проникновенными стихами о гениальных творениях лучших мастеров²⁹ нередко встречаются и иронические, даже саркастические оценки деятельности различных работников умственного труда³⁰. Особенно доставалось плохим преподавателям и врачам³¹.

Критика сограждан, равно как и более или менее постоянная конкуренция внутри каждой профессиональной группы населения полиса, активизировали деятельность работников умственного труда. Полноправные члены класса свободных, они стремились использовать те возможности, которые существовали в рабовладельческом обществе Греции. Несомненно, что выработанное в демократическом полисе понятие о наилучшем гражданине как о совершенном человеке — *καλό: καγαθός* — оказало самое положительное воздействие на свободу творческой мысли эллинских интеллигентов. Они не знали той мелочной и угнетающей опеки, которую приходилось испытывать специалистам, находившимся на службе у монархов.

Особенно важно то, что полисной интеллигенции был совершенно не свойствен дух сервиллизма, который особенно заметен в творчестве поэтов и писателей, группировавшихся при дворах персидских, а затем и эллини-

²⁹ Необходимо отметить, что не только античные поэты, но и прозаики неоднократно высказывались о творениях своих современников. В этих суждениях ярко раскрывается не только содержание памятников, но и глубина восприятия художественных образов лучшими умами того времени. Например, бронзовая скульптура Мирона, изображавшая телку и стоявшая в Афинах, была воспета многими поэтами древности. Цицерон также причислял это произведение к выдающимся произведениям ваятелей (*Cic. In Verr.*, III, 60).

³⁰ В приписываемом Платону диалоге «Эриксий» развивается мысль о том, что высокообразованный человек, например грамотный капитан корабля или знающий врач, гораздо более ценен и полезен, чем самые большие материальные ценности (*[Plato]. Erys.*, 394e). Следовательно, вопрос о знающем или невежественном профессионале занимал общественное мнение эллинистической Эллады в то время, когда неизвестный философ писал «Эриксия».

³¹ Напомним эпиграмму самосского поэта Гедила (акмэ около 270 г. до н. э.), в которой высмеивался лекарь Агид: он только вошел к пациенту и даже его не трогал, но больной тотчас умер (*AP*, XI, 125).

стических царей³². Квалифицированный специалист Греции был подчинен власти законов того полиса, где он работал. Часто он даже заключал с полисом договор о выполнении того или иного задания, и эти документы выставлялись на всеобщее обозрение³³. В ежегодных отчетах должностных лиц часто упоминались имена тех образованных профессионалов, которые трудились на службе полиса. Таким образом, законы и писанные установления полиса являлись верховным авторитетом при определении значимости труда представителей самых различных интеллигентных профессий.

Гласность, сопровождавшая деятельность греческой интеллигенции уже с VIII—VII вв., способствовала не только апробации хорошей работы квалифицированных специалистов. Она всегда служила тому, что общественное мнение не забывало и недобросовестных работников. Документальная аттестация положительного отношения полиса к труду своих интеллигентов, которая в большом числе уже в V в. поступала в каменные архивы греческих государств, способствовала быстрому распространению сведений о репутации отдельного специалиста или даже целой школы ученых. Официальное признание достоинств людей науки и искусства укрепляло уверенность греческого интеллигента в необходимости своего труда и давало импульс дальнейшему развитию творческих сил всего народа.

Таким образом, практика полисной государственной жизни способствовала отбору более качественных работников и некоторому очищению контингентов интеллигенции от неполноценных профессионалов. В условиях развивающейся специализации, особенно заметной в общественном производстве IV—II вв., отмеченное явление

³² Конечно, материальная обеспеченность придворных ученых была выше, чем полисных интеллигентов, но это положение могло иногда быстро меняться.

³³ Пожалуй, одним из самых ранних документов этого рода следует считать довольно простой критский договор о найме писца в VI в. до н. э. (*Effenterre H. Van. Le contrat de travail du scribe Spensitios.*—ВСН, 1973, ХСVII, р. 31-46). Но уже в IV в., как свидетельствует надпись из Беотии — эрифрейский договор об осушении болота в Птехах (*Dareste-Haussoullier. Recueil*, N 144), правовые нормы, регулировавшие отношения полиса и нанимаемого им специалиста, были разработаны очень детально и отличались большой точностью. Такие документы нередко публиковались на монументальных стелах.

должно было весьма содействовать общему углублению знаний.

Надлежит отметить еще и то, что интенсивная деятельность работников умственного труда укрепляла репутацию полиса, что приносило ему определенные экономические выгоды. Слава Афин как школы философии или Коса как центра лечения и обучения медицине привлекала в эти города множество состоятельных людей, что укрепляло денежное хозяйство полисов.

Не касаясь содержания научной деятельности греческой интеллигенции, напомним все же о выдающейся роли работников умственного труда в создании идеологических концепций самых различных направлений. Этот важный фактор развития идеологии рабовладельческого общества получил в VII—III вв. яркую и богатую теоретическую разработку именно благодаря тому, что в Элладе был достигнут очень высокий общий уровень знаний. Успехи в естественных науках обусловили появление материалистических воззрений, боровшихся с идеалистическими представлениями о природе и о человеческом обществе. Как известно, греческая интеллигенция принимала самое активное участие и в философской полемике и в политической борьбе партий внутри полисов.

К сказанному следует добавить еще одну важную особенность античного ученого — его универсализм. Ученый грек очень рано выступает как многогранный специалист. Архитектор был одновременно и строителем, и механиком. Философ соединял в себе математика и социолога — блестящим примером может служить Платон. Лечащий врач очень часто был и фармацевтом.

Гениальным ученым-энциклопедистом был Аристотель. Следует назвать также и его ученика Теофраста (ок. 372/369—288/285), который считается основателем ботаники. Но помимо фундаментальных работ «Об истории растений» и «О происхождении растений» Теофраст написал исследования по метеорологии, минералогии, психологии, метафизике, истории философии, риторике, эстетике и даже разрабатывал проблему наилучшего управления полисом.

Совершенно естественно, что универсализм мог быть присущ лишь той части специалистов, труд которых носил творческий характер. Служивая интеллигенция, занятая исполнительской работой во все более усложняющейся системе внутригосударственной и межполисной жизни,

не всегда могла достичь высоких норм греческой образованности. Тем не менее косвенное воздействие на современные им образованные круги магистратов крупнейшие умы все же, видимо, оказывали.

Отметим еще одну особенность, способствовавшую активной консолидации древнегреческой интеллигенции как особого общественного слоя. Благоприятный для работников умственного труда климат создавался в полисах не только потому, что их деятельность была необходима гражданскому коллективу. Здесь сказывался тот гуманизм эллинского мировоззрения, который нашел столь яркое выражение в искусстве и литературе древних греков. Рационалистическое творчество эллинской интеллигенции никогда не было направлено на разработку догм, противоречащих гуманности. В такой среде деятельность работников умственного труда протекала весьма эффективно. Огромный научный потенциал, который был выработан греческими интеллигентами в VII—IV вв., выразился не только в обширном духовном наследии классики, переданном эллинистической Элладе. Он придал особую силу небольшому греческому народу в сложных политических событиях IV—II вв. до н. э.

ОБРАЗОВАННЫЕ СЛОИ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПОЛИСАХ ГРЕЦИИ

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Ко времени установления македонского владычества в 338 г. Греция, как известно, выработала высокую и многостороннюю культуру. Во всех окружающих странах авторитет эллинов в области образованности и художественного творчества был общепризнан¹.

Естественно, что история культуры Греции в III—II вв. представляла собой дальнейшую разработку и сохранение обширного наследия предшествующих столетий, а также творческое осмысление массы новых явлений, проникших в жизнь Эллады в эллинистическую эпоху. Эти задачи могли быть выполнены прежде всего потому, что страна располагала многочисленной интеллигенцией. Источники свидетельствуют не только о большом числе работников умственного труда, но и о весьма далеко зашедшем обособлении различных отраслей науки в эллинистической Греции.

Если обратиться к разделу чистой науки, то можно отметить следующие ветви познания:

изучением Вселенной занимались астрономия и физика;

изучением Земли — география, климатология и минералогия;

¹ Активная деятельность греческой интеллигенции в соседних монархиях сыграла большую роль в том конкретно-историческом процессе, который происходил в ряде древних обществ в конце IV — конце I в. до н. э. — периоде, именуемом эпохой эллинизма. О сути этого периода см.: *Зеллин К. К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма. — СА, 1955, XXII, с. 99—108.

изучением обитателей Земли — ботаника, зоология, антропология и медицина;

все, что связано с деятельностью человека, изучали механика, математики, философы, историки.

Еще более разветвленными были отрасли прикладного знания: архитектура, строительное дело, судостроение, навигация, землемерное дело, инженерное дело и пр.

В области художественного творчества следует назвать художников, скульпторов, короoplastов, резчиков-ювелиров, мозаичистов, поэтов (в том числе драматургов) и прозаиков.

К этому следует добавить ряд интеллигентных специальностей преимущественно исполнительского характера. Это учителя, риторы, рапсоды, музыканты, актеры, стенографисты, писцы, экономеры и т. д.

Конечно, далеко не каждый полис имел среди своих жителей представителей перечисленных выше дисциплин и искусств. Тем не менее общественный вес интеллигенции в населении страны в 336—146 гг. был, несомненно, весьма значителен².

Поскольку подавляющая часть интеллигентов добывала средства к существованию только умственным трудом, их следует отнести к категории работников наемного труда. В силу специфики своей работы образованное эллинство концентрировалось в наиболее крупных городах. Развитие преподавательской деятельности содействовало появлению первостепенных научных центров. Благодаря этому некоторые города обладали весьма значительной прослойкой интеллигенции.

Отмеченная демографическая особенность неоднократно давала о себе знать во время катастрофических событий изучаемого периода. Вместе с остальным городским населением люди умственного труда часто оказывались вовлеченными в происходившие важные исторические события быстрее, чем, например, селяне горных деревень Эпира или Аркадии. Это относится как к служилой интеллигенции, так и к лицам свободных профессий.

Многочисленность интеллигенции в полисах делала изучаемый общественный слой важным фактором во вну-

² Судя по вопросам, которые Сократ задавал юному собирателю книг Евфидему, в Афинах в его время наиболее частыми профессиями, требовавшими книжного знания, были врач, архитектор, землемер, астроном, рапсод (*Хел. Мет.*, IV, 2, 10). Примечательно, что в этом перечне отсутствуют судья и учитель.

тренней жизни народа. Отмеченное обстоятельство тем более значительно, что для эллинистической эпохи в Греции характерна большая нестабильность как в области экономики, так и в политической жизни страны.

Обострение социальных противоречий и расширение сферы применения рабского труда вели к дальнейшему усложнению отношений внутри класса свободных. Напряженная идеологическая борьба в полисах и история ряда социальных движений в 336—146 гг. уже получили освещение во многих исследованиях, поэтому нет надобности подробно говорить о конфликтах между имущими и неимущими свободными или о различных проявлениях борьбы рабов с рабовладельцами. Необходимо, однако, отметить то обстоятельство, что если в V—IV вв. острые социальные вспышки происходили по большей части в давних крупных ремесленно-торговых и мореходных центрах, то теперь они возникали и в полисах, известных преимущественно аграрным характером. Кроме того, в ряде случаев теперь совместно выступали обездоленные свободные и рабы (ярким примером является движение в Спарте, возглавленное Набидом), что придавало социальным столкновениям более общий характер и еще больший размах.

Греческая интеллигенция в изучаемое время активно участвовала в борьбе партий, существовавших тогда в полисах. В массе работники умственного труда принадлежали к средним слоям гражданства, но нередко они входили в самую привилегированную группу населения полиса. Логика такого общественного положения требовала от интеллигентов-профессионалов активной политической деятельности. История Греции V—IV вв. знает немало ученых, обращавших свое внимание на государственную практику и теорию. Упомянем хотя бы Протагора, который лично участвовал в организации Фурий, помогая Афинам создать там демократический полис. Глубоко анализируя современную ему государственную практику, Протагор разработал ряд важных законов для Фурий, которые должны были гарантировать силу и сохранность демократических установлений в этом полисе Южной Италии.

Работавший во второй половине V в. в Пирее, Фуриях и на Родосе архитектор Гипподам составил проект наилучшего государственного управления. О нем говорит Аристотель, подчеркивая, что Гипподам был первым частным гражданином, не магистратом, который создал свою

теорию лучшего полисного устройства (Pol., II, 5, 1, 1268).

Политические учения о государстве и гражданстве, разработанные Сократом, Платоном и Аристотелем, ярко свидетельствуют об огромном внимании греческой науки IV в. к проблемам построения и существования рабовладельческого государства, будь то аристократическая или демократическая республика. Эти традиции прослеживаются в общественно-политических работах ученых III—II вв. и в их практической деятельности.

Упомянем фундаментальный труд Феофраста о том, «Как наилучшим образом устроить государство» — „Πὼς πόλις ἀριζῶν διοίκοιτο", отрывки которого были найдены в начале 1930-х годов. В сохранившихся на двух листах приблизительно 280 коротких строках речь идет о тех требованиях, которым должны удовлетворять управлявшие полисом магистраты³. Феофраст пишет не только о знаниях и профессиональных навыках государственных чиновников, но и о тех высоких моральных качествах, которыми должно обладать лицо, облеченное государственной властью в полисе.

В повседневной политической жизни в борьбу между демократией и олигархическими группами гражданства вовлекалось, как и в предшествующие столетия, большое число лиц интеллигентных профессий. Но в исследуемое время появилось еще одно течение в идеологических воззрениях образованного эллинства. Оно было обусловлено тем, что в эллинистической Греции существовала прослойка работников умственного труда, находившихся в рабском состоянии. Раб-интеллигент относился безразлично к разногласиям между демократией и олигархией внутри свободного населения. Мысли этой группы интеллигенции были направлены на уничтожение общественных институтов, узаконивших бесправие рабов. Поэтому политические взгляды образованных рабов объединяли их с другими группами порабощенных тружеников и с обездоленной, беднейшей частью свободного населения. Действительно, в истории социальных взрывов изучаемого времени роль выходцев из рабской интеллигенции была довольно заметной.

³ Aly W. Geschichte, Methode und Aufgabe der Palimpsestforschung.— Forschungen und Fortschritte 303; Rostovtzeff M. SEHWW, p. 1379—1380.

Некоторые данные источников позволяют заключить, что среди интеллигенции, выступавшей на стороне активно протестовавших сил, встречались выдающиеся умы.

Уместно вспомнить рассказ Полибия (XIII, 7) о машине, которая применялась тираном Набидом (207—192) для умерщвления богатых граждан, отказывавшихся давать ему деньги. Это был автомат (εἰδωλον) в виде женщины. Полибий даже высказывает сомнение, можно ли называть его машиной. Судя по описанию, «идол» самостоятельно передвигался и с помощью особого устройства душил жертву в своих объятиях. Создание такого автомата было, несомненно, делом рук выдающегося механика, работавшего в Спарте в годы правления Набида. Этот неизвестный конструктор, очевидно, хорошо знал труды Архимеда и других современных ему ученых, разработавших идею автоматических механизмов. Конечно, рассказ аркадца Полибия отражает его крайне враждебное отношение к Набиду. Но в основе этой традиции могли лежать действительные сведения о применении какого-то особого устройства для казни политических противников тирана Спарты. Так как знаменитый мегалополит счел необходимым ввести в свою историю этот эпизод, относящийся к годам его молодости, то мы склонны видеть в данном свидетельстве отзвуки предания об одной из форм конкретного участия интеллигенции в сложной социальной борьбе в Пелопоннесе на рубеже III и II вв.

Напряжение социальных отношений в стране резко возрастало, как только в судьбы греков вмешивалась та или иная чужеземная сила. А это означало, что все более широкие пласты образованного эллинства включались в важнейшие военно-социальные события. Но обострялись не только социальные конфликты.

В духовной жизни страны, теснимой со всех сторон более сильными противниками, теперь появились новые проблемы. Катастрофическое положение федеративной Греции, которую опустошали мощные военные армии и флоты различных неприятелей (напомним, что и эллинистические монархии, и Рим были централизованными государствами, что во много раз утяжеляло силу их ударов как военных, так и дипломатических), поставило со всей остротой вопрос о существовании эллинского народа. Междоусобицы больше уже не являлись лишь внутренним делом эллинов — они ставили под угрозу существование

всей Эллады, открывая путь к вторжению чужеземного завоевателя.

В этих чрезвычайно тяжелых политических условиях перед греками вставала задача защищать себя от иноземцев. И здесь следует выделить два аспекта, как нам кажется, тесно связанных между собой,— политический и этнический.

Длительная государственная жизнь Эллады позволила выработать стройную политическую этику. Ее основным положением было понятие об автономном и автаркичном (самоуправляющемся) полисе, свободные граждане которого повинуются законам. Разумное понимание законов, определяющих и обеспечивающих существование гражданина и полиса, было одним из требований греческой философии.

Сократ, критически относившийся ко многим установлениям Афин, настаивал на необходимости повиноваться государственным законам, даже в тот самый день, когда он по приговору суда должен был выпить чашу с ядом. Теории Аристотеля, создавшего учение о естественном возникновении государства и о том, что человек, пренебрегающий законами и правом, является наихудшим существом (Pol., I, 2, 1253 a1 — a35), во многом способствовали тому, что греки утвердились в мысли о превосходстве их республиканского государственного строя над монархическими системами варварских государств. Отсюда же выросло убеждение в особенных качествах народа эллинов, подкрепляемое сравнением сложной и утонченной греческой культуры с культурой соседних стран. Нет нужды приводить многочисленные данные источников о распространенности этого мнения в Греции. Даже Полибий, столь усердно хваливший римлян и обличавший многие недостатки эллинов (особенно сторонников этолян), не мог не отметить оговорочных людей (V, 90, 8).

Поражения, которые терпели на полях сражений отдельные полисы или их союзы, воспринимались как гибельные для свободы эллинов, а вместе с тем и для всей Эллады. Это должно было вызвать протест самых различных кругов населения страны и, как естественное следствие, подъем этнического самосознания всего народа. Данное явление уже было отмечено исследователями, изучавшими различные его аспекты. Яркие страницы посвятил эл-

линскому единству М. И. Ростовцев⁴, отметивший, что оно явилось органическим развитием греческой жизни и мысли в эллинистический период. При этом, одним из наиболее важных способствующих факторов М. И. Ростовцев называет «мобильность греков». В этом с ним согласиться невозможно — дело не в мобильности. Главной причиной стремительного осознания эллинской общности в III—II вв. была, несомненно, постоянная военная угроза, обострившая чувство этноса в различных землях Греции.

Естественно, что стремление защищать эллинство проявилось и в особой заботе о сохранении эллинской культуры. Выполнение этой задачи ложилось в первую очередь на людей умственного труда.

Следует сразу напомнить, что идеи общности эллинства уже давно развивались в научной литературе греков. Уже Фукидид в первой книге своего труда четко сформулировал мысль о единстве Эллады; он указал на общность эллинов, проявляющуюся в самых различных областях жизни народа (например, общегреческие правовые нормы. — III, 59, 1).

В публицистической литературе следующего столетия идеи панэллинизма играли весьма важную роль. Греческий интеллигент любой профессии, читая речи Исократы, Демосфена и менее известных ораторов, проникался мыслями о том, что этническое единство эллинов гораздо более важно, чем автономия отдельных полисов.

И теперь, когда страна не имела достаточного военного потенциала, чтобы защищать себя от иноземных вторжений, чуть ли не единственной областью, где она смогла сохранить свой престиж, оказалась сфера культуры. На этом поле Эллада выставила множество высококвалифицированных бойцов и их силами сумела одержать моральную победу над завоевателями: была сохранена и умножена богатая научно-культурная греческая традиция. Это позволило народу пройти через многие испытания эллинистической эпохи.

Попутно заметим, что современная историография не дала еще исчерпывающего анализа всех особенностей ситуации в Греции в период от 336 до 146 г. Освещая историю эллинов, исследователи касаются отнюдь не всех аспектов жизни народа в это время.

⁴ *Rostovtzeff. M. SEHNS*, p. 1108—1115.

Самому тщательному изучению были подвергнуты социальные и экономические процессы. Но их непосредственная зависимость от столь важного политического фактора, каким были тогда войны, подчеркивается недостаточно. Например, М. И. Ростовцев, характеризуя хозяйство Греции в III в., отмечает ряд причин, подтачивавших благосостояние страны. Это постоянные войны, соперничество Востока, упадок экспорта и уменьшение покупательной способности внутреннего рынка. По мнению М. И. Ростовцева, это был медленный процесс, едва понятный современникам, к тому же он охватывал различные области Греции неодновременно⁵.

Трудно согласиться с тем, что постоянные войны были фактором, действовавшим медленно. Столь же спорна постановка таких войн в один ряд с соперничеством Востока и упадком экспорта. Ведь два последних обстоятельства затрагивали лишь некоторые слои общества, что же касается основного социального слоя — свободного населения деревни, — то на его положении соперничество Востока могло сказываться лишь косвенным образом. Напротив, военные действия на территории Эллады обрушивались своей тяжестью прежде всего на сельских жителей. Порча полей, созданных руками многих поколений сельчан, уничтожение посевов⁶, рабочего скота и орудий труда должны быть обязательно приняты во внимание историками. Наиболее губительным было физическое уничтожение обитателей страны на протяжении почти двух веков, т. е. времени жизни 6—7 поколений. К тому же природные ресурсы Эллады не отличались никогда изобилием, почва Эллады всегда требовала приложения упорного труда. Поэтому необходимо именно военный фактор выделить особо как главную причину тяжело-

⁵ *Ibid.*, p. 210.

⁶ Весьма показательно то, что в представлениях греков эллинистического времени защита города и его сельской территории стали почти равновеликими задачами. Например, в афинских декретах второй половины III в. несколько раз встречается упоминание о сборах средств для охраны хоры. Наиболее красноречиво постановление афинян около 232/1 г., в котором объявляется сбор пожертвований для спасения отечества и охраны хоры (*Syll.*, N 491). Поскольку в этом декрете прямо говорится об урожае с полей, термин «хора» здесь должно понимать не как «страна» вообще, но как «поля». О датировке надписи см.: *Соколов Ф. Ф.* Афинское постановление в честь Аристомаха Аргосского. — Труды Ф. Ф. Соко-

го состояния, в котором находилась эллинистическая Греция.

Справедливость требует отметить, что далее М. И. Ростовцев, анализируя истоки глубокой депрессии, которую переживала значительная часть населения страны в конце III — начале II в., указывает на войны как на важнейшую причину отмеченного явления.

Точно так же и А. Б. Ранович хотя и признает, что военные действия привели к тому, что упадок Греции носил общий характер, все же полагает, что только войнами объяснять тяжелое положение Греции между 225 и 146 гг. было бы неправильно, так как «войны и их характер сами были производными от общего кризиса, который переживала Эллада...»⁸. Но возник ли бы тогда «общий кризис Эллады», если бы не военные поражения, — об этом исследователь⁹ не говорит. Более того, вслед за М. И. Ростовцевым А. Б. Ранович детально описывает ряд земель Греции, которые или с успехом использовали новую политическую ситуацию (Родос, Делос), или продолжали благополучно существовать на основе давнего крепкого хозяйства (Самос, Мессена)¹⁰. Следовательно, говорить об общем кризисе Эллады неправомерно.

Особенно трудно нам согласиться с позицией тех ученых, которые при изучении эллинистического периода почти совсем обходят молчанием конкретную историю Греции или считают ее малозначащей. Конечно, возникновение и существование эллинистических монархий представляет совершенно новый в Средиземноморье исторический феномен, различные аспекты которого чрезвычайно обогатили исторический опыт человечества. Но было бы глубоко неверно, ретроспективно зная о неудачном исходе борьбы Эллады с завоевателями, отбрасывать как нечто малозначительное конкретную историю ее небольшого народа. А между тем увлечение исследователей событиями из истории крупных держав и мелких царств, возникших из обломков империи Александра, приводит их иногда к совершенно неверным выводам. Так, Г. Бенгтсон перенес все свое внимание на эллинистические монархии и Рим, исходя из того, что для Греции время полисов уже

⁷ Rostovtzeff M. SEHWW, p. 625—627.

⁸ Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М. 1950, с. 242, 275.

⁹ Rostovtzeff M. SEHWW, p. 211—247.

¹⁰ Ранович А. Б. Указ. соч., с. 276—285.

«окончательно миновало»¹¹. Но ведь даже потерявшие политическую независимость многие греческие полисы сохранили или экономическое, или культурное значение. Сам Г. Бенгтсон вынужден признать важность второго фактора: обращаясь к изучению эллинистической культуры, он говорит о «мировом ли»¹².

К тому же нельзя безоговорочно утверждать, что время полисов уже окончательно миновало. История таких полисов, как Родос¹³ или Фасос¹⁴ в III в. до н. э. или Коринф¹⁵ во II в., показывает, сколь велика была жизнеспособность этих автаркичных государств, позволившая им достичь значительного благосостояния и политического значения в изучаемое время, несмотря на постоянную внешнюю угрозу. Даже в Афинах длительное политическое подчинение римским интересам¹⁶ не полностью уничтожило все сферы полисной жизни — в области культуры они продолжали сохранять роль панэллинского центра науки и ревностно поддерживали свою монополию. Например, Афины очень долго не допускали в свои гимназии иностранцев: неафиняне появились в эфебических надписях лишь после того, как объяснял это обстоятельство «национализмом» Афин¹⁷. Однако нам кажется, что здесь проявились заботы полиса о поддержании своей монополии в области образования. Ведь понятие «монополия» было сформулировано именно

¹¹ Bengtson H. Griechische Geschichte. München, 1960, S. 442.

¹² Ibid., S. 443-460.

¹³ Rostovtzeff M. SEHWW, p. 676—693.

¹⁴ Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. T. De la fondation de la cite a 196 avant J.-C. P., 1954, p. 435—437.

¹⁵ Ведущая роль Коринфа в Ахейском союзе и его энергичная борьба против Рима, прекратившаяся лишь после 146 г., когда полис был взят и разрушен консулом Луцием Муммием (Paus., VII, 11—17), убедительно свидетельствуют о большом внутреннем потенциале республики коринфян.

¹⁶ История Афин в эллинистическое время получила весьма детальное освещение в труде: Шевелев С. А. Из истории Афин, 229 — 31 годы до Р. Х. СПб., 1898. Автор отмечает, что Афины сохраняли почетный нейтралитет по отношению к Риму в некоторые периоды изучаемой эпохи. Но и в этот период заметны усилия полиса упорядочить свою систему управления. В. Фергусон указал на серьезные изменения в 323—294 гг. и особенно после 166г. до н. э. См.: Ferguson. Hellenistic Athens, p. 471.

¹⁷ Rostovtzeff M. SEHWW, p. 1505.

греками, так что афиняне вполне понимали важность своей позиции крупного научного центра.

Недостаточное внимание к греческой истории III—II вв. повлекло за собой искажение культурной истории Эллады. Мы имеем в виду весьма распространенное в историографии мнение, будто наука в эллинистическое время развивалась уже не в самой Греции, но образованными эллинами при дворах эллинистических монархов. Так, один из сторонников этой концепции безапелляционно заявляет, что политический упадок Эллады имел следствием снижение в ней умственной силы и оригинального творчества, что эллинистическая культура, искусство и наука достигли своего наивысшего расцвета не в полисах, но при дворах монархов¹⁸.

В пользу изложенного мнения часто приводится тот аргумент, что сама организация культурной жизни получила в эллинистических монархиях столь широкий размах, который был невозможен ранее в политически обособленных полисах¹⁹.

Изложенные взгляды представляются нам глубоко ошибочными. Конечно, материальные ресурсы Птолемея или Атталидов были много больше²⁰, чем, например, средства Феофраста, возглавлявшего Ликей в Афинах в течение 36 лет после смерти Аристотеля в 322 г. Но вряд ли в кругах придворных ученых царили та простота и свобода мышления, которыми славились научные школы Афин и других центров²¹. Кроме того, нельзя упускать из виду, что и в эллинистической Греции ряд полисов сохранял значение первостепенных академических центров своего времени²². Из этих научных школ вышло множество круп-

нейших ученых, прославивших своими трудами эллинистические дворы.

Признавая справедливость замечания о меньших материальных возможностях науки в эллинистической Греции, мы считаем необходимым указать на то, что греческая интеллигенция обладала огромным духовным наследством, которого не имели новые центры эллинистической культуры. Назовем традиции всестороннего образования каждого имущего гражданина и беспрепятственного развития самых различных отраслей знания, благодаря которым интеллектуальная жизнь Эллады в V—IV вв. достигла высочайших пределов.

И еще один важный фактор, способствовавший успехам греческой науки в III—II вв.: греческая культура продолжала свое развитие в условиях того же этноса и географической среды, что и прежде. Напротив, в эллинистических монархиях часть умственного потенциала должна была затрачиваться на преодоление различий между культурными традициями народов, которые входили в ту или иную монархию. Познание окружающей среды ставило перед учеными эллинами совершенно новые и разные задачи в Египте или в Малой Азии.

В заключение добавим, что ни в одной стране эллинистического мира разум человека не пользовался такой свободой от религиозно-догматического мировоззрения, какую продолжало сохранять рациональное мышление в греческом мире. Прямым результатом этого был расцвет многочисленных философских школ в эллинистической Элладе, тогда как в условиях монархических государств это оказалось невозможным²³.

ПОТЕРИ КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭЛЛАДЫ В III—II ВВ.

Интеллектуальную деятельность образованных специалистов Греции в III—II вв. нельзя рассматривать без учета действия тормозящих факторов.

²³ Нам представляется весьма интересным вывод Г. Ллойда о политике Птолемея в области науки, основанный на сообщении Филона Византийского. Ученый убедительно доказывает, что Птолемеи обращали большое внимание на необходимые им прикладные науки и лишь на те отрасли знания, которые могли принести им славу. Не каждый ученый мог получить покровительство этих венценосных меценатов. См.: *Lloyd G. E. R. Op. cit.*, p. 4—5.

¹⁸ *Bengtson H. Op. cit.*, S. 448.

¹⁹ *Ранович Л. В. Указ. соч.*, с. 280.

²⁰ Правда, не все исследователи готовы признать широкое финансирование ученых в эллинистических монархиях. Серьезные и убедительные сомнения по этому вопросу высказал Г. Ллойд (*Lloyd G. E. R. Greek Science after Aristotle. L., 1973, p. 2—6*).

²¹ Достаточно вспомнить принципиальность Эпикура, доверившего значительную роль в своей школе рабу Мису.

²² В этих республиках ученые и преподаватели, работая по много лет, создавали солидные местные научные традиции. Из этих очагов знания образованность широко распространялась и становилась доступной значительному числу граждан. Тем самым умножался культурный потенциал всей страны. Особо заметим, что труд в Ликее ученого такого класса, как Феофраст, помноженный на 36 лет его деятельности, должен был иметь исключительную эффективность для развития глубоких научных знаний,

Не последнюю роль, особенно в первые 30—40 лет после македонского завоевания, играли политические, а также психологические мотивы. В тех греческих полисах, где особенно сильна была антимакедонская партия, успехи Филиппа должны были вызвать огромную моральную депрессию. Психологический шок, сказавшийся на творческих силах всего народа, был испытан и значительной частью интеллигенции.

В самом деле, в 338 г. Эллада пережила беспрецедентное событие — подчинение македонской власти. Народ, не знавший чужеземного ига в течение более чем 18 веков и успешно защитивший свою независимость от полчищ персидских царей в 490, 480 и 479 гг., теперь должен был признать верховную власть царя Македонии. Авторитарная политика Филиппа в Греции была продолжена Александром, усиленная Александром, добившимся в 336 г. в Коринфе введения ряда жестких мер, сводивших к минимуму автономию и автаркию эллинских полисов. И хотя в договоре Александра с греками провозглашались свобода и самостоятельность всех греческих государств, однако в этом же соглашении содержались правила, подрубавшие самые главные устои древней самостоятельности эллинского полиса²⁴.

Имеющиеся источники позволяют лучше всего представить реакцию на эти события в среде афинской интеллигенции²⁵.

В 337/6 г., всего лишь два года спустя после битвы при Херонее, афинские правоведы добились принятия комиссией номофетов специального закона, который карал смертной казнью всякую попытку установить тиранию

24 Называвшийся *κοινή ἐπιθήνη καὶ συμμαχία* договор постулировал невозможность существовавших в полисах политических институтов и запрещал полисам производить передел земель, отпускать на волю рабов, возвращать на родину изгнанников или изгонять провинившихся граждан, а также осуществлять ряд других государственных акций без предварительной санкции созданного в Коринфе Союзного совета. См.: [Dem.] De foed. с. Alex., 10, 15, 16. Это было столь кардинальное нарушение истонной элевтерии и принципов автономии греческого полиса, что никакие экономические выгоды, вроде права свободного плавания, не могли смягчить утрату эллинов.

25 Острота восприятия происходивших тогда в Афинах событий тем более показательна, что македонские гарнизоны были поставлены Филиппом очень близко к Аттике: в Акрокоринфе, в Фивах и в Халкиде на Эвбее.

или уничтожить демократию в Афинах. Этот же закон запрещал членам булэ в случае гибели демократического строя подниматься на Ареопаг или собираться в синедрион или решать какие-либо государственные дела. Нарушивший закон советник (а также его потомки) подвергался лишению гражданских прав, имущество нарушителя закона подлежало конфискации²⁶. Этот великолепно сохранившийся государственный акт показывает, что демократическая мысль Афин быстро уловила опасность, которую таили замыслы политиканов, стремившихся к низвержению демократии, а также соглашательская позиция многих членов Ареопага. Активная борьба против демагогических уловок македонских монархов развернулась в полноту в Греции уже после 335 г. назван Псевдо-Демосфеновой (XVII) речи «О договоре с Александром», анализируя действия царя и его уполномоченных, с полной очевидностью доказывал афинянам враждебность македонской политики по отношению к эллинам. Можно только удивляться той пронизательности, какую проявили идеологи антимакедонской партии, подчеркивая принципиальную несовместимость идеи полисного государства с македонским владычеством²⁷. Несомненно, здесь сказалась давняя богатая практика политической борьбы демократии и аристократии в Афинах. Опытные государственные деятели хорошо разбирались в сложной ситуации.

И хотя молодой царь стремился получить официальное согласие самих греков — в Пилах он убедил синедрион амфикионов вынести общее решение о вручении ему гегемонии над эллинами (Diod., XVII, 4, 2), — это была лишь внешняя уступка формам государственной жизни Эллады. На деле *ἡ τῶν Ἑλλήνων ἡγεμονία*, переданная македонскому царю, означала поражение республиканской формы правления и подчинение ее монархической власти. Монархия в лице Александра получила особенно искусное зашитника: прекрасно зная греческое государственное право и сложные вопросы межполисной политики, этот воспитанник Аристотеля использовал многие институ-

26 Meritt B. D. Greek Inscriptions.— Hesperia, 1952, v. 21, N 5, p. 355-359.

27 Характерно, что уже в 336 г. Александр пытался придать македонской гегемонии черты традиционности: после смерти Филиппа он обратился прежде всего к фессалийцам, убеждая их поручить ему оставленную его отцом гегемонию над Элладой (Diod., XVII, 4, 1).

ты полисной жизни для укрепления своего господства в Элладе²⁸.

Можно полагать, что в каждом полисе проблемы взаимоотношений с Македонией волновали широкие слои населения, причем интеллигенция участвовала в дискуссиях самым активным образом.

Вмешательство персидской дипломатии должно было усилить накал политической борьбы. Послы Дария III, воцарившегося в 336 г., поддерживали антимакедонское движение греков не только речами, но и деньгами: 300 талантов были переданы в Афины²⁹, какие-то суммы приняли Спарта и, по-видимому, Фивы³⁰. Однако маневры Персии не могли иметь очень большого значения³¹, так как события нарастали с молниеносной быстротой. Восстание фивян летом 335 г., взятие города Александром осенью 335 г. и последующее свирепое наказание восставших ясно показали Элладе, что такое македонская гегемония. Немного позднее, в 331 г., выдающийся государственный и культурный деятель афинянин Ликург, сын Ликофрона, в своей речи против Леократа кратко и метко охарактеризовал судьбу Греции. Говоря о погребении воинов, павших в битве при Херонее, он сказал, что вместе с их телами была погребена и свобода всех других эллинов (Adv. Leocr., 154, 50).

Печальная участь фиванцев³² позволяет предполагать,

²⁸ К сожалению, подлинный текст договора греков с Александром не дошел до нас в целом виде. Кусок его, найденный в 1897 г. в Афинах (Tod. Selection, II, № 183), показывает, что фразеология документа была выдержана в духе греческой дипломатии. Что касается договора, заключенного с эллинами еще Филиппом осенью 338 г., то этот документ (Syll., № 260) в стк. 11—13 ставит царскую власть Филиппа на первое место, а греческие политейи — на второе.

²⁹ О персидском золоте, полученном Демосфеном, сообщают Эсхин (III, 239), Диодор (XVII, 48), Динарх (I, 10, 18). По сведениям Плутарха (Demosth., 20), афинский оратор выдал расписку в получении этих денег, и этот документ в Персии был передан Александру. П. Клоше, рассмотрев все данные, пришел к выводу, что окончательно решить вопрос нельзя и что в деле с этими деньгами Демосфен совершил ложный шаг (*Cloche P. Demosthenes et la fin de la democratie athenienne*. P., 1937, p. 264—298).

³⁰ Так можно заключить на основании: *Diod.*, XVII, 9, 5.

³¹ Нам кажется, что Г. Бенгтсон преувеличил роль персидских денег (*Bengtson H. Op. cit.*, S. 325).

³² Вместе с ними выступили аркадяне, элейцы и этоляне, Афины же не успели из-за деятельности промакедонских сил вступить в войну.

что противники Македонии во многих полисах подверглись преследованиям. В первую очередь это были наиболее известные государственные деятели и ораторы. Как сообщают многие авторы, Александр письменно потребовал от Афин выдачи ему Демосфена, Ликурга, Гиперида, Полиевкта³³, Харета, Харидема, Эфиальта, Диотима и Мироклея³³. Этот перечень показывает, что македонский царь хорошо знал лидеров враждебной ему интеллигенции и придавал большое значение их деятельности в Афинах. По-видимому, это требование царя вызвало нежелательную для Македонии реакцию среди широких кругов демоса. Даже такой активный защитник македонских интересов, как Демад, выступил перед царем в защиту своих соотечественников. Александр смягчился³⁴ и удовольствоваться изгнанием одного лишь Харидема³⁴, который отправился прямо в Персию к Дарию III.

Это решение молодого царя полностью соответствует той линии поведения, которую он проявил в Фивах: из уважения к памяти Пиндара при расправе с восставшим городом дом поэта был сохранен, а его потомкам дарована пощада³⁵. В этих политических акциях Александра нужно видеть не только восхищение греческой культурой, но и определенное стремление привлечь образованное эллино на свою сторону. Иными словами, позиция греческой интеллигенции в глазах Александра была важным фактором в идеологическом завоевании Эллады.

События последующих 13 лет показали внушительную силу антимакедонской партии в Афинах, возглавлявшейся такими умами, как Демосфен, Гиперид, Аристоник, Гимерий и некоторые другие. Недаром Антипатр после победы над союзом эллинов при Кранноне в 322 г. двинулся со всеми силами на афинян. И хотя, по выражению источника Диодора, македонский стратег относился к этому полису благожелательно, продиктованные им условия отличались исключительной суровостью: отказ от демократии (право гражданства оставлялось лишь тем, кто имел имущества не меньше, чем на 2000 драхм), отправка «желающих» неимущих афинян катойками во

³³ *Diod.*, XVII, 15; *Arr. Anab.*, I, 10, 4-6.

³⁴ Этот талантливый полководец, уже в 360-е годы служивший различным политическим деятелям и впоследствии много раз воевавший против Филиппа II, был вполне достоин личной неприязни Александра.

³⁵ *Arr. Anab.*, I, 9, 10.

Фракию (таких изгнанников было более 12 тысяч), введение македонского гарнизона в крепость Мунихия (холм к востоку от Пирея), отдача Самоса и казнь названных выше ораторов³⁶. В тогдашней ситуации деятельность этих ярких идеологов антимакедонской интеллигенции представлялась Антипатру столь же опасной, как и существование демократического строя в Афинах.

Гибель Демосфена и других афинских политических деятелей нашла яркое отражение в исторической традиции³⁷. Можно лишь предполагать, что в каждом полисе происходили сходные явления, пусть в гораздо меньших масштабах, но также затрагивавшие наиболее активных общественных деятелей. Возможно, что физическое уничтожение противников македонского владычества имело место не столь часто³⁸. Но даже принудительный выезд из родного города, несомненно, широко применявшийся всеми завоевателями в III—II вв., должен был нанести огромный материальный и моральный ущерб многим представителям греческой интеллигенции. Указанные обстоятельства имели следствием сокращение общей численности людей интеллектуального труда.

Не одни только военно-политические причины вызвали «утечку умов» из эллинистической Греции. После того как более или менее определились границы владений диадохов и начался процесс внутренней консолидации эллинистических монархий, каждому из этих государств понадобилось большое число образованных специалистов самого различного профиля. Единственной страной, в которой имелись такие кадры и где была разработана продуманная система подготовки профессионалов различных категорий, была Эллада. Поэтому время между 281 и

³⁶ *Diod.*, XVIII, 18; *Plut. Demosth.*, 27; *Phoc.*, 26.

³⁷ *Cloche P.* Op. cit., p. 300—305.

³⁸ Однако вполне возможно, что в период ожесточенной схватки диадохов за господство над Грецией сменявшиеся довольно часто владыки ее энергично устранили приверженцев своих врагов. Показательна судьба Демада, этого давнего македонофила в Афинах: во время подчинения Афин Антипатру Демад вступил в переписку с Пердиккой, побуждая его как можно скорее переправиться в Европу и напасть на Антипатра. Последнему стали известны эти письма, найденные после убийства Пердикки в 321 г. И когда в 319 г. афиняне отправили послами в Македонию Демада и его сына Демеея хлопотать о выводе македонских войск из Мунихия, Антипатр казнил обоих (*Diod.*, XVIII, 48). По сведениям Плутарха, казнь была совершена по приказанию Кассандра (*Plut. Phoc.*, 30).

221 гг., названное М. И. Ростовцевым периодом равновесия сил³⁹, было для Греции не только временем многочисленных войн, внешних и внутренних, но и эпохой массового выезда эллинов на службу к царям соседних стран. Как справедливо отметил М. И. Ростовцев, большинство эмигрантов на Восток, в Египет или в азиатские страны эллинистического мира были профессионалами, образованными специалистами, знатоками какого-либо дела. Именно на таких людей был спрос в восточных монархиях, так как их труд в значительной мере обеспечивал благосостояние и усиливал политическую роль этих монархий⁴⁰. Действительно, их государственный аппарат был создан греками; эллины выступали в качестве руководителей в армии, флоте⁴¹, военном и гражданском строительстве. Детально рассмотревший вопрос о труде греческих интеллигентов в эллинистических монархиях М. И. Ростовцев отмечает замечательные успехи греческих интеллигентов в чужих странах. Например, реконструкцию и трансформацию государственного аппарата, особенно в птолемеевском Египте, он считает «одним из наиболее удивительных достижений греческого гения»⁴², свидетельствующим о его гибкости и приспособляемости. Этому способствовало то, что этот ум опирался на давнюю богатую практику полисной государственности, являвшейся по самим своим принципам гораздо более тонкой и сложной системой, чем государственность эллинистических монархий. Полис, основанный на законе, помог конструированию монархий, основанных на завоевании. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что столь обширный выезд людей умственного труда должен был нанести урон, и значительный, интеллектуальной жизни самой Эллады. Потерявшая многих квалифицированных специалистов, уезжав-

³⁸ *Rostovtzeff M.* SEHAW, p. 24—43.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 1077-1097.

⁴¹ Эллинистические монархи стремились создать самые благоприятные условия для работы греческих специалистов. Это касалось не только основных государственных привилегий, но и более мелких вопросов. Например, Птолемеи освобождали от соляного налога в Александрии ряд лиц интеллигентных профессий, явно эллинов. Это преподаватели грамматики, гимнастики и Дионисовы мимы, так же как и победители на играх, названные в *Pap. Hal.*, I, 260—265. См.: *Dikaiomata. Auszüge aus alexandrinischen Gesetzen und Verordnungen.* В., 1913, s. 167.

⁴² *Rostovtzeff M.* SEHAW, p. 1080.

ших в расцвете творческих сил ⁴³, страна, несомненно, испытывала какие-то отрицательные последствия этого процесса. К сожалению, исследователи обычно этим явлениям не уделяют должного внимания: яркая картина культурного расцвета крупных эллинистических царств затмевает более скромную интеллектуальную деятельность самой Эллады.

Трудно перечислить все профессии, представители которых работали вне пределов Эллады. Известны философы, писатели, учителя, юристы, врачи, военачальники, архитекторы, инженеры, скульпторы, художники, актеры, поэты. Столь же обширен и список стран, в которых находили применение своему уму и образованию греческие интеллигенты. Оставим в стороне Македонию, Пергам, Вифинию, Понт и западные земли царства Селевкидов: здесь греческие полисы существовали еще в VI—V вв., и из них эллинская образованность уже тогда распространялась на прилегающую территорию. Цари этих монархий следовали давней традиции, привлекая греческих интеллигентов ⁴⁴ на службу.

Данные о деятельности греческой интеллигенции в более отдаленных странах указывают на весьма обширное поле деятельности деятелей эллинской образованности. В Африке назовем Египет и Карфаген, в Азии — все территории царства Селевкидов, начиная от Сирии и вплоть до восточных границ этой монархии, далее Парфию и Бактрию. Вопрос об Индии еще не очень ясен. На западе, в Риме, греческие интеллигенты появились сначала из

⁴³ Очень глубоким представляется нам следующее наблюдение М. И. Ростовцева: греки в ранних эллинистических монархиях отличались оптимизмом. Занятые творческой работой, создающие новые материальные и духовные ценности, эти архитекторы, ученые, музыканты, художники и скульпторы были далеки от пессимизма. Они работали и испытали радость от успехов своего труда. (*Rostovtzeff M. SENHW*, p. 1095—1096). Здесь, как нам кажется, тонко обрисована психология интеллигента-профессионала, имеющего возможность широко развернуть свои творческие силы. К тому же более стабильное внутреннее положение в таких царствах, как Египет или Пергам, по сравнению с опустошаемой войнами Элладой, могло особенно способствовать расцвету творческой энергии греческой интеллигенции в эллинистических монархиях.

⁴⁴ Вопрос о том, является тот или иной специалист поданным царя или приехавшим из Эллады греком, имел значение лишь при каких-то особых обстоятельствах.

полисов Великой Греции ⁴⁵, затем сюда устремились пришельцы из полисов материковой Греции.

Работа на чужбине часто была весьма трудна, иногда же бывала сопряжена с большой опасностью. Особенно это касалось военных специалистов. Военная интеллигенция Эллады в период постоянных войн и междоусобиц эллинистического времени высоко ценилась повсюду. Греческие инженеры и военачальники часто играли заметную роль в крупных международных событиях того времени.

В качестве примера рассмотрим деятельность одного из крупнейших спартанских полководцев III в. — Ксанфиппа ⁴⁶, который спас Карфаген во время первой Пунической войны. Ксанфипп был высокообразованным и признанным специалистом. По словам Полибия, это был человек лаконского воспитания, в высшей степени искусный в военном деле. По приглашению карфагенян Ксанфипп прибыл в Карфаген в 255 г. в то самое время, когда римляне нанесли пунийцам ряд тяжелых поражений. У мыса Экном в Сицилии в морском бою карфагенский флот был разбит и потерял почти треть своих кораблей (94 из 350). После этой победы римляне высадились в Африке, взяли города Аспид (Клупеи) и Тунет и начали готовиться к осаде самого Карфагена (Polyb., I, 26—31). Командовавший римской армией в 256 г. консул Марк Атилий Регул был полностью убежден в своем безусловном превосходстве и предложил карфагенянам заключить мир, стремясь к тому, чтобы не затянуть осаду и чтобы вся честь победы досталась ему — срок его полномочий уже приближался к концу.

Однако римский консул поставил слишком жесткие условия, к тому же он не знал, что Карфаген уже давно отправил в Элладу посланцев для набора наемных солдат. Питая надежды на греческие подкрепления, карфагенский сенат (синедрион) отверг суровые условия Регула и продолжил военные приготовления. В это же время в Карфаген прибыли многочисленные греческие наемники. По-видимому, эллинские командиры поспешили изучить военную обстановку, причем особо важным был анализ, произведенный Ксанфиппом. Он узнал, при каких обстоятельствах пунийцы потерпели поражения, и

⁴⁵ Примечательно, что Тацит рассказывает о появлении греческой письменности у этрусков уже в VII в. — ее принес им грек Демарат (*Tac. Ann.*, XI, 14).

⁴⁶ RE, s. v. Xanthippos, N 9, Sp. 1348—1351.

подсчитал оставшиеся военные ресурсы Карфагена, в том числе его конницу и слонов. Сопоставив все данные, Ксанфипп пришел к выводу, что карфагеняне потерпели поражение не потому, что римляне были сильны, а из-за неопытности собственных военачальников. Свое мнение Ксанфипп изложил соратникам-эллинам. (Polyb., I, 32, 2). Можно полагать, что обсуждение положения и способа ведения предстоящих военных действий происходило на совете эллинских командиров.

Авторитетное суждение Ксанфиппа стало известно не только эллинам, но и всему населению Карфагена. Надежды на спасение вызвали большое воодушевление в народе. Власти города передали спартанскому полководцу командование всей армией.

В рассказе Полибия содержится некоторый намек на то, что чисто случайные обстоятельства позволили Ксанфиппу возглавить войска Карфагена в момент наивысшей угрозы городу. Однако нам представляется, что приглашение известного спартанского полководца в Карфаген и передача ему затем высшей военной власти явились результатом искусного маневра, задуманного и осуществленного какой-то группой внутри карфагенских верхов. Авторы этого разумного плана хорошо понимали необходимость коренной перестройки всего карфагенского войска по образцу наиболее известных своей боеспособностью греческих армий, успешно выступавших на службе у эллинистических монархов⁴⁷. Вероятно, здесь проявились разногласия между сторонниками традиционного способа ведения войны и какой-то активной группой, стремившейся к нововведениям.

Облеченный высшими полномочиями, Ксанфипп начал с того, что вывел войска за город и там провел ряд учений. Армия пунийцев впервые получила необходимую военную тренировку в соответствии с лучшими правилами тогдашнего военного искусства. Деятельность одаренного спартанца подняла боевой дух и народа, и правительства. Общее мнение было таково, что под командованием Ксанфиппа нечего опасаться римлян, необходимо идти против них. Из Карфагена выступило 12 тысяч пехоты, четыре тысячи конницы и почти 100 слонов.

⁴⁷ Известные ныне источники позволили М. Лонэ высказать мнение, что Спарта поставляла в чужие армии в основном командиров, а не рядовых воинов (*Launey M. Recherches*, p. 118).

Переход карфагенян в наступление вызвал среди римлян некоторую растерянность. Ксанфипп же решил не упускать удобного момента и убедил карфагенских военачальников начать сражение.

В этот решающий момент военные верхи пунийцев поступили весьма благоразумно: они передали всю полноту власти Ксанфиппу. Он же, приняв на себя командование (Polyb., I, 33, 6), построил войско таким образом, чтобы использовать те контингента своей армии, которые могли нанести римлянам наибольший урон, слонов и конницу. Ксанфипп точно рассчитал, что римляне серьезно опасались слонов, а их конница была весьма малочисленна по сравнению с пунийской.

В развернувшемся сражении стратегические замыслы и мастерство военачальника Ксанфиппа оказались гораздо более высокими, чем у его соперника — Марка Атилия Регула. Превосходство над римским было тем более очевидным, что они командовали весьма неравноценными армиями: консул Регул ввел в бой чисто римское войско, с которым уже одержал несколько побед, армия же Ксанфиппа состояла из разных контингентов, уже терпевших поражения и лишь недавно объединенных под командой чужеземца.

Ксанфипп одержал полную победу, потеряв около 800 наемников, видимо, одних только эллинов. Римляне же были разбиты наголову: большинство раздавлено слонами и конницей, около 500⁴⁸ легионеров вместе с консулом Регулом взяты в плен. Лишь несколькими манипулами удалось пробиться в Аспид; всего спаслось таким образом около 2 тыс. римских солдат. Это произошло в 255 г.

Завершая рассказ об этом важном событии первой Пунической войны, Полибий осторожно подчеркивает значение гения военачальника. Дипломатично обращаясь к древнему авторитету, он приводит слова Еврипида о том, что один мудрый ум побеждает множество рук. Так и теперь, продолжает историк, один человек и один лишь его мудрый замысел сокрушили непобедимые ранее войска⁴⁹ и вновь подняли государство, пришедшее в упадок.

⁴⁸ В периферии XVIII книги Ливия об этом позорном для римлян событии говорится кратко, но выразительно: «Атилий Регул... после того как карфагенянами был приглашен спартанский военачальник Ксанфипп, был разбит в сражении и взят в плен» (*Liv. Perioch.*, XVIII).

⁴⁹ *Polyb.*, I, 35, 4-5; *Кораблев И. Ш.* Ганнибал. М., 1976, с. 34.

Сдержанный тон Полибия, который объяснялся его проримской направленностью и стремлением доказать закономерность подчинения Эллады Риму, не должен вводить нас в заблуждение. Где-то в глубине души историк гордился победой эллинского ума. В отношении Полибия к Ксанфиппу проявляется в полной мере ложность положения греческого историка, перешедшего на сторону завоевателей его родины: он не осмеливается описывать подробно деятельность талантливого лакедемонянина, так как в Риме еще живы были воспоминания о длительной борьбе с пунийцами и о понесенных в ней потерях. Позор попавшего в плен консула Марка Атилия Регула был слишком чувствительной раной для римской гордости, поэтому Полибий старается поменьше говорить о личности доблестного эллина, противника Рима.

Упомянутый военный эпизод интересен тем, что наглядно демонстрирует столкновение двух военных школ — греческой и римской, столкновение, завершившееся победой эллинской стратегии. Это хорошо поняли сами римляне — недаром именно имя лакедемонского военачальника Ксанфиппа сохранилось в римской исторической традиции.

Рассказ Полибия позволяет понять, в сколь сложной обстановке разворачивалась в дальнейшем деятельность Ксанфиппа в Африке. Победа над римлянами, вызвавшая всеобщее ликование в Карфагене, имела результатом примирение групп, соперничавших в правительстве пунийцев. Дошедшая до Полибия традиция гласит, что в городе между партиями установилось согласие (Polyb., I, 36, 1). Можно думать, что забота о спасении родины заставила более консервативные круги совета старейшин пойти навстречу тем, кто настаивал на передаче командования карфагенским войском Ксанфиппу. С точки зрения господствовавших кругов всеобщий подъем можно было использовать для внутренней консолидации, а с другой стороны — для ослабления оппозиции в среде широких народных масс. Ведь в рассказе Полибия несколько раз упоминается народ — τὸ πλῆθος, οἱ πολλοί, следовательно, настроение масс оказывало определенное воздействие на правящие круги Карфагена. Уж кто-кто, а Полибий знал силу народных волнений, и если он упоминает о народе неоднократно, то значит, данный фактор был весьма ощутим, особенно в трудную пору войны. Победоносный грек в этих условиях должен был остро

чувствовать свою отчужденность. Действительно, античная традиция сохранила две версии о том, как горько пришлось Ксанфиппу в спасенном им Карфагене.

Одна, сохранный Полибием (I, 36), повествует, что Ксанфипп спустя немного времени после победы над Регулом отплыл из Карфагена. Полибий положительно оценивает этот шаг спартанского военачальника, называя его мудрым и верным, так как чужеземцу очень трудно преодолеть зависть и вражду.

Существовал более пространный рассказ о злоключениях Ксанфиппа, который изложил Диодор в не сохранившейся главе 30-й книги. О том же есть сообщение и Аппиана⁵¹. Это предание повествует, что карфагеняне пытались отправить Ксанфиппа домой на ветхом корабле, который должен был затонуть в море, но Ксанфипп пересел на другое судно и тем самым избежал смерти.

Поскольку Диодор, как сицилиец, хорошо знал историческую традицию, связанную с переходом Сицилии из-под власти Карфагена к римлянам, следует думать, что в этом рассказе содержится много⁵² истины. Да и Полибий также знает о второй версии⁵³. Других данных о судьбе Ксанфиппа пока нет. Оценивая его роль в войне между Карфагеном и Римом, не следует ограничиваться лишь признанием самого факта его победы. Примененный Ксанфиппом маневр с элевфантерией произвел столь сильное впечатление на римлян, что они несколько летне решались приближаться к карфагенским слонам⁵³.

Греческие полководцы, находившиеся на службе у эллинистических монархов, также довольно часто подвергались опасности не только на поле битвы, но из-за придворных интриг. Назовем этолийского стратега Феодота, который служил с (222—205). Судя по рассказу Полибия (V, 40), Феодот играл важную роль при захвате Келесирии египетскими

⁵⁰ Tzetzes. Hist., III, 356-388.

⁵¹ Appian. Bel. Pun., IV.

⁵² Polyb., I, 36, 4. Примечательно, что Полибий, говоря об отъезде Ксанфиппа, употребляет термин ἡ απαλλαγὴ — «избавление спасение, удаление». Следовательно, у историка имелись какие-то данные об опасностях, от которых Ксанфипп спасся. Дройзен предположил, что Ксанфипп в 246 г. служил у Птолемея III Эвергета (Дройзен ff. Г. История эллинизма. М., 1873, т. III, с. 165).

⁵³ Polyb., I, 39, 11-15.

войсками. Однако Птолемей не только не отблагодарил своего военачальника, но, вызвав к себе, едва не казнил его: видимо, только так можно понять слова Полибия о том, что Феодот едва не поплатился жизнью в Александрии. Естественно, что уцелевший каким-то образом этолиянин поспешил уйти от вероломного Птолемея IV. Феодот вступил в тайные переговоры с врагом египетского царя Антиохом III Великим (223—187), передал ему Келесирию и открыто перешел на селевкидскую службу.

Оба приведенных примера показывают, сколь значительны были профессиональные трудности, с которыми сталкивалась греческая военная интеллигенция на чужбине. Власть диахов и эпигонов покоилась на силе оружия, и нередко эти монархи испытывали страх перед своими талантливыми военачальниками, обязанными им только получаемым жалованьем. Такие опасения возникали в связи с частыми в эллинистическое время военными авантюрами командиров наемных войск³⁴.

Можно, однако, привести примеры и более благополучной судьбы греческих военных специалистов, служивших в чужих краях.

Интересна история Хагемонида, сына Зефира, уроженца г. Димы (Ахайя). Этот выдающийся военный деятель служил у двух селевкидских монархов — у Антиоха IV Эпифана (175—164), затем у его младшего брата Антиоха V Евпатора (164—162). По-видимому, приглашенный из Греции Хагемонид был одним из ревностных помощников Антиоха IV Эпифана в его политике эллинизации монархии Селевкидов³⁵.

Хагемонид занимал высокий пост стратега территории от Птолемаиды до земель Герренов, и как таковой он упомянут при изложении договора 162 г. во II книге Маккавеев³⁶. Деятельность Хагемонида не ограничивалась одними военными задачами, в его компетенцию входили дела полисов, находившихся на подведомственной ему территории. Некоторые города, видимо, извлекали значительные выгоды от покровительства стратега.

³⁴ Полибий несколько раз останавливался на опасности, которую представляют наемники для государства (например, I, 65).

³⁵ Rostovtzeff M. SEHAW, p. 703—705; Bengtson H. Op. cit., S. 481—484.

³⁶ Этот факт недавно установлен Хр. Габихтом (*Habicht Chr. Der Stratege Hegemonides.*— *Historia*, 1958, S. 376—378). Мнение Хр. Габихта получило полное одобрение Л. Робера (*Bull.*, ер., 1959, N 174).

На это указывает то, что одна из сирийских Лаодикей почтила Хагемонида статуей с надписью, в которой отмечались его добродетель и благорасположение к полису³⁷.

Карьера Хагемонида в Сирии окончилась приблизительно в то время, когда Антиох V и его опекун Лисий были убиты, а власть в 162 г. перешла к Деметрию I, сыну Селевка IV, тайно бежавшему из Рима, где он был заложником³⁸. Можно предполагать, что отставной стратег вернулся домой вполне благополучно, привезя с собою и довольно большие средства. Основанием для такого заключения служат два факта. Во-первых, Хагемонид имел возможность поставить у себя в Диме копию посвященного текста его лаодикейской статуи. Во-вторых, здесь же, на родине, бывший селевкидский стратег поставил стелу с надписью, в которую включил текст собственного посвящения статуй Антиоха IV, его супруги царицы Лаодики и его сына Антиоха³⁹. В надписи также упоминается благорасположение царской семьи к стратегу⁴⁰.

Оба текста, позволивших точно локализовать Диму в современной Като-Ахайе, интересны не только сведениями о службе стратега в Сирии. Они помогают воссоздать настроения некоторой части эллинистических интеллигентов, успешно вернувшихся из далеких стран: живя в достатке в своих родных местах, этот выдающийся военачальник с гордостью сообщает согражданам о своей деятельности и о тех династиях, власть которых поддерживали его знания⁴¹, его опыт и его мужество (но все эти события уже совершились, они в прошлом).

³⁷ Bingen J. Inscriptions d'Acüaie.— BCH, 1954, LXXVIII, p. 396, № 8 — надпись на базе статуи, поставленной на родине чествуемого в Диме (Ахайя). Ср.: Robert L.— *Bull.*, ер., 1955, N 113).

³⁸ Подробное изложение запутанных внутренних и внешних дел царства Селевкидов в 164—162 гг. см.: Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. М., 1960, с. 236—242.

³⁹ OGIS, N 252.

⁴⁰ Египетские цари также ценили греческих командиров. Например, во II в. уроженец Родоса Селевк, сын Бифия, был назначен военным правителем Кипра. Эту должность получил позднее и его сын Феодор. См.: Launey M. *Recherches*, p. 244—245.

⁴¹ В задачи нашей работы не входит изложение суммы знаний, требуемых для достижения определенной квалификации в той или иной интеллигентной профессии. Но хотелось бы отметить, что эллинистическая военная наука включала изучение очень многих дисциплин. Весьма поучительны замечания Полибия (IX, 12—21) о необходимости изучения геометрии, астрономии (которую историк называет астрологией, подразумевая знание

Можно полагать, что военная интеллигенция несла большие потери на чужбине, чем другие категории эллинических специалистов. Архитекторы, поэты, художники, артисты по характеру своих профессиональных работали в более стабильных условиях. Однако и на их долю выпадали испытания и крутые повороты колеса Фортуны.

Напомним сохраненную Плинием историю работы в 219 г. пелопоннесского врача Архагата, сына Лисания, который был первым чужеземным медиком, прибывшим в Рим. Ему был оказан горячий прием: Архагату дали квирические права (*jus Quiritium*) и для его работы государство купило большое помещение (*taberna*) на Ацилиевом перекрестке. Однако римляне не дали ему греческих, развитие которых иногда зависело от личных вкусов и интересов правителей. Например, деятельность поэтов и историков часто была полностью подчинена политике той или иной династии.

Конечно, отношение римлян к эллинской интеллигенции в изучаемое время сильно зависело от международной политики. Поэтому враждебные эллинской науке поучения М. Порция Катона Старшего (234—149) в изгнании из Рима в 161 г. греческих философов и учителей следует объяснить не только личными качествами некоторых людей умственного труда, которые приезжали в Италию из Греции⁶³. Борьба римлян за господство на юге Балканского полуострова, как и разногласия между отдельными группами внутри Рима, в значительной мере определяли неприязненное отношение к ученым эллинам, несшим иные формы культуры и новые знания.

Приведенные выше примеры позволяют представить, сколь контрастными были условия работы греческих интеллигентов в чужих странах. Преобладали, все же, очевидно, благоприятные обстоятельства, в противном

движения всех небесных тел — Солнца, Луны и звезд), географии и многих других наук тому лицу, которое собирается быть военачальником. Несомненно, здесь историк излагает общепринятые тогда требования.

⁶² *Plin.* NH, XXIX, 12.

⁶³ Как изменилось воззрение римлян на эллинскую науку спустя 200—300 лет: даже сами римляне стали заниматься преподаванием греческого языка, как показывает эпитафия Домиция Исквилина, учителя греческой грамматики, умершего в возрасте 101 года (*Dessau.* ILS, N 7766).

случае поток образованных специалистов направился бы по иному руслу⁶⁴.

Эллинистические монархи привлекали к своим дворам в большом числе поэтов, музыкантов, артистов. Эти категории пользовались особым благоволением царей: эллины или развлекали самих династов, или воспевали их. Творчество их придавало особый блеск правлению того или иного монарха, поэтому их труд обычно оплачивался весьма щедро. Сервиллизм приносил немалые выгоды более угодливым, но менее талантливым, что не могло не иметь отрицательных результатов. Особенно должны были страдать

Нельзя сказать, что в среде эллинской интеллигенции не встречались люди, сохранявшие достоинство и отстаивавшие свои принципы. Укажем хотя бы на известного уроженца Приены флейтиста и танцовщика Сострата, который служил у Антиоха I Сотера (281—261). По-видимому, в 234—149 гг. в изгнании, глубоко переживавший несчастья своей родины: согласно традиции, Антиох I, устроив пир по взятии Приены, приказал Сострату исполнять на празднике Сострат возразил царю, говоря, что его родной город потерял свободу и такой танец будет неуместен. Эти слова побудили Антиоха I даровать Приене свободу⁶⁵. Не только Сострат, но и его сыновья пользовались расположением царя: они были возведены в ранг телохранителей — *σωματοφύλακες*⁶⁶. Как известно, эта категория придворных⁶⁷ находилась в тесных связях с царем и его семьей.

Эллинские артисты пользовались признанием и при следующих Селевкидах. Так, Антиох II (261—246), как сообщает Гегесанд, из всех своих друзей больше всего

⁶⁴ Надо заметить, что в греческом мире образованные специалисты издавна пользовались большим уважением. Сошлемся хотя бы на то, что Дионисий Старший в 399 г. в Сиракузах щедро задаривал военных инженеров, механиков и судостроителей (*Diod.*, XIV, 41—42). Эллинистические монархи в этом смысле могли следовать уже хорошо известной и проверенной практике.

⁶⁵ *Sext. Emp. Adv. gramm.*, 13.

⁶⁷ *Athen. Deipnosoph.*, I, p. 19 (= I, 34, d).

У Полибия упомянуты имена нескольких соматофилаков, игравших большую роль в политике.

почитал логомима (импровизатора) Геродота и танцовщика Архелая⁶⁸.

Итак, можно с уверенностью утверждать, что образованные греки в эллинистическое время еще в большей степени, чем в предшествующие столетия, играли активную роль в жизни соседних стран. Но это интенсивное рассеяние кадров специалистов, способствовавшее славе греческой культуры во всем Средиземноморье, не могло не вредить концентрации научной деятельности в самой Греции.

СОРЕВНОВАНИЕ И КОНКУРЕНЦИЯ

Небольшие размеры греческих полисов и их ограниченные финансовые возможности диктовали строгий отбор претендентов на замещение вакантных государственных должностей.

Но помимо государственных служащих в полисах эллинистической Греции имелось некоторое число интеллигентных специалистов, работавших по частному найму. Особенно много таких работников было среди лиц свободных профессий. В кругах такой интеллигенции вопрос о занятости был немаловажен, ибо речь шла о добывании средств к жизни. Естественно, что возникавшая конкуренция часто порождала острые конфликтные ситуации, в основе которых лежали не только материальные интересы, но нередко и борьба честолюбий.

Противоречия между работниками умственного труда не составляли чего-либо особенного в жизни рабовладельческих полисов. В гражданском коллективе происходило множество столкновений мелких частных интересов, вызывавших длительные судебные процессы. Невыплаченное приданое или расхищение опекунами сиротского имущества были достаточным основанием для возникновения запутаннейших конфликтов на уровне одной и той же социальной группы.

Специфика интеллигентного труда выдвигала в спорах на первое место вопрос о достаточной или недостаточной квалификации того или иного специалиста. Для таких профессий, как музыкант или поэт, самые кардинальные споры разрешались на состязаниях, устраивавшихся в Дельфах, Афинах и других центрах. Здесь победа силь-

⁶⁸ *Athen. Deipnosoph.*, I, p. 19.

нейших талантов определялась публично, на основе заключения авторитетных слушателей.

Иначе обстояло дело с другими специальностями, где вопрос о качестве работника разрешался в индивидуальном порядке. Но и здесь традиция интеллектуальной жизни Греции нашла выход: были разработаны определенные категории аттестации профессиональной квалификации. Ряд научных центров, готовивших интеллигентных специалистов, или занимавшиеся преподаванием отдельные прославленные ученые предъявляли высокие требования к проходившим у них обучение. Медики создали знаменитую клятву Гиппократу, которая представляет собою четко выработанную формулу индивидуального обязательства знать и соблюдать правила врачебного искусства и этики.

Некоторые профессиональные ассоциации, возникновение которых относится к раннеэллинистическому времени, были мощными объединениями, обеспечивавшими квалифицированный контроль за качеством работы своих сочленов. Быстрый рост авторитета этих организаций показывает, что создание их действительно отвечало насущным требованиям времени. Так как ассоциации Дионисовых техников удобно и получали экономические привилегии от тех полисов, которым они обеспечивали проведение торжественных праздников⁶⁹, можно заключить, что эти объединения не ограничивались чисто профессиональной деятельностью. По-видимому им была присуща и какая-то форма экономической активности⁷⁰. Но самое главное — члены этих творческих объединений пользовались солидной репутацией и могли рассчитывать на защиту своей ассоциации.

Как показывают дошедшие источники, дискуссии греческих интеллигентов нередко переходили с почвы принципиальных разногласий в область личной вражды. Здесь традиция была весьма давняя: стоит лишь вспомнить, как язвительно Аристофан напал на Еврипида в своих «Женщинах на празднике Фесмофорий». Борьба личных мнений и страстей в III—II вв. была ничуть не меньшей. Известно, как жестоко и несправедливо напал Полибий на историка Полибия, утверждал, что серьезный историк не должен не

⁶⁹ Весьма многочисленны эпитафические документы из Дельф. См.: *Daux G.* Delphes, p. 358.

⁷⁰ Ассоциации имели, например, свои дома (см. ниже).

только писать, но даже и мыслить грубо (XII, 8, 5) и что, порицая противника, нужно думать о том, как бы, ругая врага, не нанести ущерб своему достоинству (XII, 14, 4), все же сам он бранил Тимея в весьма энергичных выражениях.

Суровая оценка Полибия, обвинявшего Тимея в невежестве, лживости и язвительности (VIII, 12; XII, 15), тем более агрессивна, что Тимей скончался за несколько десятков лет до рождения сына Ликорты и не мог оспорить ни одного утверждения своего противника и, по сути дела, продолжателя. Мнение Полибия было поддержано позднее и Диодором.

Конечно, высокий уровень техники ораторского искусства в Греции должен был наложить известный отпечаток и на эту сторону интеллектуальной жизни, придав большую выразительность и законченность всякого рода научной полемике.

Добавим, что противоречия между специалистами, пользовавшимися правом гражданства в своем городе, и прибывшими извне уроженцами других полисов значительно осложнялись ограниченными юридическими возможностями инополитов. К тому же, как это известно на примере Афин, неграждане были обязаны уплачивать метойкион, выполнявший различные литургические функции и плативший в пользу военной необходимости прямой налог с доходов — гораздо больший, чем вносили сами граждане. Таким образом, экономические требования полиса к иногражданину-интеллектуалу дожились на него дополнительными тяготами.

Что касается существования и труда интеллигенто-рабов, то эта категория должна была преодолевать еще большее количество общественных преград, что удавалось только редким высокоталантливым одиночкам или тем, кто мог убедить своего хозяина в его большей выгоде от отпуска образованного раба на волю.

Итак, условия для интеллектуального труда в греческом эллинистическом обществе были весьма сложными. Однако работа специалиста у себя на родине, в Элладе, обладала многими преимуществами, которых были лишены эллинские интеллигенты, выезжавшие в чужие страны.

—mm—

ПРЕПОДАВАТЕЛИ — РАБОТНИКИ ДИДАСКАЛЕЙОНОВ И ГИМНАСИЕВ

Среди интеллигентов эллинистической Греции¹ учитель занимал особое положение и характер эллинского обучения.

За многие столетия своего развития полисы выработали систему образования, включавшую обучение детей не только точным и гуманитарным знаниям.

Греческая школа обращала большое внимание на физическое развитие учащихся и особо заботилась о том, чтобы они усвоили сложный моральный кодекс, считавшийся обязательным для свободного гражданина. Естественно, что выработка норм, формирующих сознание подрастающих поколений, осуществлялась в полисах издавна. Сначала теоретические положения педагогики передавались в устной форме, позднее они были изложены в книгах².

Лучше всего ныне известны труды философов V—IV вв., глубоко анализировавших сложившиеся системы

¹ Мы старались опираться преимущественно на источники III—I вв., поскольку свидетельства современников, как нам представляется, больше отвечают действительности, чем данные римского времени.

² Педагогическая мысль древних греков привлекла внимание многих исследователей. Назовем лишь некоторые работы: *Тихое А.* Образованность и наука у древних греков и римлян.— Гимназия. Журнал филологии и педагогики. Ревель, 1891, раздел 15, с. 1—19; *Бузескул В.* Школьное дело у древних греков по новым данным. Харьков, 1918; *Жураковский Г. Е.* Очерки по истории античной педагогики. М., 1940; *Girard P.* L'Education athenienne au V et IV siecle avant J.-G. P., 1889; *Ziebarth E.* Aus dem griechischen Schulwesen. В., 1914; *Jaeger W.* Paideia. В., 1954, Bd. I—III; *Marrou H. J.* Histoire de l'education dans l'antiquite. P., 1950; *Lynch P. J.* Aristotle's School: a Study of a Greek educational Institution. Berkeley, 1972.

обучения и создавших обширную научную литературу по изучаемому вопросу.

Как известно, именно полисы древней Эллады впервые поставили задачу обучения детей всего свободного гражданского населения³. Этот основной принцип отличал эллинскую систему образования от систем остальных народов той эпохи и способствовал высшим достижениям педагогики древних греков. В. Йегер справедливо связывает это с совершенно новым пониманием положения индивидуума в обществе⁴. Действительно, республиканский строй государств Греции предъявлял особые требования к обладателям гражданских прав. Ведь перед гражданами полисов стояли сложные задачи, которые были неизвестны населению монархических государств. Отсюда то внимание полисов к методам обучения, которое можно обнаружить в самых ранних источниках.

Уже в VI в. некоторые законодатели занялись улучшением существовавшей тогда школьной практики. Это указывает на деловое и критическое отношение к делу воспитания и обучения детей. Например, в Аттике Солон установил некоторые правила распорядка в начальных училищах⁵. Во вновь возникавших эллинских апойкиях проблема обучения детей также привлекала внимание полисных властей⁶.

В ранние времена конституционные отличия рабовладельческих республик накладывали решающий отпечаток на школьное дело каждого полиса. Достаточно напомнить о коренных различиях спартанского и афинского образования в VI—V вв. Позднее, однако, в школьных системах эллинов появлялось все больше общих черт. Уже Аристотель отмечал, что в его время связь формы политики и системы обучения ослабла как в олигархиях, так и в демократиях. Это отнюдь не означало, что вопросам вос-

питания и обучения детей стали уделять меньше внимания. На примере Аттики можно видеть, сколь серьезно подходили выдающиеся умы той эпохи к проблеме воспитания: каждый из афинских мыслителей, будь то Сократ, Исократ, Платон или Аристотель, предлагал свой проект системы образования. В менее значительных культурных центрах педагогические искания, вероятно, носили более практический характер. Но всюду теоретики и практики ставили одну и ту же традиционную задачу — воспитать гражданина, полезного рабовладельческой республике, демократической или олигархической. Того, кто овладел общеобразовательными предметами и придерживался обязательных моральных норм — совокупность этих знаний греки называли *παίδεια*, — философы считали наилучшим гражданином.

Но в IV—II вв. суровая действительность выдвинула на первый план чисто практические стороны обучения. Усложнение и обострение социальной жизни внутри полисов сделало вопрос о *παίδεια* весьма злободневной проблемой. Уже Платон говорил, что дети из богатых семей обучаются дольше и, следовательно, получают лучшее образование, чем дети бедняков⁸. В IV—III вв. все яснее становилось, что образование повышало социальную ценность каждого гражданина, овладевшего *παίδεια*. Поэтому представители демократических слоев прилагали большие старания к тому, чтобы дать образование своим детям. Как и прежде, в *παίδεια* входило и обладание высокими моральными качествами⁹.

Тяга к образованию обширных кругов населения вполне отвечала возраставшей потребности полисов в обученных, квалифицированных работниках. Увеличился спрос не только на определенных специалистов, таких, как врач, архитектор, инженер, учитель. Развитие и усложнение институтов полисной государственности требовало достаточного числа образованных граждан, которые могли бы успешно справляться с самыми ответственными магистратурами. Напряженный пульс межполисных отношений в период от македонского до римского

§ *Plato. Protag.*, 326c.

Эпитафии эллинистического времени показывают, что высокое гражданское понимание Пайдеи было доступно гражданам в самых захолустных землях Эллады. Примером может служить надгробие акарнанского воина Тимокрита (II в.), который, предпочтя доблесть жизни, не утратил добродетелей Пайдеи. См.: *Peek W. Griechische Grabgedichte. B., 1960, N 130,*

³ Сразу подчеркнем, что речь шла всегда об обучении мальчиков. Только во II в. встречаются редкие указания на то, что иногда учили и девочек.

⁴ *Jaeger W. Paideia, Bd. I*³, S. 1—20.

⁵ *Aesch. In Tim.*, 6—12. Озорные надписи школьников на скалах острова Фера в VIII—VII вв. показывают, сколь необходимы были правила поведения и тогда.

⁶ В Катане (восточная Сицилия) в VI в. законодатель Харонд также внес в систему учения много нового. См.: *Diod.*, XII, 11—12. Правда, у Диодора высказываются некоторые мысли, больше отвечающие его эпохе, а не времени Харонда.

⁷ *Arist. Pol.*, 1309b 27.

завоеваний постоянно создавал повышенный спрос на обученные кадры.

Надо назвать еще один фактор, наложивший отпечаток на отношение к школьному образованию. Быстрое развитие греческой науки в VI—III вв. и накопление ею огромной суммы знаний¹⁰ должны были оказывать сильное воздействие на молодежь. Само приобщение к высшим духовным ценностям представлялось заманчивой целью множеству юных умов. И если нам хорошо известна тяга к знаниям в афинском обществе в V—IV вв.¹¹, то аналогичные процессы, пусть и в более скромных масштабах, могли происходить во многих полисах эллинистической Греции. Начало же образованности восходило к школьному учению.

Проблема греческого образования получила в изучаемое время еще одно совершенно новое значение в связи с тем, что греческие республики стали объектом военной или дипломатической агрессии соседних крупных эллинистических государств. Борьба за политическую независимость, естественно, сопровождалась усилением идейного противоборства эллинской культуры с культурой враждебных «варваров». Национальное сознание эллинов укреплялось пониманием того, что их науки и искусства намного превосходят культурные достижения окружающих народов. Это чувство превосходства возрастало по мере усиления культурного единства Эллады, в IV—II вв., когда были преодолены многие локальные черты духовной жизни греков. Особенно важным оказалось

¹⁰ Достижения греческой мысли в одной лишь области естествознания детально рассмотрены в труде: *Рожанский И. Д.* Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука «о природе». М., 1979. Перечисление библиографии по философии, математике, литературе и других разделах знаний не входит в нашу задачу.

¹¹ Еще в последней трети V в. в Афинах чтение книг стало очень распространенным занятием. Аристофан говорит, что у каждого есть книга (Ran., 1113—1114). Примечательно, что в то же время автор Псевдо-Ксенофоновой Афинской политики, весьма враждебный демосу, отмечает, что демос строит для себя многие палестры и бани и что в Афинах этими сооружениями простой народ пользуется больше, чем немногие и зажиточные (*Xen.* Ath. Pol., II, 10). Уже давно было замечено, как много внимания уделяли аттическая наука и литература конца V в. вопросам обучения. Специальный очерк об отношении Аристофана к обучению см.: *Okäl M.* Aristophane et l'éducation. Neue Beiträge zur Geschichte der Alten Welt. В., 1964, Bd. 1, S. 203—233.

создание общегреческого диалекта, распространившегося в III в. по всему греческому миру. Диалектная унификация способствовала установлению более или менее общего уровня средней образованности во всех греческих землях.

Признанный авторитет эллинской образованности стал важным фактором в международных связях тех полисов, которые славились своими учеными. Эти государства получали большие материальные выгоды от использования интеллигентного труда своих граждан¹². Отдельные греческие специалисты, выезжавшие в чужие страны, с помощью своих знаний в большинстве случаев добивались прочного экономического положения, что способствовало притоку средств в их родные полисы. Таким образом, знания граждан приносили Элладе не только признание ее научного и культурного приоритета¹³, но и весьма ощутимые экономические результаты. Несомненно, что указанные обстоятельства содействовали тому, что полисы не ослабляли своего внимания к школьному делу, а тем самым и к преподавательским кадрам.

К сожалению, сохранившиеся источники весьма скупо освещают конкретные условия труда работников греческой школы в эллинистическую эпоху. Наиболее содержательные документы происходят из городов, находившихся в пределах эллинистических монархий,³ в особенности из Милета (Syll.³, № 577) и Теоса (Syll.³, № 578). Но из самой Греции источников дошло мало, поэтому о многих сторонах деятельности и жизни преподавателей приходится строить догадки.

Естественно, что структура школьного дела, сложившаяся в Элладе в предшествующие столетия и сохранявшаяся в основном в IV—II вв., во многом определяла условия труда учителей. Поэтому следует кратко остановиться на данном вопросе.

¹² Известно, что владельцы школ высшего уровня в Афинах в IV в. получали большие доходы от учеников. Как состоятельные граждане они были обязаны платить налоги и вносить пожертвования в пользу государства.

¹³ Проблема культурного воздействия Эллады на соседние страны рассматривалась во многих специальных трудах: *Rostovtzeff M.* SEHW; *Ранович Л. Б.* Эллинизм и его историческая роль. М., 1950; *Зельин К. К.* Некоторые основные проблемы истории эллинизма.— СА, 1955, XXII, с. 99—108; *Блаватский В. Д.* Культура эллинизма.— СА, 1955, XXII, с. 109—115; *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке.— СА, 1955, XXII, с. 116—117.

Полиморфизм политической жизни Греции в полной мере сказался и в множественности систем просвещения. Еще в классическую эпоху сложились две основные формы — государственная система образования и частно-предпринимательская школа. Лучшее всего известна государственная школа в Спарте, частные школы и домашнее образование наиболее полно освещены источниками из Афин¹⁴. В эллинистическое время и та и другая системы должны были претерпевать ряд каких-то изменений, судя по отрывочным данным источников. Но полной картины воссоздать еще не удастся, и приходится довольствоваться лишь отдельными сведениями.

Например, в полисах Аркадии во времена Полибия существовала обязательность музыкального образования не только для детей, но и для молодежи вплоть до 30 лет¹⁵. Это свидетельство позволяет предполагать, что аркадяне полностью сохраняли систему государственного образования. Однако как оно было практически организовано, остается донныне неизвестным.

В Дельфах заботы полиса об обучении детей известны из двух документов. В 331 г. полис отпустил на нужды гимназия 45 статов¹⁶. По-видимому, уже в начале II в. содержание государственных училищ лежало тяжким бременем на дельфийской казне — незадолго до 162 г. дельфийцы послали к Атталу II (220—138) два посольства, которые для обучения детей выпросили у пергамского царя крупный денежный дар¹⁷. Родос также получил средства на школьное дело у брата Атталы II — Евмена II (197—160), за что Полибий порицал родосцев. Приведенные сведения указывают, что система государ-

ственных школ в эллинистическое время не угасала и даже приобретала все более важное значение¹⁹.

Примечательно, что и в Афинах, где издавна начальная школа была частным делом, принимались серьезные меры по упорядочению преподавания. Назовем хотя бы декрет Архина в архонтство Евклида (403/2 г.), введший ионийский алфавит в школьное обучение в обязательном порядке. Этот государственный акт свидетельствует о самом пристальном внимании полиса к школьному делу²⁰.

По-видимому, в некоторых аттических демах в IV в. заново возникали государственные школы. На это указывает элевсинский декрет в честь выдающегося афинского стратега Деркила, сына Автоклеса, принятый после 350 г. Жители Элевсина горячо восхваляли Деркила за благожелательность и за заботы о том, чтобы дети учились в самом деме²¹. Великолепный рельеф с изображением Деркила, стоящего перед Деметрием демархом и отцами школьников, позволяет заключить, что дело шло об открытии училища, принадлежавшего именно Элевсинскому дему. Государственный пост стратега Деркила подчеркивает официальный характер и значение данного события. Поэтому мы полагаем, что училище в Элевсине было создано лишь при Деркиле.

Упомянутое эпиграфическое свидетельство дополняет и само дополняется указанием Платона в диалоге «Лакхес» (180 b—c): один из персонажей удивляется своему собеседнику Лисимаху, не призвавшему на беседу о воспитании юношей Сократа, которого надо было пригласить по двум причинам: во-первых, он из того же дема, во-вторых, Сократ всегда участвует в беседах о воспитании молодежи.

¹⁴ Детальное изложение обеих систем можно найти в труде: Журавковский Г. Е. Очерки по истории античной педагогики, с. 11—108, 252—271. Известны новые источники, дополняющие наши сведения. Например, в первой половине VI в. до н. э. на Делосе «дети» поставили посвящение защитнице полиса Афине Полиаде — видимо, эти мальчики были учениками полисной школы (Inscr. de Delos, fasc. 1, N 15).

¹⁵ Polyb., IV, 20, 7—21, 4.

¹⁶ Syll.³, № 252 N.35-36.

¹⁷ Syll., № 672. Позволим высказать предположение, что данный акт Дельф был вызван не только нуждой в средствах, но и далеко идущими политическими расчетами. Школьное дело было лишь удобным поводом.

¹⁸ Polyb., XXXI, 25, 2.

¹⁹ Можно полагать, что полисы, имевшие в V в. государственные школы (как, например, Трезен — *Plut. Themist.*, 10), сохранили их и в эллинистическое время.

²⁰ Иного мнения придерживается П. Жирар, считающий, что декрет Архина был утвержден в чрезвычайно тяжелое для Афин время, когда принимались самые срочные меры для восстановления государства; таким образом, этот единственный акт нельзя считать свидетельством постоянной заботы полиса о начальном обучении. (*Girard P. L'education...*, p. 37).

²¹ Syll., № 956. В комментарии к надписи Гиллер фон Гертрингер справедливо подчеркнул, что Деркил заботился о школьниках Элевсина не как частное, но как официальное лицо. Предположение Г. Марру о том, что Деркил выступил в Элевсине в качестве «частного благодетеля» (*Marrou H. Op. cit.*, p. 497), ничем не аргументировано.

Видимо, обсуждение содемотами организации воспитания детей в то время было общепринятой практикой, становившейся уже почти правилом. Естественно, что результатом таких бесед в демах могло быть открытие местных училищ. По-видимому, высшие магистраты афинского государства могли содействовать этой активности, как и поступил Деркил в Элевсине.

Есть основания полагать, что в столице Аттики часто появлялись тенденции к расширению прав государства в области просвещения, и это касалось даже высшей школы. О последнем говорит неудавшаяся попытка ввести в Афинах новый порядок открытия философских школ — Софокл, сын Амфиклида, в начале III в. предложил, чтобы философы получали разрешение на устройство школы от совета и народа²². Но его предложение не прошло.

Эти беглые сведения показывают, что отрицательное отношение Аристотеля²³ к неорганизованности школьного дела совпадало с мнением многих его современников и представителей последующих поколений. Данное явление было естественным — частное образование становилось все более дорогим и было доступно лишь самым богатым слоям гражданства. Для среднего и малоимущего населения полисов общедоступные школы были наилучшим выходом из положения. Для полисов единообразие обучения юношества являлось весьма важным фактором в подготовке гражданина-воина. Таким образом, интересы отдельного гражданина и всей²⁴ республики требовали организации государственных училищ²⁵.

²² *Diog. Laert.*, 2, 38.

Arist. Pol., 1337 a: каждый гражданин воспитывает своих детей по-своему и учение дает им, какое пожелает.

²⁴ Можно полагать, что государственная организация школьного дела считалась предпочтительной формой во всем греческом мире. Во всяком случае, крупнейшие города эллинистических монархий — Милет и Теос — детальнейшим образом разрабатывали правила обучения детей в школах. См.: *Syll.*, № 577, 578. Ценные сведения доставляет недавно найденный почетный декрет беотийского полиса Феспии, принятый около 250—240 гг. в честь преподавателя военного дела афинянина Сострата. В своем декрете феспияне приводят закон всего Беотийского союза о том, что входящие в него полисы обязаны нанимать дидаскалов, которые преподавали бы детям граждан, мальчикам и подросткам, стрельбу из лука, метание копья и фаланговый строй. См.: *Roexch* / \ Une loi federale beotienne sur la preparation militaire. Actes of the V-th International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Cambridge, 1967, p. 81—88.

Приведенные сведения достаточно ясно показывают, что преподавательские кадры в эллинистических полисах работали, как и раньше, в школах двух систем — государственных и частных. Вероятно, граница между преподавателями названных учреждений не была незыблемой и переход учителя из государственного училища в частное или наоборот был достаточно обычным явлением. Однако это лишь предположение.

Полезно остановиться на вопросе о соотношении частных и государственных преподавателей на разных ступенях греческой школы. Но предварительно следует изложить краткие сведения о ее структуре, взяв в качестве образца данные о системе, существовавшей в III—II вв. в Афинах²⁵. В этом крупнейшем, издавна славившемся центре обучения²⁶ функционировали все звенья школьной организации, тогда как в небольших полисах дело могло ограничиваться лишь частью общеобразовательных заведений.

Обучение детей начиналось с семи лет в низшей школе, обычно именовавшейся *διδασκαλείον*. Программы дидаскалейона были, вероятно, сходны во многих полисах Эллады. Здесь обучали грамоте, литературе (начиная с Гомера и Гесиода), музыке, арифметике, рисованию. Первые пять лет учения были посвящены овладению элементарными знаниями. Более широкое и углубленное изучение предметов велось во второй ступени начальных училищ, которую называли грамматической школой. Грамматическую школу учащиеся посещали около трех лет (от 12 до 15), изучая в ней прежние предметы, а также начатки астрономии и философии. В курс обучения подростков включалась теперь и физическая культура. Интенсивные упражнения по пяти видам спорта (пентатлону) проводились в специальном комплексе — палестре, состоявшей из открытой территории и закрытых помещений. Таким образом, второе звено афинской школы имело двучленное строение, состоя из мусической²⁷ и парал-

²⁵ Здесь мы следуем в основном Г. Е. Жураковскому, обобщившему выводы многих исследователей афинского образования (Указ. соч., с. 32—109, 252—271). Правда, некоторые заключения автора требуют уточнений.

²⁶ Исократ подчеркивает первенствующую роль Афин в греческом просвещении IV в. (*Isocr. Antidos.*, 244), но можно предполагать и некоторую долю преувеличения в его словах.

²⁷ Мусическая школа-училище, где изучали науки и искусства, которыми ведали у греков Музы.

лельной ей гимнастической школ. Третьим, завершающим, подразделением общеобразовательной школы были гимназии, в которых молодежь 16—18 лет совершенствовалась в науках и гимнастике. За два года обучения в гимназиях юноши проходили риторику, этику, логику, философию, математику, астрономию, географию, получали начатки медицинских знаний. После гимназии можно было вступить в число эфэбов, учащихся высшего учебного заведения²⁸.

Изложенная схема афинского школьного дела имеет много общего с системой образования во многих полисах. Интересной иллюстрацией является свидетельство Телета, известного киника III в. Критическая философия в силу своего характера критически относилась ко многим установлениям полисного государства, в том числе и к системе воспитания детей. Поэтому Телет пишет о тяжелой жизни ребенка школьного возраста: сначала им овладевают пайдагог²⁹, пайдотриб, учителя грамоты, музыки и рисования. Впоследствии к этому присоединяются еще учителя счета, геометрии и верховой езды. Уже с раннего утра ему приходится быть на ногах, и никогда у него нет свободного часа. Едва он становится эфэбом, ему снова приходится трепетать, на этот раз перед косметом, пайдотрибом³⁰, учителем фехтования, гимнасиархом. Все они следят за его поведением, не оставляют его без внимания³¹.

Аналогичные сведения сообщает автор диалога «Аксиохос», приписывавшегося Платону, но написанного во II—I вв.: ребенка по достижении семи лет начинают tyrannize пайдагоги, грамматисты и пайдотрибы. Когда же он подрастет, то больше всех над ним властвуют критики (литературоведы), геометры и учителя тактики (Ахиох., 366d—e). Сходство приведенных двух источников, отделенных одним-двумя веками друг от друга, показывает, сколь устойчива была традиционная школьная программа

²⁸ Эфэбия и различные философские школы, составлявшие круг высших учебных заведений в эллинистических Афинах, не входят в число затрагиваемых нами тем. Изучение эфэбии требует привлечения обширного материала. Оно осложнено и тем, что афинская эфэбия в конце IV в. претерпела коренное изменение: из обязательной системы двухгодичной военной подготовки новобранцев она стала одногодичным гражданским высшим учебным заведением. См.: Girard P. Op. cit., p. 54—61; Журавковский Г. Е. Указ. соч., с. 257—260.

²⁹ Напомним, что пайдагогами греки именовали рабов-воспитателей, приставленных смотреть за детьми.

³⁰ Teletis reliquae/Ed. O. Hense. Friburg., 1889, p. 38.

³¹ Girard P. Op. cit., p. 37—38.

³² Lynch J. Op. cit., p. 34.

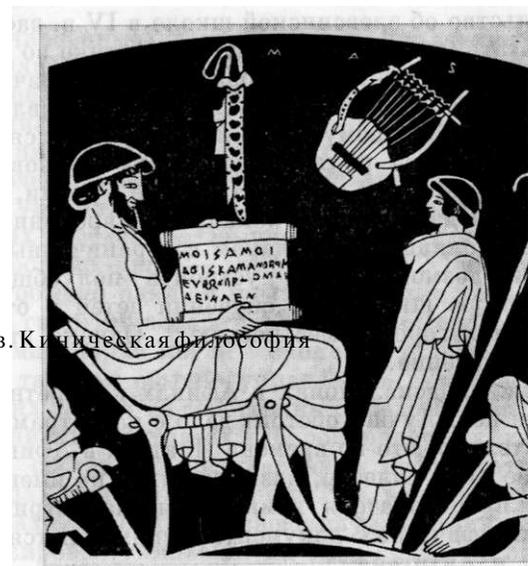

РИС. 2.
Учитель и ученик в мусической школе.
Аттика.
Рисунок художника Дуриса.
Около 500 г. до н. э.

Но свидетельство об элевсинской школе в IV в. заставляет предполагать, что в III—II вв. и в Аттике во многих городках могли существовать общественные начальные школы — ведь такое обучение было много дешевле и доступнее гораздо большему контингенту учащихся. Учитывая возрастающую роль всякого рода союзов среди граждан в государствах эллинистической Греции, можно полагать, что тогда возникали локальные и временные объединения, позволявшие гражданам с ограниченными материальными возможностями устроить полуобщественную-получастную школу для обучения детей в отдаленных от больших городов местностях³³. Однако это пока лишь предположение.

О частных дидаскалейонах в Афинах конкретных известий почти нет. Лучше обстоит дело с палестрами.

Примечательно, что во времена Платона в Афинах было не меньше пяти палестр, называвшихся по имени владельца или преподавателя гимнастики (пайдотриба); во II в. в эпиграфических документах упоминаются палестры Тимея и Антигена³⁴.

Частное обучение не выходило за рамки мусическо-гимнастической школы. Образование следующей возрастной группы, юношей от 15 до 18 лет, проходило в Афинах в стенах государственных учебных заведений, гимнасиев.

В эллинистическое время гимнасии становятся популярнейшим видом школы для зажиточной молодежи каждого полиса. В крупных городах было по несколько гимнасиев. Так, в Афинах к трем уже давно функционировавшим гимнасиям³⁵ прибавились двановых — Птолемеон, построенный на средства Птолемея II Филадельфа (308—246) и Диогенион, дар македонянина Диогена³⁶.

³³ Заметим попутно, что сеть школ в маленьких городах уже в V—IV вв. была достаточно густой. Интересно свидетельство Фукидида о том, что в 414 г. в Микалессе, небольшом городке Беотии, имелось по меньшей мере две школы — отряд наемных фракийцев, захватив городок, не пощадил даже детей, которые собрались на занятия в самом большом тамошнем дидаскалейоне (*Thuc.*, XXIX, 5).

³⁴ *Syll.*³, N 667.

³⁵ Академия, Ликей и Киносарг. Все они были расположены вне города, но близости от его стен. Дж. Линч (*Op. cit.*, p. 32—33) указывает, что монументальные здания Ликей известны уже в конце V в.

³⁶ Птолемеон был расположен где-то возле агоры. (*Hill I*, T. *Op. cit.*, p. 66).

Многочисленные источники свидетельствуют, что гимнасии были не только местом обучения юношества, но служили центрами умственной жизни каждого полиса. Там проходили беседы, читались лекции, там устраивали выступления хоров, читали стихи.

Греческие республики тщательно заботились о гимнасиях, укрепляя научный и моральный авторитет этих учебных заведений. Обычно управляли ими специальные должностные лица — гимнасиархи³⁷. Гимнасиарх избирался обычно один, в иных полисах у него³⁸ был помощник — гипогимнасиарх, например на Делосе³⁸. Обязанности гимнасиарха могли исполнять только самые богатые люди, так как обычно управление гимнасием требовало больших затрат из собственных средств.

О личных затратах добропорядочных гимнасиархов можно составить представление по декрету из Элатеи (Фокида), принятому в конце II в. в честь Элпиника, сына Никомаха. За один год своей службы Элпиник много раз финансировал гимнасий: на свои средства он пригласил ритора и гопломаха (преподавателя военного дела), добавил деньги для покупки лучшего масла, которым натирались гимнасты, и для проведения нескольких состязаний школьников³⁹. Аналогичные затраты совершали гимнасиархи и в других полисах⁴⁰. Были и иные виды расходов. Например, на Делосе в 155/4 г. гимнасиархи на свой счет ставили посвящения богам с именами победителей на соревнованиях в гимнасии⁴¹. В маленьких полисах на должность гимнасиарха иногда избирали по несколько раз одно и то же лицо. Например, на острове Патмос около 200 г. гражданин Гегемандр был семь раз гимнасиархом⁴². Обычно гимнасиархами ставили людей с некоторым жизненным опытом, так как управление гимнасием (часто к этому добавляли и руководство эфебами) требовало немалого умения⁴³.

³⁷ В Афинах гимнасиархия была сначала литургией, с конца IV в. она становится выборной должностью.

³⁸ *IG*, XI, 4, N 1151-1154.

³⁹ *Syll.*³, N 714.

⁴⁰ Весьма детально описаны тяготы и почести гимнасиархов в статьях: *Glottz G. Gymnasiarchia.* — In: Daremb. — *Sagl.*, s. v.; *Oehler I. Γυμνασίαρχος.* — In: RE, V, 1037.

⁴¹ *BCS*, 1912, XXXVI, p. 411—412, № 10-12.

⁴² *Syll.*³, N 1068.

⁴³ На острове Кеосе в полисе Корессии в начале III в. был издан закон о том, что гимнасиархом можно избирать лицо не моложе 30 лет (*Syll.*³, № 958).

О гимнасиархах и гимнасиях сохранилось множество сведений у античных авторов и в эпиграфических текстах. Их дополняет большое число остатков зданий эллинистических гимнасиев, открытых раскопками археологов. Количество данных теперь столь внушительно, что можно с уверенностью сделать вывод: в III — II вв. гимнасий, государственное учреждение, являлся общепринятой формой школьного образования второй ступени во всем греческом мире. Тем самым мнение Е. Цибарта о ведущей роли государства в школьном деле эпохи эллинизма получает подтверждение в источниках и из греческих полисов материковой Греции⁴⁴.

Этот факт позволяет уточнить профессиональное положение работников просвещения: учитель начального цикла мог работать в государственном или частном училище, но в средней школе вели преподавание только государственные служащие⁴⁵. И хотя общее количество гимнасиев было меньше, чем число дидаскалейонов⁴⁶, все же следует полагать, что гимнасические преподаватели составляли большинство в массе учителей эллинистической Греции.

Имеющиеся источники дают некоторые сведения об условиях труда преимущественно преподавателей государственных учебных заведений. Деятельность работников просвещения частной школы почти совсем неизвестна.

44 Ziebarth E. Op. cit., S. 37—40. Следует заметить, что Г. Марру недостаточно внимательно рассмотрел данный вопрос (Marrou H. J. Op. cit., p. 160—163), базируясь на точке зрения П. Жирара. Более верное освещение вопроса дает Г. Е. Журавковский (Указ. соч., с. 276—290). Данные о значении гимнасиев в культурной жизни всей Греции и отдельных полисов, а также о тесных связях гимнасиев и палестр в полисах обстоятельно исследованы Ж. Делормом: Delorme J. Gymnasion. Etude sur les monuments consacrés à l'éducation en Grèce. P., 1960; Idem. Les Palestres (Expl. arch. de Delos, fasc. XXV), P., 1961.

45 Вероятно, временные преподаватели, которых иногда приглашали на средства «благодетелей» (еввергетов), считались также работниками полиса.

46 Несомненно, что многие дети менее обеспеченных семей, пройдя обучение в мусическо-гимнастической школе, приступали к специализированному обучению у профессионалов — плотников, каменотесов, моряков, архитекторов, врачей и т. д. Вероятно, отток молодежи от гимнасиев происходил более или менее стихийно. Правда, Исократ (Ageorag., 43—46) подчеркивает роль афинских законов в этом процессе, но уже П. Жирар указал, что здесь явное преувеличение значения законов (Girard P. Op. cit., p. 33—35).

Несомненно, что частные дидаскалейоны существовали повсюду, особенно в труднодоступных горных местностях, где младшие возрасты школьников могли учиться только в своем городке или в селе. Конечно, для сельчан было важно научить детей читать, писать, считать и разбираться в музыке и танцах — все эти знания им мог преподать один разносторонне образованный учитель⁴⁷. Материальное положение такого учителя во многом зависело от платежеспособности родителей его учеников. Допустимо предположить, что в селах плата преподавателю часто вносилась натурой — зерном, сыром, вином, шерстью и т. п. Характерной чертой сельских школ могла быть их недолговременность: ведь существование этих училищ целиком зависело от трудоспособности ведущего обучение преподавателя.

О размерах гонорара частного учителя, сельского или городского, ничего неизвестно. В каждом конкретном случае заключалось обоюдное соглашение⁴⁸, носившее четкий коммерческий характер⁴⁹. Так обстоит дело и с отдельным учителем, и с содержателем частной школы.

По-видимому, в больших городах многие частные лица открывали свои училища, но не всегда эти школы завоевывали прочное положение. Неполный контингент учащихся неизбежно отражался на финансах содержателя школы и его преподавателей. Сатира на такие полупустые училища сохранилась в рассказах киников о своем учителе: Диоген вошел в один дидаскалейон и, увидев там много статуй богов и очень мало школьников, сказал учи-

47 В далеких захолустных местах, вероятно, сохранялось много черт старинного метода обучения, который так ярко описан Аристофаном (Nub., 961—975).

48 Нарушение его считалось весьма бесчестным делом еще в IV в., как позволяют заключить гневные слова Демосфена об алчности его опекуна, не уплатившего даже учителям (Demosth. Im Aphob., I, 46).

49 Иногда могли возникать и конфликты, но, вероятно, в сфере начального обучения размеры учительского гонорара в каждом полисе были более или менее общепризнаны. Иное дело отношения между философами и их учениками. И хотя вопрос этот выходит за рамки данной книги, считаем полезным привести колоритный рассказ Платона о том, как взимал плату софист Протагор: Протагор назначал сумму, и ученик, соглашаясь, уплачивал ее. Если же ученик возражал, то он должен был пойти в храм, принести там клятву и объявить свою цену за обучение у философа, после чего вносил эту сумму Протагору, а последний ее принимал (Plato. Pro tag., 328 b—c).

телю: «С помощью богов у тебя полный класс»⁵⁰. Возможно, что какое-то сокращение числа всех учащихся в стране происходило вследствие отмеченного Полибием запустения многих областей Греции⁵¹. Во всяком случае, этот анекдот рисует бедственное положение части владельцев частной школы⁵². Об их борьбе за учеников свидетельствует интересное известие с Делоса. Гам незадолго до 130 г, пайдотриб Стасеас, сын Филокла, поставил перед своей палестрой список имен 47 школьников, успешно участвовавших в празднике Гермеса⁵³. Естественно, что такое прославление учеников поднимало престиж всей гимнастической школы.

Отсутствие данных оставляет неизвестными многие стороны деятельности частных учителей. Однако можно полагать, что сколь бы ни была мала школа, ее содержание должен был иметь хотя бы одного раба для поддержания чистоты в помещении и подготовки школьного инвентаря⁵⁴. Иными словами какой-то уровень зажиточности был доступен и этому слою работников⁵⁵.

Естественно, что государственные дидакалейоны и их штаты, не говоря о гимнасиях, находились в более благоприятных условиях. Сюда привлекали лучших преподавателей, полисы обеспечивали им постоянную материальную

⁵⁰ *Diog. Laert.*, VI, 69. У Афиня (VIII, 348d) упоминается школа кифариста Стратоника, в которой были девять статуй Муз, одна статуя Аполлона и только два ученика.

⁵¹ *Polyb.*, XXXVII, 5—9. Вероятно, отмеченное явление наблюдалось и в греческих городах, подчиненных монархиям. Так, В. Тарн исследовал эпиграфические данные из Милета между 228 и 200 гг.: среди получивших гражданство 79 новых милетян, состав семей которых упомянут в текстах. Эти 79 семей (= 158 человек) имели только 146 детей (сыновей — 118, дочерей — 28), следовательно, во втором поколении часть новых семей уже не существовала. См.: *Tarn W. W. Hellenistic Civilisation*. L., 1941, p. 86.

⁵² Сколь велик контраст с числом учеников (120 мальчиков), которое приводит Геродот (VI, 27), рассказывая об обвале крыши в школе на Хиосе в 494 г. Правда, то мог быть государственный дидакалейон. Вероятно, и в Астипалее, где в 496 г. в дидакалейоне училось 10 учеников, также была школа полиса (*Paus.*, VI; 9, 6).

⁵³ *Ziebarth E. Op. cit.*, S. 35—36. *Durrbach. Choix*, N 117.

⁵⁴ Поучительно описание подсобных рабских работ, которые, по словам Демосфена, выполнял Эсхин, будучи мальчиком в дидакалейоне своего отца Атромета (*Demosth.*, XVIII, 257).

⁵⁵ Наполним, что отец Эскина, учивший грамоте в Афинах, дожил до 95 лет, что было возможно при наличии более или менее благоприятных материальных условий.

базу. Великолепные комплексы подавляющего большинства эллинистических гимнасиев до сих пор впечатляют рациональностью и исключительной целесообразностью этих сооружений. Их архитектура свидетельствует о высокой культуре греческих педагогов, не имевших официальных дипломов, но тонко учитывавших особенности духовного и физического воспитания юношества.

Издавна преподаватели государственных училищ и школ избирались, как и все должностные лица, путем голосования на определенный срок⁵⁶. В демократических республиках этот вопрос решался в народном собрании⁵⁷. Как и большинство магистратур, должность учителя была обычно годичной, но некоторые специалисты (риторы, гоппомахи, инструкторы, обучавшие владению луком и копьем) приглашались иногда на короткое время⁵⁸.

В своей деятельности полисный учитель был административно подчинен специально избираемым магистратам — гимнасиархам и пайдономам⁵⁹. Должность пайдономов в Спарте и на Крите⁶⁰, позднее она появилась в других полисах Греции и особенно Малой Азии.

Управление училищами и гимнасиями представляло весьма сложную задачу, и в процессе ее разрешения между учителями и их начальниками могли возникать трения и даже конфликты. Видимо, с целью упорядочить школьное управление в некоторых полисах выработали Уложение о пайдономах⁶¹ и Уложение о гимнасиархах⁶². На.

⁵⁶ Сопоставление учителя с магистратом наиболее четко дано М. И. Ростовцевым (*SEHAW*, p. 1087).

⁵⁷ *Arist. Ath. Pol.*, 42 — об избрании демосом учителей для эфэбов путем поднятия рук. Это сведение об афинских установлениях относится приблизительно к 325 г., но, вероятно, такой порядок существовал очень давно. Ведь когда Платон писал об избрании учителей государством (*Leg.*, VII, 804d), он, конечно, учитывал афинскую практику в этом деле.

⁵⁸ Такой порядок известен на Теосе во II в. (*Syll.*, № 578). Примечательно, что здесь этих временных наставников нанимали пайдоном и гимнасиарх, но с условием доложить об этих кандидатурах в народном собрании (стк. 22—23).

⁵⁹ Лучшее всего о деятельности пайдономов свидетельствуют милетский и теосский декреты, но, вероятно, многие черты этой магистратуры были присущи всем школьным администраторам того времени.

⁶⁰ *Ziebarth E. Op. cit.*, S. 16, 39.

⁶¹ Оно известно сравнительно поздно в Приене, в I в. до н. э. См.: *Hiller von Gaertringen F. Inschriften von Priene*. В., 1906, N114.

⁶² Упомянут в тексте из Эгиал (полис Аморгоса) в конце II в. (*IG*, XII, 7, № 515 — *γυμνασιῶφοῦχικόν νόμον*). Вероятно, в Афинах

Глава четвертая

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ

личие этих твердых правил значительно содействовало успеху преподавательского процесса, тем более что в греческой школе и в эллинистическое время поддерживалась строгая дисциплина учащихся. Вероятно, большую роль играли не только телесные наказания⁶³, но и весьма тонко разработанная система поощрений. Многочисленные списки юношей, отличившихся в науках и атлетических состязаниях, позволяют представить, сколь сильно было такое воздействие на впечатлительные умы молодежи.

Положение преподавателя государственной школы, по-видимому, считалось весьма почетным. Милетский декрет позволяет представить, как шла запись кандидатов на эти должности и как основательно обсуждался каждый претендент в народном собрании. Можно думать, что так было и в Спарте, и в Афинах, и в других полисах.

Помимо авторитетного положения в государстве полисный учитель имел устойчивое материальное положение. Средний заработок — около 500—700 драхм в год, в зависимости от сложности предметов⁶⁵, — позволял преподавателям в эллинистических полисах входить в состав вполне зажиточных слоев населения, имевших постоянный доход.

О том, как ценили полисы свои преподавательские кадры, могли бы рассказать почетные декреты в честь учителей. К сожалению, пока что в Элладе такие документы известны лишь для I в. до н. э.⁶⁶ На периферии греческого мира они появляются еще в III в. до н. э.⁶⁷

аналогичные правила были выработаны много раньше. См., например: [Plato]. Eryxias, 399a,

⁶³ Многие авторы V — IV вв. оставили свидетельства о наказаниях в школах Греции. К изучаемому времени относится свидетельство Герода (Mim., III).

⁶⁴ Яркой иллюстрацией является трогательное мраморное надгробие со стихотворной эпитафией, поставленное на Родосе учителю Гиерониму, который преподавал там грамоту 52 года. См.: IG, XII, 1, № 141.

⁶⁵ Эти цифры из теосского документа (Syll.³, № 578), но они, вероятно, близки к общепринятым. См.: Rostovtzeff M. SEHAW, p. 1088. В Феспиях в III в. учитель военного дела получал 400 драхм в год. См.: Roesch P. Op. cit., p. 82—84.

⁶⁶ Дельфы (Syll.³, № 739).

⁶⁷ Месембрия (Velkov V. Les rapports culturels entre Mesambria et Callatis... — Studia Balcanica. Sofia, 1970, II, p. 55—62).

Развитие медицинских знаний в Греции протекало весьма интенсивно. Теоретические выводы медиков в силу специфики самой науки не могли абстрагироваться от их практической деятельности, которая ставила все новые задачи. Вместе с тем врачебная практика постоянно доставляла огромное количество экспериментальных данных, позволявших ученым выдвигать оригинальные гипотезы, направленные на познание природы человека и ее патологических изменений¹.

¹ История греческой медицины давно привлекает внимание антиковедов. Особо отметим значение работ врача и ученого Ш. Дарембера. Обратившись сначала к изучению сочинений Гиппократов и Галена, а затем и к анализу медицинских теорий древности, Ш. Дарембер подверг глубокому исследованию медицинские сведения греческого эпоса: *Daremberg Ch. Exposition des connaissances de la médecine grecque. Physiologie et la pathologie du Systeme nerveux.* P., 1841; *Idem. Fragments du commentaire de Galien sur le Timée de Platon.* P., 1848; *Idem. La Médecine dans Homère.* P., 1865. Заслуживает быть отмеченным то, что в основанном Ш. Дарембером монументальном издании *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines.* P., 1886—1919 известные тогда реалии медицинской профессии были описаны весьма детально и с большим знанием дела. Яркая работа С. Рейнака убедительно показала, что греческая медицина была рационалистической, с самого начала основанной на эмпирических знаниях и независимой от сакрального врачевания. Весьма важно и то, что С. Рейнак уделил большое внимание разносторонней деятельности рядовых врачей (*Reinach S. Medicus.* — In: *Daremberg — Saglio, s. v., p. 1669—1700*). Тогда же А. Веркутр аргументированно обосновал тезис о том, что именно в греческих полисах впервые была создана государственная медицинская служба. Его выводы были дополнены Р. Поолем. См.: *Vercoutre A. La médecine publique dans l'antiquité grecque.* - RA, 1880, n. s., v. 39, 309—321, 348—362; *Pohl R. De Graecorum medicis publicis.* B., 1905. Указанной проблеме посвящен ряд работ. Не останавливаясь на беглых очерках (такова, например, статья: *Woodhead A. G. The State Health Service in*

Следует сразу отметить, что активный научный поиск в области практики и теории медицины у эллинов I тысячелетия до н. э. опирался на длительную лечебную традицию, сохранявшую знания, добытые еще в эпоху бронзы. В суровых условиях жизни тогдашнего населения страны роль лекарей была особенно велика. Указание на это можно найти в «Илиаде»: в войске Ахейн под Троей были два врача, сыновья Асклепия, Махаон и Подалирий (II, 732; XI, 512). Но и некоторые воины могли лечить раны, как, например, Патрокл (XI, 808—847). Боги на Олимпе, как свидетельствует эпос, получали медицинскую помощь от специального врача Пеана (II, V, 401, 899-904).

Эмпирические знания ранних греческих лекарей, по-видимому, довольно рано сложились в определенную систему лекарьских знаний. На это указывает вывод III. Дарембера о том, что в гомеровском эпосе встречается довольно широкая анатомическая номенклатура². Анализ упомянутой терминологии в произведениях греческих авторов V в. (историков, драматургов и поэтов) показал, что в то время у эллинов уже существовала подробная анатомическая номенклатура, так что Гиппократу (469—399) даже не понадобилось^{2а} вводить новые наименования. Длительное накопление^{2а} экспериментальных данных по-

ge Historical Journal, 1952, v. X, p. 235—253), укажем на обширные исследования Л. Коун-Хэфта: *Cohn-Haft L. The Public Physicians of Ancient Greece*. North. Mass., 1956. Автор привлек большое число источников для освещения различных сторон проблемы: понятие полисного врача, его социально-экономический статус и т. д. Отдавая должное большой эрудиции автора, отметим, что принципиальным недостатком его работы является недостаточное понимание кардинальных особенностей мировоззрения гражданина полиса, что сказывается в перенесении в античное общество некоторых представлений более поздних эпох. Отсюда излишне критическое отношение Л. Коун-Хэфта к ряду взглядов предшественников или недостаточно аргументированное решение остающихся еще спорными вопросов. Надлежит отметить, что сакральная медицина греков исследовалась в XIX — XX вв. многими антиковедами и специалистами-медиками. Укажем важнейшие труды: *Жебелев С. А. Религиозное врачевание в древней Греции.* — 3 Р АО, 1893, н. с., VI, с. 368—429; *Herzog B. Koische Forschungen und Funde.* Leipzig, 1899; *Edelstein E. J. and L. Asclepius. A Collection and Interpretation of the Testimonies.* Baltimore, 1945, I — II.

² *Daremberg Ch. La médecine dans Homère.* P., 1865.

^{2а} Любопытно отметить глухое упоминание в эпосе о том, что египтяне имели врачебные познания, потому что они произошли от Пеана (Od., IV, 232). Сам же Пеан является мудрым целите-

зволило крупнейшим мыслителям V—IV вв. успешно развивать медицинскую теорию в самой тесной связи с философией. Эта связь была тем более прочной, что ряд выдающихся философов были профессиональными врачами. Отмеченные обстоятельства определили общий характер греческой медицины как науки рационалистической. И хотя у эллинов, как и у других народов, применялись методы сакральной медицины, они не являлись главенствующими и не препятствовали развитию строго научных знаний³.

Огромный сдвиг в медицине произошел во второй половине V в., и связан он с именем врача Гиппократа, уроженца острова Коса. По-видимому, это был особо одаренный деятель медицины, далеко превосходивший своих известных коллег по профессии⁴. К сожалению, подлинных трудов Гиппократа сохранилось не так много, большая часть сочинений, входивших в корпус Гиппократа, была написана его учениками и более поздними учеными, Примечательно, что некоторые авторы Псевдо-Гиппократовых трактатов предпочитают приписать свои сочинения великому медику — здесь сказывалось и обаяние имени знаменитого врача-учителя, и его авторитет, придававший убедительность их теории.

Текстологический анализ, совмещенный с исследованиями специалистов, позволил выделить ряд сочинений, несомненно написанных самим Гиппократом. Таковы трактаты «Афоризмы», «О суставах», «О переломах», «О ранах», «О местах в человеке» и ряд других⁵.

лем ран эллинских богов (II, V, 401, 899—904). Видимо, еще во второй половине II тысячелетия греки ставили знания своих лекарей выше врачебных познаний египтян.

³ С. Рейнак в статье *Medicus (Daremberg — Saglio, s. v., p. 1670—1671)* очень живо и убедительно доказывает, что история греческой медицины с древнейших времен является доказательством плодотворного могущества рационализма. Лишь со времени развития медицины в птолемеевской Александрии отмечается воздействие магических и сакральных приемов па эллинскую науку.

⁴ В VI — V вв. слава греческой медицины распространилась далеко за пределы Эллады. Даже Дарий I (521—486), страдавший от вывиха ноги, призвал на помощь пленного врача-эллина Демокледа, после того как¹ египетского (Her., III, 130).

⁵ Свод Гиппократа издан полностью лишь в 1839—1861 гг. (*Littre E. Oeuvres complètes d'Hippocrate*) выделил многие несомненные труды Гиппократа, в последующее время было уточнено происхождение некоторых Псевдо-

Книги, написанные самим Гиппократом, показывают, что автор их был большим мастером, обладавшим огромным практическим опытом, сумевшим теоретически обобщить данные, полученные его предшественниками в области изучения человека и его болезней⁶. Недаром греческая традиция V—IV вв. именно труды Гиппократа расценивала как вершину медицинской мысли.

Гиппократ полагал, что медицина уже настолько разработана, что врач должен прежде всего обладать знаниями и уметь их применять, не полагаясь только на удачу. Зная правила медицины, врач должен тщательно изучать каждого отдельного больного и его болезнь: ведь природа тела является исходной точкой для врачебного суждения, а природа и происхождение болезни могут требовать иногда противоположных, а иногда сходных средств лечения⁷. Исходя из этих принципов, сам Гиппократ и его непосредственные ученики уделяли особое внимание тщательному изучению каждого заболевания в каждом отдельном организме. По мнению Гиппократа, врачеватель не может постоянно пользоваться одним и тем же методом. Поэтому в медицине нет места никакой доктрине, и изучать ее нужно долго и основательно.

Огромный теоретический вклад Гиппократа был высоко оценен и творчески воспринят многочисленными медиками всей Эллады. Это тем более показательно, что следующие за великим уроженцем Коса два-три поколения греческих врачей были отнюдь не малоинициативными последователями, рабски копирующими гиганта-учителя, но весьма активными творческими работниками.

Среди врачебной интеллигенции того времени встречаются очень яркие личности. Упомянем врача Никомаха (отца Аристотеля), который был приглашен македонским

Гиппократовых сочинений. Например, трактат «О пище» был написан в римское время. (*Deichgräber K. Pseudhippokrates über die Nahrung. Mainz, 1973*). На русском языке в переводе В. И. Руднева труды Гиппократа были изданы в 1936—1941 гг. См.: *Гиппократ. Соч. М.; Л., 1936—1941—Т. I — III, причем т. I озаглавлен: «Избранные книги»*.

⁶ Нет сомнений в том, что окружавшие Гиппократа ученики доставляли ему ряд конкретных наблюдений. К сожалению, нам мало известен его ученик и зять Полибий, много сделавший для сохранения трудов Гиппократа.

⁷ *Hippocr. De locis in homine, 2, 42—43; Руднев В. И. Гиппократ. О природе человека. Казань, 1913.*

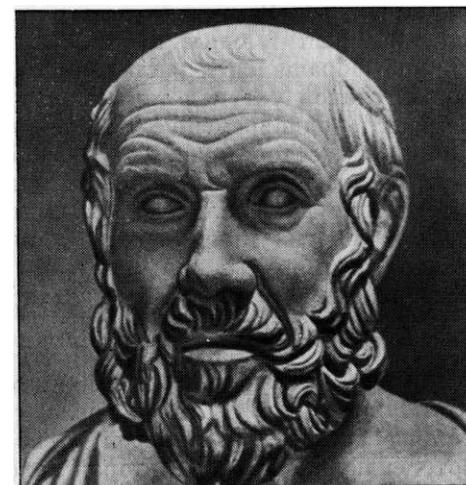

РИС. 3.
Портрет Гиппократа.
Римская копия
с греческого оригинала.
II в. до н. э.

царем Аминтой III (389—369) в качестве лейбмедика⁸. Если же вспомнить, что Аристотель включил в свое учение о живых организмах, особенно о человеке, массу чисто медицинских сведений⁹, которые он мог получить только от отца¹⁰, то станут совершенно очевидными научные достоинства последнего.

Для врачей первой половины IV в. характерно стремление к раскрытию главнейших проблем медицины с помощью философских учений. Особенно большое впечатление произвела на медицину теория Эмпедокла, в частности его положение о четырех количественно и качественно постоянных стихиях (огонь, воздух, вода и земля). Эта мысль была воспринята рядом выдающихся специалистов, представителей так называемой догматической школы в медицине. Первым среди них следует назвать врача Диокла, уроженца г. Кариста на Эвбее. Он жил на одно-два десятилетия раньше Аристотеля и работал в Афинах II, где его авторитет стоял очень высоко: Плиний,

⁸ Поздняя традиция, сохраненная в лексиконе Свида (*Suid., s. v. Nikomachos*), передает, что Никомах написал сочинения по медицине и биологии.

⁹ *Zeller E. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. II, 2. Aristoteles und die alten Peripatetiker. Leipzig, 1879 S. 563-607.*

¹⁰ *Ibid., S. 4-6.*

¹¹ *Jaeger W. Diocles von Karystos. Leipzig, 1938.*

указывая, что Гиппократ в своих трудах постоянно предписывал растительные лекарства, говорит, что не менее широко обращался к растениям и Диокл из Кариста, который славой уступал только Гиппократу¹².

Почти одновременно с Диоклом работал уроженец Локр Филистион (около 420—350-е годы). Он принадлежал к известной в то время сицилийской школе медиков. В своих трудах Филистион рассматривал болезни как результат многих причин: отсутствия или нарушения пропорций упомянутых четырех элементов в организме, как результат травм или как результат воздействия климатических факторов.

В IV в. активизировалась творческая деятельность греческих врачей в разных концах Эллады. Распространение медицинских знаний шло тем более быстро, чем больше требовалось лекарей во время войн, непрерывно сотрясавших Грецию со второй половины IV в.

К III в. до н. э. греческая медицина являлась высоко развитой отраслью научного знания. Она не замыкалась в узкопрофессиональных рамках, но активно перерабатывала достижения эллинских мыслителей.

Среди различных направлений в медицинской теории эллинистического времени отчетливо выступают два главных течения. Уже упоминавшаяся выше школа догматиков примыкала к философскому учению стоиков. Древняя стоя, возникшая в конце IV в. и получившая развитие в III—II вв., обращала большое внимание на проблемы физики. По мнению стоиков, мир — это живое существо, подчиненное логосу, разуму. Логос же — это всеобщая закономерность, управляющая развитием мира¹³. Догматики, принимая учение о логосе и возможность его познания, считали для медицины необходимым исследовать скрытые причины недуга, в частности природу человека и поводы болезни¹⁴. В этом они развивали положения Гиппократа. Другое направление медицинской теории — школа эмпириков — питалось философским учением эпикурейцев. Физические представления Эпикура (342/41—271/70), развившего учение об атомах и их движении, а также его мысль о необходимости как объективном законе Вселенной¹⁵ послужили отправной точкой для работ

¹² *Plin.* NH, XXVI, 10.

¹³ История античной диалектики. М., 1972, с. 226—228.

¹⁴ *Lloyd G. E. R. Greek Science after Aristotle.* L., 1973, p. 89.

¹⁵ История античной диалектики, с. 219—225.

многих медиков эмпирического направления, Эмпирики отрицали возможность познания невидимого. Поэтому задачей врача они считали прежде всего изучение каждого отдельного заболевания, причем руководящими факторами для медика должны быть внешние симптомы недуга, искать его внутренние причины они полагали бесполезным¹⁶.

Оживленная полемика между представителями двух названных направлений и еще нескольких более мелких течений способствовала успеху творческих исканий греческих медиков. К сожалению, до нашего времени почти не дошли труды участников этих споров, и судить о них приходится по сообщениям более поздних авторов. Интересно указание Плиния на то, что разногласия между школами длились очень долго¹⁷. Эта борьба мнений оказалась плодотворной. В обстановке оживленных дискуссий рациональный метод познания законов существования и исцеления живых организмов постепенно одерживал верх над различными видами иррациональных представлений о природе болезней и способах их лечения.

В изучаемое время продолжалось начавшееся уже давно обособление различных отраслей медицины, прежде всего хирургии, фармакии и диететики. Диететика, т. е. наука о правильном образе жизни, в том числе о правильном питании, привлекла внимание греческих врачей очень рано. Еще Сократ упоминал своего современника афинского врача Акумена (имя его встречается и у Платона), который для появления аппетита, улучшения и оздоровления жизни рекомендовал воздержанность в еде¹⁸.

Хирургия и фармакия были столь же четко сформировавшимися отраслями — эти термины встречаются не только в корпусе Гиппократа, но и в сочинениях Платона¹⁹ и Аристотеля. Медицинская терапия у Аристотеля упоминается достаточно часто²⁰, но, видимо, даже ко времени Полибия она еще не выделилась в особую отрасль²¹.

¹⁶ *Lloyd G. E. R. Op. cit.*, p. 89.

¹⁷ *Plin.* NH, XXIX, 5, 1.

¹⁸ *Xen. Mem.*, III, 13, 2.

¹⁹ Например: *Plato. Leg.*, 933b.

²⁰ *Bonitz H. Index Aristotelicus.* В., 1955, s. v.

²¹ Возможно, что уже в эллинистическое время зародилась та специализация медиков по возрастным категориям населения, которая хорошо известна в греческих городах во II—III вв. Тогда

Проблема специализации в лечебном деле несомненно волновала многих лекарей изучаемого времени. Весьма остро стоял, вероятно, вопрос о взаимоотношениях врачей-практиков и врачей-теоретиков. Характерна негодующая тирада Полибия, направленная против второго типа лекарей: «...врачи-книжники: долго поработавши в книгохранилищах и вообще извлеки из книг множество сведений, они и сами стараются уверить себя, что вполне подготовлены к делу, и другие считают их располагающими для этого всем необходимым...»²².

Поскольку Полибий, до того как он попал в Рим после битвы при Пидне в 168 г., активно участвовал в военных действиях, он имел самые широкие возможности общения с врачами, оказывавшими медицинскую помощь в полисах Ахейского союза. Поэтому мы полагаем, что выпады историка против врачей-книжников отражают взгляды, распространенные в медицинских кадрах Пелопоннеса. Уж очень непосредственно Полибий указывает на то, что книжное врачевание идет преимущественно из Александрии, от Герофила и Каллимаха. Правда, судя по словам Полибия, александрийцы очень рьяно превозносили свою ученость и, по-видимому, пытались оспаривать авторитет всех медиков, не принадлежавших к их кругу. Эта полемика велась не только на страницах ученых трудов: проезжая из полиса в полис, искусные на словах лекари собирали вокруг себя простой народ и, ловко раздгагольствуя, наносили ущерб опытным врачам-практикам²³.

Острота полемики в медицинских кругах была обусловлена, несомненно, самой спецификой науки: ошибки врачей оборачивались роковым образом для пациентов. Уже Гиппократ уделял большое внимание выявлению собственных ошибок и неправильных суждений своих коллег²⁴. Например, медики Книдской школы заслужили его порицание за то, что увлекались перечислением видов болезней. Стремясь составить наиболее полный список

работали врачи при гимназиях. (Тегея — IG, V, 2, № 50; Афины — IG, II², № 2237, -2243, 2245) и при герусиях (Магнесия на Меандре — *Kem O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. В., 1900, № ид, 19).

²² *Polyb.*, XII, 25 e (пер. Ф. Г. Мищенко).

²³ *Polyb.*, XII, 25d, e.

²⁴ В ценнейшем трактате о вывихах суставов (*De articulis*) Гиппократ детально анализирует неверные представления врачей и вред от этого для больных.

недугов, книдские врачи тратили силы и время на выявление и описание разновидностей, тогда как, по мнению Гиппократа, необходимо разрабатывать методы борьбы с самой болезнью²⁵.

Дискуссии в медицинских кругах вызывались не только научными соображениями. Активную роль играл такой субъективный фактор, как давний полицентризм медицинской науки в Греции. Существовавшие в IV—III вв. многочисленные крупные и мелкие очаги медицинской науки соперничали между собой, добиваясь признания своих теоретических положений и методов практического врачевания. Здесь затрагивались и научный авторитет, и благосостояние приверженцев каждого направления.

Популярность той или иной медицинской школы во многом зависела от талантливости ее представителей. Еще в V в. до н. э. считалось, что кротонские врачи во многом были обязаны своей доброй славой знаменитому доктору Демокеду, лечившему Поликрата Самосского, а затем и Дария. Об этом, в частности, сообщает Геродот (III, 131)²⁶. Так же было и позднее: античная традиция в лице Галена и других авторов сохранила имена многих крупных деятелей врачебного искусства, принесших славу Косу, Книду, Эпидавру, Кеосу и дру-

Выдающееся место занимала косская школа, где продолжали развиваться традиции, заложенные еще Гиппократом. Во второй половине IV в. ведущим медиком был здесь Праксагор, оставивший труды по анатомии и открывший артериальный пульс. Это был выдающийся врач, которого Плиний упоминает после Диокла. Праксагор производил сложные операции, в том числе и заворота кишок. Его ученики — Мнесифей, Плейстоник и Филотим — значительно укрепили авторитет косской медицины. В III в. из учеников косских врачей вышли такие крупные ученые, как Эрасистрат с Кеоса и Герофил из Халкедона. Последний, переселившись позднее в Александрию, основал там собственную медицинскую школу, дидаскалейон.

Успехи косских медиков основывались не только на высоком теоретическом уровне их знаний, но и на весьма

²⁶ *Hippoer. De diaeta...*, 1; *Ducatillon J. Sur un passage d'Hippocrate.* — REG, 1968, t. 81, N 384-385.

²⁶ За этими словами шла фраза о том, что во времена Демокеды кротонские врачи считались в Элладе первыми, на втором месте были врачи из Кирены. Но уже К. Абихт считал это место поздней вставкой. См. его комментарий к *Her.*, III, 131.

благоприятных возможностях клинического лечения пациентов²⁷. Прекрасные климатические условия способствовали превращению косского Асклепиеона в первоклассное лечебное учреждение. Полис извлекал значительные выгоды от притока людей, жаждущих излечения, тем более что это были в массе зажиточные пациенты, а нередко и цари соседних монархий. Например, Береника, супруга Птолемея I Сотера, разрешилась сыном, будущим Птолемеем II Филадельфом (308—246), именно на Косе²⁸.

Несомненно, что косский Асклепиеон располагал различными эффективными медицинскими средствами, помимо весьма важного фактора психотерапии — уверенности пациентов в том, что бог Асклепий, покровитель медицины, облегчит их страдания. Мобилизация психики больного, начинавшаяся уже с того момента как страждущий решал, кого именно — Асклепия, Гигиёю или самого Аполлона Целителя — просить о помощи²⁹, в значительной мере содействовала пользе применявшихся врачебных приемов.

Нужно отметить, что судя по инвентарю, которым пользовались в Асклепиеонах, их медицинский персонал имел полноценную по тем временам врачебную квалификацию. Например, в небольшом святилище Асклепия в Пирее в начале IV в. была составлена опись имущества, и здесь среди инвентаря перечислены щипцы, банки и врачебные ножи³⁰, видимо, различных размеров и назначения.

Можно полагать, что уровень медицинской помощи в косском Асклепиеоне был достаточно высок. Недаром стены его были увешаны табличками с описанием счастливых исцелений³¹.

Слава косской медицины и его Асклепиеона доставляла крупные экономические выгоды острову. Поэтому власти полиса всячески заботились об охране Асклепиеона. В условиях частых войн это было крайне актуально. Дошедшие эпиграфические документы свидетельствуют, что около 250—240 гг. полис Кос отправлял специальные посольства правителям Египта, Сирии, Вифинии и Пергама

²⁷ См.: Rostovtzeff M. SEHW, p. 237.

²⁸ Ibid.

²⁹ Иногда больной передавал решение этого вопроса на усмотрение самого Зевса: в IV или III в. в святилище Додоны некая Никократия запрашивала об этом

³⁰ Ibid., N 144, 1—23.

³¹ Strabo, VIII, 6, 15.

с просьбой о подтверждении неприкосновенности (асилии) святилища Асклепия. Полученные положительные ответы магистраты полиса опубликовали, поставив тексты внутри самого Асклепиеона³².

Но как бы ни славился Асклепиеон³³, в основе успехов косских врачей³⁴ лежали научные труды и вдохновенная врачебная практика нескольких поколений ученых — последователей Гиппократов.

Расположенный на крайней западной части побережья Карики Книды, основанный переселенцами из Аргоса, также был одним из авторитетных медицинских центров. Среди питомцев книдской школы особенно выдавался Хрисипп, работавший в начале III в. Его труды получили большое распространение в медицинском мире, в частности его суждения о целебных или вредных растениях. Плиний, например, неоднократно обращался к Хрисиппу (он упоминает его восемь раз)³⁵. Судя по Плинию, Хрисипп решительно критиковал ряд положений своих предшественников, причем делал это крайне многословно (*ingenti garrulitate*)³⁶. По-видимому, Плиний не одобрял длиннот в сочинениях Хрисиппа, но с его оценками и рекомендациями считался.

С Книды происходил и один из крупных врачей-практиков, служивший лейб-медиком у Антигона Гоната (320—239). Это тот Аристоген, о деятельности которого около 276 г. мельком упоминают источники³⁷.

Значительную роль играли Афины, как центр многих наук, в том числе и медицины. Здесь обучался в юности у последователей Аристотеля Эрасистрат, прошедший затем учение в медицинской школе Коса.

³² Welles. R. C, N 25, 26, 27, 28.

³³ Косское святилище Асклепия производило огромное впечатление на посетителей даже своим великолепным убранством: судя по восторгам экспансивной Коккалы, одной из героинь Герода, перед храмом и в самом святилище стояли статуи и рельефы (раскрашенные), отличавшиеся тонкостью исполнения и необыкновенной жизненностью представленных персонажей (*Herod. Mim.*, IV). При раскопках были найдены обломки некоторых упомянутых Геродом произведений искусства.

³⁴ Ниже будут приведены данные о деятельности врачей с Коса в разных полисах Греции.

³⁵ Plin. NH, XX, 33, 1.

³⁶ Plin. NH, XX, 33, 1.

³⁷ Suid., s. v. Αριστογένης.

Эрасистрат достиг большой известности, особенно тогда, когда переселился в Александрию. Это был талантливый врачеватель, осторожный в методах лечения. Его большой вклад в медицинскую теорию был разносторонен³⁸. Так, он обратил внимание на факторы механического порядка в органических процессах (например, мускульная работа по продвижению пищи в организме). Эрасистрату принадлежит также установление разницы между венами и артериями и ряд важных наблюдений над кровообращением. Его труды произвели большое впечатление, судя по отзыву Плиния и по вниманию к его трудам Галена (ок. 129-199).

Ученые, обращающие внимание на александрийский период деятельности Эрасистрата, иногда склонны не придавать должного значения его длительной подготовки у себя на родине, в Элладе³⁹. Между тем формирование Эрасистрата как врача происходило в Греции, в Египет он прибыл уже известным ученым.

Следует отметить, что Эрасистрат принадлежал к семье, многие члены которой славились своими медицинскими познаниями. Его отец, Клеомброт, служил лейб-медиком у Селевка I Никатора (312—280) и, по-видимому, пользовался большим доверием царя. В трудах поздних историков (Плутарха и др.) сохранился рассказ о том, что Клеомброт излечил царского сына, будущего Антиоха I, за что получил огромное вознаграждение в 100 талантов. Большинство источников приписывает это исцеление сыну Клеомброта Эрасистрату. Однако уже М. Велльманн обратил внимание на версию Плиния, который называет врача Клеомброта с Кеоса⁴⁰. Сопоставив этот рассказ с данными о жизни Эрасистрата, М. Велльманн пришел к убедительному выводу, что в данном случае успех отца был перенесен некоторыми авторами на его более известного сына⁴¹. Второй сын Клеомброта, Клеофант, был также врачом.

³⁸ Учение Эрасистрата подробно изложено в кн.: *Lloyd G. & R. Op. cit.*, p. 80—85.

³⁹ Эта ошибка присуща Г. Ллойд, очень бегло касающемуся событий доегипетского периода жизни Эрасистрата. Напротив, М. Велльманн в своей обстоятельной статье об Эрасистрате (RE, s. v.) уделил должное внимание сведениям традиции о самом Эрасистрате и его семье.

⁴⁰ *Plin.* NH, VII, 123.

⁴¹ *Wellmann M. Op. cit.*

Эти сведения показывают, что Эрасистрат мог получать медицинские познания от отца, а возможно, и от дяди по матери, врача Медия⁴². Досконально факторы механического порядка в органических процессах Эрасистрат вошел в античную традицию как гражданин Кеоса. Даже Страбон, бегло упоминая город Юлиду на Кеосе⁴³, отмечает, что она была родиной врача Эрасистрата⁴⁴.

Сохранил свой этникон и Герофил, уроженец Халкедона, работавший в Александрии. Герофил также учился у Праксагора Косского и стал одним из ведущих медиков догматической школы. Выдвинутые им новые положения обогатили различные разделы медицины: анатомию, неврологию, офтальмологию, диететику и фармакологию. С его именем связано в науке детальное и систематическое исследование человеческого пульса, и он был первым медиком⁴⁴, указавшим на значение пульса для постановки диагноза.

Эрасистрат и Герофил получили большое признание у Птолемея, а их учеников и последователей даже называли: врачи герофильские и врачи эрасистратовские⁴⁵. Таким образом, достижения эллинской науки распространялись в соседних странах⁴⁶.

Обычай указывать родной полис того или иного врача соблюдался не только в силу общепринятой в Элладе практики называть человека по месту его рождения и гражданства. При многочисленности врачей этникон помогал уяснить, о каком именно враче идет речь.

Помимо упоминавшихся крупных центров одаренные врачи появлялись и в других полисах, и слава о них распространялась по ближайшей округе. Эти работники передавали свои знания и свое имя преемникам, сыновьям или ученикам, так что в местных хрониках нередко сохранялись рассказы об их искусстве.

⁴² Жена Клеомброта Кретоксена была сестрой известного врача Медия (*Wellmann M. Op. cit.*).

⁴³ *Strabo*, X, 5, 6.

⁴⁴ *Lloyd G. E. R. Op. cit.*, p. 77—80.

⁴⁵ Например: *Strabo*, XII, 8, 20.

⁴⁶ Судя по замечанию Плиния о неблагоприятной судьбе направления герофилистов: *Deserta deinde et haec secta est: quoriam necesse erat in ea litteras scire (Plin. NH, XXIX, 5)*, эта группа медиков большое значение придавала чисто книжному знанию. Только так можно понять необходимость «знать науки», о которой говорит Плиний.

Например, в городе Айгиале на острове Аморгосе уже в середине IV в. известна семья врачей, именованная Асклепиадами⁴⁷. Надгробие Асклепиада Майандрия рассказывает, что он уберег от смерти многих людей, измученных болезнью. Высокое искусство свое он унаследовал от отца, также именованного Майандрием. Как отметил уже Л. Политис, передача имени прославленного врача его сыну и преемнику по профессии имела значение для создания и поддержания авторитета медика следующего поколения. По-видимому, жители Аморгоса ставили Майандрия старшего много выше своего сына, которого считали как наследника знаний отца. Примечательно, что в хвалебной эпитафии сына не было сказано, что Майандрий младший умножил доблесть отца.

Памятник Майандрия-сына позволяет судить о подъеме и упадке локальных лечебных центров. Их слава связана была с конкретной деятельностью того или иного выдающегося врача, и если его преемники не блистали знаниями и искусством, то популярность медиков этого полиса быстро угасала. Принимая во внимание многочисленность врачебных кадров в Греции в III—II вв., можно предполагать, что появление отдельных ярких фигур в медицинских кругах страны было не столь уж редким.

Развитие подлинно научных знаний в области врачевания должно было благотворно отразиться и на сакральной медицине. Это предположение находит основание в том, что в эллинистической Греции деятельность святилищ Асклепия не только не сократилась, но и значительно расширилась. Все большее число людей искало избавления от недугов у божественного целителя, а власти полисов всячески заботились о почитании Асклепия. Его старинный культ, колыбелью которого была Фессалия, в III—II вв. получил особенное распространение, что нашло свое выражение в расширении старых святилищ или возведении совершенно новых зданий⁴⁸. Параллельно с рос-

том размеров святилищ должна была возрастать и численность обслуживающего их. Такая медицина применяла менее сложные открытые приемы лечения, чем тогдашняя медицинская наука. По мнению С. А. Жебелева, посвятившего сакральной медицине углубленное исследование, при религиозном врачевании применялись простые естественные и безвредные врачебные средства; наряду с наружной и внутренней терапией широко использовались гимнастические и вообще физические упражнения⁴⁹. Заметим, однако, что простота средств требовала от применявшего их лекаря глубокого понимания психики больного и состояния его болезни⁵⁰. Поэтому нам представляется почти несомненным, что среди медиков, работавших в Асклепиеонах, должны были быть и весьма одаренные специалисты.

Следует признать, что прямых данных о работе врачей в Асклепиеонах в эллинистическое время до сих пор нет. Как отметил еще С. А. Жебелев, немногочисленные источники датируются первыми веками н. э.⁵¹ Однако анализ методов врачевания в святилищах Асклепия привел С. А. Жебелева к убедительному предположению, что там лечением больных ведали или специальные врачи, или жрецы, обладавшие медицинскими познаниями. Последние были подчинены жрецам, ведавшим точным исполнением всех религиозных обрядов, которые сопровождали врачевание⁵².

приезжего временного населения нуждалась в лечении, и управлявшие Делосом архонт и гиеропей, сочли необходимым развивать не светскую медицину, но именно сакральное врачевание под сенью святилища Асклепия. Эта целеустремленность политики властей тем более ясна, что даже почитание названного бога на Делосе в эпоху архаики не засвидетельствовано источниками (*Gallet de Santerre H. Delos primitive et archaïque. P., 1958, p. 270, № 9*). Делосский Асклепийон очень скоро стал весьма популярным местом лечения, и около 248 г. он был дополнен специальными больничными сооружениями. А именно: храм был обнесен двухэтажной колоннадой, из галерей которой открывались двери в небольшие помещения (*Lawrence A. W. Greek Architecture. Harmondsworth, 1957, p. 208*). Таким образом здесь появилась стационарная лечебница.

⁴⁹ Жебелев С. А. Религиозное врачевание в древней Греции.— ЗРАО, 1893 н. с, т. VI, с. 369—429.

⁵⁰ Несомненно, что психотерапия в Асклепиеонах была разработана не менее тонко, чем, например, хирургия в государственных амбулаториях полисов.

⁵¹ Жебелев С. А. Указ. соч., с. 425—426.

⁵² Жебелев С. А. Указ. соч., с. 427. Полезно привести мнение

47 Πολίτης Α. Δίο ἐπιτύμβια ἐπιγράμματα ἐκ Ἀμοργού.— Ἀρχ. Ἔφ., 1953—1954, II (1958), σ. 27—29; Peek W. Griechische Grabgedichte. В., 1960, S. 76, N 82.

48 Настроения этой эпохи нашли яркое отражение на Делосе. Спустя лишь 14 лет после освобождения от афинского владычества делосцы возвели около 300 г. храм Асклепия (*Marcade J. Au Musée de Delos. P., 1969, p. 361*). Это отвечало самым насущным потребностям острова, посвященного богу Аполлону и быстро превращавшегося теперь в средоточие торговли и религиозного паломничества (*Rostovtzeff M. SENHW, p. 230—236*). Масса

Следует сказать, что обширные размеры архитектурных комплексов важнейших Асклепиеонов, безусловно, требовали разнообразного обслуживающего персонала, в среде которого должна была по необходимости сложиться весьма четкая специализация. Ведь в священных лечебницах приходили (или их приводили близкие)⁵³ люди, измученные недугами и уже по одному этому обессиленные и подавленные. Выполнять в строгой последовательности сложные ритуальные предписания эти пациенты могли только в том случае, если служители бога своевременно объясняли им, какой обряд обязателен в том или ином месте святилища.

В названной работе С. А. Жебелев детально воссоздал обрядовую сторону религиозного врачевания⁵⁴. Приведем вкратце его основные положения, чтобы иметь суждение о характере процедур, входивших в процесс врачевания в Асклепиеонах.

Прежде всего больного подвергали очищению посредством омовения, к которому добавляли умашение мазями или даже окуривание. Затем больной постился, причем ограничение в пище и вине было достаточно строгим. После завершения срока поста просивший исцеления приносил Асклепию жертву. В зависимости от средств просителя такой жертвой могло быть или целое животное (свинья, баран), или мука и мучные изделия. Совершив жертву, больной получал право провести ночь в святилище. Там, согласно представлениям греков, сам Асклепий являлся во сне больному и объяснял ему, какие средства нужно применить для излечения. Если в первую

Л. Эдельштейна об особенностях лечения в Асклепиеонах: получавшие там предписания больные выполняли процедуры, которые мог бы назначить им и обычный врач (например, соблюдать диету, заниматься физическими упражнениями, употреблять капли и мази и т. д.). Но предписания бога-целителя выполнялись пациентами особенно аккуратно, что придавало еще большую силу лечебным средствам и процедурам в тех случаях, когда сама природа — способность организма побороть болезнь — способствовала успеху назначенного лечения. См.: *Edelstein L. Asclepius*, II, p. 163—166.

⁵³ Например, в комедии «Плутос» Аристофана рассказывается, как слепого старика Плутоса привели в храм Асклепия трое мужчин, его знакомых, и как они сами совершали очистительное омовение пациента, как затем положили его на ночь в святилище Асклепия и как после исцеления уводили его из святилища. Конечно, все это они делали согласно точным указаниям служителей храма.

⁵⁴ Жебелев С. А. Указ. соч., с. 391—395.

ночь больной не видел никакого подходящего сна, то его оставляли в храме на несколько последующих ночей. В условиях напряженного ожидания милости от бога больной мог легко увидеть сон, который опытные специалисты истолковывали в нужном смысле. Можно думать, что в течение нескольких дней, которые больной проводил в святилище, он сам и его недуг являлись объектами заметного наблюдения сакральных лекарей. Видимо, только после того, как именно они избирали подходящий метод рационального лечения, жрецы сообщали пациенту божественные предписания.

По всей вероятности, среди жрецов бога Асклепия имелись люди, обладавшие серьезными медицинскими познаниями. Конечно, лишь часть персонала святилища могла специализироваться в этой области, так как хозяйство храма требовало значительного числа других работников. Среди них были уборщики территории и садовники, дежурные по храму, бассейнам, источникам, колодезям, портикам, рощам и другим местам святилища, куда допускали больных паломников. Но в штате Асклепиеонов работали и специалисты более узкого профиля: жрецы — знатоки священных преданий и всех ритуальных обрядов данного святилища и жрецы-казначей, ведавшие сложным имуществом и финансами храма.

Ведь исцеление в Асклепиеонах сопровождалось благодарственной платой — *ἱάτρα*⁵⁵, о которой, как отметил еще С. А. Жебелев, исцеленному напоминали и сами жрецы⁵⁶. Скапливавшиеся крупные средства подлежали тщательному учету, сохранению, отдаче под проценты займа или, если это была земля, сдаче в аренду. Перечисленные финансовые операции излагались в отчетах жрецов-администраторов, которые публиковались на мраморных или каменных досках и ставились в оградах святилищ. Жрецы-казначей выдавали большие суммы на строительные и ремонтные работы в святилищах — подобные записи, особенно документы из Эпидавра⁵⁷, позволяют судить об обширном объеме производившихся работ. Естественно,

⁵⁵ *Hesych*, s. v. *ἱάτρα*: *μισθοί θεραπείας*.

⁵⁶ Жебелев С. А. Указ. соч., с. 395: «Вообще бог строго наблюдает за тем, чтобы ему выплачены были *ἱάτρα* — деньги за лечение».

⁵⁷ К уже давно опубликованным эпидаврийским надписям следует прибавить текст, обнаруженный в 1948 г. Это отчет о строительстве здания вокруг родника, которое велось в середине IV в. См.: Παπαδημητρίου Ι. Ἐπιγραφαὶ ἐξ Ἐπιδάουρου.—³Αρλ. Ἐφ. 1948 — 1949(1951), σ. 135-143.

что жрецы-финансисты не имели прямого отношения к лечебным процедурам в святилищах. Однако лишь их имена запечатлены в надписях из Асклепиеонов, тогда как имена основных работников святилищ, врачей, остаются и до сих пор почти полностью неизвестными.

Некоторые данные позволяют заключить, что административное жречество Асклепиеонов принадлежало к весьма зажиточным кругам населения. Так, например, должность жреца Асклепия, так же как и должности жрецов других божеств, продавалась за деньги. Весьма интересные сведения доставляет надпись о продаже места жреца в Асклепиеоне и об обязанностях лица, купившего эту должность, из города Халкедона⁵⁸. Поскольку апойкии обычно воспроизводили сакральные институты своих метрополий, можно полагать, что в этом документе повторены основные установления Мегар, высланных переселенцев на берега Босфора Фракийского еще около 737 г. Поэтому целесообразно привести некоторые данные из этого постановления халкедонян.

Судя по документу, речь шла о рядовом жреце-храмоуправителе: он должен был ежедневно открывать святилище, заботиться о чистоте не только храма, но и находившейся возле него стои. Но даже и такая невысокая должность ценилась в конце III — начале II в. очень высоко — купивший ее Матрий, сын Мэния, должен был заплатить 5 тыс. драхм. Власти города учитывали трудность единовременного взноса всей суммы, поэтому покупающему должность давалось право вносить плату в два приема. Но обряд вступления в жреческие обязанности — ἀνθεσις — должен был совершаться только после выплаты всех денег.

Уложение халкедонян, вероятно, повторяет и лишь отчасти развивает издавна сложившиеся правила замещения вакансий жрецов Асклепия⁵⁹. Этот акт показывает, что полисные власти предъявляли определенные требования к исполнению жрецами своих обязанностей и следили за их добросовестной работой⁶⁰.

⁵⁸ Латышев В. Календарь Мегар и их колоний.— ЖМНП, 1882, июнь, с. 243-254; Syll., N 1009.

⁵⁹ Этот документ четко подтверждает приведенную выше мысль С.А. Жебелева о том, что жрецы в Асклепиеонах не были врачами.

⁶⁰ На острове Делосе возле самого Асклепиеона было найдено посвящение Асклепиева жреца Сострата, сына Гермия, из Пирея, который благодарил, однако, не своего патрона Асклепия, а Ар-

Отмеченная выше неравномерность освещения источниками (эпиграфическими и литературными) деятельности различных групп персонала религиозных лечебниц в какой-то мере может отражать действительное положение. Иными словами, допустимо предположить, что ведавшее финансами жречество часто занимало главенствующее положение в Асклепиеонах, тогда как сакральные медики, вынужденные оставаться неизвестными, оттеснялись на второй план.

Конечно, сакральные врачи вряд ли позволяли храмовой администрации уж очень ущемлять свои интересы. К тому же существовавшая в святилищах профессиональная спайка обслуживающего персонала должна была смягчать противоречия, которые могли возникать между разными категориями работников Асклепиеонов.

Следует коснуться и конкретных условий труда медиков в религиозных лечебницах. В отличие от светских врачей сакральные медики осуществляли лечение в особо благоприятных природных условиях. Пациенты, вырванные из обиденной жизни, попадали в хорошо устроенные и ухоженные курортные комплексы. Эти здравницы привлекали своим обычно прекрасным местоположением, обилием источников, часто целебных⁶¹, а также богатой растительностью. В окружении мягкой, гармоничной природы паломники проникались спокойствием, здесь особенно крепили их надежды на то, что благой и мудрый бог исцелит их болезни. В этом убеждали и votivные таблички, висевшие в Асклепиеонах, с рассказами о чудесных исцелениях. Большое впечатление должны были производить статуи и рельефы, изображавшие Асклепия и его дочерей — Гигиейю, Панакейю, Иасо и Акесо. На рельефах часто изображали, как эти божественные врачеватели исцеляли немощных. Следуя сложившимся тогда представлениям, художники придавали богам-целителям внешность прекрасных, гармонически развитых людей, светящихся добротой и мягкостью. Эти привлекательные обра-

темиду Сотеру (Inscriptions de Delos, N 1909). Видимо, богиня спасла Сострата от каких-то бед, возможно, связанных с его деятельностью в качестве магистрата Асклепиеона.

Например, родники в Эпидавре, как показали современные анализы, доставляли минеральную воду, полезную при заболеваниях почек и желудочно-кишечного тракта. См.: RE, s. v. Epidaurgos.

зы также должны были поддерживать надежды каждого страждущего паломника на чудесное исцеление⁶².

С течением времени Асклепий, верный друг страждущих, получил прозвище Спасителя, так как именно он избавлял от телесных страданий человека, лично к нему обращавшегося. Эти верования особенно распространились в III—II вв., когда полисы Греции, изнемогавшие от войн, часто не могли обеспечить действенной помощи своим гражданам. На этой почве культ Асклепия-Сотера, Спасителя, достиг небывалого ранее расцвета. Дополнительным, но важным фактором была возросшая техническая подготовка персонала Асклепиейонов, умело использовавших достижения не только медицины, но и других наук. Устраивавшиеся в Асклепиейонах торжественные праздники, во время которых совершались чудеса излечения соответственно подготовленных больных, служили подъему авторитета бога-врачевателя.

Несомненно, что обстановка в сакральных здравницах способствовала успеху методов рациональной медицины, применявшихся тамошними врачами⁶³. Но, облегчая работу врача Асклепиейона с точки зрения психологической подготовки пациента и последующей психотерапии, религиозное врачевание лишало иногда лекаря возможности применить совершенно необходимые средства светской медицины. Тем не менее лечение в религиозных здравницах пользовалось большой популярностью в эллинистической Греции. Кроме Асклепиейонов в Афинах, на Косе и Делосе, можно назвать еще несколько не менее важных центров. Самым древним и наиболее почитаемым даже во времена Страбона был Асклепиейон в городе Трикке⁶⁴, во внутрен-

⁶² Восторги простодушных посетительниц в святилище Асклепия (на Косе, как полагают все ученые) очень тонко передал Геродот в своем IV мимиамбе.

⁶³ Строгое соблюдение этой тайны явилось причиной полного молчания эллинистических источников, что вводило в заблуждение многих исследователей. Например, Л. Коун-Хэфт категорически отрицает применение медицинских знаний в святилищах Асклепия вплоть до римского времени. Поэтому он резко противопоставляет приемы сакрального исцеления в эллинистических Асклепиейонах научным методам, открыто применявшимся в сакральных лечебницах в первых веках н. э. См.: *Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 28—29. Однако сложная структура эллинистических сакральных здравниц позволяет заключить, что там несомненно использовались научные принципы медицины, хорошо известные медицинским работникам, находившимся в Асклепиейонах.

⁶⁴ *Strabo*, IX, 5, 17.

ней фессалийской области Гистозотиде. Трикка, упоминаемая еще в «Илиаде» (II, 729; IV, 202) как владение сыновей Асклепия⁶⁵ Махаона и Подалирия, вплоть до наших дней сохранила полученное еще в эпоху бронзы наименование в форме Триккала. Расположение святилища в плодородной местности, на берегу довольно полноводного Лефея (притока Пенея), должно было весьма способствовать успеху курортной терапии. Действительно, на стенах триккского Асклепиейона висели многочисленные таблички с рассказами о полученных здесь чудесных исцелениях. Достоинством внимания, что Страбон упоминает о подобных текстах только в рассказе о врачебных святилищах Эпидавра, Коса и Трикки⁶⁶. Это позволяет полагать, что фессалийский Асклепиейон принадлежал к числу наиболее известных сакральных лечебниц.

Раскопки в Трикке велись в 1902 г., но в крайне небольших масштабах⁶⁷, поэтому пока еще нет достаточных материалов о деятельности персонала этого Асклепиейона. Между тем еще В. Лик списал стихотворную эпитафию одного «божественного врача», поставленную его женой Андромахой⁶⁸. Судя по тому, что надпись римского времени была вырезана на мраморной плите, покойный лекарь был зажиточным человеком.

Несколько больше известно о врачах из Асклепиейона Эпидавра. Обширная территория этой здравницы наводит на мысль, что численность медицинского персонала должна была быть здесь немалой — ведь сюда прибывала масса паломников, и, следовательно, приток средств был достаточно велик. Ярким свидетельством богатства святилища является сравнительно кратковременное строительство капитальных сооружений на территории здравницы⁶⁹. Так, не очень крупный храм самому Асклепию был сооружен архитектором Феодотом около 380 г., а в 360—330 гг. выдающийся архитектор и скульптор Поликлет Младший

⁶⁵ Греческая мифология называет Трикку родиной Асклепия (*Strabo*, XIV, 1, 38).

⁶⁶ *Ibid.*, VIII, 6, 15.

⁶⁷ Они даже не получили освещения на страницах «*Archaeologischer Anzeiger*».

⁶⁸ Камень был вделан в мост через реку. См.: *Leake W. M. Travels in Northern Greece*. L., 1838, v. IV, p. 285.

⁶⁹ Всеобщая история архитектуры. М., 1949, т. II, ч. 1. Архитектура древней Греции, с. 230—234; *Noack F. Die Baukunst der Griechen*. B., 1910, S. 61—62; *Burford A. The Greek Temple Builders at Epidauros*. Liverpool, 1969.

возвел прославленные еще в древности Фолос и в некотором отдалении от основной территории святилища — театр, акустические качества которого сохранились в полной мере: используемый и поныне театр в Эпидавре является первоклассным зрелищным сооружением. Недаром Павсаний, обычно не описывавший таких построек, особо отметил гармонию и красоту созданного Поликлетом театра⁷⁰.

В эпидаврском [Асклепийеоне имелся двухэтажный портик длиной около 70 м., в западном конце которого был устроен еще один этаж, впущенный в землю. Полагают, что этот подвальный зал служил энкойметерионом — комнатой, куда на ночь помещали больных, дабы Асклепий явился им во сне и сообщил о способах исцеления. В восточном конце портика был устроен священный источник, где больные совершали омовения.

На всей территории эпидаврского святилища были расположены небольшие портики и экседры, хорошо оборудованные для прогуливающих больных. Гимнасий, палестра, стадион и другие сооружения позволяли желающим свободно заниматься гимнастикой или искать духовных развлечений. К их услугам была гостиница (Катагогион) — квадратное в плане здание, разделенное на четыре части, каждая из которых имела свой отдельный центральный двор. Портик с колоннадой отделял комнаты первого этажа от открытого пространства двора. Таким образом, находившиеся на длительном излечении состоятельные паломники могли за соответствующую плату пользоваться удобным и достаточно изолированным жильем⁷¹.

Эффективность лечения в Асклепийеоне Эпидавра подтверждалась многочисленными надписями, сообщавшими об исцелениях. О них, кроме Страбона, упоминает и Павсаний⁷²; и действительно, ряд таких текстов был найден при раскопках святилища⁷³. Дошедшие документы отно-

⁷⁰ Paus., II, 27, 5.

⁷¹ Строительная деятельность в эпидаврском Асклепийеоне хорошо освещена подробными отчетами о производившихся работах, многие из которых дошли до нашего времени.

⁷² Paus., II, 27, 3: в периболе храма стоит шесть стел с именами исцеленных и описанием их болезней, а в прежние времена их было много больше.

⁷³ Syll.³, № 1168—1170. Исцеления приписывались Аполлону Малеатскому и его сыну Асклепию, так как верховным божеством Эпидавра считался именно Аполлон.

сятся ко времени вскоре после 320 г. до н. э. и далее, вплоть до II в. н. э. Эти надписи представляют собой весьма своеобразный тип источников, сообщающих не только о посетителях Асклепийеона. Ведь записи составлялись и редактировались служащими Асклепийеона, так что в них можно найти отзвуки мыслей персонала священной драмны.

Интересно, что в этих записях иногда содержатся даже критические высказывания, обращенные против скептиков, сомневавшихся в действенности Асклепиева лечения. Так, тексты № 1168-III и 1168-IV в доходчивой для самого простого человека форме стремятся сокрушить сомнения и указывают на благоволение Асклепия даже к неверящим в его силу людям.

Приведем содержание более короткого текста № 1168-IV: одноглазая афинянка Амбросия пришла к богу с просьбой, но, войдя в святилище, она стала осмеивать некоторые из записанных рассказов об исцелениях, говоря, что, дескать, невозможно, чтобы хромые и слепые могли стать здоровыми только потому, что увидели сон. Когда же она сама заснула, ей привиделось, как явился бог и сказал, что он сделает ее здоровой, а в качестве платы требует, чтобы она посвятила в святилище свинью из серебра, как памятник ее невежества. Сказав это, он открыл ее больной глаз и влил в него какое-то лекарство. Едва наступил день, она вышла из энкойметериона здоровой.

Эта новелла явно была рассчитана на тех паломников, которые хоть и прибыли в Асклепийеон, сомневались в действенности лечения. Однако авторы текста не осуждают подобного неверия, они мирятся с ним и лишь убеждают: засни в энкойметерионе и бог тебя исцелит, бог простит тебе твое невежество.

Стремление подчеркнуть доброту бога-целителя передает текст № 1168-VIII, рассказывающий о разговоре Асклепия с мальчиком Евфаном, эпидаврянином, страдавшим от каменной болезни: бог спросил мальчика, спящего в энкойметерионе, что он даст ему за исцеление. Мальчик ответил: «Десять астрагалов» — видимо, это была немалая ценность в глазах ребенка. Засмеявшийся бог обещал вылечить его, и когда Евфан утром вышел из энкойметериона, он был уже здоров.

Другие тексты повествуют об исцелениях больных, до-

веривших Асклепию и получивших излечение во время сна без каких-либо предварительных условий⁷⁴.

Приведенные примеры показывают, как тонко велась духовная обработка паломников по прибытии их в Асклепийон. Совершенно очевидно, что применявшиеся здесь методы убеждения заключали в себе демагогические приемы и элементы гипноза, наряду с которыми немалую силу имел и религиозный экстаз. Столь полная мобилизация психики больного⁷⁵ обеспечивала довольно высокую эффективность применявшихся сакральными врачами методов рациональной медицины.

Что касается самих врачей, то они не выказывали особенного религиозного рвения — среди многочисленных эпидаврских надписей найдено лишь одно посвящение врача Эпафродита, поставленное к тому же не Аполлону и Асклепию, а Исиде⁷⁶.

Зато жрецы Асклепийона тщательно заботились о том, чтобы паломники выполняли все установленные религиозные обряды. В ограде святилища стояли алтари с посвящениями самих жрецов Асклепию Сотеру⁷⁷. Здесь же были выставлены различные документы, излагающие ритуальные правила, называющие имена людей, ревностно исполнявших обряды.

В назидание паломникам еще в IV в. были опубликованы правила о том, как посетитель, прибывший в святилище, может получить средства для совершения предварительной жертвы⁷⁸, которая приносилась Аполлону⁷⁹:

⁷⁴ Таков рассказ в Syll.³, № И 68-Х II о том, как у заснувшего в энкойметерионе Евиппа бог вынул из щеки наконечник копья и положил ему в руки.

⁷⁵ Или его родственников, особенно в тех случаях, когда речь шла о лечении детей. Ведь каждой матери хотелось, чтобы Асклепий был так же благосклонен к ее ребенку, как и к мальчику Евфану. И уж конечно, каждая собиралась отблагодарить божество не 10 астрагалами, а гораздо большими ценностями.

⁷⁶ IG, IV, № 577. Уже В. Пеек отметил, что это первая надпись врача здесь (Pеек W. Inschriften aus dem Asklepieion von Epidaurus. В., 1969, S. 112, N 242).

⁷⁷ Полезно привести довольно позднее посвящение жреца Диогена (IG, IV, № 420), выполненное очень четко, как бы в назидание каждому пришедшему в святилище.

⁷⁸ Papadimitriou J. Le sanctuaire d'Apollon Maleatas à Epidaurе.— BCH, 1949, LXXIII, p. 361—383, особенно p. 366—370.

⁷⁹ Предположение И. Пападимитриу, что ἡ πρόβωσις была посвящена именно Аполлону, было принято Л. Робером (Bull, ер., 1951, N 99).

жрец Асклепия должен предоставить все необходимое (венки, зерна ячменя и дрова для сжигания жертвенных животных) за строго установленную плату. Списки отдельных лиц, сделавших щедрое посвящение или участвовавших в общем жертвоприношении⁸⁰, также были обнаружены, и каждый паломник мог их прочесть.

Авторитет эпидаврских божеств вообще стоял очень высоко, их чтили не только частные лица, но и полисы. Например, между 229 и 225 г. Ахейский союз принял специальное постановление о жертвах в Эпидавре богине Гигийе⁸¹. Можно предположить, что персонал святилища заботился о том, чтобы укрепить авторитет здравницы среди остальных святилищ Асклепия⁸².

Удачным приемом было использование для восхваления эпидаврского храма творчества поэта Исилла, написавшего в конце IV в. ряд поэм в честь Аполлона и Асклепия. Около 300 г. его произведения были высечены на стелах и выставлены в Эпидавре.

По-видимому, общепризнанное мнение о могуществе исцелителя Асклепия и его помощников играло некоторую роль в ряду психотерапевтических средств, которыми пользовались врачи Асклепийона. Конечно, не во всех записях об исцелениях нашли свое отражение реальные факты. Тем не менее наряду с храмовыми легендами эти тексты содержат рассказы о действительных выздоровлениях, пусть сильно приукрашенные и преувеличенные. Само пребывание в здравнице под наблюдением высококвалифицированных специалистов должно было приносить утомленным и страждущим паломникам большую пользу. Если же больные подвергались удачно выбранной и тщательно продуманной системе лечения, будто бы предписанной им Асклепием во время их сна (такое от-

⁸⁰ Например записи об участии в ὀλοκαύτησις («всесожжении»). См.: IG, IV, N 97.

⁸¹ IG, IV, N 73.

⁸² Уже С. А. Жебелев рассматривал эпидаврские тексты о чудесных исцелениях (ἰαμάτων) как средство поддержать славу святилища. См.: Жебелев С. А. Указ. соч., с. 402—403. Он также отметил, что тексты об исцелениях были вырезаны на стелах из особо прочного камня в расчете на сохранение их на возможно более продолжительное время.

Здесь мы склонны не согласиться с С. А. Жебелевым, полагающим, что в текстах «несомненно идет дело о чудесах, и притом вымышленных» (Жебелев С. А. Указ. соч., с. 402). Например, текст Syll.3. № 1168-111, рассказывающий об излечении неподвижных пальцев руки, мог основываться на реальном событии.

кровение позднее обозначалось латинским термином «инкубация»), то результаты могли быть очень значительными, особенно если учесть, что совершавшиеся предварительные процедуры представляли собой эффективные оздоровляющие приемы⁸⁴.

Асклепиейоны Эпидавра и Коса пользовались наибольшей славой в Греции. Но и более мелкие святилища, почитавшиеся в пределах сравнительно ограниченной территории, служили местом успешного лечения посредством инкубации. Конечно, все зависело от одаренности врача, ведавшего медицинской службой в каждом отдельном Асклепиейоне. Если это был настоящий мастер, то популярность святилища, в котором он работал, быстро возрастала.

Есть основания предполагать, что в III в. на Родосе в Асклепиейоне работали длительное время именно такие действительно крупные врачи. Об этом говорит косвенный источник: специальное постановление совета и народного собрания полиса о том, что никому нельзя ставить votivные статуи или иные посвящения в специально указанной части теменоса или во всех тех местах, где поставленные приношения могут препятствовать проходу по святилищу. Если же кто нарушит это правило и поставит votiv в неуказанном месте, то астиномы должны будут перенести его в другое место, а разрешение на постановку votiva аннулировалось⁸⁵. В 24—26-й строках декрета указано, что стелу с данным постановлением следует поставить в теменосе Асклепия в том месте, где укажет архитектор.

Приведенный документ создает впечатление, что большое число лиц стремилось поставить посвящения богу-врачевателю, но в святилище места уже не хватало. Надо иметь в виду, что родосский культ Асклепия не получил сколько-нибудь подробного освещения в источниках (например, Страбон не счел нужным упомянуть о храме этого бога на Родосе). Далее, следует учесть, что город Родос возник около 410 г.⁸⁶, так что тамошний теменос Аскле-

пия ко времени принятия закона о постановке обетных даров насчитывал не более 200 лет. Иными словами, территория сакральной здравницы не могла быть загромождена очень древними votivами архаического времени, обычно отличающимися массивностью. Приведенные соображения позволяют, как нам кажется, высказать предположение: в III в. в родосском Асклепиейоне на протяжении многих лет практиковали оставшиеся неизвестными искусные медики, добивавшиеся выдающихся результатов. Их деятельность вызвала такой поток благодарственных приношений Асклепию от исцеленных людей, что это потребовало сначала введения правила о выдаче официального разрешения на постановку votivов на территории теменоса, а затем и принятия дошедшего до нас декрета, ограничивавшего возможности установить еще более жесткими рамками.

Некоторые сведения о специализации медицинского персонала Асклепиейонов доставляют votivные приношения в виде тех частей тела, которые были излечены в той или иной сакральной здравнице. С.А. Жебелев, перечисляя изображения, по большей части из серебра, называет глаза, губы, носы, челюсти, зубы, уши, шеи, груди, руки, пальцы, колени, ноги и т. д., но замечает, что в таких приношениях из всех частей тела чаще всего попадают глаза⁸⁷. Это наблюдение сделано на основе анализа инвентарных списков афинского Асклепиейона. Следовательно, можно предположить, что в сакральной здравнице Афин офтальмология стояла на очень высоком уровне.

Можно назвать и гидротерапию, успешно применяющуюся в тех сакральных здравницах, где были целебные источники. Самым известным религиозным курортом было святилище в Оропе, посвященное древнему боже-ству оропчан Амфиараю, вместе с которым здесь чтили Аполлона-Пеана (Целителя) и богинь Панакию, Иасо, Гигею⁸⁸ и Афино-Пеанию (Целительницу), а также других богов. И в этой здравнице лечили посредством инкубации. О правилах размещения паломников в койметерионе сообщает один из раз-

⁸⁴ Надписи IG, IV², 121 — 127 дают ценнейшие сведения о подобных предписаниях.

⁸⁵ Robert J. et L. ~ Bull, ep., 1948, N 172; Sokolowski F. Lois sacrees des cites grecques. Suppl. P., 1962, № 107. Только Соколовский приводит дату.

⁸⁶ Syll.³, № 110; Колобова К. М. Из истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.). Л., 1951, с. 260—266.

⁸⁷ Жебелев С. А. Указ. соч., с. 398.

⁸⁸ Paus., I, 34, 3-5.

пом⁸⁹. Так, например, мужчины и женщины должны были спать в койметерионе по отдельности, причем женщин располагали в западной части священного помещения. Интересно, что в святилище Амфиарая велся учет лиц, которые желали получить исцеление от бога. В стк. 21—22 и 39—44 упомянутого устава определено, что желающий подвергнуться инкубации должен в присутствии неокора опустить в кассу «начального приношения». Неокор же записывает имя опустившего и название его полиса на деревянной доске, которую потом выставляет в святилище для всеобщего прочтения. Такая запись не только поднимала самосознание каждого паломника (что имело некоторое психотерапевтическое значение), но и помогала храмовой администрации хотя бы приблизительно подсчитывать текущие денежные доходы⁹¹ от отделения инкубационной терапии⁹².

⁸⁹ Syll.³, № 1004. Сохранившаяся часть устава излагает обязанности жрецов, точно указывая даже количество дней их дежурства в святилище в течение месяца. Жрецы должны заставлять неокоров (служителей, или, вернее, афинских афинянина) восхвалить за заботы о храме «по закону» (следовательно, существовало установление и относительно обязанностей неокоров) и о людях, прибывших в святилище. Жрец должен штрафовать каждого, кто совершал нечестивый поступок в храме, а также следить за правильным принесением жертв богу: храм получал с каждого жертвенного животного шкуру и сырое мясо.

⁹⁰ Спустя некоторое время сумму «начального приношения» уменьшили, поэтому слово «драхма» было стесано, а на его месте вырезана вдвое меньшая цена — такое объяснение дал У. Виламовиц-Мёллендорф, как указал Ф. Гиллер до Репристер *Восм.* H. Vorläufiger Bericht über die Koische Expedition im Jahre 1903.— AA, 1903, S. 190. Естественно, что вскрытие такой кассы было сложной операцией.

⁹¹ Подсчет поступающих в кассу крупного святилища денег, вероятно, представлял сложную процедуру, которую выполняли несколько магистратов. Известно, что полис Коса около 300 г. вынес специальное постановление о сооружении сокровищницы для бога Асклепия в его храме. Текст этого постановления и нижняя часть самого сооружения были открыты археологом Р. Герцогом. От сокровищницы сохранился большой прямоугольный ящик, сложенный из массивных плит черного мрамора. Ящик был впущен в пол святилища таким образом, что его крышка находилась на уровне плит пола. В середине накрывающей плиты находилось прямоугольное отверстие. Р. Герцог предположил, что над этим отверстием в храме был установлен деревянный ящик с соответствующими отверстиями вверх и вниз.

Наряду с инкубацией в святилище Амфиарая с большим успехом применялось бальнеологическое лечение. На территории теменоса находился обильный минеральный источник. О качестве его вод высказывались самые крупные медики эллинистического времени, в том числе и знаменитый Эрасистрат, отметивший непригодность этого источника⁹³. Вестимона здесь была вода, насыщенная различными солями. Помимо химического состава некоторую роль должно было играть и то обстоятельство, что вода Амфиарая была теплой⁹⁴. Эти качества способствовали лечению многих болезней в Оропе и содействовали широкой славе его святилища.

Действительно, письменные и археологические⁹⁵ источники согласно свидетельствуют о высоком уровне организации гидротерапии в Амфиарайоне. В нашем распоряжении имеется серия рационально было устроено здесь прохождение водных процедур. Совершенно очевидно, что медицинский персонал амфиарайского курорта тщательно продумывал использование минеральных вод для лечения. Правда, в надписи от 333/2 г. о ремонте источника и купален о святилище амфиарайского жреца Антикраты из Декелий⁹⁷, но, вероятно, жрец выступал в Афинах с програм-

Опущенные паломниками в это верхнее отделение деньги постепенно скатывались вниз в мраморное хранилище, недоступное для посторонних. См. также: *Восм.* H. Vorläufiger Bericht über die Koische Expedition im Jahre 1903.— AA, 1903, S. 190. Естественно, что вскрытие такой кассы было сложной операцией.

⁹² Можно полагать, что этот вид врачевания развился в Амфиарайоне очень рано, возможно, острый уже в VI в. пользовался большой популярностью. Недаром лидийский царь Крез (560--546) обращался к Амфиарая за предсказаниями и послал в его храм богатые дары (*Her.*, I, 49—52).

⁹³ *Athen.*, 11, 46 с. *Xen. Mem.*, 13, 3. Ссылка Сократа на температуру воды Амфиарая показывает, что в конце V в. афиняне хорошо знали оропский источник; см. также: *Aristo ph.*, fr. 32 K (о водах Амфиарая).

⁹⁵ *Bethe.* Amphiareion.— In: RE, s.v.; в 1890 г. среди прочих сооружений здесь были раскопаны монументальные купальни.

⁹⁶ Осенью 338 г. царь Филипп, взяв Фивы, отдал Ороп афинянам (*Paus.*, I, 34, 1). Получив этот важный центр, Афины развернули энергичную деятельность по приведению в порядок сооружений сакральной здравницы и позаботились о том, чтобы все хорошо знали о попечениях о святилище.

⁹⁷ IG, VII, N 4255.

кой ремонта, уже выработанной всем штатом святилища на месте.

Упомянутое постановление о ремонте было начертано на мраморной стеле и поставлено в святилище Амфиарая. В тексте надписи указано, что выполнение работ сдается подрядчику за 900 драхм. Объем и характер намечаемых работ изложены очень детально, что говорит о стремлении сделать возможно более удобным пользование сакральным курортом. Сам источник должен был быть обложен штучным камнем; находящаяся перед ним и купальнями терраса получила новое покрытие из тесаных плит, плотно пригоняемых одна к другой и затем полируемых. В постановлении даже указано, что должен быть обеспечен беспрепятственный сток воды с террасы. Кроме того, с обеих сторон источника и купален должны быть устроены ступени, такие же, какие уже имеются в Амфиарайоне. По условию контракта, который был заключен с Фаностратом, уроженцем аттического дема Холарга, все работы должны были быть произведены в течение 60 дней, считая с того времени, как подрядчик получит всю сумму, выделенную на ремонт.

Судя по другому декрету, принятому в Афинах в том же 333/2 г. в честь Пифея, сына Сосидема, из Алопеки⁹⁸, избранного эпимелетом водоснабжения самих Афин 99, все государство придавало большое значение этим работам: афиняне восхвалили Пифея за добросовестное исполнение обязанностей, и в частности, за устройство источника Амфиарая, проведение воды и подземных каналов там же. По-видимому, Афины осуществляли реконструкцию баланеологической системы Амфиарайона по указаниям работников сакральной здравницы, по всю славу перестройки они стремились приписать именно себе. На это указывает и афинский декрет от 332/1 г. в честь Фаиодома, сына Диилла, из Фимайтадского дема¹⁰⁰, зато, что он, будучи номо-

⁹⁸ Syll.³, N 281.

⁹⁹ Точное наименование — κρηνών επιμελητής. Эта должность названа Аристотелем (Ath. Pol., XLIII, 1). в числе магистратур, избираемых на четыре года голосованием в Афинах. Данное обстоятельство, как отметил Дж. Сэндис в комментарии к приведенному месту «Афинской политики» (Aristotle's Constitution of Athens. L., 1912, p. 167), указывает на важное значение «попечителя об источниках». Декрет в честь Пифея свидетельствует о том, что полномочия этого магистрата распространялись на всю территорию Аттики.

¹⁰⁰ Syll., N 287.

фетом, заботился о святилище Амфиарая и среди прочих похвальных деяний доставил средства к устройству святилища.

Надо сказать, что Афины очень торопились с перестройкой водоснабжения амфиарайского святилища. В контракте, заключенном с подрядчиком на проведение закрытого канала в святилище¹⁰¹, указано, что камни для кладки водовода нужно взять из театра, постройка которого велась в то время. Эта поспешность свидетельствует о том, как много значили тогда для Афин здравница и оракул Амфиарая. Недаром в 332/1 г. в Афинах было принято специальное постановление о посвящении богу Амфиарая золотого венка в тысячу драхм за помощь в лечении и спасении обращающихся к нему афинских граждан с женами и детьми¹⁰². Значение Амфиарайона хорошо понимал и Лисимах — между 287 и 281 гг. он посвятил статую своей невестки богу Амфиарая¹⁰³.

Приведенные источники позволяют высказать предположение, что гидротерапия была одной из самых действенных целительных процедур в оропской сакральной лечебнице. Возможно, что сюда стекалось большое число людей, страдавших разного рода душевными недугами¹⁰⁴, и пребывание в водолечебнице Амфиарая приносило им некоторое облегчение. Возведение монументальных водопроводных сооружений в этой здравнице показывает, что больных такого рода здесь было очень много и нужно было обеспечить им спокойный доступ к лечебным процедурам. Вероятно, интересы этого контингента больных дали толчок к тому, что Оропское святилище стало крупным культурным центром — устраивавшиеся здесь праздники Большие Амфиарайские гимнические и музыкальные агонии¹⁰⁵ и театральные представления также содействовать исцелению душевных недугов.

Внимание к душевной жизни больного, которое так ясно проявили сакральные врачи Эпидавра и Оропа, оза-

¹⁰¹ IG, VII, N 4255.

¹⁰² IG, VII, N 4252; см.: Жебелев С.А. Религиозное врачевание..., с. 397.

¹⁰³ Syll., N 373. Конечно, для царя это было средством для завоевания симпатий Греции.

¹⁰⁴ На эту мысль наводит статья о наказании лица, совершившего проступок в храме Амфиарая, сохраненная в уставе святилища (Syll., № 1004). Нарушить благочестие такого места мог лишь психически неполноценный человек.

¹⁰⁵ Syll., N 675; IG, VII, N 414.

ботившиеся о сооружении театров, гимнасиев и других просветительных учреждений в пределах религиозных лечебниц, позволяет усомниться в правильности данной Г. Бенгтсоном характеристики религиозных здравниц в эллинистической Греции. Отмечая высокий уровень греческой медицины в эпоху эллинизма, Г. Бенгтсон пишет, что одновременно продолжала жить древняя народная медицина. Надписи из Эпидавра полны рассказов о чудесных исцелениях, путь к которым указал верующим бог здоровья Асклепий во время сна в его храме. Также и Амфиарай в Оропе помог очень многим¹⁰⁶. Это замечание немецкого историка заставляет предполагать, что деятельность двух названных центров религиозного врачевания он склонен отнести к категории народной медицины, Volksmedizin.

Нам представляется, что вопрос не может быть решен столь однозначно. Конечно, обращение больного к боже-ству-врачевателю означало отказ от научной медицины и признание сакральной медицины единственной спасительницей. Данный поступок больного, конечно, не выходит за рамки древних представлений. Но деятельность самих сакральных медиков ушла очень далеко от методов народной медицины. Будучи жестко ограничены консервативными формами религиозной терапии, храмовые лекари должны были добиваться устойчивых положительных результатов «божественного» лечения хотя бы небольшой части массы жаждущих исцеления паломников. Не следует забывать, что греки эллинистического времени жили в эпоху расцвета рационализма и отношение эллина к его богам иногда принимало даже несколько иронический характер¹⁰⁷. Поэтому если больной паломник тратил свои последние деньги на жертвы богу-целителю, то хоть обязан был излечиться если не всех прошивших, то хоть какое-то число больных в каждой группе проходивших инкубацию. Данная необходимость диктовалась не только соображениями престижа того или иного храма¹⁰⁸, но

¹⁰⁶ Bengtson H. Griechische Geschichte, S. 451- 452.

¹⁰⁷ Достаточно вспомнить шутки Аристофана или некоторые вазовые рисунки IV—III вв. Но вместе с тем боги оставались для греков теми же высшими защитниками и помощниками, к которым постоянно обращались.

¹⁰⁸ Заметим попутно, что стелы с записями о «божественных» исцелениях при инкубации были рассчитаны не на темную массу, а на читающую публику. Следовательно, храмовый персонал стремился поддержать репутацию своего центра среди достаточ-

и финансовыми интересами святилища, иными словами, его штата. Ведь жрецы и сакральные медики были крайне заинтересованы в увеличении своих доходов, а большое число лиц низшего персонала — в возможности зарабатывать себе на жизнь.

Отмеченные обстоятельства позволяют думать, что в религиозных здравницах уровень врачебного искусства не мог стоять очень низко. Особенный характер связей храмового персонала с казначейством полиса несомненно придавал известную остроту всякого рода «производственным срывам» в сакральной лечебнице. Невежественный или тупой лекарь мог принести большой ущерб всему коллективу здравницы. К тому же каждое святилище бога-целителя должно было время от времени славиться чудесными исцелениями. Устройство таковых также требовало от храмовых медиков хорошей профессиональной выучки. Добавим и то, что конкуренция сакральной медицины с гражданской также была бы немислима без серьезных научных знаний у врачей, служивших при храмах богов-целителей.

Изложенные соображения позволяют отвергнуть представления о религиозном врачевании в эллинистической Греции как только о продолжении древней народной медицины¹⁰⁹. Сакральная медицина примыкала к светской в качестве весьма специфической отрасли всего лекарского знания. Высокий научный уровень греческой медицины в IV—II вв. не мог не сказаться на религиозном врачевании¹¹⁰. Веским доказательством этому служат сложные архитектурные комплексы Асклепиеонов, в которых тонко учитывались не только специальные медицинские требования, но и многие сложные душевные движения приходивших туда паломников¹¹¹.

но широкого круга людей, знающих грамоту или относящихся с уважением к написанному тексту.

¹⁰⁹ По словам Ф. Ф. Зелинского, «живучесть этой сакральной медицины не должна нас удивлять: она ведь даже не лишена известной психологической обоснованности» [Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма. Нг., 1922, с. 103]. Интересно его мнение о результативности инкубации: «... по исполнении требования сна больной выздоравливал—таково было правило, исключения не записывались» (Там же, с. 103).

¹¹⁰ В свою очередь успехи сакральных лечебниц должны были как-то учитываться светскими медиками.

¹¹¹ Полезно было бы составить свод данных о всех здравницах Асклепия в Греции. обстоятельная книга П. Жирара об афинском Асклепиеоне уже порядком устарела (Girard P. L'Ascle-

Заслуживает внимания и роль Асклепия как божества-целителя, охраняющего жизнь и здоровье всех граждан полиса. В IV—III вв. ясно выступает тенденция некоторых полисов поднять его государственное значение. Это заметно даже в Афинах, как показывает декрет начала IV в. о порядке и финансовом обеспечении жертв Асклепию за благополучие народа афинян¹¹². Возведение заново святилищ Асклепия в виде обширных архитектурных комплексов также указывает на важную роль Асклепия не только в практической деятельности полисов, но и в идеологической жизни каждого государства Греции. Напомним, что Делос очень скоро после возвращения ему в 314 г. независимости предпринял строительство монументального Асклепейона¹¹³. По-видимому, для

pieion d'Athenes. P., 1881), о других святилищах нет и таких работ. Между тем эпиграфика приносит все новые сведения о культе Асклепия в разных местах Греции. Например, еще в XIX в. на Фасосе были найдены надписи, свидетельствующие о почитании Асклепия фасосцами (IG, XII, 8, № 364—365, 367), причем бог-целитель имел здесь свой храм, в котором врачевал различные недуги (Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos. I. De la fondation de la cite à 196 avant J.-G.P., 1954, p. 331—335, 337, 404). А недавно, в 1954 г., была найдена большая плита с текстом фасосского закона, перечисляющего государственные праздники, в дни которых было запрещено обвинять (в суде) или заключать кого-либо в тюрьму. Список таких праздничных дней очень длинный, на 15-м месте в нем упомянуты Большие Асклепейи (*Salviat F. Une nouvelle loi thasienne, institutions judiciaires et fetes religieuses à la fin du IV-e siecle av. J.G.— BCH, 1958, LXXXII, p. 193—267*). Отсюда следует, что почитание Асклепия на Фасосе не ограничивалось его святилищем-лечебницей, государство проводило большие и малые праздники в честь бога, причем расходы на эти торжества оплачивались из казны полиса. Можно полагать, что со временем роль фасосского Асклепейона в области религиозного врачевания станет много более ясной. Интересно было бы получить данные о контактах Гиппократов, практиковавшего на Фасосе около 411 г., с сакральными медиками фасосцев.

¹¹² Syll., N 144, 23—40; IG, II², N 47. Правда, афиняне просили заботиться о «здоровье и спасении совета и народа афинян, и их детей, и их жен, и всех остальных владений афинян» также и Диониса и других богов. См.: IG, II², N 410, надпись около 330 г.

¹¹³ Сооруженное на мысу в южной части острова, это святилище состояло из ряда помещений: первый перистильный двор, за ним, через 20 шагов, второй перистильный двор, где, как полагают, производился обряд инкубации; отсюда через мраморные пропилеи проходили в ойкос, дом площадью 10,40 X 8,50 м., где хранились некоторые посвящения и архивные документы. За ойкосом возвышался храм Асклепия — здание дорического

укрепления самосознания делосского гражданства возведение храма Асклепия имело определенное значение.

Возможно, конечно, что наличие Асклепейона внушало жителям крупных полисов уверенность в возможности спасительного излечения при всякого рода болезнях, которые особенно часто поражали портовые города. Ведь в эллинистическое время развитие судоходства и многосторонних контактов между населением разных стран Средиземноморья должно было иметь неизбежным следствием и быстрое распространение инфекции¹¹⁴. В этой связи интересны детали основания святилища Асклепия в начале III в. в крупном приморском полисе Навпакте. Рассказанная Павсанием легенда позволяет узнать некоторые реальные обстоятельства: навпактяне, видимо, обратились за содействием в святилище Эпидавра. Оттуда им были присланы запечатанные дельты, которые-де сам Асклепий вручил во сне известной поэтессе Аните, уроженке Тегеи, повелев ей плыть в Навпакт. На дельтах, видимо, были записаны профессиональные правила культа бога-целителя. Об этом Павсаний не говорит, однако сообщает, что Аните в Навпакте были вручены 2 тыс. драхм. Данные о сакральном врачевании в Элладе показывают, что светской медицине приходилось считаться с этим явлением.

* * *

Отмечавшиеся выше неуклонный рост знаний и накопление врачебного опыта были возможны лишь при условии тщательной подготовки все новых и новых лекарских кадров, спрос на которые постоянно возрастал.

С давних времен в Греции подготовка лекарей велась так же, как и представителей других профессий: признанный специалист принимал в учение молодых людей и за плату передавал им свои знания. Именно таким образом Гиппократ обучал в Афинах желающих овладеть искусством врача¹¹⁵. По-видимому, инициатива исходила не от

ордера с четырьмя колоннами по западному фасаду. Между колоннами было расположено по одному триглицфу (*Bruneaux Ph., Ducat J. Guide de Deles. P., 1265, p. 14, 166, № 125*).

¹¹⁴ В этом отношении весьма поучительно расположение пергамского Асклепейона в нижней части холма, на юго-западной стороне холма, стоявших на различных террасах высокого холма.

¹¹⁵ *Plato. Protag.*, 311 b—c.

уже в IV в. такие работы были хорошо известны: недаром Аристотель пишет о терапии, основывающейся на руководствах, и о лечении согласно предписаниям как о доступных образованному человеку предметах¹²⁵. Эти наставления медикам свидетельствуют о стремлении общества Асклепиадов поддерживать высокий уровень преподавания медицины. Действительно, некоторые руководства, вошедшие в Корпус Гиппократов, отличаются не только глубокой разработкой темы, но и лекционным характером изложения¹²⁶. Другие части Гиппократова свода представляют собой конспективное изложение трудов великого уроженца Коса и, таким образом, являются прямыми свидетельствами той кропотливой учебной работы, которую должны были проделать лица, изучавшие тогда медицину.

Есть основания полагать, что греческие медики заботились и о постоянном повышении своей квалификации. Например, брeвиарий *Vectarius* («О рычаге») был составлен весьма компетентным лицом¹²⁷, которое могло быть врачом-практиком или учителем медицины — ведь врачи-преподаватели постоянно обращались к классическим работам для поддержания знаний. Строгое отношение к своему профессиональному уровню диктовалось всеми условиями интеллектуальной жизни Греции — интенсивный пульс умственной деятельности сразу выявлял нерадивых, ленивых и невежественных специалистов. Так как образованный эллин довольно легко мог ознакомиться с основными медицинскими предписаниями относительно той или иной болезни, то врачи, естественно, должны были стремиться не потерять доверие пациентов. Завоевать же авторитет знающего врача было совсем не легко. Некоторым лекарям это удавалось лишь после многих лет работы. Например, уроженец острова Тенедоса врач Фаид, сын Дамассагора, долгое время добивался того, чтобы Эллада признала его мудрейшим из врачей¹²⁸.

¹²⁵ *Arist. Pol.*, 1287a.

¹²⁶ Таков, например, трактат «О суставах» (*De articulis*).

¹²⁷ Комментировавший перевод этого трактата В. П. Карпов считает, что «конспект этот сделан с полным знанием дела лицом, вполне владеющим предметом, и содержащий местами ценные дополнения и пояснения» (*Гиппократ*. Соч. М.; Л., 1941, т. III, с. 88).

¹²⁸ Так сказано в его эпитафии, поставленной в начале III в. в Пафосе, на Кипре (*Peek W. Griechische Grabgedichte*, № 138).

Отмеченные обстоятельства оказывали самое прямое воздействие на совершенствование системы подготовки медиков. В III—II вв. в Греции появились настоящие медицинские школы, обучавшие слушателей медицинской теории согласно избранному основателем школы направлению. Такое училище, дидаскалейон, обычно возглавлялось крупным специалистом-медиком. Имена некоторых из них сохранялись в памяти нескольких поколений¹²⁹.

Программа занятий в медицинских школах была весьма разносторонней. Конечно, главное внимание отводилось специальным дисциплинам — анатомии, хирургии, гинекологии, офтальмологии, общей терапии, диететике, гигиене и другим отраслям медицинского знания. Большое место занимала фармакология — врач должен был не только знать лекарства, но и уметь их составлять¹³⁰. Во многих случаях лекари сами снабжали своих пациентов необходимыми лечебными средствами. В эпитафии сикионянину Филону, сыну Филократа, завершившему свой жизненный путь в Афинах в середине III в., специально отмечалось, что он зна

Почти в те же годы ученик Герофила Мантий впервые написал руководство по составлению медикаментов¹³². Этот труд послужил основой для многих последующих учебников фармакологии, изучавшихся в медицинских училищах¹³³.

Но помимо специальных предметов будущие врачи изучали обширный свод правил, определявших роль и место врача в обществе. Эти установления касались не только чисто профессиональных приемов лекарского дела, они

¹²⁹ Например, Страбон (XII, 8, 20) упоминает врача Гикесия, который во времена предков географа основал в Смирне школу врачей эрасистратовского направления. Можно полагать, что в материковой Греции такие школы возникали уже при жизни Эрасистрата и Герофила, следовательно, еще в первой половине III в.

¹³⁰ Изготовление лекарств и продажа их очень рано отделились от медицины — в Афинах в V в. весьма популярны были фармакополы, продавцы лекарств, торговцы (Nub., 767—769), не только снадобьями, но и всякими диковинками.

¹³¹ *Peek W. Griechische Grabgedichte*, N 215.

¹³² *RE*, s. v. *Mantias*, N 4.

¹³³ Сведения Плиния о лечебных свойствах многих растений и различных веществ были почерпнуты из обширной фармакологической литературы эллинистического времени, как указывают его ссылки на Эрасистрата и других врачей.

включали и этические требования, которые предъявлялись к врачу, гражданину полиса. Надо сказать, что греческих мыслителей V—IV вв. интересовали тончайшие оттенки взаимоотношений между полисом и гражданином, в основе которых лежали обязанности человека по отношению к защищавшему его жизнь и нрав государству. В их философско-правовых теориях исследовались и связи полиса с его интеллигенцией. Примечательно, что на лиц интеллектуальных профессий философы накладывали обязательства более жесткие, чем те, которые предъявлялись рядовому гражданству.

Греческая философия хорошо понимала социальную опасность образованного человека, преследующего только свои интересы в ущерб интересам полиса. Например, Сократ учил, что люди красноречивые, практичные и изобретательные, но не умеющие мудро мыслить, бывают более несправедливыми и имеют большие возможности причинять зло другим людям. Поэтому Сократ стремился преподать всего внушить своим ученикам нравственную мудрость (или мудрость высокой морали)¹³⁴, ή σοφροσύνη, и лишь после этого — другие знания.

Это представление философа о моральном облике образованного человека находит соответствие в тех нормах, которые государственно-правовая мысль греков считала необходимыми для медицинских работников. Достаточно привести лишь один пример: Платон в своем проекте государственных законов идеального полиса разбирает вопрос о наказании человека, который применил отраву, желая лишь причинить вред кому-либо, а не убить его (или его домочадцев), но результатом таких действий была чья-то смерть. Если отравителем был врач и суд признал его виновным в отравлении, то этого врача должно наказать смертью. Если же отравителем оказался человек невежественный (в лекарском деле), то суд должен решить, какому наказанию подвергнуть виновного или какой штраф он должен уплатить¹³⁵. Это говорит о том, сколь велика была ответственность врача перед его согражданами в реальном греческом полисе. Вместе с тем юридическая мысль греков стремилась не допускать обвинения добросовестных врачей в смерти их безнадежных больных. Отражением этой тенденции является мысль

¹³⁴ Xen. Mem., IV, 3, 1.

¹³⁵ Plato. Leg., 933 d.

Платона о наказании за невольное убийство: человеку нечаянно совершивший убийство на состязаниях или на военных упражнениях, должен очиститься в соответствии с предписанием на этот случай, полученным из Дельфы. То же касается и всех врачей: если больной против воли лечащего его врача умрет, то после совершения обряда очищения лекарь, согласно закону, будет считаться невиновным¹³⁶.

Высказанные Платоном мысли позволяют думать, что уже в V—IV вв. лекарская профессия пользовалась особым вниманием со стороны полиса. Это неудивительно: греческие государства, заботившиеся о здоровье своих граждан, не могли оставаться безучастными к деятельности медиков.

Проблема ответственности врача перед обществом понималась греками неоднозначно. Имеющиеся источники позволяют заключить, что эллинские медики ставили вопрос об общегражданской этике врача и о чисто профессиональной. При этом они опирались на понятия права и закона, созданные рабовладельческим обществом. Полис всегда стремился к тому, чтобы граждане добросовестно исполняли законы. Труды Платона и Аристотеля, посвященные теории наилучшего государственного устройства, очень ясно передают эту тенденцию¹³⁷. Сохранившиеся инструкции по выполнению тех или иных государственных должностей избранными магистратами¹³⁸ показывают, как тщательно греческий полис осуществлял регламентацию деятельности граждан в сфере общественной жизни.

Профессия врача по самой своей природе ставила ее обладателя в положение лица, обязанного нести постоянную службу на пользу общества. Польза эта была не абстракцией, подобно учениям философов, она материализи-

136 Ibid., 865 B.

137 Кечекьян С. Ф. Учение Аристотеля о государстве и праве. М.; Л., 1947, с. 81-90.

различных государственных мероприятий позволяют понять, как внимательно власти входили в детали каждого дела. Самым ярким документом, конечно, остается «Афинская полития» Аристотеля, содержащая во второй части весьма подробные указания об обязанностях магистратов. Например, астиномы в Афинах должны были следить даже за тем, чтобы граждане не строили в своих домах окон, открывающихся на улицу (Arist. Atli. Pol., 50, 2.)

зовалась в каждодневной терапии больных граждан, жаждавших вернуть здоровье и требовавших от лечащего врача применения известных тогда средств. Возможности столкновения мнений врача и больного усугублялись тем, что понимание природы болезни и ее лечения могло весьма различаться среди самих врачей, что еще больше усложняло отношение врача и пациента. А ведь гармония этих отношений является важнейшим условием успеха медиков — положение, необходимое и для современной нам науки врачевания.

Со свойственной греческому уму глубокой проницательностью эллины выработали систему положений, определяющих обязанности лекаря и перечисляющих важнейшие пункты морального кодекса медика. Этические нормы медицинских работников греческого полиса создавались на протяжении многих столетий, но при Гиппократе и его ближайших преемниках они, по-видимому, получили окончательное оформление. Ведь именно в V—IV вв. философы разработали важнейшие положения этики, необходимые для представителей различных групп свободного населения полисов. Медицинские работники не могли не принять деятельное участие в этом творчестве. Результатом явился свод положений, изложенных в знаменитой Клятве Гиппократата и в некоторых других сочинениях, также связанных с именем Гиппократата.

Вопрос о принадлежности ему названных текстов дебатировался в специальной литературе весьма долго¹³⁹. Но для нас вопрос об авторстве именно Гиппократата¹⁴⁰ не является главным, хотя нам представляется наиболее вероятным, что некоторые особенно глубокие мысли о поведении врача могли быть сформулированы только гениальным представителем косских Асклепиадов.

Важно то, что Клятва и ряд других Гиппократовых наставлений представляют собой произведения, органически входящие в обширный поток этико-философских трудов, созданных греческими мыслителями V—IV вв. Мощное развитие рационалистического мышления, тесно связанное с правовыми и политическими устоями грече-

¹³⁹ Обстоятельный разбор мнений ученых до начала XX в. можно найти в статье Госсена (RE, s. v. Hippocrates, N 16, Sp. 1801—1852). Сам Госсен склоняется к тому, что текст клятвы изначально был выработан Гиппократом.

¹⁴⁰ В. П. Карпов возводит текст Клятвы к великому врачу (*Гиппократ. Избранные книги*. М., 1936, с. 85).

ской полисной демократии¹⁴¹, вызвало к жизни Клятву и сопутствующие ей предписания¹⁴².

Хотелось бы подчеркнуть еще и то обстоятельство, что Клятва врачей не является чем-либо экстраординарным в общественной жизни греческих республик.

Клятвы были распространенным актом, имевшим большую силу в государственной и частной жизни эллинов. С древних времен должностные лица полиса присягали в том, что будут честно исполнять свои обязанности, заключавшие союз республики клялись соблюдать договоры, в судах Греции тяжущиеся приносили разные клятвы. Тексты важнейших клятв высекались на стелах для всеобщего сведения. Известны формулы гражданской присяги нескольких республик. Упомянем клятву афинских эфебов, о которой говорит ряд авторов¹⁴³. Текст ее дошел на стеле, поставленной в деме Ахарны около середины IV в. жрецом Ареея и Афины Арееи ахарнянином Дионом, сыном Диона¹⁴⁴, и был озаглавлен следующим образом: «Клятва эфебов (идущая от) предков, которую следует произносить эфебам». Совершенно очевидно, что благочестивый Дион, сын Диона, решил возобновить старинный текст клятвы, дабы помочь выучить ее молодежи, получающей доступ к гражданской деятельности. Следовательно, формула клятвы была в столь долгом употреблении¹⁴⁵, что некоторые фразы ее стали даже ускользать из памяти новых поколений.

Столь же четкая формула гражданской присяги была принята и в Херсонесе Таврическом, причем уже в начале III в. текст ее был выставлен на всеобщее прочтение¹⁴⁶. Приведенных примеров вполне достаточно для того,

¹⁴¹ *Kessidi* Ф. X. От мифа к логосу, с. 18—24.

¹⁴² Клятва Гиппократата в несколько измененной редакции живет в медицинских кругах и поныне, следовательно, ее основные мысли выдержали суровую проверку времени.

¹⁴³ Самое раннее упоминание — у Ликурга (умер в 324 г.). — *Lycurg. Adv. Leocr.*, 76.

¹⁴⁴ Первая публикация: *Robert L. Etudes epigraphiques et philologiques*. P., 1938, p. 296—316. Уточнение: *Deux stèles d'Acharnes*. — In: *Χαριστηριον* в честь А. К. Орхерского. Αθ-η-ναи, т. Α', σ. 79—81; *Daux G. REG.*, 1971, t. 84, p. 370—383.

¹⁴⁵ Сравнительно недавно было опубликовано эпитафическое известие о существовании эфебей в Аттике уже в 351/50 г. (*Reinmuth O. W. The epibic inscription of Mnemosyne*, 1971, Suppl. XIV, N 1, так что уже тогда формула афинской клятвы должна была существовать).

¹⁴⁶ *IOSPE*, I², N 401.

чтобы понять, сколь логично появление медицинской клятвы¹⁴⁷ для всего строя полисной жизни Греции V—IV вв.

Стиль Клятвы Гиппократова отвечает стилю упомянутых выше гражданских присяг: изложение идет в первом лице, клянувшийся перечисляет свои обязанности и указывает точно, каких безнравственных поступков он не станет совершать. Как в клятве эфесов и в херсонесской присяге, так и в Гиппократовой Клятве этический уровень лиц, принимающих это обязательство, очень высок. В. Джонс в своем интересном исследовании отмечает, что созданное греками представление о достойном облике врача, получившее отражение в Клятве Гиппократова, было связано не столько с благом лечащего врача, сколько с благом пациента¹⁴⁸.

Эта направленность медицинской присяги весьма созвучна и требованиям полиса к своему гражданину (напомним строки 22—24 херсонесской присяги «...и я буду исполнять обязанности дамиурга и члена совета наилучшим и наисправедливейшим образом для полиса и для граждан...»), и тем мыслям о соотношении блага полиса и гражданина, которые развивали Сократ, Платон и Аристотель.

Текст Клятвы Гиппократова четко воплощает указанные выше принципы¹⁴⁹.

«Клянусь Аполлоном-врачом, Асклеием, Гигией и Панакеей и всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обя-

147 Нам представляется неправильной точка зрения В. Джонса и Т. Хита, считающих, что выработка медицинской этики произошла лишь в III в., когда философы сконцентрировали свое внимание на вопросах морали (*Jones W. H. S., Heath T. L. Hellenistic Science and Mathematics.*—САН, 1954, VII, p. 288). Нет сомнений в том, что выработка этических норм медика шла параллельно с кристаллизацией полисных установлений в классическое время. Упомянутые авторы справедливо отмечают, что целью медицинской этики было скорее поднять этический уровень врача, чем защитить деловые интересы профессии. Эта направленность может отвечать тенденциям не только эпохи эллинизма, но и более раннего времени, когда греческий полис энергично создавал необходимые ему нормы гражданского самосознания.

148 *Jones W. H. S. Philosophy and Medicine in ancient Greece.* Baltimore, 1946, p. 33.

149 *Гиппократ.* Избранные книги, с. 87—88 (пер. В. И. Руднева)

зательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и все остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому. Я направлю режим больным к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости. Я не дам никому просимого у меня смертельного средства и не покажу пути для подобного замысла; точно так же я не вручу никакой женщине абортивного пессария. Чисто и непорочно буду я проводить свою жизнь и свое искусство. Я ни в коем случае не буду делать сечения у страдающих каменной болезнью, предоставив это людям, занимающимся этим делом. В какой бы дом я ни вошел, я войду туда для пользы больного, будучи далек от всего намеренного, несправедливого и пагубного, особенно от любовных дел с женщинами и мужчинами, свободными и рабами.

Что бы при лечении — а также и без лечения — я ни увидел или ни услышал касательно жизни людской из того, что не следует когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной. Мне, нерушимо выполняющему клятву, да будет дано счастье в жизни и в искусстве и слава у всех людей на вечные времена; преступающему же и дающему ложную клятву да будет обратное этому».

Прежде чем говорить о содержании клятвы Гиппократова, отметим, что по форме она ближе к херсонесской присяге, чем к тексту из Ахарн. Вероятно, дошедшая до нас редакция клятвы, принадлежащая самому Гиппократу или его ближайшим последователям, была переработана в конце V или начале IV в. При этом медики сочли необходимым уподобить свою чисто профессиональную присягу общепринятой тогда схеме клятв, начинавшейся с имен божеств, которыми клялись¹⁵⁰. Да и заключитель-

150 Достоинно внимания употребление такой схемы в столь важном документе, как договор эллинических полисов с Филиппом II Зимой 338/7 г (IG, IP, № 230). Несомненно, что эту присягу членов Коринфского союза вырабатывали самые авторитетные

ная фраза медицинской присяги, предусматривающая все блага ее выполняющему и обратное тому, кто ее нарушит, также повторяет выражения, свойственные официальным документам IV—III вв. во всех концах эллинского мира¹⁵¹.

Основное ядро клятвы составляют этические нормы, которым должен следовать врач в своей деятельности. Здесь провозглашены принципы истинной гуманности: ответственность лекаря за здоровье и жизнь пациента, добросердечное отношение к семье больного, безупречное исполнение долга и сохранение врачебной тайны. Обязательства врача — свободного гражданина полиса — являются частным случаем соблюдения тех общих моральных норм, которым должны были следовать полноправные граждане полиса, и в особенности его магистраты. Примечательно, что лексика клятвы медиков, как и известных ныне гражданских клятв, весьма близка языку корифеев греческой философии V—IV вв., учивших, что высший долг человека — соблюдать справедливость и закон во имя существования всего полиса — сообщества свободных граждан. Эти категории считались совершенно обязательными для благополучия граждан (рабское население, конечно, в расчет не принималось). Подчеркивая ограниченный социальными институтами характер морального кодекса греческого врача, следует отметить все же, что создание такого свода знаменовало большой шаг вперед в выработке человечеством основных устоев профессиональной врачебной этики.

Некоторое недоумение вызывает обязательство врача не браться за лифотомию (удаление камней из мочевого пузыря). Госсен, писавший статью о Гиппократе, считает,

юриссты Греции, правда, из числа законовеев, вольно или невольно одобрявших союз с Македонией. И если они поставили имена богов в начало клятвенной формулы, то это значит, что данный порядок считался наиболее приличествующим каждой торжественной клятве, независимо от того, присягал ли весь полис или лишь один гражданин.

151 Такая формулировка встречается часто в самых различных клятвах. Ее должен был, например, произносить гражданин аттической фратрии Демотионидов, выступавший свидетелем (Syll., № 921, стк. 113—114; декрет был принят вскоре после 396 г.). Употреблялась она и в международном праве, как показывает договор киренского царя Мага с западнокритским союзом Орейев, заключенный между 280 и 250 гг. Он включает формулу клятвы Орейев, заканчивающуюся словами: «да будет много блага тем, кто верен клятве, а преступающим ее да будет противоположное». См.: *Guarducci M. Inscr. Cret.*, t. II, p. 211-214, XVII, N 1.

что это условие исходило от высокоаристократического рода Асклепиадов, которые считали для себя унижительным производить такую операцию (RE, s. v. Hippokrates, N 16). Нам представляется, что более прав В. И. Карпов, полагавший, что специалисты по удалению камней, вероятно, также были объединены в особые организации и владели секретами своего искусства. Врач же не должен был вторгаться в чужую область, в которой не мог быть достаточно компетентным, не роняя своего престижа^{10А}. Данное мнение подтверждается следующим соображением. Усложнение медицинской науки уже в V в. требовало от врачей значительной работы со специальной литературой. Это сокращало время, которое они могли уделять практической деятельности. Как мы увидим ниже, ряд простейших медицинских процессов не сами врачи, а их ученики и помощники. Лифотомия же представляет собой операцию не столь сложную, по требующую натренированных рук. Возможно, что в древней Греции врачи довольно скоро заметили, что успех лифотомии часто зависел не столько от искусных рук оперирующего, и это способствовало выделению в особую группу медицинских работников, узко специализировавшихся на данной операции. По аналогии с общей терапией и в этой профессии мог существовать обычай передачи знаний профессиональных навыков и секретных приемов от отца к сыну или к близким родственникам¹⁵³. Обособление врачей и лифотомов, углублявшееся с ростом разветвленности медицинской науки, естественно, получило отражение и в нормах обычного права, выработавшихся применительно к лекарскому делу. Как издавна принятое на практике, правило о проведении лифотомии специальными мастерами было включено в Клятву Гиппократа. По-видимому, это условие присяги должно было устранить конфликты между врачами и лифотомами.

В Клятве определены отношения врача к его учителю медицины, причем об этом сказано даже раньше, чем изложены профессиональные этические нормы, обязательные для медика. Прошедший обучение и получивший

152 См.: Комментарий В. П. Карпова к Клятве в кн.: *Гиппократ. Избранные книги*, с. 88.

153 В Греции даже в XIX в. лифотомия часто передавалась как наследственная специальность многих поколений одной семьи. См.: *Reinach S. Medicus*, p. 1677.

право па лекарскую деятельность оставался связан со своим наставником весьма тесными узами — как моральными, так и материальными. Во многом это определялось принципами, заимствованными из семейного права греков. Это естественный результат того, что с древнейших времен медицинские познания часто передавались по наследству в пределах тех семей, которые занимались лекарским делом. К тому же претензии на происхождение родоначальников этих семей от сыновей бога Асклепия способствовали поддержанию семейной общности медиков: как Асклеиады, они все должны были выполнять ритуальные обряды для почитания своего божественного патрона и предка. В некоторых полисах врачи, находившиеся на государственной службе, совершали публичные жертвоприношения Асклепию¹⁵⁴. Отмеченное обстоятельство укрепляло общность всех членов семейной-профессиональной корпорации и обязывало их тщательно оберегать свои привилегии.

Поэтому неудивительно, что Клятва провозглашает безоговорочное право врача передавать специальные знания своим сыновьям. Определено также положение платного договорного ученика, отчасти сходное с положением родных сыновей учителя; обязательство лекаря почитать своего наставника медицины наравне с собственными родителями, а также обязательство ученика делиться имуществом с учителем и помогать ему материально в случае нужды. Здесь отразилось общее правило об обязанности сына содержать состарившихся родителей, особенно, если они выучили его какому-либо ремеслу или занятию, как это было установлено в Аттике Солоном¹⁵⁵.

Обязательство врача считать сыновей своего учителя братьями и научить их врачебному искусству без всякого вознаграждения, а также обязанность ученика почитать учителя, являются основой для сохранения этих квазисемейных отношений и для первого поколения потомков врача-наставника. Названное условие также исходит из очень давней практики греческой семьи принимать чужого по крови в ряды своих сочленов. Этот обычай, имевший целью обеспечить непрерывность рода, особенно

154 В Афинах государственные врачи приносили жертвы Асклепию и Гигиене два раза в год. См.: IG, TT, N 772; *Deubner L. Attische Feste. В.*, 1956, S. 210—217.

155 По аттическому закону V — начала IV в. право на прокормление имели отец, мать, дел, бабка, прадед и прабабка. См.: *Isaeus, VIII*, 32.

часто приобретал силу при усыновлениях, правила которых были тщательно разработаны уже в самых ранних известных нам сводах законов, например в Гортинском законодательстве¹⁵⁶.

Семейный характер уз, соединявших учителя-врача и его ученика, указывает на то, что рассматриваемые обязательства были сформулированы в ту пору, когда обучение немногих учеников велось в стенах дома наставника и еще не было крупных медицинских школ с многочисленным контингентом учащихся. Нормы, созданные врачами из косского рода Асклеиадов¹⁵⁷ и, вероятно, поддержанные медиками других центров и направлений, были обобщены в конце V в. Гиппократом и получили значение общепринятых принципов, определявших отношения учителя и ученика.

Врачоседелей Асклеиады и Гиппократы поощряли развитие медицины, значение семейной общности в жизни врачей не только не уменьшилось, но еще более возросло. Напряженная политическая и социальная обстановка в III—II вв. создавала для каждого свободного грека множество таких трудностей, преодолеть которые он мог лишь с помощью своей семьи. Если же семейный коллектив обладал монополией в какой-либо отрасли производственной деятельности¹⁵⁸, то это придавало особую ценность фамильной общности.

Специфика медицинского дела способствовала сохранению наследственности профессии среди лекарей. Знания и выучка (в частности, способность правильно оценить общее состояние больного, позволяющая поставить точный диагноз в каждом конкретном случае), передававшиеся из поколения в поколение известных лекарских семей,

156 *Code de la ville de Gortyn*, § 11. *Stadtrecht*

von Gortyn und seine Beziehungen zum gemein griechischen Rechte. Göttingen, 1912, S. 71—72, 117—119.

157 С. А. Жебелев уже давно выяснил, что Асклеиады не были жрецами бога Асклепия, по составляли профессиональную ассоциацию, члены которой передавали врачебные знания от отца к сыну. См.: *Жебелев С. А. Асклеиады и жрецы Асклепия.* — *Филологическое обозрение*, 1893, III, с. 60—63. Л. Эдельштейн, рассматривая связи Асклеиадов с Асклепием, отметил, что покровительство божественного патрона было особенно важно для врачей в раннем греческом обществе. См.: *Edelstein L. Asclepius*, II, p. 53—64.

158 Следует подчеркнуть, что греки, четко сформулировавшие понятие монополии в сфере торговли, очень хорошо понимали выгоды исключительности во всех видах деятельности.

способствовали успеху деятельности Асклепиадов. К тому же усложнение медицинской науки повышало требования к изучающим врачебное дело. В лучших условиях обучения оказывались дети самих лекарей или их договорные ученики, начавшие учиться еще с юности¹⁵⁹. Став лекарями, эти эрудированные кадры были заинтересованы в обособлении от людей, менее основательно ознакомившихся с медициной¹⁶⁰, но столь же энергично претендующих на общеизвестные материальные выгоды медицинской профессии¹⁶¹. По-видимому, сначала было ограничение числа профессионалов на основе принципа правомочности потомка по мужской линии, который был определяющим в имущественном праве греков¹⁶². Но так как пополнение медицинских кадров за счет одних лишь кровных родственников в V—IV вв. практически было уже неосуществимо, то Клятва разрешает передачу медицинских знаний ученикам, которые также обязывались не разглашать полученные ими знания, что позволяло в дальнейшем энергично бороться с шарлатанами и самозванцами, пользовавшимися доверием легковых простаков.

Принципы медицинской корпорации полностью созвучны той тенденции к сохранению старых и образованию новых групп, сообществ и ассоциаций, которая ярко выступила в политической и экономической жизни Греции

¹⁵⁹ Как свидетельствует Эсхин (I, 40), обвиняемый им Тимарх начал учиться медицине, выйдя из детского возраста, что по афинским нормам того времени (начало 345 г.) соответствовало 14—15 годам.

¹⁶⁰ В «Наставлениях» (Praecepta), составленных в IV — начале III в. (это произведение было известно уже Хрисиппу, жившему в 280—207 гг. См.: Карпов В. П. Указ. соч. с. 118), врач-наставник критически отзывается о «позднем обучении медицине» и о лекарях, которые, не имея собственного опыта, вынуждены обращаться к чужим мнениям. Здесь ясно сказывается антагонизм между наследственными профессионалами и лицами, недавно пришедшими в медицину. Следует согласиться с мнением Л. Коун-Хэфта о том, что репутация лекаря начинала складываться еще тогда, когда он заканчивал свое ученичество (Cohn-Haft L. The Public Physicians..., p. 18).

¹⁶¹ Уже Геродот (III, 131) аккуратно исчислял рост гонораров кротонского врача Демокета.

¹⁶² Этот принцип нашел отражение в надписи из Дельф (380—360-е годы), в которой идет речь о сакральных привилегиях ассоциации Асклепиадов Коса и Кии да: этими льготами могли пользоваться только мужские отпрыски рода Асклепиадов. См.: Bousquet J. Inscriptions de Delphes.— BCH, 1956, LXXX, p. 579-590, N 7.

еще в V—IV вв. и получила большое распространение в III—I вв. Каждое из этих объединений устанавливало обязанности и права своих членов, оберегая интересы всего сообщества и каждого его добропорядочного члена. Поскольку в основе всех этих представлений лежала детально разработанная идея об обязанностях, правах и привилегиях свободного гражданина полиса, следует предполагать, что юридические установления таких ассоциаций предусматривали специальные требования каждого объединения, профессионального или религиозного, в рамках общей идеи об обязанностях и правах свободного гражданина полиса.

Практика полисной государственности научила греков высоко ценить обладание полными гражданскими правами или хотя бы некоторыми привилегиями, которые предоставлялись инополитам — проксенам и лицам, получавшим такие важные права, как исотелия (равное налогообложение), ателия (освобождение от податей), проэдрия (право занимать почетные места), продикия (право первоочередного рассмотрения иска в суде), эпигамия (право заключения брака с гражданкой полиса) и право приобретения земли и дома. Эллин, воспитанный полисом, знал, как важно выполнять свои обязанности, и вместе с тем очень хорошо понимал, что необходимо знать все относящиеся к нему лично правила и энергично поддерживать те исключительные льготы и привилегии, которые полагались ему одному или только тому сообществу, в которое он входит. Личная материальная заинтересованность заставляла греков вырабатывать детальную регламентацию многих сторон существования гражданского коллектива и столь же активно добиваться претворения этих правил в жизнь. Опираясь на законы и всякого рода локальные и частные установления и запрещения¹⁶³, свободный гражданин рабовладельческого полиса боролся за свое место в обществе, включая в понятие «место» самые различные категории: материальный достаток, почитание богов или получение их защиты и др.

¹⁶³ Среди последних в греческой юрисдикции немалое место занимали религиозные интердикции и заклатья, ставившие нарушителей законов в положение святотатцев. В качестве примера сошлемся на изданный коллегией астиномов делосский документ середины III в. о краже рабов со священного острова. См.: Vallois R. Apact.— BCH, 1914, XXXVIII, p. 250—271.

Учитывая сказанное, нам легче будет понять значение Клятвы в жизни греческих врачей IV—II вв. Принесение присяги давало лекарю официальное положение призванного специалиста, овладевшего медицинским искусством, τέχνη. Тэхнэ врача, о котором так определенно писал уже Геродот, рассказывая историю Демокеда (111,131), в эллинистическое время было понятием, включавшим какие-то четкие категории, подлежащие даже общегражданской проверке. Недаром в декретах полисов, чествовавших достойно работавших врачей, нередко встречается указание на то, что восхваляемый медик успешно лечил κατά την τέχνην обращающихся к нему больных¹⁶⁴.

Вероятно, сообщества врачей следили за соблюдением профессионального достоинства своими сочленами. Это касалось многих сторон врачебного дела, прежде всего вопроса о компетентности и качестве работы каждого принесшего клятву врача.

О том, как велось это наблюдение, известно очень мало. Одно из беглых замечаний Аристотеля¹⁶⁵ позволяет заключить, что находившиеся на государственной службе врачи отчитывались, видимо, таким же образом, как и другие должностные лица¹⁶⁶.

Существовала и неофициальная форма контроля — консультации специалистов по поводу того или иного острого заболевания. В гиппократических «Наставлениях» врачу особо подчеркнута необходимость призывать на помощь коллег-медиков и советоваться с ними¹⁶⁷ — ведь когда болезнь усиливается, то из-за трудности положения много обстоятельств ускользает от внимания лечащего врача, а более опытные лекари могут заметить их и по-

164 IG, XI, 4, № 633 — декрет долосцев в честь Ксенодема; Syll.⁸, N 943 — декрет косцев в честь Ксенотима; N 538 Λ дельфийская надпись в честь Филиста.

165 Arist. Pol., 1281b—1282a.

166 Аристотель употребил термин η ευθύνη, означавший отчет государственных магистратов. Здесь Аристотель ставит вопрос о контроле за работой того или иного специалиста и полагает, что правильно судить об этом могут только люди, сами знающие это дело, или тэхнэ. Поэтому и врачу следует отчитываться перед своими коллегами. Поскольку философ излагает здесь некий идеальный порядок, трудно сказать, осуществлялся ли на практике именно такой контроль. Однако естественно полагать, что при наличии в полнее частнопрактикующих врачей-граждан их суждение об отчете государственного врача имело решающее значение для должностных лиц и для всего народа.

167 Hippocr. Praecepta, 8.

мочь найти выход. Судя по другому гиппократическому сочинению¹⁶⁸, правила греческой медицины требовали от врача, чтобы он информировал о проводимом им лечении лиц, которым «знать это надлежит». Кто эти лица — остается неясным. В начале приведенного параграфа упоминаются ученики врача, уже добившиеся значительных успехов во врачебном искусстве, которые дежурят при больном и следят за выполнением предписаний самого лекаря. Вполне вероятно, что именно их подразумевало правило, говорящее о предварительном сообщении намечаемых лечебных процедур лицам, заинтересованным в знании курса лечения. Данный обычай тоже в какой-то мере¹⁶⁹ обеспечивал проверку правильности действий врача¹⁷⁰.

Но эллинская медицинская мысль не ограничивалась вниманием к одной лишь квалификационной стороне деятельности врача. В полном соответствии с общим философским пониманием деятельности свободных граждан в рамках республиканского общества греческие ученые медики выработали свод правил, которым должен следовать врач. Эти нормы изложены в сжатых, но поражающих своей глубиной сочинениях гиппократовского сборника — Νομός («Закон»), Περί ήτρού («О враче»), Περί εύνη/ημοθυ\Υίς («О благоприличном поведении»), Παράγγελία («Наставления»), Περί άρ/αιης ήτροίης («О древнем врачевании»). Мы не касаемся вопроса о времени создания каждого из перечисленных трудов, тем более что В. П. Карпов уделил ему внимание в своих комментариях. Важно отметить, что возникновение морального кодекса врачей относится к той эпохе в истории греческой государственной жизни, когда уже сформировалось представление о прекрасном и добродетельном гражданине (калокагатия). Этому идеалу должен отвечать и врач, утверждает медицинская мысль¹⁷⁰.

Согласно тогдашним представлениям греков, калока- - тия была неразрывно с мудростью. Увлеченные своей наукой и гордые ее успехами, эллинские медики были согласны с тем, что врач-

¹⁶⁸ Hippocr. De habitu, 17.

¹⁶⁹ Вместе с тем многие распоряжения врача должны оставаться скрытыми от самого больного, чтобы состояние пациента не ухудшилось от ожидания назначенных лечебных мер (Hippocr. De habitu, 16).

¹⁷⁰ Hippocr. De medico, 3.

философ равен богу и что «в медицине есть все, что ищется в мудрости: презрение к деньгам, совестливость, скромность, простота в одежде, уважение, решительность, опрятность, изобилие мыслей, знание всего того, что полезно и необходимо для жизни, отвращение к пороку, отрицание суеверного страха перед богами, божественное превосходство»¹⁷¹. Естественно, что такое медицинское знание решительно отрицает корыстолюбие, дурное исполнение профессиональных обязанностей, жажду приобретений, алчность, воровство и бесстыдство.

Совершенно очевидно, что автором трактата «О благоприличном поведении» был крупный медик-философ¹⁷², высококвалифицированный и преданный своему делу специалист. Этот выдающийся ум понимал, как легко погоня за жизненными благами могла увести слабохарактерных людей на путь лженауки и недостойного применения полученных медицинских знаний. Поэтому так решительно и резко он стремится удалить из медицины все, что способно ее опорочить.

Столь же высокие моральные принципы ставят перед медиками авторы других упомянутых гиппократических сочинений. В сборнике «О враче» указано, что врач должен быть справедливым при всех обстоятельствах, так как справедливость помогает во многих делах, которых врачу приходится касаться в отношениях с больными¹⁷³.

Гуманность как обязательная основа медицинской деятельности была провозглашена учеными эллинами ясно и четко. Автор «Наставлений» пишет, что благо врача состоит в том, чтобы руководить больными для возвращения им здоровья. Пусть врач окажет помощь чужестранцу и бедняку: «ведь там, где филантропия, там и филотэхния», пусть лечит людей, не требуя от них непомерного вознаграждения, а иногда и просто даром¹⁷⁴. Великодушие и доброта должны быть присущи врачу от природы¹⁷⁵.

В приведенных наставлениях можно найти отзвуки сократовского учения о благе гражданина как благе его

¹⁷¹ *Hippocr. De habitu, 5 (пер. В. И. Руднева).*

¹⁷² Недаром начало сочинения посвящено чисто философским рассуждениям.

¹⁷³ *Hippocr. De medico, 1.*

¹⁷⁴ *Hippocr. Praecepta, 6.*

¹⁷⁵ *Hippocr. De medico, 1.*

полуса. Эти мысли вполне соответствовали моральным основам греческой медицины.

Примечательно, что и в отношении самого лечения греческие лекари считали необходимым придерживаться возможно более человеколюбивых правил. Например, в Гиппократовом сборнике неоднократно встречаются указания на то, что повязки нужно делать так, чтобы они не мучали больного. Врач должен думать о многих «мелочах», которые могут принести вред пациенту или создать ему неудобства. Так, при устройстве своей лечебницы врачу следует избегать места, куда падает яркий свет, вредный для глаз¹⁷⁶. Вода для больных должна быть чистой, полотенца—мягкие. Даже стулья в лечебнице должны быть равной высоты и удобны для пациентов¹⁷⁷.

Вслед за наставлениями административного характера шли указания о способах лечения болезней, известных греческой медицинской науке. Не останавливаясь на этих специальных вопросах, отметим все же, что учебные части гиппократовского свода проникнуты основной идеей косской школы — врач должен тщательно разбираться в каждом отдельном случае заболевания, принимая во внимание все особенности физического и душевного состояния больного, а также окружающую его обстановку.

Следует заметить, что ведущие ученые V—IV вв. сформировали и весьма осторожную позицию медицины в отношении религии. Рационализм греческих медиков заставлял их категорически отрицать суеверный страх перед богами¹⁷⁸. Но сама паука подсказывала врачам мысль об ограниченности их знаний, о существовании многих законов природы, еще недоступных человеческому пониманию. И так как греческая религия в значительной мере состояла из культов обожествленных сил природы, то для медиков вполне естественным было почти-тельное отношение к богам, олицетворявшим солнце,

¹⁷⁶ Греческая медицина уделяла очень большое внимание проблеме света, столь важной в условиях ослепляющего южного солнца. Например, освещение оперируемого пациента рассмотрено самым детальным образом в гл. III сочинения «О врачебном кабинете», которое, по мнению В. П. Карпова, принадлежит самому Гиппократу. См.: *Гиппократ. Избранные книги*, с. 515—516.

¹⁷⁷ *Hippocr. De medico, 2.*

¹⁷⁸ *Hippocr. De habitu, 5.*

воздух, воду и другие природные феномены, столь важные для здоровья людей. Поэтому, когда в трактате «О благоприличном поведении» говорится, что медицина почитает богов, можно полагать, что это наставление показывает, что ученые медики не только считались с религиозным характером общественной идеологии своего времени и с душевным миром своих больных, но и с реальным воздействием сил природы на ход того или иного заболевания¹⁷⁹.

Вероятно, усиление религиозных чувств среди широких кругов населения в тревожный эллинистический период должно было отразиться и на позиции медицины. Восторженное поклонение Аскледию и его дочерям принимало все более яркие формы¹⁸⁰. Мимо этого явления не могли пройти даже рационально мыслявшие медики, не говоря уже о тех врачах, которые лично были религиозны. Таких лекарей было, конечно, очень много. Покровительство Асклепия придавало всем медикам осо-

¹⁷⁹ Сам Гиппократ придавал огромное значение влиянию природы на человека. Его точка зрения была широко известна в образованных афинских кругах, как показывает реплика Федра в диалоге Платона (*Phaedr.*, 270 с). Наиболее полно мысли Гиппократа изложены в трактате «О воздухах, водах и местностях», который все комментаторы с древнейших времен и доньше считают подлинным произведением Гиппократа. В этом сочинении приведены обстоятельные указания, как воды, ветры, характер местности и времена года влияют на состояние людей и возникновение тех или иных болезней (*Hippocr. De aëro, aquis, locis*, 1—11);

¹⁸⁰ Достаточно вспомнить роскошное убранство святилища Асклепия, которое так подробно описал Герод. Рост значения бога-врачевателя, хранителя здоровья каждого человека, был обусловлен тем, что в широких слоях народа издавна набирало силу поклонение богам, не столь великим, как жители Олимпа, но зато более близким отдельному человеку. М. П. Нильссон в ряде работ показал, что тенденции к индивидуализму появились в греческой идеологии уже в V в., причем культ Асклепия был одним из ярких проявлений такого направления эллинской мысли. См.: *Nilsson M. P. Geschichte der griechischen Religion*. München, 1941, I, S. 759—760. Его взгляды полностью разделяет и Л. Эдельштейн, показавший, что самой существенной чертой Асклепия была филантропия. Народ видел в нем бога, который быстро и благожелательно помогал каждому просящему помощи в его даже самых мелких делах и заботился о здоровье отдельного человека, независимо от его средств и положения в обществе. См.: *Edelstein L. Asclepius*, II, p. 108—118. Естественно, что культ Асклепия, бога-спасителя, настолько укоренился в античном мире, что позднее он стал одним из самых сильных соперников христианства.

бое значение в глазах их пациентов. Можно даже предположить, что блеску медицинской школы на Косе способствовала и слава косского Асклепиейона — для малообразованного больного ученый врач с острова Коса представлялся лицом, получившим свои знания от самого Асклепия.

Примечательно, что в Афинах в 270/69 г. была поставлена стела с текстом предписаний касательно ежегодных двукратных жертв Асклепию и Гигиее, приносимых врачами, находящимися на государственной службе (IG, II², № 772). От этого текста сохранились лишь начальные строки, но и они содержат важные сведения. Прежде всего здесь указано, что данное жертвоприношение является традиционным, установленным еще предками. Далее, сам факт торжественной публикации старинного «отеческого установления» свидетельствует, что государственные власти Афин считали тогда необходимым вновь подчеркнуть связь своих врачей-служащих с богами, покровительствовавшими медицинскому делу. Видимо, эта мера отвечала умонастроениям той массы людей, которая постоянно или временно обитала в крупнейшем городе Эллады.

На эту же мысль наводит и цель совершаемого обряда: служащие-врачи приносят жертвы за себя и за тех больных, которых они лечили¹⁸¹. Таким образом официально признавалась роль Асклепия и Гигиеей в каждом отдельном случае, когда государственный врач добивался успешного излечения своего пациента.

Отмеченная тенденция обнаруживается не только в Афинах, но и в других полисах. Возможно, что не только городские власти, но и сами лекари умело использовали такое богопочитание для своей профессии и самих себя. Ведь воля богов, по мнению греков, определяла неизбежные летальные исходы при лечении безнадежных больных, и тем самым с врача снималась значительная доля ответственности. Вместе с тем надежды на помощь обитателей Олимпа прибавляли силы страждущим, и это помогало лекарям в неопасных случаях добиваться большего успеха. Старый, умудренный профессиональным и жизненным опытом врач Менофант, сын Артемидора, видимо, не раз ссылаясь на благоволение богов, способ-

¹⁸¹ Весьма интересно употребление здесь термина *τὸ σῶμα*, подчеркивающего попечение врачей прежде всего о теле больного.

ствовавшее благополучному воздействию его предписаний. Можно думать, что когда жители Амфиссы между 189 и 167 гг. принимали декрет в честь Менофанта¹⁸², они включили в текст документа указание на успешные усилия своего врачевателя, связанные с «благоволением богов», именно потому, что не только они, но и сам Менофант считали полезным сотрудничеством. Несомненно, это придавало врачу еще больший авторитет.

Интересен декрет лаконского полиса Гифия, принятый около 70 г. в честь спартанского врача Дамиада¹⁸³: народное собрание специально отмечает, что Дамиад был помощником Асклепия (ἄσκληπιός του Ἀσκληπιοῦ)/ Можно думать, что в этой формуле отразилось и поклонение Асклепию самих гифиатов, и то, что лекарь Дамиад апеллировал к имени божественного покровителя своей профессии¹⁸⁴. При лечении очень нервных субъектов эти ссылки на Асклепия могли служить и одним из действенных средств психотерапии.

Приведенные эпиграфические свидетельства могут, как нам кажется, быть использованы для дальнейшего изучения вопроса о соотношении светского и сакрального врачевания в эллинистической Греции. Проблема эта, занимавшая внимание многих исследователей прошлого века (как отметил уже С. А. Жебелев)¹⁸⁵ и остающаяся остро дебатруемой темой и в наше время¹⁸⁵, изучается преимущественно с точки зрения применения методов рациональной медицины в храмовых лечебных центрах. Отсутствие прямых письменных известий побуждает большинство ученых ответить отрицательно на вопрос об использовании рациональной медицины для религиоз-

¹⁸² Schwyzer, N 369.

¹⁸³ IG, V, 1, N 1145.

¹⁸⁴ Правда, надпись из Гифия относится к тому времени, когда Греция уже более 75 лет находилась под властью Рима и подчиненный чужеземному владычеству народ в усердном почитании отеческих богов стремился найти хоть какое-то возмещение своему попоранному достоинству. Но истоки приведенного отношения к Асклепию восходят, конечно, еще к доримским временам.

¹⁸⁵ Со времен статьи С. Рейнака (*Reinach S. Medicus*, p. 1669—1671), горячо и удачно защищавшего рационалистические пути сложения греческой медицины, в историографии преобладает тенденция к резкому отделению обеих отраслей практического врачевания. Нам кажется, что иногда границу проводят слишком прямолинейно.

ного врачевания в классической и эллинистической Греции¹⁸⁶.

Выше мы пытались показать, что важные косвенные свидетельства (выбор места для храмов Асклепия, применение там гидротерапии, эстетической терапии и диеты) позволяют оспорить это суждение. Против него говорит и то, что в Элладе, отличавшейся отсутствием религиозного фанатизма, хотя небожителям и отводилась значительная роль в судьбах полиса и его граждан.

И если светская медицина, никогда не отрывавшаяся от своего божественного покровителя¹⁸⁷, в эллинистическое время сочла необходимым в официальных документах заявлять о божественном к ней благоволении, то это следует истолковывать как свидетельство существования определенных связей между светскими врачами и сакральными. Лекарям-практикам приходилось считаться с растущим почитанием Асклепия и родственных ему божеств, покровителей здоровья. Слухи об успехах санаторного лечения в Асклепиеонах широко разносились по стране толпами богомольцев, излечившихся или только видевших исцеление посредством инкубации¹⁸⁸. Эти рассказы создавали весьма определенное общественное

¹⁸⁶ Л. Коун-Хэфт поставил вопрос в новой плоскости: можно ли рассматривать центры сакральной медицины как источник квалифицированной лекарской помощи населению эллинистической Греции. Подвергнув профессиональной критике эпидаврские ἰατῆατα, автор делает вы-
The Public Physicians..., p. 26—31. Но Л. Коун-Хэфт не учел «пропагандистского характера» подбора и изложения рассказов об исцелениях, которые публиковали жрецы Асклепиеонов в Эпидавре или Трикке.

¹⁸⁷ Уже П. Жирар, рассматривая афинский текст предписаний о жертвах врачей, отметил тесную связь государственных врачей со святилищем Асклепия, где и была найдена стела с надписью. См.: IG, II², N 772 (*Girard P. L'Asclepieion...*, p. 86). Позднее Р. Герцог в работах о косской медицине также уделил большое внимание контактам косских врачей и тамошнего Асклепиеона. См.: *Herzog R. Koische Forschungen und Funde. Leipzig, 1899.*

¹⁸⁸ Слава священных лечебниц распространялась легко и быстро еще и потому, что туда обращались ходячие больные (по крайней мере в большинстве), а эти случаи легче поддавались лечению. Исцелившийся в Эпидавре житель дальних областей по пути домой рассказывал об этом множеству людей, способствуя тем самым распространению молвы.

мнение, своего рода массовый медико-религиозный психоз. И доктора не прошли мимо этого явления. Противопоставить себя сакральному врачеванию эллинистический врач не мог; разумнее было хотя бы формально присоединиться к свите служителей божественных целителей.

Данные, почерпнутые из декретов Амфиссы и Гиффия, показывают, что некоторые дальновидные врачи пошли по этому пути, так же как и власти названных полисов (равно как и Афин).

Таким образом, в III—II вв. среди практиковавших докторов Эллады нам известна группа врачей, которая считала необходимым придать определенный сакральный оттенок своей деятельности.

Отмеченное явление имело, несомненно, и другой аспект. Врачи, придерживавшиеся такого направления, должны были положительно относиться к религиозному врачеванию. Ничто не мешало им оказывать содействие врачевателям Асклепиеионов. Последние же в силу характера своей деятельности могли проявлять интерес к методам научной медицины. Это тяготение к науке в Асклепиеионах тщательно скрывалось от толпы непосвященных, и оно осталось неизвестным до сих пор. Но мы решаемся предполагать, что оно реально существовало¹⁸⁹. Число почитателей Асклепия в изучаемое время резко возросло, и скопление масс народа в сакральных лечебницах ставило, особенно во время больших праздников, перед штатами Асклепиеионов сложнейшие задачи, которые можно было разрешить лишь с помощью приемов научной медицины. Далее: среди массы жаждущих исцеления немало больных могли быть излечены лишь действительно высококвалифицированными докторами. Выпустить стольких пациентов из святилища, не оказав им существенной помощи, означало бы нанести

189 Нельзя упускать из виду и ряд частных факторов, как, например, любознательность того или иного врачевателя, работавшего в Асклепиеоне. В условиях общего подъема научных знаний в стране и уважения к науке со стороны самых широких кругов населения персонал сакральных лечебниц не мог оставаться на низком интеллектуальном уровне. К слову сказать, те, кто работал в крупных святилищах Греции, принадлежали, несомненно, к образованнейшим людям своего времени. Например, жрецы храмов с оракулами должны были не только понимать психологию своих клиентов, но и разбираться в политической ситуации, в отношениях между полисами, обращавшимися к помощи прорицателей.

удар по престижу Асклепиеона. Определенную роль могло играть и то обстоятельство, что теперь широкие круги зажиточного гражданства изучали начатки медицинских знаний в гимназиях и палестрах посетителей Асклепиеионов. Нельзя было удовлетворить видимостью исцеления, им нужны были результативные методы лечения, которые могла предоставить лишь научная мысль. Иными словами, культурный рост свободного населения страны неумолимо требовал высокой квалификации от работников сакральных лечебниц¹⁹⁰.

Добавим еще, что несколько позднее, в I—II вв., как обстоятельно показал С. А. Жебелев, сакральное врачевание активно применяло методы научного лечения¹⁹¹. Такой уровень научных познаний в медицине не мог быть достигнут за короткое время — вероятно, теперь в Асклепиеионах стали открыто применять те приемы и знания, которые ранее применялись без широкого обнародования¹⁹².

Следует заметить и то, что резкое противопоставление профессионалов обеих отраслей медицины, рациональной

190 Интересно замечание Л. Эдельштейна о том, что в эллинистическое время предписания от имени Асклепия обычно были ясными и простыми, понятными пациенту без каких-либо дополнительных консультаций и разъяснений. См.: *Edelstein L. Asclepius*, II, p. 152.

Жебелев С. Л. Религиозное врачевание..., с. 404—416. Сходной точки зрения придерживается и Л. Коун-Хэфт (*The Public Physicians...*, p. 28—29).

192 Можно думать, что широкое распространение таких философских трудов, как «О природе вещей» Лукреция, с их критикой религии побуждало сакральную медицину опираться на научные знания, дабы не потерять своих приверженцев.

РИС. 4.
Старый врач
измеряет свой пульс.
Терракота.

и сакральной, вряд ли было возможно в условиях полисной жизни Эллады. Ученые медики не могли противопоставить себя своим коллегам по государственной службе, исполнявшим обязанности жрецов, а тем более враждовать с служителями самого Асклепиеона. Постоянное участие врачей в сакральной жизни своих полисов засвидетельствовано рядом источников, но на них мы остановимся несколько позже.

Итак, греческие медики эллинистического времени унаследовали от своих предшественников, ученых V—IV вв., систему моральных установлений, требовавших от каждого врача гуманности и бескорыстия. Тщательное сохранение этих традиций, передававшихся из поколения в поколение, показывает, что медицинская интеллигенция изучаемого периода продолжала считать указанные нормы обязательными для себя.

Вероятно даже, что суровая действительность эллинистической Греции, ослабление роли полиса как защитника граждан, усиливали потребность отдельного человека в помощи именно ему одному, Полисы несли огромные людские потери во время бесчисленных войн, внутренние социальные конфликты также приводили к кровавым столкновениям, эпидемии распространялись быстрее из-за увеличившихся передвижений масс людей. В этих условиях часто именно врач был первым лицом, который приходил на помощь. Поэтому гуманность и бескорыстие были теми качествами, которых теперь особенно искали у врача-политика все слои населения полиса. Не ответить на эти запросы было бы равносильно отказу от основной задачи медицинской профессии. И филантропия, которой учили в школах гиппократовского направления, не осталась абстрактной прописью на страницах врачебных руководств. Лекарки видели, как сильна была потребность в их человеколюбивом отношении, причем в нем нуждались не только отдельные лица, но и целые гражданские коллективы.

Источники показывают, что лучшие представители медицинской профессии прилагали много стараний к тому, чтобы их деятельность практически отвечала этим запросам. Здесь часто сказывались чисто личные качества того или иного лекаря, по самой природе своей склонного благожелательно относиться к пациентам и искренно любящего свое дело. Но иногда врачебная филантропия диктовалась и рассудочными соображениями: умные спе-

циалисты понимали особенности своей профессии, отличавшие ее от других видов деятельности образованных людей.

Учение о гуманном и самоотверженном враче являлось как бы конкретизацией основного положения полисной идеологии о добропорядочном гражданине. Если воин должен быть отважен, законодатель — мудр, то врач обязан быть искусным и гуманным специалистом. Это составляет часть его гражданского долга, выполнения которого полис обычно требовал достаточно твердо. В этом причина того, что человеколюбие, усердие и достойный профессии врача образ жизни столь часто упоминаются в декретах полисов, восхваляющих медиков. Поэтому поучения авторов гиппократических сочинений не были забыты и послужили основой практики многих медиков эллинистической Греции¹⁹³.

Многих, но не всех. Уже приводившиеся выше гневные тирады Полибия, обращенные против недобросовестных лекарей, показывают, что встречались болтуны, шарлатаны и обманщики, присваивавшие себе звание врача, но не умевшие или не желавшие лечить больных по-настоящему. О таких мошенниках неоднократно упоминают авторы гиппократовских сочинений, обрушиваясь на профанацию врачебного искусства¹⁹⁴ и преступные действия этих лжеврачей.

Правда, практика полисной жизни позволила грекам довольно быстро найти средство для защиты от недобросовестных лекарей, которые, судя по Полибию (XXIX, 8), нередко встречались. Этим оружием явилась гласность и государственные акты: народные собрания полисов оценивали заслуги своих добропорядочных врачей, и эти постановления, будучи обнародованы, служили официальными свидетельствами честной службы того или иного лекаря.

¹⁹³ Необходимо все же заметить, что понимание человеколюбия у каждого лекаря было индивидуальным. Поэтому нельзя согласиться с В. Тарном, когда он использует совершенно исключительный пример врача Дамиада (декрет Гифия — IG, V, 1, № 1145) для характеристики деятельности многих государственных врачей (*Tarn W. W. Hellenistic Civilisation* 3. L., 1941, p. 109). Дамиад, не делавший различия между бедным и богатым, рабом и свободным, был, несомненно, самоотверженным человеком, придерживавшимся, вероятно, ряда этических положений стоической философии.

¹⁹⁴ Так, публичные чтения медиков школа Гиппократа считала недостойными славы. См.: *Hippocr. Praecepta*, 12.

Многочисленные декреты эллинистического времени, восхвалявшие врачей, подробно рассказывают об их заслугах, причем очень часто в выражениях, весьма близких к лексике гиппократических наставлений. В этих документах мы находим немало примеров филантропии медиков, работавших в Греции.

Приведем текст постановления полиса Амфиссы, принятого между 189 и 167 гг. в честь Менофанта, сына Артемидора, македонянина, из Гиркании.

[ἀγαθα]ι τύχαι. [³Amφιβίων οι ἀρ]χον:ες και ἄ πόλις Σχαρφέων-
 τοις ἀρχόντ[οις
 και τα βούλα] και τα πόλει χαίρειν. των δεδομένων τιμίων ὑπ[ό
 τας πόλι]οις ἀμ[ί]ων Μηνοφάντωι ⁵Αρτεμιδώρου Μακεδὼνα ⁵Υρκάνιω
 [πό ἀ]ντί[γ]ραφο[ν] ἐξαπεστάλακαμεν ποτί τάν ὑμετέραν πόλι[ν
 καθάπερ] κα[ί] α[ί]τις ὁ Μηνόφαντος ἄμε παρεκάλεσε, μενός
⁵Am[ί]ωνος [ε]κτ<ξ ἐπ⁵ εἰκάδι.—
 [ν]ομογράφων. ελειδή Μηνόφαντος ⁵Αρτεμι[δώ]ρου] Μακεδών
 Ὑρκάνιος ἰατρός, μεταπεμφθείς ὑπό τας πόλιος
 [μ]ε:ά πρεσβείας και ἐργολαβήσας μόνος τό ἰατρικόν ἔργον,
 [σῶ]ν αἰεὶ εμπιπτότων ἀρρω^ατημάτων φιλοτέχνως ἐπιμε[λ]ό-
 μενος και σπουδάζ[ω]ν κατά δύναμιν ἰδῖαν μετά τας των θε[ῶ]ν
 εὐνοίας σώζειν το[ί]ς κινδυνεύοντας ἀνέγκλητ(ο)ς ἐγενήθη, [τάν
 ἐγχει]ρισθεῖσαν αὐτῷ πίστιν περί τας κοινὰς σωτηρίας ἐφ⁵ ἴσου και
 κοθ”
 [ἀ]ντας εὐνοϊκῶς διαφυλάξας, τάν τε κατά τόν βίον ἀναστροφάν
 [παρά] πά[ν]τα τῶν τας ἐπιδαμίας χρόνον εὐτακτον και σώφρονα
 παρέσ[χη]-
 ται] ἀξίαν τα; τε πόλιος και του ἐπιταδεύμα:ος, stt δέ και τα[ς
 αὐτοῦ ἀ]λῖκίας, εἶνε[κ]εν (?) δέ των ποτιπεπτωκότων αὐτῷ π[ο]λλ-
 λῶν πραγμά[τ]ων χωρι[ζ]όμενος εκ τας πόλιος ἀμ[ί]ων ἐποίησατο πόθ[ο]δον
 ποτί τῶν δαμων ἀσπαζόμενος κοινῶς πάννας διελέγη τε
 μετά] πάσας εὐνοιας, αὐτοῦ φροντίδα ποιήσασθαι τάν κ[α]σθή-
 κους]αν —
 δεδό[θ]αι τῶ δάμω' ἐπαινεσαι τε αὐτόν ἐπί τ[ῶ] πῶν τ[ῶ] ἐς
 δύναμιν και δόμεν αὐτῷ συμπαραπομ[π]οῦς ἀσ[τ]οῦς
 παραπέμποντας αὐτόν μετ⁵ ἀ^α[φ]α[λ]είας ἐν ους και προα[ι]ρήται
 τόπους*
 [ἐ]ξαποστεῖλ[αι] δέ και τας δεδομένας αὐτῷ προξενίας τό ἀν' ἰγρ[α]φον
 τύ[π]οι ἀγαθα πο:ί τάν πόλιν των, Σχαρφέων, ε[τ]ι δέ] και ποτι
 τά[ν]
 τῶν Ὀπουνάων. —

195 Schwyzer, N 369.

Ἀμφίσοις ἔδωκαν Μηνοφάντῳ ⁵Αρτε[μίδ]ώρου Μακεδόνι Ὑρκάνιω
 αὐτῷ και ἐγγόνιοις προξενίαν, ἴσο-
 [πολι]υεῖαν, γας και οικίας ἐγκτησιν, ἐπινομίαν και ἀσφάλει-
 [αν πολ]έμου και εἰρήνας και ἄλλα τίμια πάντα, ὅσα και τοις ἀλ-
 [λοισ] προξένοισ και εὐεργέταις τας πόλιος ὑπάρχει, βουλαρχόντος
 [Ἀ]ντιγένεος του Βίωνος* [εγγυος—]ος [Μν?]άσω]νο]ς.

В добрый час

Архонты и полис Амфиссеян желают здравствовать архонтам, совету и полису Скарфеян. Копию почестей, дарованных нашим полисом врачу Менофанту, сыну Артемидора, македонянину-гирканцу, мы уже выслали вашему полису, как просил нас об этом и сам Менофант.

В 26-й день месяца Амона. Предложение номографов: так как врач Менофант, сын Артемидора, македонянин-гирканец, приглашенный посредством посольства нашим полисом и обязавшийся один заниматься врачебным обслуживанием, проявил себя безупречным — всякий раз, как нападали болезни, он, умело заботясь при благоволении богов, искусно и ревностно в меру своих сил старался спасти больных, подвергавшихся опасности; и он не утратил оказанного ему доверия — пещься об общественном спасении — и равно и благожелательно ко всем это выполнил; в течение всего времени проживания у нас, как и всю свою жизнь, он, ведя себя упорядочено и разумно, выказал себя достойным и нашего полиса, и своей профессии; вследствие же многих обрушившихся на него забот отбывая из нашего полиса, он выступил в народном собрании, прощаясь публично со всеми, и его речь была в высшей степени благожелательна; (итак), чтобы должным образом позаботиться, постановлено народом восхвалить его за посильный труд и дать ему сопровождающих мужей, которые проводили бы его безопасно до тех мест, которые он выберет; и выслать копию данной ему проксении, в добрый час, в полис Скарфеян, а также и в полис Опи, Менофанту, сыну Артемидора, македонянину-гирканцу самому и потомкам его проксению, исполитию, право, в соответствии с законом, наследования земли и дома, безопасность во время войны и мира и все прочие почести, каковые и всем прочим проксенам и евергетам нашего

полиса полагаются. Принято при булархе Антигене, сыне Биона, поручитель... сын Мнасона.

Ряд текстов дает представление о личном мужестве и презрении к опасностям, которые проявляли лекари в самые трудные моменты. Забывая о себе, врачи боролись с эпидемиями, не щадили они своих сил во время войн и таких грозных стихийных бедствий, как землетрясения.

Как известно, случавшиеся в те времена эпидемии затрагивали обычно значительную часть населения. Инфекция поражала все слои горожан¹⁹⁶, в том числе и самих лекарей. Так произошло в III в. на Косе, где государственные врачи, заботливо ухаживавшие за больными, сами оказались жертвами эпидемии. В этот критический момент гражданин Коса врач Ксенотим, сын Тимоксена, взял на себя заботу о больных и, относясь с равным вниманием ко всем страждущим гражданам, многих из них спас от смерти¹⁹⁷.

Полисы высоко ценили помощь врачей в такие трудные времена. Во II в. в критском городе Аптере вспыхнула какая-то «большая болезнь», охватившая широкие слои гражданского населения. В Аптере практиковал тогда уроженец Коса врач Каллипп, сын Аристокрита, и ему удалось тогда спасти многих граждан. За это аптеряне почтили его всякими дарами и послали копию своего постановления на Кос. Там, в святилище Асклепия, была поставлена стела с перечислением заслуг Каллиппа¹⁹⁸.

Специальное упоминание о бесстрашии врачей в условиях эпидемий не было пустым словом в почетных декретах. Удостоенные этой похвалы медики работали действительно в тяжелых условиях — ведь в ту пору моровые язвы столь беспощадно косили людей, что иногда в короткий срок погибала значительная часть населения. Уцелевшие бывали так устрашены заразой, что не решались даже выполнять обязанности, которых от греков неуклонно требовали религия и гражданский долг. Известен случай, когда жертвой таких обязательств стал один из врачей, практиковавших на Родосе около 225 г.

¹⁹⁶ В декрете острова Теноса (Syll.³, N 620), принятом около 188 г., говорится прямо о том, что большинство народа подверглось заболеванию.

¹⁹⁷ Syll.³, N 943.

¹⁹⁸ Guarducci M. Inscr. Cret., II, p. 16, N 3*.

Этот эскулап по имени Менофил скончался от какой-то очень заразной болезни. Можно предположить, что болезнь поразила Менофила во время исключительно добросовестного исполнения им своих лекарьских обязанностей, поэтому в погребении его принял участие один из почтенных родосских граждан, Хрисипп. Последний, «презрев всякую опасность», вошел в дом врача вместе с носильщиками¹⁹⁹, вынес саркофаг из жилища и доставил его к могиле. Благородство Хрисиппа вызвало восхищение сограждан, и поступок его был особо упомянут в почетном декрете ассоциации Артемисиастов, которая около 215 г. увенчала своего сочлена золотым венком²⁰⁰.

Полисные власти хорошо понимали опасность эпидемий и прилагали большие усилия к тому, чтобы привлекать квалифицированных медиков для борьбы с заразой. Интересен декрет народного собрания критского полиса Олунта, принятый во II в. в честь врача, имя которого не сохранилось на дошедшем куске надписи²⁰¹. Этот медик, уроженец острова Коса, уже закончил свою службу в Олунте и должен был отправляться домой, когда на город обрушилась моровая язва. Олунтяне упростили врача не покидать их в столь тяжелый момент, и он, согласившись, спасал обращавшихся к нему за помощью, за что и был удостоен похвалы и щедро вознагражден благодарным полисом. Язык упомянутого документа отличается простотой и выразительностью.

¹⁹⁹ Порядок погребения умершего определялся у греков детальными правилами. В эллинистическое время в больших городах покойника несли специальные носильщики, но если умерший был уважаемым лицом, то его несли сограждане.

²⁰⁰ Peek W. Inschriften von den dorischen Inseln.— Abhandlungen der Sächsischen Akademie. Leipzig, 1969, Bd. 62, H. 1, S. 5—9, N 2; Robert.— Bull., ep., 1971, N 466. В надписи упоминается какое-то препятствие, возникшее на похоронах врача Менофила. В. Пеек полагал, что это бегство сограждан. Однако нам представляется, что дело заключалось в отсутствии достаточного числа носильщиков. Возможно, что кто-то из приглашенных носильщиков-профессионалов не явился на работу, а быстро найти замену не удалось, так как все боялись заразы. Видимо, Хрисипп, пришедший на погребение уважаемого им эскулапа, решил, дабы похороны Менофила прошли как следует, пренебречь опасностью и помочь в переноске саркофага. Недаром в декрете так детально описано, что именно сделал Хрисипп на этих похоронах.

²⁰¹ Guarducci M. Inscr. Cret., I, p. 249, N XIII.

В III в. на острове Кеосе, в полисе Юлиде, во время моровой язвы многих больных спас врач Полигнот, сын Дейнона, за что совет и народ Юлиды воздали ему хвалу в самых проникновенных словах²⁰².

Нелегко приходилось медикам и в периоды многочисленных войн. Сведения Полибия и некоторых других авторов о таких бедствиях существенно дополняются эпиграфическими документами, детально рисующими положение в отдельных полисах.

Весьма красноречивый источник по истории Самоса в последней трети III и самом начале II в. стал известен полностью лишь недавно. Мы имеем в виду уже упоминавшийся декрет самосцев, принятый между 201 и 197 гг., в котором изложены заслуги врача Диодора, сына Диоскурида телей острова: с 280 по 259 г. он подчинялся Птолемаем, в 259—246 гг. здесь владычествовали Селевкиды, с 246 г. вновь Птолемеи, а в 201 г. Филипп V вторгся на Самос, но удержал его лишь до 197 г., когда островом опять овладел Египет²⁰⁴. Военные действия между македонскими и египетскими войсками принесли немало бедствий самосцам. Положение усугублялось тем, что не так давно (в 227 г., как выяснил Г. Клаффенбах)²⁰⁵ остров испытал сильное землетрясение. Упоминание в декрете Диодора о нескольких подземных толчках и последовавших за ними бедствиях населения, в том числе массовых заболеваний (стк. 18—22), свидетельствует об обширных масштабах упомянутой катастрофы, причинившей полису большой ущерб. Работавший в ту пору Диодор не щадил своих сил и средств, чтобы помочь жителям острова, (стк. 29—31). Употребленный в постановлении термин *καχολαθία* явно подразумевает тяготы, которые выпали на долю самого доктора, которому во время этих событий

²⁰² IG, XII, 5, N 600.

²⁰³ Декрет был поставлен в святилище Геры, покровительницы Самоса. Левая часть этой мраморной стелы была найдена еще в 1925 г. и опубликована Г. Клаффенбахом с весьма удачными дополнениями. *Klaffenbach G. Samische Inschriften.*— AM, 1926, 51, S. 2—33, N 2. Лишь в 1952 г. была найдена при раскопках правая половина и весь текст издан полностью: *Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse der hellenistischen Zeit.*— AM, 1957, 72, B., 1959, S. 233—241, N 64.

²⁰⁴ *Polyb.*, III, 2, 8; *App. Maked.*, 4, 1; *Liv.*, XXXIII, 20, 12; *Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse...*, S. 237—238.

²⁰⁵ *Klaffenbach G. Samische Inschriften*, S. 32—33.

было уже немало лет: ведь он начал работать еще до землетрясения 227 г. Правда, заслуженный самосский эскулап трудился у себя на родине, следовательно, находился в собственном доме, на попечении своих близких, устранявших многие бытовые неудобства, столь обременительные для старых людей. Напомним, к примеру, что даже доставка питьевой воды в древней Греции составляла известную проблему для каждой семьи.

Можно предполагать, что эскулапам, практиковавшим во время военных действий в чужих полисах, приходилось много труднее. Уже упоминавшийся уроженец Коса Гермий, сын Эмменида, направленный своим полисом в Гортину и успешно лечивший гортинян и их союз-

²⁰³ Это было время вавилонской войны двух групп критских полисов в 221—219 гг., смог выдержать только пять лет такой напряженной деятельности. Около 218 г. он обратился к народному собранию Гортины с просьбой отпустить его на родину²⁰⁶. Гортиняне уважили просьбу Гермия и выделили ему для сопровождения двух граждан, Соарха и Киданта. Обстоятельно комментировавшая эту надпись М. Гвардуччи полагает, что спутники были даны Гермия *honoris causa*. Возможно, однако, что Гермий уезжал с провожатыми и в связи с ослабленным состоянием здоровья самого лекаря.

Оба названных врача были полисными медиками, призванными оберегать здоровье гражданского населения на базе стационарных лечебниц. Военные врачи, сопровождавшие войска в походах, находились в еще более тяжелых условиях. Передвижение медицинского пункта и частая смена окружающей обстановки ставили перед эскулапами сложные задачи. К сожалению, древние авторы не оставили сколько-нибудь детальных описаний трудов военных, особенно инополисных, лекарей. Можно лишь догадываться, что среди этой группы медиков было немало преданных своему делу тружеников²⁰⁷, хотя они

²⁰⁶ *Guarduccu M. Irscr. Cret.*, IV, N 168*. Нагрузка Гермия была весьма обременительна еще и потому, что он оказывал помощь не только в Гортине, но и в отдаленном Фесте, где также происходили тяжелые сражения (*Ibid.*, I, p. 62, N 7*).

²⁰⁷ Единственным свидетельством является дельфийский декрет около 210 г. в честь врача Меланкома, который, видимо, сопровождал военный отряд мессенян. См.: *Launey M. Recherches*, I, p. 123.

и не могли удостоиться официальной похвалы в виде почетного декрета полиса.

Самоотверженное исполнение долга и человеколюбие были не единственными достоинствами греческих медиков, получавших публичное одобрение в эллинистическое время²⁰⁸. Надо сказать также и об их бескорыстии.

Упомянутый самосский врач Диодор, как уже говорилось, не жалел сил и личных средств для помощи нуждавшимся гражданам²⁰⁹.

На Делосе в начале II в. практиковал врач Никандр, сын Пармениска, уроженец Галикарнаса. Делосцы восхвалили его за многие добродетели, в том числе и за то, что он помогал жителям острова собственными средствами²¹⁰. Не раз врачи, находившиеся на государственной службе, в трудные для полиса времена отказывались полностью или на какой-то определенный срок от причитавшегося им жалованья.

Наиболее раннее известное нам свидетельство происходит из самих Афин: в 304/3 г. граждане этого города почтили врача Фидия, сына Аполлония, уроженца Родоса, за то, что он всегда усердно оказывал помощь нуждающимся афинянам, ныне же добровольно предложил работать на народ даром, выказывая то благорасположение, которое он имеет к полису афинян²¹¹. Примечательно, что срок безвозмездного служения родосского врача в документе не назван. Это естественно — Фидий пришел на помощь Афинам в чрезвычайно тяжелое для них время. Опустошительная война за обладание Элладой, которую с 307 г. вели между собою Кассандр и Деметрий Полиоркет, принесла немало бедствий полисам Средней Греции, в том числе и Афинам. С начала

²⁰⁸ Л. Робер отметил распространенность формул с упоминанием «помощи», «спасения» и «счастливого излечения» в декретах о деятельности врачей. См.: *Robert L. Decret de Delphes pour un medecin du Coronee*.— ВСН, 1954, LXXVIII, р. 68—73. Заметим, однако, что спасительная роль врача особенно подчеркнута именно в тех документах, где идет речь об эпидемическом заболевании. Стандартность выражений в названных текстах зависит от того, что данная категория источников рассказывает об однотипных опасных случаях в полисах, имевших место неоднократно.

²⁰⁹ К сожалению, конец декрета не сохранился и текст обрывается именно на этом месте.

²¹⁰ IG, XI, 4, N 775.

²¹¹ IG, II2, N 483 = Syll.³, N 335.

июня 307 г. Афины были захвачены Деметрием²¹², который заставил афинян согласиться на ряд мер, унижительных для всего государства. Владычество Деметрия тяжелым бременем легло на плечи мобилизацию граждан в армию Полиоркета, который привлекал боеспособное население из подчиненных ему полисов Греции. Этот решительный полководец не останавливался перед большими потерями своих войск ради завоевания всей страны. Афиняне, по-видимому, терпели значительный урон в эти годы — недаром в 302 г. пританы филы Акамантиды совершали жертвоприношение «во имя спасения сражающихся граждан», находившихся тогда вместе с Деметрием в Пелопоннесе²¹³.

Декрет в честь врача Фидия был принят в месяце Гамелионе (январь — февраль) 303 г., следовательно, документ относится ко времени вскоре после осады Афин Кассандром осенью 304 г., когда поля Аттики были основательно опустошены сначала македонскими войсками, а затем вытеснившими их значительными силами Деметрия²¹⁴. Естественно, что тогда финансовое положение Афин должно было быть очень тяжелым. Постановление афинского народа о восхвалении врача Фидия, который «ныне предложил, что он будет служить безвозмездно» (*καὶ νῦν ἐτηδέω[ξε]ν εαυτὸν δημοσεύειν δωρε[ά]ν*), ясно показывает, сколь бедственным было состояние казны полиса: афиняне не имели средств даже для выплаты жалованья одному врачу. А ведь это было время войны и сопутствовавших ей лишений, что резко усиливало необходимость медицинской помощи для населения большого города. Напомним, что уже в 330 г. в Афинах обитало около 50 тысяч одних только граждан²¹⁵, к которым следует добавить не меньшее число людей иных социальных групп — иногородян, метеков и особенно рабов. Даже учитывая усилившуюся в военные годы

²¹² *Plut. Demetr.*, VIII-XIV; *Diod.*, XX, 45-46.

²¹³ *Ferguson W. S. Demetrius Poliorcetes and the Hellenic Lige*.— *Hesperia*, 1948, XVII, р. 112—136. Чтение текста было значительно дополнено Л.Робером, которому мы и следуем (*Bull. ep.*, 1949, N 51).

²¹⁴ *Plut. Demetr.*, XXIII.

²¹⁵ *Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B. C.*, Oxford, 1933, р. 37-48.

смертность²¹⁶ и уменьшение числа рабов, которыми в 307—304 гг. владело сильно обедневшее афинское гражданство²¹⁷, все же можно предположить, что родосский врач оказывал благодеяние городу с населением не менее 30 тыс. человек. Деятельность Фидия свидетельствует о полной разрухе экономики афинского полиса, к которой привело владычество македонян над Аттикой с 322 г., когда эллины были разбиты Антипатром при Кранноне.

Известны и другие примеры высокой гуманности врачей, приходивших на помощь неродным полисам²¹⁸ в тяжелые времена и остававшихся работать без вознаграждения. Около 188 г. во время эпидемии на острове Теносе уроженец Милета Аполлоний, сын Гиерокла, предложил полису безвозмездно служить в качестве врача в течение полугода²¹⁹. Вероятно, средства находившегося в чужом полисе доктора не позволяли ему оказывать благодеяния теносцам более длительный срок²²⁰.

Встречаются врачи, отказывавшиеся от полагавшихся им гонораров в особых случаях, причем размеры филантропии колебались довольно значительно.

Источники сообщают и о бескорыстном лечении отдельных лиц. Так, между 167 и 146 гг. из Акарнании в Македонию было отправлено посольство, и на чужбине несколько членов его подверглись какому-то заболеванию. Находившийся в Македонии пергамский врач Диоген, сын Диогена, который ранее практиковал в акар-

нанских полисах, пришел на помощь послам-акарнаниям и лечил их бесплатно, за что был удостоен хвалы и вознагражден разными правами²²¹.

Во время эпидемии бесплатно лечил обращавшихся к нему граждан врач Полигнот, сын Дейнона, практиковавший в III в. в полисе Юлиде на Кеосе²²². Примечательно, что в декрете говорится о «многих издержках» врача — возможно, Полигнот не жалел своих средств для лечения пациентов.

Достоин внимания то обстоятельство, что ветеринары также выказывали свое великодушие: около 130 г. в крупном полисе Ламии (на западе Фессалии) был принят декрет в честь уроженца Пелинны Метродора, сына Андромена. Будучи «лошадиным врачом», Метродор бесплатно оказывал помощь и принес большую пользу полису. За это ламияне постановили восхвалить его и даровать ему проксению с самыми широкими привилегиями²²³. Уже А. Г. Вуудхэд отметил, что лексика декрета в часть ветеринара не отличается от языка постановлений о бескорыстных врачах²²⁴. Этот факт говорит о том, сколь уважаема была профессия ветеринара в Фессалии, издавна славившейся прекрасными лошадьми²²⁵.

Можно было бы привести еще несколько документов²²⁶, но и упомянутых фактов достаточно, чтобы утверждать: во многих случаях врачи приходили на помощь пациентам и даже всему полису, отбросив в сторону материальные расчеты. Так реализовывались на практике те идеи

216 Отчасти ее компенсировал приток жителей из сельских демов Аттики: Гомм отметил, что в IV—III вв. из хоры в Афины переселилось много семей (*Gomme A. W. The Population...*, p. 44).

217 Примечательно, что в 322 г. лишь 9 тыс. афинских граждан владели имуществом стоимостью в 2 тыс. драхм и выше, а 12 тыс. афинян, не имевших этой суммы, были лишены права гражданства и высланы Антипатром из Аттики (*Diod.*, XVIII, 18).

218 Лекарь — инополисный гражданин находился всегда в более трудных условиях, чем врач, практиковавший у себя на родине. Последний, помимо полной гражданской правоспособности, мог пользоваться наследственным имуществом и помощью родственников.

219 *Syll.*, N 620.

220 Значительно позднее, около 70 г. до н. э., лаконский город Гифий вынес почетное постановление, в котором врач Дамиде отказался от положенного ему жалованья в текущем году, так как налоги истощили городскую казну (*IG*, V, 1, N 1145). Приведенный случай ясно указывает на живучесть традиций Гиппократовой школы среди эллинских медиков и в эпоху римского господства.

221 *IG*, IX, 2, N 209a.

222 *IG*, XII, 5, N 600. Правда, слово «даром» не сохранилось на камне, оно восстановлено Гиллером де Гертрингером в стк. 21-й декрета. Но весь контекст этого места надписи говорит в пользу такого восстановления.

223 *IG*, IX, 2, N 69.

224 *Woodhead A. G. The State Health Service in ancient Greece.— The Cambridge Historical Journal*, 1952, X, N 3, p. 249—250.

226 Фессалийские кони считались лучшими не только в Греции, но и в Македонии. Напомним Букефала, приведенного из Фессалии и проданного македонскому царю за 13 талантов (*Plut. Alex.*, VI). Только Александр смог объездить его, и Букефал служил сыну Филиппа целых 30 лет (*Arr. Anab.*, 19, 4). Длительность своей службы этого коня свидетельствует о большой выносливости лошадей, выращивавшихся в Фессалии. Конечно, там были великолепные знатоки не только лошадей, но и их недугов.

226 О бескорыстии самосца Менокрита, сына Менодора, говорится, например, и в декрете с острова Карпаф (*IG*, XII, 1, N 1032).

гуманизма, которые прививали своим ученикам медицинские школы гиппократического направления.

Но взаимоотношения врача и пациента были отнюдь непростыми. Для общества эллинистической Греции характерен рост индивидуалистических тенденций, приводивших к обособлению, а иногда и к противопоставлению интересов личности и интересов полиса. Но если приверженцы процветавшей тогда стоической философии выдвинули идеал мудрого мыслителя, стремящегося быть добродетельным независимо от принадлежности его к тому или иному полису (эти представления оказывали самое благотворное влияние на развитие гуманизма), то для людей, проникнутых алчностью, отмеченные выше веяния служили оправданием их стремления к наживе. Некоторые особенности медицинской профессии открывали широкие возможности для мздоимства. Обычно честно практикующий лекарь получал плату за свой труд от самого больного или его семьи. Такой порядок мог быть использован недобросовестным специалистом. Например, в крупных городах некоторые профессионалы старались практиковать в среде богатых клиентов, не снисходя к больным из беднейших слоев населения. Судя по Аристофану, в Афинах уже в конце V в. сложилось мнение о пристрастии врачей к деньгам²²⁷: отсюда следует заключить, что не каждый афинянин имел средства для оплаты услуг некоторых лекарей.

Углубление социальных противоречий в обществе не могло не сказаться на жизненной философии хотя бы части медиков. Моральные установления «устаревших» гиппократических учителей вызвали такую же острую критику, как и их научные принципы. В эллинистическое время эти тенденции особенно ярко выразила эмпирическая школа медиков. Эмпирики отказались от филантропической этики Гиппократовой науки. Они открыто провозгласили, что обогащение является основной целью человека, избравшего своей специальностью медицину²²⁸. Эта точка зрения отражает те глубокие трещины, которые появились в общественной идеологии в связи с ослаб-

²²⁷ Aristoph. Plut., 407-408; Nub., 331-334.

²²⁸ Это детально прослежено К. Дайхгребером. См.: *Deichgräber K. Die griechische Empirikerschule*. В., 1930. На него же ссылаются и Л. Коун-Хэфт [*Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 39).

лением полисного строя: личное благо ставилось выше интересов государства и сограждан²²⁹.

Но как бы ни были часты отступления от традиционной морали медиков, идеи филантропии были столь тесно вплетены в само существо греческой медицины, что они оставались руководящим принципом для лекарей²³⁰. Недаром в клятве Гиппократа формировалось обязательство «чисто и непорочно проводить свою жизнь и свое искусство». Эти идеи, отвечавшие идеальной сущности полиса, должны были быть весьма созвучны идеологии эллинов изучаемого времени, когда греческие государства боролись за свою независимость и использовали любое оружие из своего идейного арсенала.

Врач, гражданин полиса или его проксен, был столь тесно связан с гражданским коллективом и всем государством, что иногда приходил им на помощь не только своим квалифицированным трудом, но и денежными дарами.

Как известно, в эллинистическое время возросшие экономические трудности заставляли полисы неоднократно обращаться к денежной помощи отдельных преуспевающих граждан. Почетные декреты в честь благодетелей сообщают о крупных, а иногда и умеренных затратах некоторых представителей имущего населения, пополнявших дефицит казны своего полиса. Так было в государствах материковой Греции и в самых отдаленных от Эллады полисах. М. И. Ростовцев, рассматривая указанное явление, особо подчеркнул фактор принудительности, которым были обусловлены щедрые жертвы богатых

²²⁹ Затронутый вопрос весьма труден для решения, так как в распоряжении историков отсутствуют необходимые источники. Все же нам представляется слишком категоричной точка зрения Л. Эдельштейна, полагающего, что в целом доктора были дельцами и никакие моральные установки или профессиональные правила не могли быть использованы государством, ассоциацией или религиозными организациями для того, чтобы принудить лекаря оказать помощь бедняку (*Edelstein L. Asclepius*, II, p. 175). Этот взгляд не учитывает всех особенностей мировоззрения полисной Греции.

²³⁰ Читателю может показаться недостаточным число приведенных эпиграфических документов. Но сколько постановлений полисов до нас не дошло! А еще больше было случаев, когда скромный, проявлявший постоянное самопожертвование врач не успевал или не мог добиться почетного декрета. И в рабовладельческой Греции должно было быть немало честных тружеников, даже не помышлявших об официальных почестях.

граждан²³¹. Не отрицая определенного значения данного принципа в политике властей полиса по отношению к богатым гражданам, заметим все же, что нельзя забывать и о других аспектах названного вопроса. Сложная система внутриволисных и межволисных отношений выработала в древней Греции весьма четкое понимание того, что именно волис является основным гарантом жизни, свободы и имущества каждого его гражданина. Сколь бы ни было значительно богатство волисополита Протогена²³² или богатых граждан Афин, каждому из этих богачей было ясно, что гибель его родного волиса несет ему самому и его семье неисчислимыя беды, равно как и потерю имущества. Поэтому достаточно пронзительные представители господствующего класса могли и без особого принуждения прилагать усилия к сохранению государства, которое охраняло их, давало возможность быть богатыми и продолжать накапливать свое состояние²³³.

Источники сохранили известия о крупных материальных жертвованиях богатых эскулапов. В 322—319 гг. в Афинах таким благодетелем был врач Евенор, уроженец Аргоса, что в Амфилохии (южный Эпир). Он подарил афинской казне талант серебра, за что его увенчали оливковым венком и дали права афинского гражданства²³⁴. Стоит вспомнить политическую ситуацию тех лет, и сразу станет понятно, что столь щедрый дар был предназначен афинянам как лидерам антимакедонского движения.

Следует упомянуть известного косского врача Филиста, сына Мосхиона, принимавшего большое участие в судьбах родины во время войны, которую вели островные греки под главенством Родоса с Филиппом V: в 201 г. богатые коские граждане собирали деньги на

провиант для солдат, и Филист вместе с сыновьями внес 4 тыс. драхм²³⁵.

Приведенные факты указывают на ревностное исполнение гражданского долга отдельными врачами. Эти лица выступают в ряду активных членов своего социального слоя; пользуясь всеми привилегиями зажиточного гражданства, они добросовестно несли сопряженные с ними финансовые тяготы.

В отношении отдельных лиц. В повседневной работе врачей случалось, что лекари пользовали больных, не думая о гонораре, а также не делая различия между свободным или несвободным пациентом. Такие факты не получали широкой известности, в лучшем случае они становились достоянием устной традиции той или иной области страны. Вопрос о том, сколь часты подобные случаи в III—II вв., не может быть разрешен на основании имеющихся источников. Правда, уже в предшествующее время медицинская наука Греции изучала проявления различных болезней вне зависимости от того, каково было социальное положение человека, пораженного недугом. Гиппократ в своих «Эпидемиях» описывает истории болезней свободных и рабов, не делая никакого различия между пациентами обоих социальных статусов. Этот вывод Ф. Кудлиена, основанный на детальном анализе труда знаменитого медика²³⁶, позволяет понять общую направленность медицинской теории гиппократической школы и в эллинистическую эпоху, однако, что в реальной жизни могли быть отклонения от этого общего положения. Гуманность или отсутствие ее в практике того или иного врача могли обуславливаться весьма различными факторами.

В эллинистической Греции широкое распространение получили идеи стоической философии. Школа стоиков проявляла интерес к рабам и признавала за ними человеческое достоинство²³⁷. К тому же среди свободного населения Эллады в изучаемое время появился достаточно многочисленный слой отпущенников. Вышедшие из рабства IV в. до н. э. и в I в. до н. э. и хотя бы косвенно содейство-

²³¹ Rostovtzeff M. SEHWW, p. 618—621.

²³² IOSPE, I², N 32.

²³³ Некоторая часть богачей с помощью щедрых взносов и затрат на нужды волиса добивалась расположения демоса и тем самым освобождалась от наказания за совершенные ранее неблагоприятные поступки. Так бывало в Афинах в IV в., как убедительно показал Э. Геза: Hesa E. Le citoyen et la polis. L'attitude exemplaire d'un citoyen d'Athènes au IVe siècle av. J.-C. et les besoins financiers de l'état. — Zeszyty naukowe Uniwersitetu M. Kopernika w Toruniu. Nauki humanistyczne — społeczne, 32. Historia, IV. Torun, 1968, p. 5-20.

²³⁴ IG, II², N 373-374.

²³⁵ Inscr. of Cos, N 10b; Rostovtzeff M. SEHWW, p. 607, 1339.

²³⁶ Kudlien F. Die Sklaven in der griechischen Medizin der klassischen und hellenistischen Zeit. Wiesbaden, 1968, S. 14—25.

²³⁷ Блаватский В. Д. «Рабский вопрос» в идеологии эллинизма.—» В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 13—14.

вали усилению гуманных тенденций в вопросе о лечении рабов. И хотя полисы часто в общей форме восхваляли медиков за то, что они оказывали одинаковую помощь всем, кто к ним обращался²³⁸, все же можно полагать, что в категорию «все» иногда включались не только граждане, но и представители угнетенного класса.

Доводом в пользу данного предположения является упоминавшийся уже декрет города Гифия, принятый в 70 г. до н. э. в честь врача Дамиада²³⁹. В постановлении гифиатов специально указано, что восхваляемый эскулап лечил равным образом всех обращавшихся к нему «бедных и богатых, рабов и свободных». Хотя упомянутый документ относится уже к раннеримскому времени, все же его можно считать выражением тех гуманных тенденций, которые существовали в греческой медицине III—I вв. Их развитию во многом способствовали не только умозрительные соображения, но и те тяжелые обстоятельства, в которых не раз оказывались греческие полисы в эллинистическое время. Например, во время войн и других чрезвычайных событий полисные власти должны были прилагать самые энергичные усилия к тому, чтобы не допустить распространения эпидемических заболеваний. Это достигалось организацией эффективной медицинской помощи вне зависимости от того, нуждался ли в ней свободный или раб. Ликвидация очага заразы была бы невозможна, если бы лечение не распространялось на всех без исключения опасных больных. Таким образом, конкретные условия деятельности полисных врачей постоянно подтверждали целесообразность филантропической этики, которую со времен Гиппократов предписывал медикам их профессиональный кодекс. По-видимому, эти моральные установления греческой медицины вполне отвечали задачам сохранения здоровья населения, благодаря чему они постоянно повторялись в теоретических руководствах.

Проблема филантропии в античной медицине весьма широка, и исчерпать ее можно лишь в специальном исследовании. Нам важно лишь подчеркнуть, что понятие «человеколюбие», выработанное эллинскими мыслителями,

²³⁸ Иногда отмечали заботы лекаря именно о «всех гражданах», как, например, в декрете Астипалеи в III—II вв. в честь родосского врача Идриарха. См.: *Peck, W. Inschriften von den dorischen Inseln*, S. 38—40, N 87.

²³⁹ IG, V, 1, N 1145.

находило свое выражение и в конкретной действительности полисной Греции. Здесь уместно также напомнить, что греки наделили бога Асклепия качеством высшей филантропии²⁴⁰, что особо отличало его от всех членов олимпийского пантеона.

Филантропия медика могла быть наиболее действенной в том случае, если врач отвечал и тем требованиям, которые полис обычно предъявлял к своим добропорядочным гражданам. Как известно, в рабовладельческих государствах Греции вопрос о репутации гражданина был немаловажен. Для врача-профессионала мнение современников было тем более важно, что не заслуживший всеобщего уважения лекарь терял доверие своих пациентов. Это неизбежно вело к снижению эффективности его предписаний и, естественно, к сокращению практики.

Дидактическая литература греческих медиков специально обращала внимание на то, как именно лекарь должен вести себя в жизни и при исполнении своих обязанностей. Примечательно, что разрабатывавшие данную тему наставники эллинских лекарей проявили глубокое понимание психологии врача и пациента. Основной принцип этой стороны деятельности медиков был четко изложен в клятве Гиппократов: врач должен вести образ жизни, достойный искусства медицины. Осуществить это обязательство помогали врачу подробные специальные наставления, изложенные в пропедевтических трактатах гиппократовского сборника.

Приведем некоторые наставления.

От врача требуется благоразумие, которое должно помочь ему правильно устроить свою жизнь²⁴¹. Это наставление отражает чрезвычайно тонкое понимание психологии человека и особенностей его душевного строя. Ведь удрученный тяжелыми обстоятельствами неустроенной жизни, лекарь не сможет достаточно полно мобилизовать свои знания и проницательность для того, чтобы оказать наиболее эффективную помощь больному. Особенно важно это было в тяжелых случаях, когда заболевание грозило жизни пациента²⁴². Вполне естественно, что больной не

²⁴⁰ *Farnell L. R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality*. L., 1921, p. 275.

²⁴¹ *Hippocr. De medico*, 1.

²⁴² В трактате «Наставления» прямо указано, что врач должен приступать к лечению, обращаясь к опыту, соединенному с разумом (*Hippocr. Praecepta*, 1), иначе лекарь упустит время и удобный случай для благоприятного излечения болезни.

может испытывать полного доверия к врачу, умственные силы которого истощены неправильным образом жизни.

Врач должен быть выдержан, особенно в отношении с женщинами. Точно так же медику предписано избегать любостыжания — эта мысль повторена в трактатах «О враче» и «О благоприличном поведении». Вообще в гиппократовском корпусе неоднократно говорится, что истинный врач честен, порядочен и не алчен. Вместе с тем врачу добавляет быть скромным, сосредоточенным и неболтливым²⁴³.

Греческая теория медицины придавала большое значение среде, в которой находится пациент и которая воздействует на него. А так как сам врач являлся одним из важнейших внешних факторов, оказывающих влияние на пациента, то эллинские медики разработали подробные рекомендации, касающиеся поведения, манер и даже внешнего вида и одежды лекаря.

Врач должен быть здоров и хорошо выглядеть²⁴⁴. Столь же обязательной была опрятность, тем более что греки всегда придавали очень большое значение индивидуальной²⁴⁵ и общественной²⁴⁶ чистоте. В трактате «О враче»

²⁴³ *Hippocr.* De habitu, 7, 12.

²⁴⁴ *Hippocr.*, De medico, 1: народ не считает способным заботиться должным образом о других того человека, который сам плохо выглядит.

²⁴⁶ Высокие нормы личной гигиены были выработаны эллинами с древнейших времен. Уже по II тысячелетии омовение совершали не только в естественных водоемах, но и в удобных ваннах. Особенно роскошными они были у аристократии, как показывает расписная ванная пилосского царя, датируемая приблизительно 1240 г. См.: *Блаватская Т. В.* Греческое общество II тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976, с. 129 и рис. на с. 177. Ахейский эпос сохранил красочные описания купаний героев не только в море, но и в ваннах (II, X, 572—577). Для более позднего времени известны бани, частные и общественные, в которых даже устраивали особые парильные отделения (*Her.*, IV, 75). Молодежь любила принимать душ, и эти сцены запечатлела ранняя вазовая живопись. См.: *Pfuhl E.* Malerei und Zeichnung der Griechen. München, 1923, Bd. III, S. 76, Abb. 286; S. 79, Abb. 295; *Ginouves R.* Balaneytike. Recherches sur le bain dans l'antiquité grecque. P., 1962. Бытовые древности греков включают обширный разряд умывальных принадлежностей. Например, тазы — глиняные и мраморные лутерии, причем в каждом доме их имелось несколько штук. Весьма интересны данные из городища Олинфа, разрушенного Филиппом II в 348 г. Раскопавший город Д. М. Робинсон отметил, что наиболее частым предметом обстановки в домах олинфян были, судя по многочисленным находкам, мраморные или терракотовые умывальники, представлявшие собой большой неглубокий таз, стоявший на массивной ножке.

указано, что доктор должен иметь хорошую одежду и даже натираться душистыми мазями, так как это приятно больным.

Другие наставления касаются выражения лица врача: пусть оно отражает размышления, но облик доктора не должен быть суровым, дабы врач не казался гордецом или мизантропом. Точно так же врачу не следует быть смешливым и чрезмерно услужливым: последнее может вызвать у больного презрение к врачу.

Приведенные предписания Гиппократ и его ближайших последователей показывают, что греческая медицинская теория развивалась в тесной связи с эллинской мыслью V—IV вв., направленной на выработку норм общественной жизни. Сложная действительность полисного строя рабовладельческой Греции рано поставила вопрос о создании определенных правил, которые помогли бы гражданам полиса в различных сферах их деятельности.

В одном из домов (Дом А IV 9), принадлежавшем хозяину среднего достатка, было найдено четыре таких сосуда (*Robinson D. M.* Excavations at Olynthus. P. VIII; *Robinson D. M., Gracham J. W.* The Hellenic House. Baltimore, 1938, p. 85—88, 316—320).

²⁴⁶ В греческих полисах издавна возводили монументальные сооружения, призванные обеспечить чистоту самих граждан и всего города. Это водопроводы, колодези, водостоки, фонтаны, бани, туалеты. Полисные магистраты, в первую очередь астиномы, строго следили за соблюдением норм городской санитарии. Детальная инструкция астиномам Пергама, составленная в начале II в. (OGIS, № 473), позволяет судить о том, насколько серьезно греки того времени понимали необходимость подобных установлений в интересах здравоохранения всего полиса. Справедливо отметивший это обстоятельство Л. Коун-Хэфт, однако, склонен считать пергамскую инструкцию уникальным документом, вовсе не типичным для независимых греческих полисов (*Cohn-Haft L.* The Public Physicians..., p. 22—23). С этим мнением согласиться трудно. Среди многочисленных эпиграфических источников можно найти указания различным должностным лицам о поддержании чистоты на вверенных им объектах. Так было повсюду, не только в самой Греции, но и на окраинах — стоит вспомнить лаконичное и четкое предписание насчет чистоплотности в одном из святилищ Нимфея, которое относится еще к V в. См.: Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965, с. 520—521, № 939. Разнохарактерные и достаточно многочисленные сведения позволяют полагать, что пергамские установления имели многочисленные параллели в полисах самой Греции. Конечно, в маленьком полисе с небольшим контингентом граждан задачи городской санитарии разрешались значительно проще, чем в обширных Афинах или Коринфе, но в принципе забота о санитарии была повсеместной.

Сначала это были общие законы и судебники²⁴⁷, но уже в V в. софисты брались учить, как следует поступать в отдельных практических вопросах. Например, Протагор обучал своих слушателей ораторскому искусству, тому, как стать хорошим государственным деятелем, как лучше управлять своим домом²⁴⁸. В IV в. мыслители Эллады разрабатывали важнейшие вопросы жизни общества — назовем хотя бы концепцию государственного устройства, изложенную Аристотелем в его «Политике» и других сочинениях²⁴⁹. Но наряду с этими принципиальными проблемами²⁵⁰ продолжали трактоваться и совершенно конкретные темы. До нашего времени сохранились руководства по военному делу, по сельскому хозяйству или специальные наставления по выращиванию лошадей и собак. Известные труды Ксенофонта, особенно его «Домострой», показывают, что дидактическая литература греков занималась самыми разнообразными сферами деятельности человека, причем пристальное внимание уделялось тогда не только²⁵¹ коренным общим вопросам, но и сугубо практическим²⁵¹.

²⁴⁷ Надо сказать, что дидактическое творчество эллинов не ограничивалось составлением законов, уложений и прочих видов юридических актов. Отдельные лица самостоятельно выступали с предписаниями морального порядка и с наставлениями относительно практической деятельности. Достаточно назвать Гесиода, в конце VIII в. составившего стихотворный свод правил, выработанных земледельцами Беотии на протяжении многих веков. Его «Труды и дни», бережно сохраненные последующими поколениями, являются ярким свидетельством того, что древние греки всегда придавали важное значение дидактической литературе.

²⁴⁸ Plato. Protagor., 318 e.

²⁴⁹ В. П. Зубов справедливо подчеркнул, что учение Аристотеля о различных формах государства имело своей целью определить лучший при данных конкретных условиях государственный строй, но в отличие от утопических построений Платона Аристотель исходил из реальной действительности. См.: Зубов В. П. Аристотель. М., 1963, с. 44—45.

²⁵⁰ Не имея возможности остановиться на том, как детально дебатировались эти вопросы греческими учеными-философами IV в., мы отсылаем читателя к исследованию: Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1966. Особенно важен вывод автора о том, что уже в середине V в. демократическая мысль сосредоточила свое внимание «на теоретическом осознании бурного политического развития, новых форм демократического государства...» (Указ. соч., с. 351). Результаты этой творческой активности проявились во многих областях умственной жизни эллинов.

²⁵¹ Ксенофонт старается не упустить мельчайших деталей в ведении

Неудивительно, что ученые медики озаботились включить в свои пропедевтические сочинения подробный свод норм профессионального поведения. Искусство медицины не имело права отставать от других наук, например от полиоркетики или агрономии. А сохранение и восстановление здоровья граждан всегда оставалось животрепещущей проблемой не только для каждого отдельного индивидуума, но и для всего государства.

Как известно, физическая полноценность входила в перечень качеств, которыми должен был обладать совершенный гражданин полиса. К достижению этого идеала древние эллины стремились по-разному. В Спарте обращали самое серьезное внимание на физическое воспитание здоровой молодежи обоих полов (хилых младенцев убивали). В других полисах ограничивались гимнастическим образованием для мальчиков и юношей, не лишая, однако, жизни больных детей, хотя лишь здоровые лица могли иметь доступ ко всем областям государственной жизни (например, увечные или умственно отсталые люди не допускались к исполнению общественных богослужебных обрядов).

Важная социальная роль личного здоровья свободного жителя полиса придавала медицинскому искусству общегосударственное значение. Полис, осуществлявший защиту своих граждан во всех сферах их жизни и деятельности, не мог оставить без внимания организацию целесообразной системы медицинского обслуживания. Но поскольку вопрос этот решался в рамках рабовладельческого полиса, ответ на него был обусловлен состоянием общества того времени. Правда, республиканский образ правления открывал перед греческой медициной многие возможности, которых были лишены лекари в рабовладельческих монархиях соседних стран. Именно поэтому развитие медицины в эллинистических полисах достигло такого уровня²⁵², при котором даже рядовой профессиональный ле-

домашнего хозяйства. Он даже указывает на красоту поставленных в ряд башмаков или кухонных горшков (*Xen. Oecon.*, 8, 19).

²⁵² Можно вполне согласиться с В. Йегером в том, что греческая медицина с самого начала была чисто практическим искусством, которое стало наукой под влиянием философских теорий (*Jaeger W. Paideia*. В., 1944, II, S. 12—15). Но плодотворность контактов медицины и философии была обусловлена огромным количеством эмпирических знаний, добытых самими медиками благодаря обширной практике во множестве полисов. Недаром

карь был обязан иметь достаточно обширные познания и отличаться определенной культурой поведения.

Как уже говорилось, греческая пропедевтическая литература уделила последнему вопросу очень большое внимание. Такое место правил общения врача с больными в медицинской теории эллинов диктовалось насущными интересами самих лекарских кадров. Ведь практиковавшим в полисах врачам приходилось иметь дело с пациентами, в общем достаточно развитыми в интеллектуальном отношении — без этого рядовой гражданин не смог бы активно участвовать в жизни своего полиса (например, при обсуждении в народном собрании доходов и расходов государства). Даже посещение театральных представлений, где исполнялись произведения великих греческих трагиков, оттачивало мысли и чувства всех зрителей независимо от полученного ими образования. Умудренный богатством социальным опытом, свободный грек легко улавливал промахи или небрежность лекарей и тяжело переносил грубость и бессердечие пользовавшегося его врача.

Особо тонкого подхода требовали пациенты, обладавшие некоторыми познаниями в медицине. Этот слой населения был достаточно многочисленным в эллинистическое время, чему способствовало распространение сети гимнасиев, где юноши знакомились с начатками медицины²⁵³. Женщины из зажиточных кругов населения также должны были иметь простейшие познания в терапии и уходе за больными²⁵⁴, как указывают наставления Ксенофонта хозяйке дома²⁵⁴. Добавим, что интеллигентные круги городского населения, вероятно, охотно посещали те публичные лекции по медицине, которые вызывали неодобрение уже у авторов Гипократова свода²⁵⁵ и еще более порицались Полибием²⁵⁶. Все это значительно усложняло лечение пациентов, особенно имевших образование²⁵⁷.

греческая философия почерпнула столь много из искусства медицины.

²⁵³ Ibid., S. 11-58.

²⁵⁴ Xen. Oecon., 7, 37—38.

²⁵⁵ Hippocr., Praecepta, 12.

²⁵⁶ Polyb., XII, 25 d.

²⁵⁷ Уже давно медики нового времени отмечали исключительную точность Фукидида при описании эпидемии чумы в Афинах (*Thuc.*, II, 47—54), что говорит о большом интересе и самого автора, и его читателей к медицинской стороне происходивших событий. На это вновь обратил внимание Л. Коун-Хэфт (*Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 15). Поэтому можно сказать,

Рост медицинских познаний среди читающей публики был облегчен расширением книжных фондов городских библиотек, в которых каждый любознательный человек мог найти труды, повествующие об исцелении от известных тогда недугов. Так как еще Сократ говорил, что врачи написали много книг²⁵⁸, то вполне закономерно предположить, что в эллинистическое время литература по лекарскому делу и по фармакологии должна была значительно увеличиться. Но это усложняло установление тесного контакта с больными — не так-то просто было лекарю завоевать полное доверие эрудированного пациента. К тому же малейшее подозрение в некомпетентности врача весьма отрицательно сказывалось на эффективности предписываемых им приемов лечения.

В условиях постоянного активного общения граждан внутри каждого полиса и оживленных межполисных связей достоинства или недостатки того или иного врача быстро становились достоянием гласности. Настоящему специалисту молва служила хорошим помощником, укрепляя его авторитет и особенно способствуя лечению им заблуждений невротического характера, приводивших к различным функциональным расстройствам. Живой отклик общественного мнения был столь же действен и по отношению к невежественному или неудачливому лекарю. Порицание таких медиков тогда не ограничивалось устной формой, в нем принимали участие и писатели, иногда достаточно известные. Например, поэт Гедил, живший в III в., сочинил острую эпиграмму на одного из современных ему медиков — Агида²⁵⁹. Такое сатирическое стихотворение могло положить конец врачебной практике незадачливого лекаря.

Но самым серьезным фактором было внимание полисных властей к деятельности медиков, особенно тех, кто занимал официальную должность врача. Небольшие размеры греческих государств облегчали наблюдение полиса за работой практиковавших в нем врачей. Все удачи или промахи лекаря были на виду у граждан, поэтому оценка складывалась в прямой зависимости от действительных результатов его труда. Конечно, иногда лекарь мог встре-

что интерес образованной публики к медицине имел в эпоху эллинизма многовековую традицию.

²⁵⁸ Xen. Mem., IV, 2, 10.

²⁵⁹ *Hedylus. Epigr.*— In: *Epigrammatum anthologia Palatina*/Ed. Fr. Diibner et E. Cougny, II. P., 1872, p. 307, № 123.

тить преднамеренно враждебное отношение, особенно если он имел влиятельных личных врагов. Но вопрос о здоровье был животрепещущим для каждого человека, поэтому естественное стремление больных получить помощь у знающего лекаря создавало условия для выявления наиболее квалифицированных врачей. Со временем накапливалось все больше достоверных данных, подтверждавших репутацию каждого медика.

Совершенно очевидно, что подобный путь отбора лекарей был достаточно сложен, но он был единственным: античная медицина не знала системы официальных дипломов, присваивающих звание врача и разрешающих вести самостоятельно медицинскую практику²⁶⁰. Вероятно, в крупных лекарских школах закончившие обучение молодые врачи торжественно приносили свою присягу, повторяя клятву Гиппократу, и только после этой церемонии считались достойными звания врача. Но, по-видимому, никаких письменных свидетельств они не получали. Существовала, конечно, устная рекомендация врача-учителя, но она, вероятно, сохраняла силу лишь в том случае, когда мастерство бывшего ученика росло непрерывно²⁶¹. В противном случае положительный отзыв постепенно забывался, и печальные результаты практики неумелого или безответственного лекаря полностью уничтожали благоприятное мнение о его деятельности в годы ученичества.

Следует сказать, что полисные власти внимательно относились к репутации и деятельности своих медиков. Такой подход не являлся чем-то исключительным, он вытекал из традиционной, требовательности полиса к лицам, претендовавшим на замещение официальных магистратур²⁶². К тому же военные и стихийные бедствия, часто обрушивавшиеся на государства эллинистической Греции, делали вопрос о качестве медицинского обслуживания чрезвычайно острым: в случае отсутствия знающего лекаря гражданский коллектив мог понести большие потери. Поэтому попечение о медиках входило в круг обязанностей различных представителей государственного аппарата

²⁶⁰ Reinach S. Medicus, p. 1676. Это положение осталось неизменным до последнего времени (Cohn-Haft L. The Public Physicians..., p. 17, 56).

²⁶¹ Каждая местная школа медиков прославляла своих бывших питомцев, достигших широкого признания.

²⁶² Речи афинских ораторов IV в. показывают, как оживленно дискутировался вопрос о моральном облике некоторых соискателей выборных государственных постов.

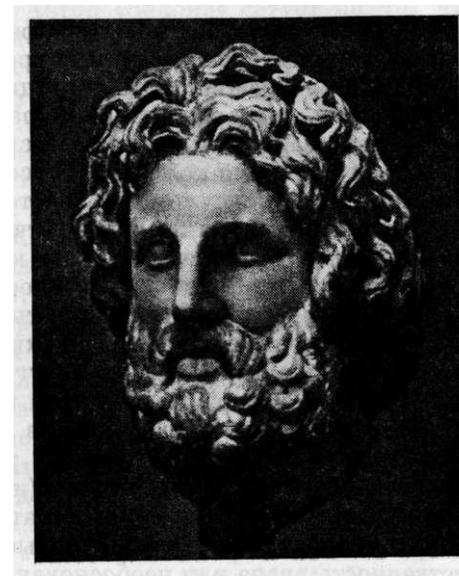

РИС. 5.
Голова Асклепия.
О-в Мелос.
Около 340 г. до н. э.

та, а юридическая мысль полисной Греции выработала законоположения, оберегавшие граждан от недобросовестности врачей. О том, что это имело место в действительности, писал еще Платон: врач может лечить жестокими приемами или назначить завышенную плату за курс лечения, причем на самого больного из этих средств шло очень мало или совсем ничего — остальное врач тратил на себя и на своих домашних, следовательно, Платон говорит здесь о плате за пребывание в частной лечебнице. Наконец, получив деньги от родственников больного или его врагов, врач даже может убить пациента²⁶³.

К сожалению, в сохранившихся источниках не отражены правовые нормы, которые регулировали деятельность врачей в полисах. Имеющиеся отдельные сведения освещают экстраординарные случаи, которые рассматривались в судебном порядке. Видимо, именно суд определял невиновность, «чистоту» врача, если его пациент умирал вопреки усилиям лечившего медика. Преступные деяния врачей наказывались по всей строгости закона — Платон указывает, что если врач уличен судом в отравлении больного, то его надлежит казнить²⁶⁴.

²⁶³ Plato. Politicus, 298—299.

²⁶⁴ Plato. Leg., 865b; 933d.

Но особенностью врачебной профессии было то, что лекарь мог принести непоправимый вред больному по незнанию или по небрежности. Сами медики хорошо понимали эту опасность, недаром в Гиппократовом своде неоднократно указывается, что лекарю весьма полезно консультироваться со своими коллегами в особо трудных случаях. Вероятно, такие консультации, о которых говорит Аристотель, иногда принимали характер отчета врача о проведенном им курсе лечения, так как консультанты должны были знать все применявшиеся способы и медикаменты. Но самые квалифицированные советы не всегда могли исправить допущенные лекарем ошибки. Кроме того, и больные иногда так запускали свой недуг, что позднее обращение к врачу не могло уже принести пользы. В таком случае вопрос о том, кто же виновен в неудачном исходе лечения, представлял неразрешимые трудности. Разбиравшие конфликты между больными (или их родственниками) и лекарями полисные магистраты уже в V в. имели какие-то законоположения, которые устанавливали ответственность врача или необоснованность претензий к нему. Но эти правила касались лишь наиболее ясных случаев, как позволяет заключить указание аттического оратора Антифонта²⁶⁵. В действительной жизни часто возникали ситуации, когда небрежность лекаря выступала достаточно четко, но результат преступления вполноте не был выявлен. Однако полис стремился не допустить продолжения практики медика, деятельность которого приносила вред гражданам.

Юридическая мысль греков со временем нашла выход из такого положения. Специально для врачей в полисах была выработана форма наказания, именованная

²⁶⁵ *Antiph.*, III, p. 127. У Антифонта речь идет об убийстве в результате побоев. Пострадавший, видимо, был в таком безнадежном состоянии, что призванный к нему врач «в силу закона» был свободен от ответственности за летальный исход. Весьма ценное свидетельство оратора, обращавшегося в своих тетралогиях к событиям из повседневной жизни, а не к вымышленным темам, как делали римские риторы (*Blass F. Die Attische Beredsamkeit. Leipzig, 1887, I, S. 149—151*), было неправильно, как нам кажется, истолковано С. Рейнаком. Последний считает, что приведенное место у Антифонта формально подтверждает безответственность врачей во время лекарской практики (*Reinach S. Medicus, p. 1676*). Но весь контекст речи показывает, что упомянутый Антифонтом закон освобождал врачей от обвинения в убийстве пациентов, уже доставленных медикам в неизлечимом состоянии.

αδοξία — бесчестие²⁶³. Автор «Закона» сетует на то, что невежественных и вредоносных лекарей подвергают только адоксии, применяемой к одним лишь медицинским работникам. Высокоэрудированный знаток практики современных ему лекарских кадров, каким был автор «Закона», имел, вероятно, много оснований требовать более суровых наказаний лже-врачам и обманщикам²⁶⁷. Но даже то обстоятельство, что полисное законодательство определило адоксию как специальное наказание для врачей, делало упомянутую юридическую санкцию особо эффективной. Она, несомненно, создавала атмосферу недоверия, отчужденности и презрения вокруг осужденного лекаря. А это означало, что он полностью лишился практики, так как всякий здравомыслящий больной избегал обращаться к обесславленному врачу.

Конечно, наказание адоксией было несколько мягче, чем те кары, которым подвергались неудачные врачи, практиковавшие при дворах эллинистических монархов. Здесь усилия медиков не ограничивались лечением недугов, возникших естественным путем, приходилось бороться и с тайным применением ядов. Уже М. И. Ростовцев, отметив, что жизнь придворного медика не была сплошным удовольствием, привел рассказ Диогена Лаэртского о судьбе врача-родосца Хрисиппа, который был вовлечен в дело убийства Полистома и Филарета, за что и был казнен. Не только очевидные преступления, но и недостаточный эффект лечения высокого пациента мог грозить карой эллинскому лекарю на чужбине. Напомним смерть на кресте врача Главка, которого Александр приказал распять за то, что лекарь не смог излечить его молодого друга Гестифона²⁶⁸. Все же в условиях полисной жизни адоксия не была легким наказанием, тем более что она пятнала не только самого провинившегося, но и его потомков²⁶⁹. О значении адоксии можно судить отчасти по тому,

²⁶⁶ *Hippocr.*, Lex, 1.

²⁶⁷ Напомним, что автор этого произведения неизвестен, так же как и точное время его жизни. Видимо, сочинение было составлено в IV - III вв. См.: *Гиппократ. Избранные книги*, с. 91 — комментарий В. П. Карпова

²⁶⁸ *Rostovtzeff M. SENHW*, p. 1650, p. 47; *Diog. Laert.*, VII, 186; *Plut. Alex.*, LXXII.

²⁶⁹ Платон кратко упоминает о тяжелых последствиях адоксии для семьи осужденного.

что властолюбивые и честолюбивые граждане полисов весьма ее опасались²⁷⁰.

Конечно, материальное положение осужденного медика влияло на то, как он воспринимал наказание. Если провинившийся лекарь принадлежал к богатым людям, адоксия оборачивалась для него скорее мучением, чем рабством. Лишениями, в частности потерей доверия и уважения сограждан. Возможно, что наказанный адоксией был как-то ограничен в гражданских правах²⁷¹. Для медика, обладавшего средним или небольшим состоянием, адоксия становилась причиной полного упадка доходов — ведь практика тотчас исчезала. Отсюда было недалеко до крайней бедности и даже превращения в обездоленного неудачника.

Хотя источники не сохранили сведений ни о самой процедуре адоксии, ни о важнейших ее последствиях, все же можно предположить, что наказание виновных медиков было достаточно суровым. Следует помнить, что юристы древней Греции тщательно разработали систему правовых санкций против лиц, наносящих вред полису. Разнообразие и многостепенность тех наказаний, которые известны ныне исследователям древнегреческого права, позволяют думать, что и адоксия была достаточно эффективным оружием для борьбы полиса с лжеврачами и невеждами²⁷².

Существование специальной правовой нормы, оберегавшей полис и его граждан от плохой работы врача, несомненно оказывало влияние на медицинские кадры. Прежде всего, боязнь адоксии заставляла каждого рядового лекаря относиться к своей работе с большим чувством ответственности. Далее, добросовестные врачи, заслужившие публичную благодарность полисов в виде почетных декретов или декретов о проксениях, стали заботиться о том, чтобы изъявление признательности государства не носило

общего характера, по честно обрисовывало их профессиональную безупречность. Достичь этого уважаемому эскулапу было нетрудно, так как уже в V—IV вв. полисы часто отмечали в псефисмах заслуги чествуемых лиц, а в эллинистическом мире эти документы стали еще более пространными. Получая официальное признание полиса, восхваляющего его безукоризненную работу, врач не только вооружался против возможных необоснованных обвинений, но и получал в свои руки дополнительное свидетельство о высокой квалификации. Естественно, что каждый чествуемый полисом лекарь не упускал возможности принять участие в подготовке текста псефисмы, посвященной его заслугам. В пользу реальности высказанного нами предположения говорит весьма специфическое изменение формулировок почетных псефисм, заметное в начале эллинистического времени.

Действительно, еще в IV в. тексты декретов о врачах сравнительно мало отличаются от псефисм в честь лиц иных профессий. Можно привести в качестве примера уже упоминавшийся декрет афинян в честь родосца Фидия от 304/3 г., в котором говорится о том, что он предложил работать даром и тем проявил свое благорасположение к городу. Афиняне указали на великодушие врача, но не останавливались подробно на прочих его качествах²⁷³.

Уже в III в. декреты в честь врачей и некоторых других работников интеллигентных профессий приобретают более конкретный характер благодаря довольно пространным изложениям заслуг восхваляемого лица. Но характерной чертой декретов о медиках становится то, что в текст этих документов часто включали весьма квалифицированное перечисление профессиональных достоинств лекарей. Создается впечатление, что составители псефисмы учитывали те обязательные требования, которые предъявлял полис к лекарю и которые постулировала для врача

270 *Plato*. *Phaed.*, 82 с. Примечательно, что Платон перед адоксией называет такое тяжкое наказание, как атимия — лишение гражданских прав. Естественно предположить, что и адоксия была суровым возмездием.

271 Это предположение можно высказать потому, что понятие адоксии несомненно отнимало у виновных рядовых членов полисного общества обязательных для всякого полноценного члена полисного общества.

272 Какой бы орган полисного управления ни принимал решение об адоксии лекаря, оно подлежало публичному извещению. Это делало имя виновного лекаря известным далеко за пределами того полиса, в котором он практиковал.

273 *Syll.*³, N 335. Большое сходство с этим текстом обнаруживает фрагментированная надпись от 337/0 г., также найденная в афинском Асклепееоне (*Hubbe R. O. Decrees from the Prasinos of Asklepios in Athens*. *Bezae*, 1959, v. 28, p. 169—171). Издатель, соединивший опубликованные ранее тексты IG, II², N 304 и 604, не уверен, можно ли считать чествуемых лиц врачами, соглашаясь в этом с Л. Коун-Хэфтом (*Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 76—77, № 2). Однако нам представляется, что текстуальные аналогии с псефисмой Фидия столь велики, что можно с уверенностью отнести постановление от 337/6 г. к числу документов, посвященных врачам.

специальная пропедевтическая литература. Вряд ли полисные власти знали так основательно труды ученых медиков. Более вероятно предположить, что сами чувствующие лекари, заинтересованные в получении хороших аргументированных оценок²⁷⁴, оказывали помощь магистратам, писавшим текст псефисмы, в выработке формулировок. Так постепенно в эллинистической Греции складывалась традиция выдачи полисом официального отзыва о практиковавшем в нем враче. Упомянутое явление было необходимым орудием полисной государственности, в которой точная и ответственная документация различных событий в жизни общества играла весьма важную роль.

Положительные аттестации врачей высоко ценились и самими медиками, и специально приглашавшими их на работу полисами. В качестве иллюстрации можно привести документы из Амфиссы, где врач Менофант в первой половине II в. заслужил горячую благодарность полиса и проксенические права. После Амфиссы Менофант был приглашен на службу в Скарфею. Власти этого полиса и сам врач написали в Амфиссу послание с просьбой выслать копию почетных документов, касающихся Менофанта. Высшие магистраты Амфиссы не ограничились посылкой своего ответа и копии проксении в Скарфею, но выставили у себя в городе па всеобщее обозрение стелу с обоими официальными документами, отправленными в Скарфею (IG, IX, 1², 3, № 750). Обстоятельность всей процедуры выправления свидетельств Менофанта ясно показывает, с какой ответственностью относился эллинистический полис к выдаче положительной оценки государственному врачу.

Иную картину рисует источник периода римского владычества, когда греческим полисам было оставлено лишь ограниченное внутреннее самоуправление. Мы имеем в виду неоднократно упоминавшийся декрет из Гифии, подробно излагающий заслуги врача Дамиада. Постановление народного собрания заканчивается указанием эфорам города высечь текст на стеле и поставить его на самом видном месте на агоре; если же эфоры не сделают этого, то сам Дамиад или любой желающий могут взять с эфоров штраф в две тысячи драхм (IG, V, 1, № 1145). Столь высокая сум-

274 Л. Коун-Хэфт справедливо ответил, что с точки зрения врача почетный декрет был официальным документом, свидетельствующим о его апробированной квалификации (*Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 66).

ма пени Заставляет полагать, что теперь городские власти относились к своим обязанностям достаточно прохладно, не придавая большого значения постановлению народного собрания. Зато благодарные Дамиаду гифиаты понимали, сколь важна для него публикация этой псефисмы, и постарались обеспечить выполнение своего постановления. Возможно, что в гифийском акте получило отражение то захирение институтов полисов неизбежным следствием порабощения Эллады римлянами. Правда, пассивность городских магистратов в Гифии встречала неодобрение народной массы, причем достаточно действенное в финансовом отношении²⁷⁵.

Пристальное, как показывают документы, внимание эллинистических полисов к тому, достойный ли образ жизни ведет лекарь, свидетельствует, сколь живуч был созданный еще Гиппократом и его учениками свод правил моральной безупречности врача. Теперь к этому образцу обращались не только в кругах профессионалов, но и гражданские власти рабовладельческих государств Греции²⁷⁶.

275 Псефисма Гифия весьма красноречиво рисует напряженные отношения между широкими слоями городского населения и правившей знатью. Постановление демоса восхваляет Дамиада за искусство целителя и за то, что он равно внимательно лечил бедных и богатых, рабов и свободных (в тексте рабы упомянуты перед свободными — явное следствие популярности стоических учений о равенстве людей!), а в тяжелое для города время предложил работать бесплатно в течение полугодия, остающегося до конца контракта. Совершенно очевидно, что Дамиад, которого гифиаты именовали «служителем Асклепия», руководствовался в своей практике идеями высокого гуманизма. Правда, отвечая нарастающей сакрализации общественного мнения, он указывал на высшую мудрость своего божественного покровителя Асклепия. Но, по-видимому, власти Гифия не разделяли народных симпатий к Дамиаду и не собирались торопиться с опубликованием восхвалявшей врача псефисмы. Поэтому демос точно указал, что поставить стелу с текстом проксении на самом видном месте должна та коллегия эфоров, которую возглавляет Биад. Тем самым был назван совершенно точный календарный срок выполнения постановления народного собрания.

276 Само сохранение этого раздела учения Гиппократа в теории медиков является достаточно весомым возражением мнению Э. и Л. Эдельштейнов, категорически утверждающих, что филантропия для врача была лишь идеальным требованием, на практике все зависело от усмотрения отдельного лица (*Edelstein L. Asclepius*, II, p. 174—175). Названные авторы проходят мимо реально существовавших общественных институтов, которые содействовали поддержанию моральных связей внутри гражданства полисов. Именно поэтому официальное признание порядочности и человеколюбия врача было так важно для репутации каждого отдельного лекаря.

Не так давно В. Пеек составил перечень декретов, со-
держащих указания о добродетельном поведении врача ²⁷⁷.
Примечательно, что такие документы происходят как из
отдельных, даже небольших, государств, так и из круп-
ных политических объединений полисов.

Среди документов единичных полисов назовем поста-
новления Амфиссы в честь врача Менофанта, сына
Артемидора ²⁷⁸, декрет Астипалеи, восхвалившей врача Идриарха, сына Карпа ²⁷⁹, и такого псефиса муниципалитетов
чающую заслуги врача Аск[лепиодора?], который вел бла-
гопристойный образ жизни наряду с ревностным исполне-
нием обязанностей (SEG, III, № 416). Особенно весомым
было суждение брикунтян на острове Карпафе — чест-
вуемый ими Менокрит, сын Метродора, прослужил в их
полисе свыше 20 лет, так что их мнение следует считать
весьма обоснованным (IG, XII, 1, № 1032).

Довольно многочисленную группу составляют псефис-
мы, принятые совместно несколькими отдельными госу-
дарствами или же постоянным союзом полисов.

Несомненно, что столь высокую аттестацию получали
особо выдающиеся специалисты, достигшие широкого при-
знания за пределами своей родины. Поэтому вполне прав-
доподобно, что столь авторитетные доктора действительно
отличались образом жизни, безупречным с точки зрения
рабовладельческого общества того времени.

Таков был врач Гермий, сын Эмменида, которого около
222 г. его сограждане, жители Коса, специальным голосо-
ванием избрали для отправки на Крит по просьбе Кносса.
Самоотверженный труд косского медика в качестве воен-
ного врача был особо отмечен кноссиянами и их союзника-

²⁷⁷ Peek W. Inschriften von den dorischen Inseln, S. 38—40, N 87.
Здесь упомянуто восемь надписей: IG, IX, 1⁷, N 209a* IG
XII, Suppl., N 249 - AM, 1934, 39, S. 68-70, N 23; Schwyzer,
N 369; Guarducci M. Inscr. Cret., IV, p. 230, N 168*; Ibid
II, p. 16, N 3*; Syll.³, N 620; Syll.⁵, N 538; Wilhelm A. Neue
Beiträge zur griechischen Inschriftenkunde, IV.— Kaiserliche
Akademie der Wissenschaften in Wien. Phil.-hist. Klasse. Sit-
zungsberichte, Bd. 179, Abhandlung 6, 1915, S. 53—60. Правда,
последняя надпись происходит из Перги, города Памфилии, и
относится ко второй половине II в. до н. э. К перечисленным
В. Пееком надписям следует добавить декрет из Элатеи (SEG,
III, № 416).

²⁷⁸ IG, IX, 1⁷, 3, N 750 = Schwyzer, N 369. Правда, данный доку-
мент был опубликован не только для Амфиссы, но и для полиса
Скарфии.

²⁷⁹ Peek W. Inschriften von den dorischen Inseln, S. 38—40, N 87.

ми в Гортине, посланными на Кос копии своих постановле-
ний в часть Гермия ²⁸⁰.

В 216/5 г. в Дельфах специальным постановлением
амфикионов были отмечены заслуги и добропорядочный
образ жизни практиковавшего там уроженца Коса врача
Филиста, сына Мосхиона (Syll.³, № 538). Это было мнение
не только самих дельфийцев и контролировавшего их тог-
да ²⁷⁹ и такого псефиса муниципалитетов
Танагры и еще двух трех полисов. Совершенно очевидно,
что чествуемый Филист получил столь широкое признание
в силу своего выдающегося мастерства и действительной
порядочности.

Аналогичную оценку около 188 г. получил от острова
Теносаи от союза Островитян врач Аполлоний, сын Гиерокла, милетянин (Syll.³,
входило много полисов Эгейского моря, следовательно,
названный доктор широко прославился как гуманный
специалист.

Уроженец острова Андроса врач Героид, сын Неона,
во II в. был почтен за те же добродетели полисом Стратом,
всем Этолийским союзом, а затем и родным полисом ²⁸¹.
В декрете особо отмечалось, что он надолго уезжал с Ан-
дроса и много времени служил на чужбине.

Союз Акарнаноу около середины II в. чествовал пергамского врача Диогена, сы-
на Полидора, которого в полисах Акарнании и вел там образ жизни, который был
достойн и его самого, него родины (IG, IX, 1⁷, № 209a).

С копией такого декрета чествуемый медик имел все
основания претендовать на штатную должность врача в
любом ^{281a} полисе, как бы далеко он ни отстоял от его роди-
ны. Вероятно, официальная документация помогала

²⁸⁰ Guarducci M. Inscr. Cret., I, p. 62, N 7*; IV, p. 230, N 168*.

²⁸¹ Peek W. Griechische Inschriften, N 23.

^{281a} Приведенные декреты показывают, что медики часто совершали
выезды в отдельные государства Эллады, причем движение шло
не только из крупных центров в захолустные полисы, но и на-
оборот. Например, в Афинах служил Евенор, сын Евепия, вы-
ходец из Акарнании (IG, II, 1⁷, № 373, 374), на Делосе работал
врач с Кеоса Архипп, сын Полихара (IG, XI, 4, № 693). Достой-
но внимания то обстоятельство, что имена афинских граждан
не встречаются в источниках об инополисных врачах. Видимо,
в III—II вв. потребность афинян в лекарях была столь велика,
что этим специалистам не было смысла уезжать со своей родины.
Заметим попутно, что дельфийские декреты о проксении афиня-
нам Кассандру и Келайну, датируемые Р. Фласельером
последними годами IV в. (FD, III, 4, № 140, 141), в которых

греческим врачам успешно выдерживать конкуренцию с иноземными лекарями, которых мы почти не встречаем в качестве государственных врачей. Исключение составляет лишь Хартад, сын Филоксена, уроженец Береники (в Киренаике), который около 240—230 гг. занимал должность врача на Калимне²⁸¹⁶. Возможно, что здесь сыграли роль внешнеполитические факторы: как отметил М. Сегре, остров находился тогда под властью Птолемея III Еввергета и кроме Хартада туда прибыли и другие уроженцы Береники²⁸². Но это свидетельство остается пока единичным: врачи в эллинистической Греции были или аборигенами, или выходцами из греческих городов Малой Азии — Милета, Галикарнаса, Кизика. Пример уроженца Македонии Менофанта, работавшего в Амфиссе, не может изменить основного вывода^{282a}.

Государственные документы о медиках имели значение не только для чествуемых врачей. Они ставили надежный заслон различным шарлатанам и лже-лекарям, которые выдавали себя за врачей. Судя по словам Полибия, в его время было много лекарей-болтунов, которые странствовали из города в город и собирали вокруг себя толпы легковверных слушателей²⁸³. Следует думать, что бродячие лекари чаще всего подвизались в полисах, не имевших

Г. Стамирес восстанавливает профессию чествуемых как *ιστρός* (*Slamires G. L. Greek Inscriptions.— Hesperia, 1957, XXVI, p. 40, η. 32*), из-за лаконичности текстов не могут служить достаточным аргументом в пользу того, что эти врачи (?) служили в Дельфах. Они могли заслужить благоволение дельфийцев своей помощью в самих Афинах.
²⁸¹⁶ Segre M. *Tituli Calymnii.— Annuario della regia Scuola Archeologica di Atene, 1952, v. 22—23, N 58.*

²⁸² Интересно отметить, что декрет Хартада начинается довольно сухо, даже слишком официально.

282a По-видимому, иноземные врачи долгое время не пользовались популярностью у греков. Ярким примером может служить александрийский врач Дороеф. В I в. до н. э. он глубоким старцем скончался в Тифорее, фокидском городке, затерянном в горах. См.: Peek W. *Griechische Grabgedichte, № 135*. Видимо, даже обладая большим стажем, этот выходец из Египта не смог найти в Греции более удобного места работы. Ведь Тифорея еще во времена Павсания не имела своего водопровода, и жители ее носили воду от реки, протекавшей внизу в ущелье (*Paus., X, 32, 11*). Правда, практика в Тифорее могла быть не очень беспокойной и жизнь здесь шла равномернее, чем в крупных центрах. Эти обстоятельства могли привлечь престарелого александрийского медика.

²⁸³ Polyb., X11, 25, 4-6.

достаточного медицинского персонала. Вряд ли они решились бы появиться на Косе или на Книде, славившихся своими медицинскими кадрами²⁸⁴. К сожалению, источники почти ничего не сообщают о странствующих лекарях, хотя они были хорошо известны Псевдо-Гиппократу²⁸⁵.

Здесь уместно было бы коснуться вопроса о греческих медиках, выезжавших в соседние страны. Однако эта тема столь обширна, что требует специального исследования. По-видимому, немалое число лекарей уезжало из Эллады на запад и восток. Вероятно, не все эти специалисты работали безупречно, среди них могли быть и неучи, и неспособные к врачеванию люди. На последнее указывает враждебное отношение Катона к греческим врачам, практиковавшим в Италии. Однако авторитет эллинских медиков стоял в Средиземноморье весьма высоко, и многие эллинистические монархи стремились заполучить в качестве врачей именно греков²⁸⁶. Возможно, что и в чужих странах документальные свидетельства безупречной работы врача на государственной службе могли укреплять авторитет медика-грека.

²⁸⁴ Интересно наблюдение Л. Коун-Хэфта о том, что на Косе известны служащие врачи только из числа граждан (*Cohn-Haft L. The Public Physicians..., p. 64*). Полная публикация всех эпиграфических источников с Коса позволит уточнить этот вывод. Но очевидно, что местные косские врачи стремились держать в своих руках всю медицинскую практику. Дело было не только в обыденных экономических интересах, но в принципиальном поддержании престижа рациональной медицины Коса. В эллинистическое время всякого рода знахарство и спекуляции на какой-то магической силе мошенников, объявлявших себя целителями, были распространены достаточно широко. Недаром тогда появился термин *ιστροσοφιστής*, который обозначал предсказателя, обладающего искусством магии. Несомненно, что специалисты в оккультных науках брались за лечение страждущих и душой и телом. Напомним, что сицилийская школа медиков не отказывалась от использования магии и суеверий в лекарском деле. См.: Jones W. H. S. *Philosophy and Medicine in ancient Greece, p. 11.*

²⁸⁵ Hippocr., Lex, 4.

²⁸⁶ Правда, Птолемей IV Филометор (181—146) начальником над своими врачами поставил александрийского грека Хрисерма, сына Гераклита. Хрисерм носил весьма высокие титулы, как гласит посвятельная надпись на его статуе: («сородич царя Птолемея и начальник над врачами и эпистат Мусейона»), которую в середине II в. посвятил на Делосе Аполлону, Артемиде и Латоне афинянин Арей, сын Памфила (*Durrbach. Choix, № 90*). Начальник врачей принадлежал к семье, издавна близкой к царям Египта (*Plyt. Cleom., XXXVI*) и получавшей проксению в Дельфах (*Syll., N 585*). Имел ли Хрисерм медицинское обра-

Псефисмы, в которых полисы воздавали должное лекарям-практикам, защищали этих работников от конкуренции со стороны медиков-книжников. По-видимому, их было довольно много, теоретиков, которые хорошо знали медицинскую литературу, но были совершенно неискусны в практике. Часто пациенты, страдавшие лишь простым недомоганием, от лечения у таких врачей заболевали еще серьезней. Об этом говорит Полибий, видимо, знакомый с печальными результатами практики врачей-книжников. Крупнейшие умы греческой науки издавна хорошо понимали опасность таких псевдоспециалистов не только для общества, но и для всего искусства врачевания²⁸⁷. Во многих трудах Гиппократова сборника содержатся указания на вред необоснованного теоретизирования, приносящего часто гибель²⁸⁸ тем, к кому прилагаются методы дедуктивного лечения²⁸⁹.

Приведенные документы убеждают в том, что полисная государственность выработала удачные формы официальной апробации специалистов-медиков²⁸⁹. Для своего времени, в условиях рабовладельческих республик эллинистической Греции, это было весьма плодотворным, так как стимулировало качественную работу врачей.

Остановимся теперь на некоторых конкретных сторонах врачебной деятельности в эллинских полисах III-II вв.

Как и прежде, в эллинистическое время врачи оказывали помощь больным на дому или в специальных лечебницах. Посещения врачами пациентов неоднократно за-

зование, сказать трудно. Бесспорно то, что он был тесно связан с эллинским миром.

²⁸⁷ По-видимому, врачи-практики не стремились присоединяться к той или иной теоретизирующей группе. Плиний рассказывает о возвышении и упадке многих медицинских школ, причем от школы халкидонца Герофила, работавшего в Александрии в первой половине III в., многие отошли потому, что в ней была сильна книжность — quoniam necesse erat in ea litteras scire (Plin., NH, XXIX, 5).

²⁸⁸ Hippocr. De habitu, 4; Praecepta, 2; Lex, passim.

²⁸⁹ Любопытно отметить, что полисная знать принимала активное участие в делах, связанных с медиками. Например, в Калимне около 240–230 гг. псефисму в честь врача Хартада предлагал член весьма богатой семьи Стратоник, сын Диотима. Его отец Диотим около 260 г. посвятил статуи своих отца и жены в экседре в святилище Аполлона. Позднее, около 200 г., сын Стратоника, Диотим, внес на нужды полиса 30 драхм — сумму в два раза большую, чем те граждане, чьи имена стояли рядом с ним. См.: Segre M. Tituli Calymnii, N 58, 85, 130.

свидетельствованы специальной литературой и речами ораторов²⁹⁰, и многими произведениями искусства²⁹¹. По-видимому, это был наиболее распространенный способ лечения недугов — недаром в Клятве Гиппократата так подробно говорится о поведении врача в доме больного.

Осмотрев пациента, врач обычно оставлял подробные предписания относительно приема лекарств и применения лечебных средств, причем это делалось в устной форме. Иногда же врачи оставляли письменные инструкции, особенно в тех случаях, когда они уезжали и оставляли своих подопечных надолго²⁹².

Эффективность указанных врачом мер определяла, естественно, отношение к нему со стороны пациентов и их близких. Уже Ксенофонт устами Исхомаха (Оес., 13, 2; 15, 9) говорит о бесполезности врача, который заботился бы о больном, приходя к нему утром и вечером, но не знал бы, что именно необходимо для излечения болящего.

Правда, пациенты иногда своевольничали и не выполняли врачебных наставлений. В серьезных случаях это могло привести к опасным последствиям, и потому врачи оставляли дежурить у больных своих учеников, которые тщательно проводили курс лечения²⁹³. Указание на это имеется уже в Гиппократовых трудах²⁹³.

В небольших полисах, где обычно практиковал один врач, население должно было довольствоваться знаниями своего лекаря. Опытный и мудрый врач в таких условиях мог иметь длительную постоянную практику, как свидетельствует декрет брикунтян в честь Менокрита, сына

²⁹⁰ Например Гиппократ, приводящий в своих «Эпидемиях» (VII) истории болезней 42 пациентов, в большинстве случаев указывает точное место жилища больного («выше храма Геркулеса» или «на площади Лжецов», или «около новой стены»), так что совершенно очевидно, что он лично бывал во всех этих домах. Демосфен упоминает о приходе врача к кормилице хозяина дома ([Dem.] In Eueg., 11, 59).

²⁹¹ Сохранились рельефы из Афин и других городов, изображающие самого Асклепия у постели больного.

²⁹² Plato. Politicus, 295 с. Достоин внимания то, что наряду с врачами Платон называет поступающими аналогичным образом и преподавателей гимнастики.

²⁹³ Hippocr. De habitu, 17. Можно думать, что такие дежурства устанавливались преимущественно в богатых домах — тем самым врачи обеспечивали не только качественное исполнение своих предписаний, но и препятствовали богатому больному и его родственникам обратиться к другому лекарю. Последнее могло иметь нежелательные последствия.

Метродора, лечившего жителей острова Карпаф около 20 лет²⁹⁴.

Но и в больших государствах зажиточное гражданство стремилось иметь постоянного врача, искусство которого не вызывало сомнения. Бесспорно, что завоевавший доверие клиентов лекарь принадлежал к числу лучших медиков данного полиса. О таком враче упоминается в Псевдо-Демосфеновой речи «Олжесвидетельствах Еверга и Мнесибула», которая с 354 г.²⁹⁵ Истец говорит, что для лечения своей кормилицы, которую побили его враги, он сам пригласил²⁹⁶ врача, искусством которого пользовался уже много лет²⁹⁶.

Многолетнее лечение обитателей одного дома, часть которых была связана кровным родством и имела одинаковую наследственность, создавало благоприятные условия для домашнего доктора. Это несомненно способствовало дальнейшему росту его авторитета.

Однако не каждый гражданин полиса имел достаточно средств для вызова врача на дом. К тому же ряд острых случаев, например переломы и вывихи, требовал применения специального медицинского оборудования, которое трудно было установить в частном доме — в городах средние и мелкие домовладения занимали небольшие участки, а жилые помещения имели скромные размеры. Многие процедуры также были возможны лишь в лечебнице, где врач имел удобное рабочее место и обширный набор применявшихся тогда медикаментов. Неудивительно, что практика оказания медицинской помощи в лечебницах, именовавшихся *ἰατρεία*, возникшая в Греции еще в классическое время, в III—II вв. получила дальнейшее распространение.

Известны лечебницы государственные и частные.

Государственные лечебницы, которые, надо полагать, создавали лишь самые крупные республики, были, вероятно, не только постоянными, но и временными. Например, по словам Платона, в Афинах в IV в. при значительных эпидемиях открывалось много лечебниц²⁹⁷. Поэтому можно думать, что в спокойной обстановке, при отсутствии

²⁹⁴ IG, XII, 1, N 1032.

²⁹⁶ Дату речи и то, что она не принадлежала Демосфену, выяснил Ф. Бласс. См.: *Blass F. Die Attische Beredsamkeit*, III, 1⁷ S. 543-549.

²⁹⁶ [Dem.] In Euerg., 1159.

²⁹⁷ Plato. Rep., 405a.

эпидемий и войн, в полисах функционировало лишь ограниченное число лечебниц.

Государства, устраивавшие у себя лечебницы, начинали с того, что отводили им подходящее место и помещения, возможно строго изолированные от соседних жилых домов. Что таков был обычай, позволяет заключить рассказ Плиния о приезде в Рим около 220 г. врача Архагафа, сына Визания²⁹⁸ и обитавшего в Афинах. Архагафу право квирита и купленный на государственный счет дом для лечебницы. Очевидно, устраивая в Риме первую государственную лечебницу, этот уроженец Пелопоннеса создавал здесь такие же условия для работы, которые были приняты в греческих полисах.

О размерах полисных лечебниц в III—II вв. нет точных данных. Вполне вероятно, что в тяжелые периоды войн и эпидемий там открывали не только амбулаторные, но и стационарные отделения. Каковы были ассигнования полисов на устройство больниц, также остается пока неизвестным.

Частные лечебницы принадлежали врачам, уже достигшим известности и твердого материального²⁹⁹ достатка. Называли их обычно по имени врача-владельца²⁹⁹, и, видимо, они существовали лишь во время его практики. Детальные наставления Гиппократ в сочинении «О враче» показывают, что медицинская мысль греков четко выработала условия, которые врач должен создать больным в своей лечебнице. Например, кабинет врача должен быть расположен в удобном месте, в нем должны быть хорошие освещение и вода, удобные стулья, мягкие полотенца, мягкие повязки.

Все эти требования можно было осуществить, лишь имея достаточно просторный дом и усадьбу при нем, а также средства для содержания обслуживающего персонала. Даже если он состоял только из учеников врача, их все равно нужно было кормить.

Еще Гиппократ указал, что для обучающегося медицине работа в лечебнице имеет первостепенное значение. Поэтому врачи широко использовали учеников в своих лечебницах и для курирования больных на дому. Иногда крупные врачи имели помощниками и врачей, уже завер-²⁹⁸ *Plin.* NH, XXIX, 6.

²⁹⁹ Например, лечебница врача Евфидика в Пирее в середине IV в. до н. э. называлась его именем. См.: *Aesth.* In Timarch., 40.

шивших у них свое обучение. Сведения о подобных отношениях дает декрет косского дема Галисарны в середине II в. до н. э., который восхвалял своего врача Онасандра сына Онесима, помогавшего также и врачу-учителю³⁰⁰. Возможно, что иные врачи специально готовили себе помощников из числа способных к медицине рабов. Свидетельством этого может служить отпуск на волю раба Дамона врачом Дионисием в Дельфах в 155 г., обусловленный пятилетним обязательством Дамона «соврачевать» с отпускающим его владельцем³⁰¹.

Правда, Дамон мог быть не рабом-учеником, а квалифицированным врачом, в силу каких-то обстоятельств попавшим в рабство. Его социальное положение, видимо, не препятствовало хозяину-врачу пользоваться его помощью.

Отсутствие сведений об условиях пребывания больных в стационарных отделениях частных лечебниц заставляет воздержаться от каких-либо предположений³⁰². Однако несомненно, что такая форма лечения стоила немалых затрат, и это составляло один из источников благосостояния умелых врачей.

Остановимся на вопросе об оплате труда частных врачей. Судя по наставлениям Гиппократов³⁰³, уже в V—IV вв. установилась практика определения гонорара путем частного соглашения лекаря и пациента в каждом отдельном случае. Выше уже были приведены заветы Гиппократов, призывавшего врачей взимать плату в зависимости от материальных возможностей больных. Отсюда следует заключить, что тогда каких-либо твердых норм не существовало. Видимо, такое же положение сохранялось и в III—II вв.

Во времена Аристотеля врачи обычно получали плату после излечения больного³⁰⁴. Но сохранялся ли этот порядок полностью и в эллинистический период, сказать трудно. Возможно, что в случаях особо длительного заболевания пациентов медики взимали плату по частям во время курса лечения.

³⁰⁰ Herzog R. Honores Antipatro medico...— Riv. di Filologia, 1942, p. 10.

³⁰¹ SGDI, N 1899.

³⁰² Сведения Диогена Лаэртского (IV, 7) об отсутствии ухода за больным философом Б ионом пока не нашли подтверждения.

³⁰³ Hippocr., Prascrpta, 4; 6.

³⁰⁴ Arist. Pol., 1287a: здесь употреблен термин ὁ μισθός.

Но каковы бы ни были условия вознаграждения частного врача³⁰⁵, этот вид медицинской помощи был недоступен беднейшему гражданству.

Не все врачи были бескорыстны и соглашались лечить бедняков даром. Слова Хремилы: не будет платы — не будет помощи лекаря³⁰⁶ — отражали положение и в IV—

III вв. Дельфах в 155 г., обусловлен-
Но дело было не только в деньгах частного лица. Как правило, полис придавал большое значение боеспособности, а следовательно, и здоровью гражданского коллектива. Причем это типично не только для многолюдных центров, но и для сравнительно небольших городов³⁰⁷. В III—II вв. потребность в доброкачественном и постоянном врачебном обслуживании населения полисов значительно возросла. Естественно, что возросло значение и государственной медицинской службы. Институт полисных врачей, созданный в предшествующие столетия, в эллинистической Греции получил большое распространение³⁰⁸.

Государственная забота о здравоохранении, как свидетельствует Геродот³⁰⁹, осуществлялась в какой-то организованной форме многими полисами уже в VI в. По мере развития и совершенствования аппарата полисного управления видоизменялась и система медицинской служ-

³⁰⁵ С. Рейнак справедливо сомневается в ценности сведения Диогена Лаэртского (VI, 86) о том, что визит врача стоил одну драхму (*Reinach S. Medicns*, p. 1694). Вряд ли была твердая такса.

³⁰⁶ *Aristoph. Plut.*, 408.

³⁰⁷ Косвенным свидетельством является декрет от 225 г. из Рамнунта (Аттика) в честь триерарха упражнявшимся в гимнастике, масло для того, чтобы, «заботясь о теле, они становились более сильными». См.: *Pouilloux J. Trois decrets de Rhamnonte.*— BCH, 1956, LXXX, p. 57—75. N 17. 7—8.

³⁰⁸ Новые эпиграфические источники добавляют некоторые ценные сведения.

³⁰⁹ *Her.*, III, 125—131 — рассказ о службе врача Демоклада на Эгине, в Афинах и на Самосе. История полисной медицинской службы уходит еще в VIII—VII вв., как позволяет заключить свидетельство Диодора об установлениях «ранних законодателей» относительно лечения больных граждан врачами на государственный счет (δημοσίῳ μισθῷ). Это известие дало основание Р. Поолу предположить, что ранние законодатели полисов Великой Греции следовали правилам, существовавшим в метрополиях их городов (*Pohl R. De graecorum medicis.*, p. 8—10). И хотя это мнение не получило еще документальных подтверждений, его все же не следует так решительно отбрасывать, как это делает Л. Коун-Хэфт (*The Public Physicians.*, p. 11).

бы. Указанный процесс происходил в первую очередь в крупных демократических республиках Греции. Источники достаточно полно освещают установления, касающиеся полисных врачей, которые существовали в Афинах в V—IV вв. и в основных чертах сохранялись и в III—II вв.

Служившие в Афинах врачи входили в число государственных наемных магистратов, исполнение обязанностей которых было обязательным и определялось термином *δημοσιεύω*. На это указывают Аристофан³¹⁰ и другие авторы. Замещение должности врача происходило путем голосования в народном собрании. Судя по сообщениям Ксенофонта и Платона, полисармедов было сравнительно многочисленны, дру- сколько претендентов на вакансию медика³¹¹. Каждый из соискателей рассказывал народному собранию о том, когда и у кого он учился, как добивался того, чтобы его учителем стал хороший врач, кого он лечил. Речь заканчивалась просьбой о предоставлении работы государственного врача. После этого претендент выбирался большинством голосов. Такой порядок сохранялся в Афинах и позднее; данных о других установлениях пока нет.

Основной принцип этой процедуры соблюдался во многих демократических республиках эллинистической Греции — кандидатуры открыто обсуждались и народном собраниях и голосование граждан определяло выбор того или иного медика. В практике бывали иногда ошибки: философ-киник Телес (акме около 237 г.), происходивший, по-видимому, из Мегар³¹², говорит, что если граждане проголосовали за лекаря-шарлатана, то это бесчестит их самих, вручивших заботу о здравоохранении полиса невежде, и не порочит хорошего врача, которого они забаллотировали³¹³. Если вспомнить сказания Полибия на легковёрность толпы, слушающей красноречивых лекарей-шарлатанов, то можно заключить, то не раз бывали случаи, когда скромный труженик отеснялся болтливом конкурентом.

³¹⁰ Aristoph. Acharn, 1030.

³¹¹ Xen. Mem., IV, 2, 5; Plato. Gorg., 455b; 456b.; 514 d — e. В названных выше исследованиях, начиная от А. Веркутра (1880 г.) и кончая Л. Коун-Хэфтом (1956 г.), указанные свидетельства приняты без каких-либо возражений.

³¹² Zeller E. Die Philosophie der Griechen. Leipzig, 1909, III, 1, S. 44-45.

³¹³ Teles. De fuga, p. 18.

Многообразие политической жизни эллинов в III—II вв. вносило ряд дополнений в изложенную систему выбора государственных врачей. Сказывалась преледе всего разница экономического потенциала полисов. Не всякий полис имел своих уроженцев-врачей. Для многих инополисных медиков более привлекательной была служба в богатых центрах, где государственное жалование было выше и где было больше зажиточных пациентов. Известное значение имела возможность общения со старшими коллегами, у которых можно было получить профессиональную консультацию. Поэтому в некоторых полисах врачам медиков было выгодно служить в более богатых республиках, особенно расположенным в суровых горных районах, приходилось затрачивать усилия для того, чтобы найти полисного врача. Иногда военные ситуации создавали большие препятствия к приезду в полис врача-иногражданина.

Процедура обсуждения и избрания государственного врача в III в. обозначалась термином *ἡ ἐργολαβία*³¹⁴. Впервые этот термин в лапидарной эпиграфике встречается в самосском декрете 201—197 гг. в честь врача Диодора, сына Диоскурида³¹⁵. В эпиграфических документах неоднократно указывалось, что должность врача была предоставлена народом (самосский декрет) или полисом³¹⁶, а сама работа медика именовалась *το ἰατρικόν ἐργον*³¹⁷ или *το ἰατρικόν ἐργον τῶν ἰατρῶν*³¹⁸. Эта терминология четко подчеркивает государственное значение работы врача, взявшего на себя обязанность ведать здравоохранением полиса, пригласившего его на службу.

Народные собрания рассматривали также вопрос о возобновлении договора с врачом по истечении установленного срока службы медика³¹⁹. В таких случаях на

³¹⁴ В словаре Лидделла — Скотта термин «эрголабия» трактуется как «контракт о выполнении работы» и дана ссылка на самосский декрет (*Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse...*, N 64). Однако в тексте надписи говорится, что многие (граждане) свидетельствовали на эрголабиях о высоком искусстве врача Диодора. Это позволяет думать, что вся процедура вплоть до избрания носила наименование *ἡ ἐργολαβία*.

³¹⁵ Это было указано Г. Клаффенбахом (*Klaffenbach G. Samische Inschriften*, S. 31).

³¹⁶ Syll.³, N 620, 15.

³¹⁷ Schwyzer, N 369, 12.

³¹⁸ *Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse...*, № 64. 11.

³¹⁹ Вероятно, в олигархических полисах эти вопросы ставились на обсуждение правящей верхушки республики.

эргоблабиях выступали многие из граждан, свидетельствуя о знаниях и добросовестности врача (например, врача Диодора самосцы хвалили на нескольких народных собраниях, причем прямо отметили, что он работал по всем правилам медицинского искусства).

Несомненно, что прием на работу уже известных врачей проходил достаточно просто, особенно в тех случаях, когда медик сам вызывался помочь полису, где он раньше работал³²⁰, или когда он работал в пределах того же государства³²¹.

Известны случаи, когда народное собрание и власти полисов рассматривали вопрос о найме государственного врача без участия последнего. Это происходило в мирное время, если полисы не находили знающих врачей среди своих жителей. Тогда народное собрание постановляло отправить посольство со специальным приглашением к врачу, предварительно уже названному самим государством³²²⁻³²³. Такой способ привлечения на работу применялся по отношению к хорошо известным медикам. Упоминание о посольстве полиса к врачу в псефисмах позволяет думать, что подобная форма приглашения справедливо считалась особо почетной.

Иногда государство приглашало инополисного врача для чтения публичных бесед и лишь после такого предварительного знакомства доверяло ему должность государственного врача. Такой эпизод имел место в первой половине II в. до н. э. в Истрии, как обстоятельно свидетельствует постановление совета и народа в честь врача из

³²⁰ Около 188 г. врач Аполлоний, сын Гиерокла, узнав об эпидемии на острове Теносе, где он раньше практиковал, вернулся на Тенос, явился в экклесию полиса и предложил служить бесплатно в течение полугода (Syll. ², N 620).

³²¹ Таков был путь самосца Менокрита, сына Метродора: он служил сначала на Родосе, а затем перешел на остров Карпаф, владение Родоса, где прослужил свыше 20 лет (Syll. ², N 491). А Диодор, сын Диоскурида, лечил на Самосе около 30 лет, как показывает идентификация Г. Клаффенбахом землетрясения, упомянутого в стк. 17—18 декрета, с известным землетрясением на Самосе в 327 г. См.: *Klaffenbach G. Samische Inschriften*, S. 32—33; *Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse*, S. 237—238.

³²²⁻³²³ в первой половине II в. в Амфиссу таким образом был приглашен врач Менофант, сын Артемидора (IG, IX, I⁷, 3, № 750 - *Schwyzler*, № 369). По-видимому, этот способ приглашения врача на службу тогда широко применялся.

Кизика Диокла, сына Артемидора³²⁴. Допустимо предположить, что в некоторых полисах материковой Греции существовала подобная практика. Так, фокидский полис Элатьея во II в. чествовал врача за лекции и за хорошую службу³²⁵.

Проблема обеспечения полиса квалифицированной медицинской помощью иногда решалась путем дипломатических переговоров на основе межполисных соглашений. Как известно, греческие республики в IV—II вв. учитывали не только имеющиеся материальные ресурсы, но и общепризнанную квалификацию своих образованных граждан. Отправка дефицитных специалистов в дружественные государства (например, моряков, архитекторов или судей) являлась важным актом взаимной помощи полисов. В эллинистическое время в Элладе существовали не только устойчивые постоянные союзы, но и временные содружества полисов. Данные о движении медицинских специалистов в пределах того или иного объединения могут доставлять интересные сведения о политических позициях полисов.

Естественно, что косский полис играл самую выдающуюся роль в эллинской системе межгосударственного откомандирования врачебного персонала. Найденные в Асклепийеоне на Косе эпитафические документы³²⁶ весьма рельефно рисуют направления политики властей названного полиса.

Небесполезно остановиться на отношении Коса к междоусобицам полисов на Крите, происходившим около 225—215 гг. Как сообщает Полибий³²⁷, в те годы объеди-

³²⁴ *Popescu Em. Consideratii asupra educatiei tineretului la Histria in legatură cu trei inscriptii inedite.*— *Studii si cercetări de Istorie veche*, 1956, VII, N 3—4, p. 347—362. Весьма важные дополнения внесли Ж. и Л. Робер, указав на сходство фразеологии текстов из Амфиссы и Истрии (Bull. ép., 1958, № 336). Эм. Попеску полагает, что Диокл проводил свои беседы в гимнасии — обычно там юношеству преподавали основы медицинской культуры.

³²⁵ Термин ἀκροασίς в стк. 3 убедительно восстановил А. Вильхельм (*Anzeiger der Akademie. Wien*, III, N 416).

³²⁶ К сожалению, открывший названные памятники Р. Герцог успел опубликовать только небольшую часть этих источников (*Herzog R. Koische Forschungen und Funde*. Leipzig, 1899, а также отчеты о раскопках в JDAI).

³²⁷ *Polyb.*, IV, 53—55; *Guarducci M. Inscr. Cret.*, I, p. 48—49; IV, p. 231; *Effenterre H. van. La Crete et le Monde Grce de Platon à Polybe*. P., 1948, p. 150—159.

нившиеся Кносс и Гортина подчинили все остальные критские города за исключением Литта. В 221—219 гг. Кносс с союзниками вел войну против Литта. В ходе ее на сторону литтян перешла часть критских полисов, а в Гортине вспыхнуло восстание. Часть гортинских граждан (Полибий называет их *πρόσβυτεροι*) сохраняла верность Кноссу, более радикальные круги — *ἄεθροι* — перешли на сторону Литта³²⁸. Этот *στάσις* в Гортине кноссяне смогли подавить лишь с помощью тысячи воинов, которых прислал им Этолийский союз. Не останавливаясь подробно на перипетиях этой ожесточенной социальной схватки, заметим лишь, что она доставила медикам массу работы.

Найденные в Асклепийоне Коса тексты писем Гортины и Кносса о деятельности у них врачей Коса, сына Эмменида³²⁹, хорошо освещают помощь Коса проэтолийской группировке на Крите. Поскольку Кос в то время обладал высоким экономическим потенциалом³³⁰, следует говорить о сугубо политических мотивах, руководивших властями названной республики.

Упомянутые документы двух критских полисов рисуют любопытные детали процедуры отправки косского квалифицированного медика. Критские письма сообщают, что около 223 г. гортиняне отправили на Кос посольство с просьбой выбрать для них врача. Власти Коса быстро поставили вопрос в народном собрании полиса, и там голосованием был избран Гермий, сын Эмменида. Не только оперативность совета и демоса Коса, но и избранная ими кандидатура³³¹ свидетельствуют, сколь важным делом считали косцы просьбу Гортины.

Следует особо отметить, что назначение путем голосования означало для выделенного косского врача строгое³²⁸ Ахейский союз поддерживал Литт и его союзников, тогда как Кносс получал помощь это яп.
³²⁹ Письмо кноссян издал еще Р. Герцог (AA, 1903, S. 11-Syll³, № 528); письмо гортинян было опубликовано лишь в 1941 г. (Clara Rodos, 1941, X, p. 34, N 3). Оба документа относятся ко времени между 221 и 218 гг.
³³⁰ Rostovtzeff M. SEHAW, p. 198—199. Огромную роль играло покровительство Косу со стороны не только греческих государств, но и многих соседних монархий.
³³¹ Д. Робер сопоставил декрет Галикарнаса из косского Асклепийона о враче Эммениде и два других косских текста (Revue Philolog., 1939, v. 65, p. 163—105), и это позволило М. Гвардуччи заключить, что отец Гермия был врачом и известным лицом (Inscr. Cret., IV, p. 231).

обязательство — по-видимому, он должен был отправлять врачебную службу безоговорочно, как бы выполняя магистратуру в своем государстве. Принудительный, если можно так сказать, характер труда Гермия на Крите ясно раскрывает гортинское письмо, повествующее о трудных условиях работы медика. В письме кноссян говорится о самоотверженной работе Гермия с ранеными кноссянами и их союзниками, когда, Гермий обслуживал не только гортинян, но и их союзников, по крайней мере во время военных действий.

Государственный характер откомандирования врача Гермия на Крит подчеркивается и тем, что власти Гортины и Кносса направляли своего народу Коса. Совершенно очевидно, что труд Гермия являлся одним из видов помощи, которую оказывал Кос своим единомышленникам, полисам проэтолийской ориентации.

В этой связи следует отметить, что Л. Коун-Хэфт недостаточно глубоко вник в суть дела с отправкой Гермия на Крит. Американский мотивом в процедуре избрания Гермия было официальное подтверждение полисом Коса того, что данный врач является действительно квалифицированным медиком³³². Нет сомнения в том, что в действиях полиса Коса присутствовал и момент апробации знаний Гермия, но главным содержанием упомянутого эпизода были тесные политические связи Коса и Гортины. Сводить все к тому, что граждане Коса «повышали свою собственную репутацию и авторитет той профессии, которая давала им право на славу, принимая на себя ответственность за доставку врача, чьи профессиональные знания они таким образом подтверждали...», неправильно, так как это означает абстрагирование от сложной межполисной политики, которую вел Кос. Дело шло о крупных политических действиях, а не только об аттестации того или иного косского врача.

Прямое подтверждение сказанному находится в декрете критского полиса Аптеры, копия которого во II в. была послана в Асклепийон Коса³³³. Аптеряне чувствовали, и это позволило М. Гвардуччи за-
³³² Cohn-Haft L. The Public Physicians..., p. 64—66.
³³³ AA, 1903, S. 198, N 1; Guarducci M. Inscr. Cret., II, p. 16, N 3*; Bull. 6p., 1940, N 124.

вали косского врача Каллиппа, сына Аристокрита, который был им прислан Косом, и особо подчеркивали в стк. 23—24 своего постановления дружественное отношение к ним полиса Коса.

Данный документ интересен тем, что, как отметил Л. Робер, в нем не говорится о длительном пребывании Каллиппа в Аптере, хотя в декретах о работе медиков этот факт обычно упоминается. Поэтому Л. Робер убедительно полагает, что косский врач был призван на короткий срок для борьбы со вспыхнувшей эпидемией. В пользу такого понимания говорит и сравнительно скромная сумма — 300 статеров, которую Аптера выдала Каллиппу на «венки и дорогу».

Кратковременная отправка врача Косом в Аптеру по случаю возникшего мора позволяет предполагать, что эта акция Коса также относится к сфере его межполисной дипломатии, весьма интенсивной в III—I вв. до н. э.

Приведенные источники позволяют сделать бесспорное заключение, что Кос практиковал откомандирование своих специалистов в дружественные полисы и во II в. Но имеющиеся свидетельства вовсе не говорят о том, что Кос установил государственную монополию на рассылку своих лекарей в другие полисы. Эта теория была высказана Р. Герцогом³³⁵. Убедительные сомнения по этому поводу высказал уже Л. Коун-Хэфт³³⁶, однако он апеллировал лишь к тому, что еще не опубликованы многие надписи Коса, которые знал Р. Герцог.

Между тем имеется эпиграфический документ, который бесспорно опровергает гипотезу Р. Герцога³³⁷. Это постановление членов дельфийской амфикионии³³⁷, принятое около 216/5 г., следовательно, близкое по времени к письмам Гортины и Кносса. Амфикионы восхваляли косского врача Филиста, сына Мосхиона, за то, что он лечил в Дельфах усердно и достойно полиса Коса, и опубликовали ряд детальных предписаний для прославления

³³⁴ М. Гвардуччи полагает, что 300 статеров составляли достаточное вознаграждение (*Inscr. Cret.*, II, p. 17). Ей возразил Л. Робер, утверждавший, что эта сумма не столь велика (*Bull. ep.* 1940, N 124). Но если речь идет о недолгой работе Каллиппа в Аптере, то высокий гонорар вполне вероятен.

³³⁵ Herzog B. *Die Wimpereilingen von Epidaurus*. Leipzig, 1931, S. 147—148; *Idem*. *Das Asklepieion und die Ärzteschule von Kos*.— AA, 1932, S. 274—275.

³³⁶ *Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 63.

³³⁷ *Syll.*, N 538A.

врача в Дельфах и на Косе. Но в Декрете нет даже намека на то, что Филист был послан Косом. Если бы этот факт имел место в действительности, амфикионовские дипломаты обязательно вставили бы в текст псефисмы указание на дружественное содействие полиса Коса в том, что Филист прибыл в Дельфы. Отсутствие упоминания о роли косского полиса в направлении Филиста на работу в Дельфы может свидетельствовать в пользу того, что этот косский врач получил свое место в Дельфах не по назначению полиса Коса.

Следует полагать, что косские лекари, выехавшие за пределы своего острова, имели полную свободу в выборе места работы. Те же врачи, которые оставались у себя на родине, могли быть посланы для выполнения государственного поручения точно так же, как любой гражданин Коса или иного полиса должен был нести те или иные тяготы, входившие в круг обязанностей граждан полиса. Как известно, государственные повинности в эллинских полисах иногда были весьма тяжелыми.

Вопрос о числе государственных врачей — *δημόιοι ιατροί* — в каждой республике зависел от размеров городов и от ряда политических факторов. Не только войны, но и экстраординарный наплыв иностранцев и прочих приезжих мог вызвать временное увеличение числа магистратов-врачей. Например, около 200 г. на острове Паросе во время праздника Новых Панафиней вспыхнула эпидемия, и один из тогдашних агораномов срочно доставал врача для лечения заболевших³³⁸. Очевидно, этот лекарь был дополнительной единицей в обычном штате паросских врачей³³⁹.

Внимание исследователей было обращено на изучение числа полисных лекарей в Афинах, но до сих пор единогласного мнения нет. Можно согласиться с Л. Коун-Хэфтом, что в IV в. в Афинах было не меньше трех государственных лекарей³⁴⁰. Вероятно, в III—II вв. число

³³⁸ *Syll.*, N 596.

³³⁹ М. И. Ростовцев полагает, что чествуемый агораном сам оплатил службу доктора (*SEHWW*, p. 1598). Однако в надписи высоко оценивается деятельность этого агораном (вместе с его коллегами), но не сказано, что он затратил свои личные средства. Поэтому мы склонны полагать, что похвалой отмечены лишь административные заслуги агораном, а оплата врача легла на государственный бюджет.

³⁴⁰ *Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 49—51, 57—58. Нам

их не уменьшилось, а скорее увеличилось. Теперь Появилась потребность в специальных врачах в открывавшихся крупных гимнасиях, да и населения стало гораздо больше.

Можно предположить, что наибольшее число служащих медиков было на Косе — приток больных паломников в Асклепийон увеличивал скученность населения города, что способствовало частым вспышкам болезней³⁴¹. Декрет III в. в честь врача Ксенотима, сына Тимоксена, указывает на то, что там было несколько государственных врачей³⁴². Штатные врачи работали не только в главном городе Коса, но и в мелких городках. Так, в III в. «народ Эгелиев» принял почетный декрет в честь врача Анаксиппа, сына Александра, который несколько лет самоотверженно служил в их городке³⁴³. Специфика косского полиса определила исключительное положение врачебных кадров в этом государстве.

Уже в IV в. на Косе имелась особая священная территория врачей, где ставили копии старинных законов³⁴⁴. В установлениях косского полиса врачи рассматривались как важная для государства профессиональная группа — около 300 г. в росписи раздачи мяса жертвенных животных врачи упомянуты перед флейтистами³⁴⁵. Примечательно, что врачам и флейтистам выдавали лучшие части, чем следующим за ними в списке кузнецам и гончарам.

И в менее крупных республиках в штате состояло два-три полисных врача. Так, в Амфиссе в первой половине II в. чествовали врача Менофанта и подчеркнули в декрете, что он один взялся выполнять медицинскую работу в городе³⁴⁶. Это позволяет с уверенностью утвер-

341 осталась неизвестной статья: Dow S. Two families of Athenian physicians.— Bulletin of the History of Medicine, 1942, p. 18—26, в которой говорится о шести медиках в Афинах в 360—340 гг. на основании IG, II², № 4359. Думается, это число более отвечает нуждам Афин в медицинском обслуживании. В III в. карийский город Иас поставил в Асклепийоне на Косе текст своего декрета с восхвалением косского медика Филиста, сына Никарха, за то, что он лечил посольство иасских граждан, прибывших на Кос на Асклепиевы празднества и там заболевших тяжелым недугом. Текст декрета известен лишь в изложении Р. Герцога (Vorl. Bericht, 1903; AA, 1903, S. 198, N³).

342 Syll. ³, N 943.

343 Vorl. Bericht, 1903; AA, 1903, S. 198, N 3.

344 Vorl. Bericht, 1903; AA, 1903, S. 197.

345 Syll. ³, N 1025. 54.

346 IG, IX, I², 3, N 750. 12-13.

ждать, что до Менофанта здравоохранением Амфиссы ведало во всяком случае не м

Очевидно, что внутри врачебного штата полисов существовали какие-то градации. Прямых данных пока нет, и приходится лишь принимать во внимание те оттенки в отношении к искусству врачей, которые можно заметить у некоторых авторов.

Так, Аристотель называет три категории медиков: ιατρός; δη ποιηρός; ιατρός αρχιτεκτονικός; δ τε τα ι δε υ;/ivo; περί την τέχνην³⁴⁸. Последнее, видимо, подразумевает лишь знакомившегося с врачебным делом человека, а два первых разряда указывают на серьезные квалификационные различия. Важно то, что врача-демиурга (практика) Аристотель ставит на первое место, перед ученым-медиком, исследователем. Платон также проводит разницу между подлинным врачом, ученым специалистом, и его помощником³⁴⁹.

Несомненно, что власти полисов достаточно внимательно вникали в вопрос о квалификации нанимаемого врача, так как она имела прямое отношение не только к качеству медицинской службы, но и к государственным финансам — ведь с успешно прошедшим процедуру эрголабии медиком полис заключал контракт. Этот юридический акт оформляли в виде контракта, где были изложены конкретные условия. К сожалению, ни одного текста такого договора не сохранилось. По отдельным упоминаниям в надписях известно, что в названных документах оговаривались сроки работы врача, его вознаграждение и, возможно, тот контингент населения, который врач обязан лечить.

Срок службы государственного врача, по-видимому, в большинстве полисов был равен одному году³⁵⁰ — обычно в демократических республиках магистратов избирали именно на год. Известно, однако, что во II в. на острове Теносе, где полномочия выборных должностных лиц длились лишь полгода, служба государственного врача

347 В толковании этого места декрета мы расходимся во мнении с Л. Коун-Хэфтом, который считает, что в Амфиссе всегда работал только один врач (Cohn-Haft L. The Public Physicians..., p. 50).

348 Arist. Pol., 1281b 12.

349 Plato. Leg., IV, 720b.

350 Судя по рассказу Геродота о Демокледе (III, 131), избрание врача на годичный срок было принято еще в VI в.

также исчислялась шестью месяцами³⁵¹. Не приходится много говорить о пользе периодического повторения эрголабии врачей для каждого полиса — добропорядочные специалисты получали заслуженное одобрение, невежественного лекаря полис отстранял от работы.

Важным пунктом контракта было определение Жалования (шобс) врачу. По-видимому, оплата труда государственных медиков выражалась в значительных суммах, что ложилось серьезным бременем на государственные финансы. Стоит вспомнить, как чествовали Афины в 304/3 г. врача-родосца Фидия за то, что он взялся служить безжалования (Syll.³, N 335). Также врач-самосец Менокрит, сын Митродора во Нав, заслужил горючую похвалу от полиса за то, что вылечил горячую эпидемию³⁵². Но таких случаев было немного³⁵³. Поэтому полисы должны были тщательно изыскивать средства на оплату государственных медиков³⁵⁴.

По-видимому, в небольших республиках проблема оплаты наемных специалистов, в том числе и врача, стояла достаточно остро, и всякие изменения выделенных сумм были весьма нежелательны. Красноречивое свидетельство о такой ситуации содержит договор о симиолитии Миании и Гипний, небольших полисов в Средней Греции³⁵⁵. Заключение около 190 г. соглашение об одинаковых законах

³⁵¹ Syll.³, № 620. 11—12 и комментарии к ним Гиллера фон Герtringера.

³⁵² IG, XII, 1, N 1032-Syll.², N 491.

³⁵³ Заметим, что декрет Акарнанского союза в честь врача Диогена, сына Диогена (IG, IX, 1², № 209a), принятый между 167 и 146 гг., не следует привлекать к освещению рассматриваемого вопроса — Диоген бесплатно лечил акарнанских послов, находясь уже в Македонии, а не на службе в полисах акарнанов. Это пример гуманности частного врача, а не наемного медика.

³⁵⁴ Попутно заметим, что В. В. Тарн ошибается, говоря, что государственные врачи часто отказывались от своего оклада. Вообще В. Тарн делает здесь слишком общие выводы о работе врачей в полисах эллинистической Греции, упуская из виду единичность некоторых известий о полисных медиках.

³⁵⁵ Обломки надписи были найдены в Дельфах в 1938 и в 1948 гг. и впервые изданы Ж. Бускэ (Bousquet J. Convention entre Myania et Hypnia. — BCH, 1963, 89-95). Об этом см. IG, IX, № 748 — комментарий Г. Клаффенбаха),

и общем управлении, оба полиса детально разработали и ввели в действие медицинские законы, чтобы избежать недоразумения — об участии в жертвоприношениях, о посольствах, о службе воинов, о праве выпаса и др. В стк. 30—33 указано, что врачу и всем остальным государственным служащим в Гипниях установлено то же самое жалование, что им прежде выплачивали гипниоты. Видимо, увеличение объема работы врача могло побудить его требовать большей платы, что заранее предусмотрели магистраты, ведавшие скудной казной обоих небогатых полисов.

Однако даже такой богатый полис, как Делос, строго учитывал суммы на государственное здравоохранение. Так, в 177 г. до Н.э. в Делосе, в 177 г. до Н.э. врачам было выплачено 250 драхм и выдано квартирных денег 25 драхм³⁵⁶. К сожалению, в отчете не указан срок, за который врачу полагалась названная сумма³⁵⁷. Достоянная внимания забота делосцев о жилье (или месте работы?) этого врача-инополита, которому установили довольно большой *évoíαιον*.

При отсутствии прямых данных о годовичном жаловании государственного врача в республиках эллинистической Греции приходится ограничиться предположением, что оплата медиков была сравнительно высокой. Приведенные выше косвенные данные позволяют это утверждать с уверенностью³⁵⁸.

³⁵⁶ Inscr. de Delos, 2, N 442 A. 82—84.

³⁵⁷ Вероятно, оплачиваемый период был меньше года, так как в тексте сказано *ελαττον ελαβεν ο ιατρος*, следовательно, весь годовичный оклад был выше. Говоря об окладе врача на Делосе, следует помнить и наблюдение М. И. Ростовцева: документы магистратов свидетельствуют, что на «священном острове» были весьма низкие нормы оплаты квалифицированных и неквалифицированных работников (SEHWW, p. 236).

³⁵⁸ Для сравнения можно привести данные декрета города Селевкии в честь врача Асклепиада, сына Мирона, уроженца Перги (Wilhelm A. Neue Beiträge..., IV, S. 53—60), где в стк. 25—27 говорится о том, что в течение многих лет Асклепиад получал по 1000 драхм в год. В. Тарн считает эту сумму не столь большой (Tarn W. W. Hellenistic Civilization, p. 109), однако она составляет почти три драхмы в день. Таких заработков специалисты в эллинистической Греции не имели — М. И. Ростовцев справедливо указывает, что квалифицированный работник получал в Греции в среднем одну драхму в день (SEHWW, p. 1600, № 58). Конечно, Селевкия была богатым городом, пользовавшимся покровительством монархов, поэтому ее финансовые возможности были много больше, чем средства полисов Греции.

По-видимому в полисах с повышенным спросом на медицинскую помощь труд врачей оплачивался из разных фондов. Известно, что в Дельфах около 263 г. существовал налог τὸ ἰατρικόν, который, согласно объяснению Диттенбергера, взимался с метеков для содержания государственных врачей³⁵⁹. Возможно, что средства от этого налога шли на оплату медицинского обслуживания именно дельфийских метеков и прибывавших в святилище Аполлона паломников. Более определенно сказать ничего нельзя³⁶⁰.

Следует полагать, что если договор заключали с инополитом-врачом, то, помимо условленного жалования, государство выплачивало ему еще и квартирные. Судя по делосской надписи Inscr. de Delos., 2, № 442 А, эта сумма могла достигать 10% от оклада полисного медика³⁶¹.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, обратившись к вопросу о том, взимал ли находившийся на жаловании врач плату с пациента в каждом конкретном случае. Иными словами, создавал ли греческий полис практику бесплатной медицинской помощи? На этот вопрос дается положительный ответ во всех работах по

³⁵⁹ Syll.³, N 437 — ателия некоему Филистиону.

³⁶⁰ А. В. Никитский сначала принял предложенное В. Диттенбергером понимание то историко-эпиграфическое (Дельфийские эпиграфические для полисов Великой Греции³⁶⁵). Другое свидетельство сохранилось в его «Ахарнянах» Аристофана³⁶⁶. Схолиаст кратко говорит: «избранные путем голосования в народном собрании государственные врачи лечат бесплатно» (οἱ δη;αοζία χε;ρο;ονο;μενοι ἰατροί κα; **δ;и** Β;κ;η; προ;τ; ἄ;θε;ρά;τ;ειον). Нельзя согласиться с Л. Коун-Хэфтом, который полностью отбра

³⁶¹ Л. Коун-Хэфт заметил, что большинство чествуемых медиков являются врачами-иногражданами (*Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 50—54). Вряд ли эта пропорция отражает действительное положение. Мы склонны думать, что число врачей-граждан и врачей-инограждан в Элладе было тогда приблизительно одинаковым. Но почетные декреты принимали чаще в честь медиков-инополитов, особо заинтересованных в таких официальных одобрениях своей работы. Врач-согражданин уже имел все те привилегии, которые давали инополитам, он оставался постоянно в своем полисе, и его слава с годами росла и без декрета. Яркий пример — длительная работа на Самосе Диодора, сына Диоскурида.

истории греческой медицины, начиная с первой работы А. Веркутра, выдвинувшего мысль о бесплатном медицинском обслуживании в полисной Греции³⁶², вплоть до середины текущего столетия. В 1945 г. Е. и Л. Эдельштейны утверждали, что врачи взимали гонорар со всех своих пациентов³⁶³, а несколько позднее Л. Коун-Хэфт более развернуто старался доказать это же мнение³⁶⁴. Следует отметить, что авторы двух последних работ усердно стремились привлечь все имеющиеся данные, которые могли бы пролить свет на изучаемый вопрос. Однако их подход к источникам в значительной мере продиктован современными условиями и, к сожалению, непониманием особенностей того сложного социального организма, каким был греческий полис, в частности его демократический вариант.

Как известно, только два источника сообщают прямо о том, что служившие в полисах врачи лечили бесплатно. Одно сведение дошло от Диодора, писавшего в I в. до н. э. о деятельности древних законодателей, установивших, что врачи должны лечить за государственный счет больных из числа частных граждан. Примечательно, что Диодор передает это известие без каких-либо дополнительных замечаний — видимо, для него это установление не представлялось чем-то необычным, по крайней мере для полисов Великой Греции³⁶⁵. Другое свидетельство сохранилось в его «Ахарнянах» Аристофана³⁶⁶. Схолиаст кратко говорит: «избранные путем голосования в народном собрании государственные врачи лечат бесплатно» (οἱ δη;αοζία χε;ρο;ονο;μενοι ἰατροί κα; **δ;и** Β;κ;η; προ;τ; ἄ;θε;ρά;τ;ειον). Нельзя согласиться с Л. Коун-Хэфтом, который полностью отбра

³⁶² *Vercoutre A. La medicine publique dans l'antiquite grecque.*— RA, 1880, 39, p. 99-110, 231-246, 309-321, 348-362.

³⁶³ *Edelstein L. Asclepius*, 11, p. 174—175.

³⁶⁴ *Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 32—45.

³⁶⁵ *Diod.*, XII, 13,4— о древних правилах в городах Великой Греции. Р. Потоль справедливо считал, что эти установления были перенесены из метрополий (*Pohl R. De graecorum medicis publicis*, p. 8—10). Возможно, что указанной нормы в новых полисах старые правила были несколько видоизменены, но принцип должен был оставаться неизменным.

³⁶⁶ *Schol. ad Aristoph. Acharn.*, 1030.

обратить внимание на лексику данного текста, весьма далекую от тех времен, когда работали поздние редакторы схолий. И если многие источники V—III вв. подтверждают правильность сообщения схолиаста о выборности полисных медиков, то это заставляет предполагать, что и вторая часть приведенного известия — о бесплатном лечении — также отвечала действительности, тем более что приведенное выше указание Диодора полностью согласуется со словами схолиаста.

Надо сказать, что в практике греческих полисов фактор традиционности играл большую роль. Ломка такого обычая, как бесплатное лечение граждан У полисного медика, не могла произойти незамеченной и должна была бы найти отражение в многочисленных источниках о государственных врачах, в том числе и в поздних схолиях — ведь комментаторы усердно повторяли своих предшественников³⁶⁷. А между тем не только нет таких сведений, но напротив, эпиграфические документы, говорящие часто о жаловании государственного врача, ни разу не упоминают о какой-либо официально установленной таксе на обслуживание отдельного гражданина. Врачей, служивших в полисах, восхваляли или за отказ от жалованья, установленного в конном, и в полисе³⁶⁸. По-видимому, эти «прочие в полисе» ограничивали свою деятельность только пациентами гражданского состояния. Например, афиняне в 318 г. чествовали Евенора, сына Евения, и подчеркнули, что он лечил усердно и качественно больных из граждан и из прочих обитателей города³⁶⁸. Но так поступали не все. В 304/3 г. в Афинах врач Фидий, взявшийся служить бесплатно, лечил одних только афинских граждан, судя по декрету Syll.³, № 336. Врач же Дамиад, которого так горячо восхвалил демос Гифия, не делал различия между рабами и свободными, бедными и богатыми³⁶⁹. Акцент на гражданский статус пациентов государственных врачей,

³⁶⁷ Как известно, немалая часть схолий к Аристофану восходит к ученому компилятору I в. до н. э. Дидиму, который энергично переписывал данные более ранних авторов (RE, s. v. Didymos, 8).

³⁶⁸ IG, II, 1², N 374.

³⁶⁹ Следует воздержаться от привлечения в качестве источника по данному вопросу надписи Syll.³, № 620 (декрет Союза Островитян от 188 г. в честь врача Аполлония), так как относящиеся к разбираемой проблеме стк. 42--43 сильно испорчены.

который замечен в эпиграфических текстах³⁷⁰, находит полное подтверждение в сведениях Платона о том, что свободные врачи лечат преимущественно больных того же социального слоя³⁷¹.

Свободное население полисов включало, помимо полноправных граждан, ряд категорий ограниченной правоспособности.

О деятельности государственных врачей среди свободного негражданского населения красноречиво свидетельствует декрет из Карпафа о враче Менокрите, сыне Метродора. Его восхваляли за умение жителей пригородной слободы³⁷². Очевидно, эти катойки были свободными, хотя и не входили в состав брикунтского гражданства. Следует полагать, что вокруг небольшого Брикунта обитало немного катойков и служивший в деме врач был в состоянии заботиться и об этом разряде населения.

На Самосе также считали похвальным, если врач курировал не только граждан, но и прочих жителей. Так, отличавшийся высоким пониманием врачебного долга Диодор, сын Диоскурида³⁷³, излечил «многих из граждан и прочих в полисе». По-видимому, эти «прочие в полисе» относились к числу постоянно проживавших на Самосе неграждан.

³⁷⁰ Весьма поучителен текст косской псефисмы III в. в честь врача Ксенотима, сына Тимоксена (Syll.³, № 943), который в чрезвычайных обстоятельствах — заболели все служащие врачи — стал оказывать помощь заболевшим. В документе пациенты Ксенотима три раза названы гражданами, о других слоях населения нет никаких упоминаний. Деятельность Ксенотима, видимо, тогда была строго ограничена социальными установлениями. Надписи с Делоса также подчеркивают гражданский статус больных, которых там лечили врач Ксенодем в середине III в. (IG, XI, 4, № 633) и врач Никандр, сын Пармениска, во II в. (IG, XI, 4, № 775). Можно упомянуть и декрет III—II вв из Астипалеи в честь врача Идриарха, которого посредством посольства пригласили на службу и который заботился о здоровье всех граждан (Peek W. Inschriften von den dorischen Inseln, S. 38-40, N 87).

³⁷¹ Plato. Leg., 720 d.

³⁷² IG, XII, 1, № 1032. Заметим попутно, что Ф. Кудлиен недооценивает значение отмеченного в тексте указания на курирование Менокритом всех жителей окрестностей города (Kudlien F. Die Sklaven..., S. 39—40). По-видимому, Менокрит была действительно гуманным врачом — в декрете подчеркнуто, что он лечил многих из простых граждан (πολλο-ς των δαυβταν),

³⁷³ Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse..., S. 233, N 64.

Специальные упоминания об обслуживании свободных жителей-неграждан заставляют думать, что труд служащих лекарей рассматривался тогда как одно из благ, пользование которыми составляло преимущественную привилегию граждан. Но обслуживание государственным врачом постоянного слоя неграждан часто поощрялось, так как это улучшало санитарное состояние полиса.

Есть основания полагать, что инополисные граждане, прибывавшие ненадолго, или не имели права обращаться к государственному медику, или несли большие расходы. Указание на это содержится в двух документах.

В декрете в честь Диодора отмечено, что он по специальному распоряжению народного собрания излечил инополисных судей, прибывших на Самос и там заболевших. Возможно, конечно, что забота о здоровье особо приглашенных полисом законовеев рассматривалась самосскими властями как дело государственной важности.

Союз акарнатов в середине II в. чувствовал уроженца Пергама Диогена, сына Диогена³⁷⁴, за то, что, живя в Македонии после службы в полисах Акарнании, он лечил прибывших в Македонию акарнанских послов бесплатно — *ἀνευ* [δζοοῦ]. Вероятно, инополисные пациенты даже в Македонии должны были платить очень высокие гонорары за лечение.

Иное отношение было к иногражданам — военным союзникам. Так, гортиняне хвалили своего врача Гермия за то, что он усердно заботился о гражданах и катойках, и за лечение раненых воинов-союзников. За это же тогда же хвалил Гермия и Кносс³⁷⁵. Конечно, воин-союзник несколько приближался к категории граждан полиса.

Есть основания полагать, что в отдельных полисах, куда постоянно стекалось множество свободных неграждан, принимались специальные меры для оказания медицинской помощи и пополитам. Так, дельфийская амфиктиония почитала декретом косского врача Филиста³⁷⁶ за то, что он лечил всех, прибывших в Дельфы. Видимо, забота о благополучии паломников (следовательно, и о поступлениях в казну храма) побудила названное объединение полисов иметь в Дельфах медику, задачей которого было попечение только о приезжих — ведь о гражданах священного полиса в декрете не говорится совсем.

³⁷⁴ IG, IX, I², N 209a.

³⁷⁵ Guarducci M. Inscr. Cret., IV, p. 230, N 168*; I, p. 62, N 7*.

³⁷⁶ Syll. ³, N 538.

Приведенные выше свидетельства позволяют считать бесспорным, что обычные полисы нанимали врачей именно для граждан. Но если полис для блага граждан платил врачу жалованье, то необходимо решить вопрос: какие виды врачебной деятельности при этом оплачивались, должен ли был гражданин особо платить за свое лечение в каждом отдельном случае. Л. Коун-Хэфт считает, что полисы нанимали врачей не для оказания бесплатной помощи³⁷⁷. По его мнению, институт государственных врачей имел своей целью: 1) гарантию пребывания врача в данном полисе; 2) официальное государственное признание квалификации данного врача достаточной для ведения врачебной практики в данном полисе; 3) гарантию пребывания в данном полисе врача, профессиональное искусство которого публично подтверждено. Иными словами, «государственный врач был только доктором, установленное пребывание которого в полисе было гарантировано в течение определенного срока»³⁷⁸. Но такое решение вопроса не согласуется с общими тенденциями полисной государственной жизни. Греческий полис всегда очень придирчиво следил за состоянием государственной казны, все поступления и расходы тщательно учитывались. В демократических полисах финансовые магистраты детально отчитывались перед народом о своей деятельности. История финансовой жизни Афин в IV—II вв. ясно показывает, как строго ценился там каждый обол, не только драхма. В небольших захолустных полисах гражданам еще более внимательно следили за государственными расходами — все пополнения казны шли только за счет уплачиваемых ими налогов и повинностей. Предположение, что коллектив налогоплательщиков согласился бы выплачивать жалование лишь за гарантированное пребывание врача в полисе, маловероятно. Кроме того, зачисление на оклад врача согражданина, живущего постоянно в том же полисе, для того, чтобы он оставался на договорный срок у себя дома, также выглядит необычно и непрактично. А уж в нехватке практицизма древних греков упрекнуть нельзя.

Некоторый свет на изучаемый вопрос проливает упоминавшийся выше текст симполитии Миании и Гипний³⁷⁹. Установленное в стк. 30—33 правило, что врач и все

³⁷⁷ Cohn-Haft L. The Public Physicians..., p. 33.

³⁷⁸ Ibid., p. 44, 50—55.

³⁷⁹ IG, IX, I², 3, N 748.

остальные служащие полиса Гипний должны получать то же самое жалование, какое установили им раньше гипниаты, показывая, что они являются наемными работниками, могли добиваться изменения своих окладов, по-видимому, в сторону повышения — ведь число лиц гражданского статуса увеличилось за счет союза граждан обоих полисов. Следовательно, гипнийский врач мог ожидать увеличения спроса на его труд и соответственно мог ставить вопрос о пересмотре размеров оклада. Этот казус, имевший место около 190 г., позволяет предположить, что на эрголабиях речь шла не о гарантированном пребывании врача в полисе, а о том, что врач обязуется обслуживать $\delta\eta\chi\omicron\zeta\omega$ $\mu\iota\sigma\theta\omega$ определенный контингент граждан, за что государство выплачивало ему жалование, $\mu\iota\sigma\theta\acute{o}\varsigma$, предусматривавшееся обычно на годичный или полугодичный срок. Следует думать, что существовала какая-то приблизительная норма врачебной нагрузки — ведь очень, крупные полисы нанимали двух и более врачей.

Забота гипниатов о том, чтобы оклад врача оставался прежним, показывает, что эта выплата составляла серьезный расход для их полиса. Аналогичное положение встречаем и на Делосе в 179 г. — в записях гиеропеев говорится о наличии в одном казначейском сосуде 250 драхм, так как «врач взял меньше». Судя по тому, что в той же кассе остались также и «квартирные» деньги медика — 25 драхм³⁸⁰, можно полагать, что врач уехал с Делоса раньше предполагавшегося контрактом срока. Если выяснить, на сколько времени хватили бы медику 25 квартирных драхм, то мы бы узнали размер его годового жалования. В тех же записях гиеропеев, в стк. 140—141, упоминается арендная плата за сданные на год дома на Делосе. Здесь указаны различные суммы, от 50 до 163 драхм. Наиболее вероятно, что врач нанимал не очень дорогой, но удобный дом, который мог стоить 100—120 драхм. Если наше предположение верно, то остаток в 25 драхм указывает на $1/4$ или $1/5$ часть годичной аренды дома. Соответственно остаток в 250 драхм означает, что полная сумма годового оклада делосского медика равняется 1000—1250 драхам. Стоит вспомнить, что в богатой Селевкии во II в. врачу платили 1000 драхм в год³⁸¹. Более высокая плата на Делосе в 179 г. вполне закономер-

380 Inscr. de Delos, 2, N 442 A. 83—84.

381 Wilhelm A. Neue Beitrage..., IV, S. 53-60.

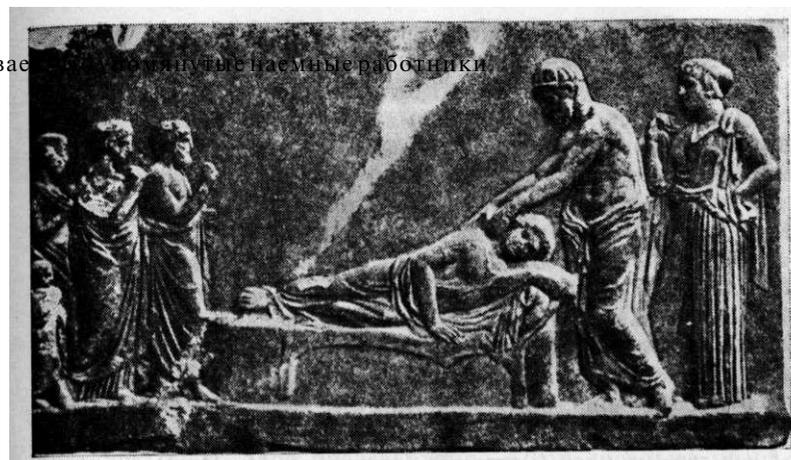

рис. 6.

Асклепий излечивает больную. Посвятельный рельеф из Асклепиеона в Пирее. Около 400 г. до н. э.

на. Толпы паломников на священный остров Аполлона приносили с собой различные болезни, что весьма усложняло задачу медиков. Поэтому власти Делоса не останавливались перед затратой столь крупных сумм на государственное медицинское обслуживание.

Близость исчисленной нами цифры³⁸² заработка делосского врача к окладу медика в Селевкии позволяет высказать некоторые соображения.

Очевидно, труд врача в богатых полисах оплачивался выше, чем, например, труд архитектора, — на том же Делосе зодчий получал 720 драхм в год. Финансово мало-мощные республики платили меньше, но для небольших гражданских коллективов найм врача был все же весомым расходом, как показывает стремление гипниатов сохранить неизменным лекарский оклад. Отсюда можно предположить, что небогатые полисы нанимали государственных врачей даже не постоянно, но от случая к случаю — в зависимости от потребности и состояния финансов полиса.

Высокий уровень оклада полисного врача должен был делать эту должность весьма популярной³⁸³. Однако от-

³⁸² Конечно, это лишь рабочая гипотеза.

³⁸³ Трудно согласиться с В. Тарном в том, что «полисные врачи были небогатым разрядом населения» (Tarn W. W. Hellenistic

ветственность и широкий круг обязанностей государственного лекаря были столь велики в эллинистическое время, что не всегда можно было найти подходящего кандидата. Выше мы уже упоминали о различных путях приглашения медиков³⁸⁴ — все эти данные наводят на мысль, что спрос и предложение лекарского труда в Греции в III—II вв. были весьма неравномерны и постоянно колебались в зависимости от многих факторов.

Заканчивая обзор свидетельств о контрактах врачей с полисами, остановимся на одном позднем тексте с Коса, относящемся уже к I в. до н. э., но, вероятно, тесно связанном с административной практикой полиса в предшествующий период. Это документ Syll.³, № 1000, где говорится о профессиональных пошлинах и в стк. 15—16 упомянут взнос того, кто торгует лекарскими товарами (καὶ ὁ εἶπον τὰν ὀνῶν του (i)ατριοῦ). Этот сбор М. И. Ростовцев, справедливо относя его к профессиональным и индивиду-
Civilisation³, p. 109). Ведь помимо твердого государственного оклада они, вероятно, получали какие-то материальные блага от излеченных ими пациентов. О реальности этого вида доходов государственных медиков справедливо писал еще С. Рейнак (*Reinach S. Medicus*, p. 1694). К сожалению, остается неизвестным общественное положение аттического врача Меналка из дема Анафлюстия, который в конце IV или в III в. смог дать своей дочери Пифострате приданое в 3000 драхм. См. гарантийную надпись из Спаты: IG, II², № 2660. Это текст из числа документов, в которых было принято указывать цену недвижимого имущества, служившего обеспечением возврата приданого, которое должно быть возвращено в семью жены при расторжении брака. Ср.: *Fine J. V. Horoi. Studies in Mortgage, Real Security and Land Tenure in Ancient Athens. Baltiniore*, 1951, p. 116—141. Можно думать, что, выделяя Пифострате приданое в 30 мин, Меналк оставался владельцем еще достаточных средств, возможно, даже земли в своей старинной аттической филе Антиохиде. Но даже если у него и не было многих денег, то он все же должен быть отнесен к числу богатых жителей Атики. М. Финли считает, что суммы приданого от 3000 до 6000 драхм были общепринятой нормой в среде самых зажиточных афинян, более высокие цифры встречаются редко. См.: *Finley M. I. Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500—200 B. C.* New Brunswick, 1952, p. 79, 266.

³⁸⁴ Иногда этими поисками занимались астиномы, как показывает текст Syll.³, № 596 с острова Пароса. Ведь именно астиномы ведали вопросами санитарной жизни городов, как свидетельствует фасосский декрет IV в. о поддержании чистоты на участке перед входом в Асклепийон (Syll.³, N 1217; *Pouilloux J. Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos*, p. 460). Можно вспомнить и обязанности астиномов по пергамской надписи OGIS, № 483.

альным пошлинам, склонен считать обложением каждого жителя Коса для нужд государственной медицинской службы, но не налогом на врачей³⁸⁵. Однако контекст указывает на то, что обложению подлежат не все граждане Коса, а одно лицо, заключившее контракт на «лекарское». К тому же перед ним непосредственно упомянуты продавцы ладана, бобов и сухой рыбы, а после — изготовители весел. Более вероятно, что речь идет о продавце врачебного инвентаря и снадобий. Во всяком случае, здесь трудно ожидать упоминания о налоге, обязательном для всех граждан Коса, или о контрактах государственных врачей — образованных работников достаточно высокого общественного положения, чтобы их не ставить рядом с продавцами бобов.

Приведенные выше отрывочные сведения позволяют составить некоторое представление о той детально разработанной юридической процедуре, посредством которой осуществлялся найм врача на государственную службу. Обе договаривавшиеся стороны подписывали официальный документ, контракт, в котором были определены обязательства государства и его врача. Таким образом полис, охранявший в принципе жизнь и имущество своих граждан, выполнял свои функции в сфере здравоохранения.

Говоря о врачебном деле, нельзя не коснуться и медицинского обслуживания рабов. О лечении государственных рабов пока ничего не известно, но следует думать, что полисы каким-то образом заботились о сохранении этого вида своего «имущества», тем более что государственные рабы в Афинах находились в лучшем положении, чем основная масса частных рабов. Что касается последних, то медицинское попечение о них целиком лежало на их хозяевах. И здесь царил полный произвол. Хозяйства, особенно скупые и самоуверенные хозяйки, часто лечили больных ойкетов сами. Недаром Ксенофонт указывает, что хозяйка дома должна знать некоторые врачебные приемы лечения, чтобы исцелять своих домочадцев. Но это было возможно в небогатых домах, где рабов было немного. В хозяйствах, где было более 9—10 рабов, дело обстояло сложнее. Об этом можно судить по ряду высказываний Платона, отражающих реальную ситуацию³⁸⁶. В частности, он говорит о врачах-рабах, которые лечат

³⁸⁵ *Rostovtzeff M. SEHWW*, p. 242.

³⁸⁶ *Plato. Leg.*, IV, 720a—c; IX, 857c—d.

больных невольников. Философ относит их ко второму разряду специалистов, так как они занимаются врачеванием на основе опыта, а не исходя из науки. В его словах чувствуется некоторое пренебрежение к таким врачам, и он четко противопоставляет методы лечения, применявшиеся врачами-свободными и врачами-рабами. Свободный врач-ученый детально исследует больного и терпеливо разъясняет ему способы лечения его болезни. Напротив, врач-раб не входит в долгие разговоры со своим пациентом-рабом, но, безапелляционно прописав известные ему из практики средства, оставляет больного и самодовольно мчит к следующему больному³⁸⁷. Нарисованная Платоном картина ясно обнаруживает ту пропасть, которая отделяла больных рабов от больных свободных и которую не могла уничтожить деятельность³⁸⁸ отдельных гуманных врачей типа Дамиада из Лаконии.

Здесь хотелось бы возразить некоторым историкам, которые преувеличивают реальное значение филантропических идей в эллинистической действительности, в частности в деятельности тогдашних лекарей. Например, И. Фохт исследуя развитие представлений о том, что между свободными и несвободными нет пропасти, предположил, что они должны были отразиться на отношении к больному рабу как к человеку³⁸⁹. Гораздо дальше идет

³⁸⁷ Очевидно, раб-врач поступал наиболее честно, прекрасно зная условия жизни своих пациентов и понимая, что бессилён их изменить. Единственным его средством были снадобья, которые как-то могли облегчать страдания заболевших.

³⁸⁸ Данные Платона позволяют отвергнуть ряд слишком общих выводов, которые Вуудхэд основывает на декрете в честь Дамиада. Он утверждает, что: 1) рабы, вероятно, должны быть включены в категорию «прочих обитателей полиса, которых лечили государственные врачи», судя по декрету Дамиада; 2) термин «все граждане» обычно употреблялся в декретах эллинистического времени для обозначения всего населения города, в том числе и приезжих инополитов (*Woodhead A. G. The State Health Service...*, p. 244). Приведенные высказывания свидетельствуют, что автор не имеет ясного представления о социальном значении права гражданства в древней Греции.

³⁸⁹ *Vogt J. Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung. Wiesbaden, 1965, S. 10—12.* Правда, на стр. 78 автор мимоходом бросает замечание о том, что Платон в данном случае рисует идеальную картину, на самом же деле источники молчат о рабах-врачах, курирующих рабов. Это утверждение неверно — в указанном тексте отражена реальная действительность, а не умозрительное построение Платона.

Ф. Кудлиен³⁹⁰. Исходя из Гиппократовых «Эпидемий», он утверждает, что уже в классическое время для авторов упомянутого труда не существовало разницы между свободным и несвободным пациентом. Это наблюдение справедливо, и оно, безусловно, говорит о передовых взглядах Гиппократа и его соавторов. Во имя истины эти ученые, знатоки своего дела, не считались с социальными перегородками и рассматривали только болезнь человека и способы ее лечения. Однако сколь всеобъемлющим был этот подход среди широких кругов медиков, и особенно среди владельцев рабов, сказать очень трудно.

Конечно, часть рабовладельцев лечила своих ойкиетов у знающих частных врачей, каким был и Гиппократ, исходя не только из экономических соображений, но и из филантропического отношения к своим невольникам. Особенно пеклись, вероятно, о замороженных рабах и красивых рабынях, служивших иногда хозяину источником немалого дохода³⁹¹. Но такие случаи не могли составлять большинство, особенно когда в полисах не хватало врачей для обслуживания свободных граждан. Тогда-то и выступали на сцену врачи-практики, часто сами находившиеся в рабском состоянии.

Нам представляется, что Ф. Кудлиен недостаточно учел, что для Гиппократа главной темой были недуги и методы их лечения, «социолог» же Платон вглядывался в жизнь современного ему общества и подмечал то, что ученый врач не считал достойным внимания. Сведения Платона о рабе-враче, несущемся от одного больного ойкиета к другому, и о том, что такие медики вели прием и в своих лечебницах, полностью укладываются в рамки афинской действительности IV в. Известно, что в то время рабовладельцы проводили большую разницу между квалифицированным и малознающим невольником. Владельцы получали гораздо большие выгоды от хорошей работы искусного в каком-то деле раба и нередко отпускали его на заработки. Считалось полезным поощрять таких рабов и относиться к ним лучше³⁹². Раб, усвоивший начатки лекарского дела и обладавший природным дарованием врача-человека, несомненно, представлял собой весьма доходное имущество, которое корыстолюбивый хозяин предпо-

³⁹⁰ *Kudlien F. Die Sklaven in der griechischen Medizin, S. 14—16.*

³⁹¹ Ярким примером может служить рассказ Гиппократа о том, как он прервал беременность у молодой флейтистки-рабыни?

³⁹² *Arist, Oec., I, 5, 1344a 23.*

читал использовать самым эффективным способом — пустить его на заработки в качестве медика. У такого раба-лекаря могло быть и специальное помещение, где он вел прием своих пациентов³⁹³.

Реальность сведений Платона подтверждает дельфийская манумиссия SGDI, № 1899 (155/4 г.). Этот документ оформил сделку двух медиков — хозяина и раба. Владельцы — врач Дионисий, сын Асандра, и его брат, принадлежали к весьма зажиточной дельфийской семье, члены которой отпустили на волю нескольких рабов³⁹⁴. Выкупающийся раб — Дамон. Он платит большую сумму за отпуск — 6 мин., что вдвое дороже средних выкупных цен³⁹⁵. Другим условием отпуска является «соврачевание» с хозяином в течение 5 лет. Приведенные пункты манумиссии позволяют заключить, что Дамон был врачом, достигшим не только известного материального достатка, но и обладавшим значительным авторитетом. Недаром в документе о его работе после выкупа употреблен термин *συνιατρῆω*, а не поставлены глаголы типа *υπερστῆω* или *δοιλεύω*. Как отметил К. К. Зельин, в дельфийских документах часто употребляются эти термины и ряд других, отчетливо выражающих некоторые черты прежнего, рабского статуса отпущенника при определении отношений выкупившегося на волю и его бывшего владельца³⁹⁶. Выступающий в документе оттенок профессионального равенства Дионисия и Дамона весьма примечателен — видимо, сильный и одаренный раб-врач добился такого успеха, что его владельцу не оставалось иного выхода. Однако, продавая Дамону его свободу, Дионисий официально утвердил свое право на пятилетнее сотрудничество искусного отпущенника-лекаря.

³⁹³ Конечно, раб-врач лечил дешево, но, судя по Платону, у него всегда было множество пациентов. Видимо, в Афинах часть таких лекарей-практиков из невольников держала себя достаточно свободно, если верить фразе Платона о насмешливости этого рода лекарей (*Plato. Leg.*, IX, 857 c—d).

³⁹⁴ Ж. До проследил по дельфийским текстам генеалогию Дионисия вплоть до его прадеда ³⁹⁴ *Ἀσάνδρος Πλυγόνου*, сыновья которого стали гражданами Дельфы лишь в 191/90 г. Один из последних, Дионисий, сын Асандра, был дедом манумиссора Дионисия, сына Асандра, в SGDI, № 1899 (*Daux G. Delphes au IIe et au Ier siècle. P.*, 1936, p. 443-446, 456—457).

³⁹⁵ Зельин К. К., Трофимова М. К. Формы зависимости в Восточном Средиземноморье эллинистического периода. М., 1969, с. 168.

³⁹⁶ Там же, с. 164.

Интересно, что другие детали изучаемого акта указывают на то, что у Дамона еще не было своего угла вне дома хозяина: на время «соврачевания» ему полагалось получать от Дионисия все для питания, одежду (видимо, профессиональное чистое одеяние) и постель³⁹⁷.

Итак, общий характер дельфийской манумиссии 155/4 г. позволяет заключить, что тенденции, обрисованные довольно бегло Платоном, за прошедшие 200 лет не только не исчезли, но приобрели еще большую силу и одаренный раб-лекарь в исключительных случаях мог даже стать почти ровень со своим владельцем-врачом³⁹⁸. Зная о том, как много рабов-лекарей было в Средиземноморье в римское время³⁹⁹, можно предположить, что и в Греции в эллинистический период лекарская работа невольников и многих отпущенников была обычным явлением⁴⁰⁰.

Заметим также, что в среде греческих медиков III—II вв. какую-то роль, пусть весьма скромную, продолжали играть женщины-лекари. Уже в середине IV в. в аттическом деме Ахарнах врачевала Фанострата, которую в эпиграфии именовали *| μαία και ιατρός*. На ее могиле был поставлен рельеф с трогательной надписью⁴⁰¹. В сельских местностях такие акушерки-лекари, особенно обладавшие большим опытом, могли оказывать помощь при простейших заболеваниях.

К лекарскому делу тесно примыкает искусство изготовления лекарств. Многие врачи сами изготавливали некоторые медикаменты, используя рецепты ученых ле-

³⁹⁷ Нам представляется возможным следующее предположение: врач Дионисий воспитал в своем доме и выучил лекарскому делу Дамона, выдающиеся способности которого позволили ему оказывать серьезную помощь владельцу, имевшему свою частную лечебницу.

³⁹⁸ Л. Коун-Хэфт допускает большую ошибку, категорически утверждая, что в греческом обществе рабы-медики были лишь помощниками свободных врачей (*Cohn-Haft L. The Public Physicians...*, p. 14—15, 17). Помимо яркого свидетельства о враче Дамоне в IV—II вв. в Элладе извне зованных рабов в разных сферах жизни — в культуре, торговле, искусствах.

³⁹⁹ Сергеевко М. Е. Простые люди древней Италии. М.; Л., 1964, с. 32-50.

⁴⁰⁰ Заметим, что использование хозяином ценных качеств раба было издавна принято в Греции и рабское состояние специалиста не уменьшало эффективности его труда. Например, один из героев Аристофана собирается купить фессалиянку-колдунью, чтобы она наворожила ему благоденствие.

⁴⁰¹ IG, II², N 6873.

карей и опыт народной медицины ⁴⁰². Однако весьма распространена была и профессия изготовителей лекарств, продававших свои снадобья каждому пылающему. Эти фармакополы, о которых упоминает и Феофаст ⁴⁰³, в эллинистическое время развили большую активность ⁴⁰⁴. Часто среди фармакополов встречались и шарлатаны. О них косский врач Никий, друг Феокрита, писал в середине III в. обличающие стихи. Видимо, борясь с этими лягеаптекарями, крупные медики выпускали лекарства собственного изготовления в сосудах со своими именами ⁴⁰⁵ — здесь полная аналогия с клеймами на амфорах.

* * *

В заключение остановимся на некоторых частных вопросах положения врачей в эллинистической Греции.

Греческие республики избегали загружать врачей административной работой, не связанной с их профессиональными обязанностями. Среди множества надписей с упоминанием полисных магистратов нам известен лишь один текст из Дельф, датируемый 346—337 гг., в котором записано, что врач Ментор занимал должность неопея ⁴⁰⁶. Члены этой коллегии ведали в Дельфах финансами и пожертвованиями. Последних в названное время было весьма много в связи с тем, что шло восстановление здания храма Аполлона, рухнувшего при землетрясении.

Зато в обязанность государственных врачей, по крайней мере в Афинах, входило регулярное принесение жертв в честь божеств, ведавших здоровьем граждан. Так, в надписи IG, II, I², № 772 от 252/1 г. говорится, что в Афинах издавна установлено, чтобы служащие врачи дваячды

⁴⁰² Plato. Leg., I, 647.

⁴⁰³ Theophr., IX, 17—18.

⁴⁰⁴ Известно, что греческая медицина активно искала средства для лечения недугов. Уже в V в. до н. э., как свидетельствует Платон (CharmicL, 156 b — 157 c), в Афинах были известны некоторые теории фракийской медицины. В эллинистический период греческая медицина познакомилась и с другими иноземными средствами, и здесь, конечно, многое оставалось еще неизвестным. Но молва, искусно используемая фармакополами, служила выгоде продавцов снадобий.

⁴⁰⁵ Такие сосуды были найдены вне пределов Эллады (в Приене — Wiegana Th. Schröder H. Priene. В., 1903, S. 428—430; в Моргантине — Sjöqvist E. Morgantina: Hellenistic medicine bottles, AJA, 1960, 64, p. 78—83), но вполне реальна подобная же практика и в самой Греции.

⁴⁰⁶ Syll. ³, N 240, l. 5.

в год приносили жертвы Асклепию и Гигиее. Можно думать, что аналогичные официальные обряды совершали медики Коса и других известных центров медицинской науки. В мелких полисах, вероятно, такие ритуальные обязанности врачей носили менее торжественный характер.

Хотя врачей редко привлекали к исполнению государственных магистратур, они, как граждане полисов, несомненно участвовали в политической жизни своих государств. Как известно, в IV—II вв. рабовладельческие республики Эллады часто нуждались в материальной помощи состоятельных граждан. Врачи могли отвечать на эти запросы не только денежными взносами, но и своим квалифицированным трудом. Что так было в действительности, сообщает несколько источников.

Оба вида помощи оказывали выходцы из богатых семей. Ярким примером является самосский врач Диодор, сын Диоскурида. Хр. Габихт высказал убедительное предположение, что этот медик был внуком именитого самосского гражданина Диодора около 260 г. в качестве неопея поставил посвящение, исполненное скульптором Фемистоклом ⁴⁰⁷. Так как Фемистокл был сыном известного весьма состоятельного человека. Деятельность врача Диодора хорошо согласуется с предположением о принадлежности его к этой старинной богатой самосской семье. Восхваляя его, самосцы отмечают, что медик Диодор не оставался ни перед какими расходами во имя общего блага (стк. 29—31) и что он из собственных средств предоставил Самосу какую-то сумму ⁴⁰⁹. Если вспомнить, какие бедствия переживал остров во времена деятельности Диодора, то сразу станет ясно, что этот гражданин обладал весьма значительными средствами ⁴¹⁰.

Аналогичным образом исполнял своей гражданский долг врач Ксенотим, сын Тимоксена, на Косе: не являясь

⁴⁰⁷ Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse..., S. 235.

⁴⁰⁸ Чубова А.П. Словарь античных художников (скульпторы), № 427. Время жизни Ксенократа — 280—230 гг.

⁴⁰⁹ Текст здесь обрывается, небольшое дополнение было предложено Г. Клаффенбахом (Klaffenbach G. Samische Inschriften, S. 29), но оно не раскрывает детали дела.

⁴¹⁰ Хр. Габихт восстанавливает имя Диодора (вместо Феофора) в списке граждан Самоса, вносивших крупные суммы на покупку зерна около 188 г. (Habicht Chr. Samische Volksbeschlüsse..., S. 235).

государственным врачом, он оказывал медицинскую помощь всем согражданам, пораженным какой-то страшной эпидемией⁴¹¹. По-видимому, оставаясь частнопрактикующим лекарем, он лечил равным образом пациентов, не только плативших обычный гонорар, но, может быть, даже и не имевших достаточных средств. Недаром в тексте декрета подчеркнуто, что он, заботясь равным образом обо всех гражданах, многих спас. И так как в сохранившейся части псефисмы нет и намека на денежное вознаграждение Ксенотима, то можно полагать, что он был достаточно состоятельным гражданином, но помогал полису врачебной работой, которая тогда для Коса была нужнее денег. Помощь квалифицированным трудом греческие медики оказывали не только родным полисам, но и другим республикам. Так, родосский врач Фидий, сын Аполлония, в 304/3 г. предложил служить в Афинах даром⁴¹²; около 188 г. уроженец Милета врач Аполлоний вызвался служить даром на острове Теносе в течение полугода⁴¹³. Его служба даже приравнивалась к исполнению гражданских обязанностей с затратой личных средств — в декрете употреблен глагол *λειτουργεῖο*.

Богатые врачи участвовали в различных сборах на текущие нужды государства. Иногда они вносили очень крупные суммы. Так, косский врач Филист, сын Мосхиона, пожертвовал своему полису 4 тыс. драхм, тогда как другие сограждане вносили по три-пять сотен драхм⁴¹⁴. Заметим, что Филист имел успешную практику в Дельфах, за что был почтен декретом амфиктионян в 216/5 г., отметивших его попечения о паломниках, «прибывающих к богу»⁴¹⁵. Видимо, эта работа приносила ему значительный доход⁴¹⁶.

Мояшо полагать, что, возвращаясь на родину, разбогатевшие медики становились членами городской аристократии. Таков был путь Архиппа, сына Полихара, гражданина Юлиды на Кеосе. Между 220 и 200 гг. Архипп слу-

⁴¹¹ Syll.³, N 943.

⁴¹² Syll.³, N 335.

⁴¹³ Syll.³, N 620.

⁴¹⁴ Inscr. of Cos, N 10b, 7.

⁴¹⁵ Syll.³, N 538.

⁴¹⁶ А. Никитский (К амфиктионовским надписям этолийского времени. — ЖМНП, 1905, апрель, с. 190—191) принимает идентификацию Фи листов, названных в упомянутых выше двух надписях, которую предложил А. Жарде.

жил на Делосе и был почтен там декретом⁴¹⁷. Позднее он вернулся на родину и вместе с отцом Полихаром стал играть выдающуюся роль в политической жизни своего полиса. Уже около 200 г. жители острова Тенедоса провозгласили обоих юлидян своими благодетелями за благожелательство к их государству, даровав им проксению и различные привилегии⁴¹⁸. Начало псефисмы, принятой гражданами Андроса во II в. в честь своего компатриота Героида, сына Неона, позволяет предположить, что и этот врач, вернувшись после долгой службы на чужбине⁴¹⁹, также входил в высшие круги своего полиса и был активным гражданином.

Почетные декреты отражали деятельность наиболее заметных и влиятельных медиков. Но в полисах было немало лекарей среднего достатка⁴²⁰, вероятно, не выделявшихся из общей массы имущих обывателей. Об их роли в качестве граждан можно лишь догадываться. Например, в начале III в. в Пафосе, на Кипре, практиковал уроженец Тенедоса Фаид, сын Дамассагора. В его стихотворной эпитафии сказано, что предки Фаида издавна считались потомками Атридов, гегемонов Элады. В. Пеек отметил, что Фаид возводил свой род к легендарным основателям полиса Тенедоса — Оресту и Пейсандру, сыну и внуку Агамемнона⁴²¹. Видимо, этот представитель старинного тенедосского рода предпочитал (или был вынужден предпочесть) профессиональную деятельность и ради нее покинул родину даже на склоне лет⁴²². Вряд ли он был активным гражданином своего Тенедоса.

Точно так же выехал из родного Сикиона врач Филон, сын Филократа. Он практиковал в Афинах, где и скончал-

⁴¹⁷ IG, XI, 4, № 693 — мраморная стела украшена киматием и зубцами, буквы заполнены краской.

⁴¹⁸ IG, XII, 5, № 820.

⁴¹⁹ Peek W. Griechische Inschriften, S. 68—70, N 23. Утрата нижней части стелы оставляет неизвестными заслуги Героида перед своим отечеством.

⁴²⁰ В полисах на периферии греческого мира медики также входили в состав имущего населения. Например, еще в 363 г. в Дельфы из Гераклеи Понтийской прибыл врач Ксенотим, сын Гераклида. Он пожертвовал в храм Аполлона один золотой абидосский статер (Syll.³, № 239, С. III. 15), только один обол внес некий Анаксид из Фокеи) доказывает, что гераклеийский медик обладал большими средствами.

⁴²¹ Peek W. Griechische Grabgeschichte, N 128, S. 301.

⁴²² Судя по тексту эпитафии, он умер глубоким стариком.

ся в середине III в. в преклонном возрасте⁴²³. Будучи инополитом в Афинах, Филон составил там состояние, позволившее его сыну Филократу стать афинским гражданином, членом дема Хамаксантейя. Судя по истории надгробия Филона⁴²⁴, его семья и спустя полстолетия имела средний достаток. Естественно, что врач Филон не мог принимать участие в политической жизни сикионян.

Вероятно, совсем иную роль, правда, много позднее, играл врач Никий, гражданин ахейской Димы. В конце II в. он принадлежал к весьма состоятельному слою жителей города, что позволило ему поставить внушительную рельефную стелу со стихотворной эпитафией на массивной базе своей умершей супруге Клеопатре⁴²⁵. Однако благополучие Никия и его потомков было разрушено очень скоро наступлением римлян — уже в середине I в. до н. э. надгробие Клеопатры было снесено и база ее стелы была пущена на постройку усыпальницы нескольких римских отпущенников, имена которых сообщает латинская надпись,⁴²⁶ высеченная на первоначально нижней стороне базы. Столь основательная расправа римлян с памятником, возведенным сравнительно недавно, позволяет заключить, что Никий, а затем и его близкие принадлежали к тем демократическим слоям жителей Димы, которые неприязненно относились к латинизации их родного города⁴²⁷. Судьба этой семьи, видимо, была печальной, и надгробие Клеопатры оказалось беззащитным.

Оставляя в стороне некоторые разрозненные свидетельства о врачах среднего достатка⁴²⁸, заметим лишь,

⁴²³ Peek W. Griechische Grabgedichte, N 215.

⁴²⁴ Kerameikos, III; Peek W. Inschriften, Ostraka, Fluchtafeln. В., 1941, S. 28—32, N 27. Мраморная стела Филона с шестистрочной стихотворной эпитафией, над которой, вероятно, был портрет врача, спустя лет 50 была переделана — над первоначальным текстом были высечены не очень хорошим шрифтом имена самого Филона и четырех его родственников. Бережное отношение потомков к семейной усыпальнице является интересным свидетельством устойчивости родовых традиций этих средних граждан.

⁴²⁵ Bingen J. Epitaphe greeque et inscription latine de Dyme.— In: Melanges helleniques Offerts à Georges Daux. P., 1974 p. 13—17, fig. 1-2.

⁴²⁶ Bingen J. Epitaphe..., p. 17—19, fig. 3.

⁴²⁷ В 115 г. в Диме имело место сильное антиримское движение демократического направления (Syll., № 084. См.: Жебелев С. А. Из истории Афин 229—31 гг. до Р. Х. СПб., 1898, с. 223—224).

⁴²⁸ Например, в лаконском полисе Гифии врач Феод(ор) посвятил

что свободные лекари выступают перед нами типичными представителями своего класса, усердно работавшими на благо своих республик, полисов эллинистической Греции.

Остается сказать несколько слов о том, как именно чествовали полисы заслуженных медиков. Если сравнить формулировки декретов с конца IV в. до 146 г., то можно заметить, что возрастало материальное вознаграждение чествуемых и более пространными становились сами псефисмы.

Например, Афины в 304/3 г. восхвалили родосца Фидию за то, что он взялся служить государственным врачом без жалования, и увенчали его оливковым венком, а стелу с декретом поставили в Асклепиеоне⁴²⁹. Ни проксенических привилегий, ни денег дано не было.

В III — II вв. греческие республики стали обращать большее внимание на служащих врачей. Об этом убедительно свидетельствуют документы с Делоса, власти которого энергично заботились о санитарном благополучии священного острова. В середине III в. делосцы поставили мраморную стелу с декретом в честь врача Ксенодема, сына Демоклея, гражданина острова Спроса. Чествуемый медик помог своим искусством многим из граждан ж проявил себя благожелательным к святилищу и народу Делоса⁴³⁰. Спустя лет 30—40 на Делосе чествовали врача Архиппа, сына Полихара, кеосца. Его и его потомков

небольшую скульптуру (высота ее мраморной базы лишь 6 см.) с краткой надписью (IG, V, 1, № 1199).
⁴²⁹ Syll., № 335. Увенчание оливковым венком в те годы в Афинах было высшей почестью, золотой венок присуждался лишь за исключительные благодеяния (таковы были заслуги абадосца Никона, увенчанного золотым венком в 303/2 г.— Syll., № 341). Но стелу Фидию поставили по принципу чисто ведомственному — не на Акрополе, но в Асклепиеоне. Следует заметить, что афинский декрет IG, II², № 304 + 604 от 337/6 г. (фрагменты соединены в 1947 г.— Mitsos M. T. Inscriptions from Athens.— Hesperia, 1947, XVI, p. 264, № 16; текст заново опубликован: Hubbe R. O. Decrees from the Precinct of Asclepius at Athens, Hesperia, XXVIII, 1959, p. 169—171, № 1); идет речь об увенчании каких-то лиц золотыми венками в тысячу драхм; текст по фразеологии не может быть посвящен медикам. Уже Л. Коун-Хэфт, знавший только один фрагмент (IG, II², № 304), высказал сомнение в том, что в данном тексте его в свой каталог лишь для обоснованного исключения из числа медицинских декретов (Cohn-Haft L. The Public Physicians..., p. 6, n. 10; p. 76—77, N 2). Мы полностью согласны с этим мнением.

⁴³⁰ IG, XI, 4, № 633 — сохранилось лишь начало текста.

провозгласили проксенами и евергетами святиища и на рода Делоса⁴³¹. Им были даны права приобретения земли и дома на Делосе⁴³², проэдриа на агонах, право обращаться к совету и народу сразу после священных дел, а также все прочие привилегии, которые даровали обычно проксенам и евергетам. По-видимому, заслуги Архиппа были весьма значительны⁴³³, так как тексты декрета было предписано поставить: совету — в булеветерии, гиеропеям — в святилище. В амфикионе, принятом около 216/5 г. в честь уроженца Коса врача Филиста, сына Мосхиона⁴³⁸. Добросовестно и усердно лечивший всех прибывавших в дельфийское святилище и показавший себя достойным гражданином Коса, Филист получил многие награды: его увенчали золотым венком и возвестили об этом на состязаниях во время праздника Сотерий, а также даровали права продикии и асфалии во время войн поставлен в храме Аполлона Пифийского. Копию постановления амфикионов вручили посланцам Коса, прибывшим в Дельфы на Пифийские игры, с тем чтобы на Косе⁴³⁹ и Асклепиевых праздниках, и поставили стелу с текстом в святилище Асклепия. Прославление Филиста по месту работы и на его родине преследовало не только общеполитические цели. Оно должно было оказать немалое психологическое воздействие на самого врача и на его пациентов.

Некоторым врачам делосский полис ставил даже статуи. В III в. была воздвигнута статуя Ксенофонта, сына Пифонакса⁴³⁵, причем в надписи на ее базе было указано, что он практиковал весьма достопамятно. В 195 г. делосцы поставили мраморную статую уроженцу Коса Филиппу, сыну Филиппа⁴³⁶. Видимо, еще до установки статуи делосцы постановили устроить Фалиппу венец на Дионисовых и Асклепиевых праздниках, и поставили стелу с текстом в святилище Асклепия. Прославление Филиста по месту работы и на его родине преследовало не только общеполитические цели. Оно должно было оказать немалое психологическое воздействие на самого врача и на его пациентов.

Кроме того, власти Коса пригласили делосского посла в пританей и выдали ему 50 драхм на совершение жертвоприношения⁴³⁷. Столь сложная и торжественная процедура чествования врача обоими полисами говорит о том, что это был выдающийся специалист. Его практика на Делосе, по-видимому, принесла большую пользу святилищу Аполлона — возможно, им была подавлена вспышка какой-либо инфекционной болезни.

⁴³¹ IG, XI, 4, № 693.

⁴³² Очень важная привилегия, если учесть небольшие размеры острова.

⁴³³ Дошла только нижняя часть стелы, аргументация постановления полностью утрачена.

⁴³⁴ IG, XI, 4, № 775.

⁴³⁵ IG, XI, 4, № 1200.

⁴³⁶ IG, XI, 4, № 1078. Дюррбах (Choix, N 61) полностью согласился с предположением П. Русселя в комментарии к IG, XI, 4, № 1078, что отмеченная в отчетах гиеропеев за 195 г. выдача денег на статую Филиппа является записью расхода на чествование врача Филиппа.

⁴³⁷ *Laurenzi L.* Inscrizioni dell'Asclepieio di Cos.— *Clara Rodos*, 1940, v. 10, p. 36—38, N 4.

Можно думать, что высшая администрация не только Делоса, но и других полисов, куда стекалось множество паломников к общеэллинским святилищам, стремилась подчеркивать и постоянно напоминать, что у них работали прославленные врачи с Коса, обеспечивающие избавление от недугов.

Эта тенденция ясно выступает в декрете Дельфийской амфикионии, принятом около 216/5 г. в честь уроженца Коса врача Филиста, сына Мосхиона⁴³⁸. Добросовестно и усердно лечивший всех прибывавших в дельфийское святилище и показавший себя достойным гражданином Коса, Филист получил многие награды: его увенчали золотым венком и возвестили об этом на состязаниях во время праздника Сотерий, а также даровали права продикии и асфалии во время войн поставлен в храме Аполлона Пифийского. Копию постановления амфикионов вручили посланцам Коса, прибывшим в Дельфы на Пифийские игры, с тем чтобы на Косе⁴³⁹ и Асклепиевых праздниках, и поставили стелу с текстом в святилище Асклепия. Прославление Филиста по месту работы и на его родине преследовало не только общеполитические цели. Оно должно было оказать немалое психологическое воздействие на самого врача и на его пациентов.

Тексты декретов в честь врачей являются весьма поучительными источниками, отражающими некоторые стороны общественной жизни того или иного полиса. Крупные и богатые республики типа Делоса и Дельф устраивали торжественные чествования заслуженных медиков, которые становились широко известными по всей Элладе. Полисы небольшие и менее богатые не могли позволить себе таких пышных церемоний, но зато они чаще заботились о житейских удобствах и благополучии своих лекарей.

Приведем несколько примеров из практики критских полисов.

Между 222 и 218 гг. Кносс и Гортина послали на Кос письма, в которых излагали заслуги Гермия, сына Эмме-

⁴³⁸ Syll.³, № 538. Надпись найдена в Дельфах.

⁴³⁹ Дионис имел прямое отношение к врачеванию: среди его эпитетов встречается термин ιατρος, и одно из изречений Пифии содержало указание называть Диониса «подателем здоровья» — ὑγιατης (*Bruchmann C. F. H.* Epitheta deorum. Lipsiae, 1893).

нида 440. Примечательно, как обстоятельно власти Кносса рассказали о ходе военных действий в Гортине и в Фесте и о том, как искусно лечил множество раненых врач Гермий, несмотря на большие неприятности Гортиняне, граждане Родоса. Пританам салина Кос об опасностях, которым подвергался сам Гермий, когда оказывал помощь раненым, чтобы увенчание было служил у них косский врач, затем он обратился в народное собрание Гортины с просьбой отпустить его восвояси. Демос постановил дать Гермия в дорогу домой двух провожатых⁴⁴¹ и даровал ему и его потомкам ряд привилегий (перечисление их не сохранилось). Приведенные документы показывают, что хотя Кнос и Гортина были ослаблены войной, они все же выполнили достаточно сложный ритуал чествования врача.

Во II в. критский полис Аптера столь же заботливо чествовал врача с Коса Каллиппа, сына Аристокрита⁴⁴². Совет и народ Аптеры постановили именовать Каллиппа эвергетом полиса⁴⁴³, послать копию декрета на Кос и увенчать врача золотым венком. На венок и на дорогу казначеям было указано выдать Каллиппу 300 статеров⁴⁴⁴. Это распоряжение говорит о предусмотрительности аптерян: официально отбывающий врач увенчан, но деньги Каллиппу нужнее, чем венок.

⁴⁴⁰ Guarducci M. Inscr. Cret., I, p. 62, N 7*; IV, p. 230, N 168*. Тексты были выставлены в Асклепийоне Коса, но от обеих мраморных стел найдены лишь верхние части.

⁴⁴¹ Гортиняне не указали, с какой целью они выделили спутников Гермия. Возможно, что это была простая физическая помощь немолодому усталому человеку во время его длительного сухопутного и морского пути. Зато полис Амфисса в первой половине II в., провожая врача Менофанта, отправил с ним нескольких граждан (число не указано) с тем, чтобы они проводили его «с безопасностью» туда, куда он захочет (IG, IX, I, 3, № 750), — видимо, тогда в землях Локриды Озольской и соседних областей было много разбойников.

⁴⁴² Guarducci M. Inscr. Gret., II, p. 16, № 3*. Текст найден в святилище Асклепия на острове Косе (AA, 1903, 198, № 1).

⁴⁴³ М. Гвардуччи отмечает в комментарии к надписи, что аптеряне давали титул эвергета редко, причем обычно значительным лицам (царям Атталу и Прусии или Сципионам).

⁴⁴⁴ Л. Робер (Bull. ep., 1940, № 124) оспаривает мнение М. Гвардуччи, считающей названную сумму зафиксированной в нескольких декретах о врачах из Коса. По-видимому, Каллипп работал не весь год, а лишь во время «большой болезни», так что вознаграждение следовало за меньший срок, чем обычно.

⁴⁴⁵ На стеле в косском Асклепийоне был выбит рельефный венок.

терян можно сравнить другой подход: полис Астипалея в III—II вв. восхвалял и увенчал золотым венком врача Дионисия, сына Аполлония, гражданина Родоса. Пританам было отпущено много денег, чтобы увенчание было обнаружено на Дионисиях, во время трагедийных агоней⁴⁴⁶. Видимо, чествование торжественный характер, не оставлявший места для частной заботы о финансах врача⁴⁴⁷. Указание астипалеян на «установленный законом» золотой венок чествуемому медику не умаляет значения акта⁴⁴⁸ — экономное расходование государственных средств побудило тогда многих полисов принимать по закону различную стоимость присуждаемых золотых венков. Например, демос Коса увенчивал врача Ксенотима в III в. золотым венком самой большой ценности, определенной законами, о чем должно было быть возведено священным вестником на Дионисиях⁴⁴⁹.

Некоторые полисы продолжали увенчивать оливковым венком и во II в., причем его присуждали самым заслуженным медикам. Так, около 188 г. Тенос повторно чествовал милетского врача Аполлония. Подтвердив декретированные ему ранее почести и дары, теносцы постановили теперь увенчать Аполлония оливковым венком в храме Посейдона и Амфитриты и там же поставить мраморную плиту с текстом декрета⁴⁵⁰.

Большинство декретов указывает, что почетное постановление должно быть возведено на больших религиозных праздниках или на агонах⁴⁵¹. Несколько отличен самосский декрет в честь Диодора: совет решил, что хвалы и почести этому славному врачу должны быть возведены на народном собрании, посвященном выборам полисных властей (ἐν ταῖς ἀρχαφείαις). Видимо, в те труд-

⁴⁴⁶ Peek W. Inschriften von den dorischen Inseln, N 87.

⁴⁴⁷ Астипалеицы поставили стелу с текстом декрета и с венком, но не мраморную, а известняковую — видимо, средств было в обрез.
⁴⁴⁸ В тот же период астипалеицы увенчали отличившегося агораномом лишь оливковым венком.

⁴⁴⁹ Syll.³, № 943. Указание на определенный законом золотой венок встречается в нескольких декретах, например в псефисме Олунта о врачах из Коса.

⁴⁵⁰ Syll., № 620. На вопрос о том, что следует подразумевать под словом «дары», трудно ответить — в III—II вв. так обозначали и денежные дары, и привилегии.

⁴⁵¹ Например, во II в. на острове Карпаф декрет в честь Менокрита был объявлен на Асклепийонских агонах.

ные для Самоса времена оглашение почестей на самом представительном ⁴⁵² собрании демоса было наиболее широким ⁴⁵² .

Помимо особо торжественных постановлений известны более простые декреты, которые присуждали тому или иному медику звания евергета и проксе́на и даровали обычные проксенические привилегии ⁴⁵³ . В эти документы полисные магистраты целиком вписывали ⁴⁵⁴ обычный перечень присуждавшихся привилегий.

Итак, сколь ни отрывочны и разнохарактерны источники, повествующие о лекарях эллинистической Греции, они все же позволяют осветить некоторые стороны жизни и деятельности этого отряда квалифицированных специалистов, оценить их роль в государстве. Источники свидетельствуют, что отдельные граждане и полисы в целом высоко ценили медиков, с большим уважением относясь к их знаниям и их искусству. Становятся очевидными и трудности, с которыми сталкивались представители этой профессии в условиях античного рабовладельческого общества.

Высокий моральный уровень, который считался обязательным для греческого врача, был тем критерием, на основе которого происходил отсев наименее квалифицированных лекарей. Это способствовало прогрессу греческой медицины — как практической, так и теоретической. Греческая медицина со времен Гиппократов стала самостоятельной отраслью науки. Светский характер позволил ей успешно служить интересам эллинского общества. Солидная масса умственного и физического труда, которую вложили сотни эллинских медиков в развитие своей специальности, определила вес и значимость медицины в общественной жизни. Государственные медики являлись звеном аппарата управления в греческих республиках и тем самым вносили свой активный вклад в укрепление полисной государственности.

⁴⁵² Тексты декретов ставились в Асклепиеонах, иногда еще и в храме другого божества (так постановили в Олунте на Крите во II в. См.: *Guarducci M. Inscr. Cret.*, I, p. 249, N XIII). Если в полисе не было Асклепиеона, то избирали храмы других богов.

⁴⁵³ Таковы: декрет в честь пергамского врача Диогена, принятый союзом акарнатов между 167 и 146 гг. (IG, IX, 1², № 209a), декрет в честь ветеринара Метродора (IG, IX, 2, № 69).

⁴⁵⁴ Поэтому врачу Менофанту в Амфиссе было дано даже право наследования недвижимого имущества (IG, IX, 1², N 750).

Создавшая богатейшее теоретическое наследие эллинская медицина базировалась, тем не менее, на рациональной основе. Опыт лечащих врачей чрезвычайно обогатил медицинскую практику той поры. Медицинская служба греческого полиса явилась первым опытом организации государственной заботы о здоровье гражданского коллектива ⁴⁵⁵ . Успеху ее в немалой степени способствовала высокая культура государственной жизни полиса.

Наконец, следует сказать о немаловажной роли медицины во всей умственной жизни Эллады — врачи внесли серьезный вклад в создание методики подлинного научного исследования. Известно, что работа самого ординарного лекаря требует нешаблонного, творческого подхода к каждому пациенту. Выдающиеся деятели греческой медицины детально разработали этот принцип, чему, разумеется, способствовал светский характер их науки. Открытые медиками исследовательские приемы благодаря широкой доступности знаний были взяты на вооружение и другими отраслями науки. Самые яркие примеры мы находим в сочинениях Платона и Аристотеля, у которых содержится немало указаний на использование методов исследования, применяемых медиками. Таким образом, медицинская мысль способствовала обогащению исследовательского арсенала всей греческой науки.

⁴⁵⁵ Здесь необходимо возразить М. И. Ростовцеву, который считал систему медицинского обслуживания в монархии Птолемея «первой государственной санитарной службой», о которой имеются сведения в истории цивилизованного человечества (SEHNV, p. 1091). Созданная преемниками Александра в Египте система лекарской помощи населению, несомненно, включила некоторые давние установления полисной медицины.

В эллинистической Греции архитекторы принадлежали к той части образованного населения полисов, труд которой имел первостепенное значение как для отдельных лиц, так и для успешного функционирования всего государства. При частых и изнурительных войнах интенсивный творческий труд зодчих неоднократно помогал греческим республикам избежать разрухи, выдерживать осады и отражать неприятеля. В мирные дни деятельность архитекторов была тесно связана со многими сторонами жизни полиса.

Знания, художественный вкус и трудолюбие ставили зодчих в ряд тех интеллигентов, которые создавали материальные и духовные ценности, столь необходимые полисам в их напряженной борьбе за сохранение независимости. И если раньше архитекторы должны были творить во имя возвеличения полиса и утверждения гражданских идеалов и добродетелей среди его населения, то теперь полис нуждался больше всего в мощных оборонительных сооружениях и добротных гражданских постройках, необходимых для нормальной экономической жизни государства.

Античная традиция весьма скудно освещает условия работы архитекторов в III—II вв. 1, на что указал еще В. П. Зубов². Поэтому неудивительно, что в новой историографии деятельность рядовых архитекторов исследована еще очень слабо³. К тому же очень многие из

1 Античные авторы приводят имена лишь двух-трех десятков архитекторов эллинистической Греции. Ряд сведений дают эпиграфические документы, о которых речь пойдет ниже.

2 Письменные источники и их значение для истории античной архитектуры.— В кн.: Архитектура античного мира/Сост. В. П. Зубов, Ф. А. Петровский. М., 1940, с. IV—V.

3 Впервые вопрос о греческом рядовом архитекторе был поставлен в работе Г. Брунна | ограничившего свою задачу подбором и кри-

иствующих Данных относятся к работе греческих архитекторов за пределами своей страны⁴.

Между тем археологические источники могли бы значительно дополнить сведения письменной традиции. Особенно много фактов из истории греческого зодчества стало известно благодаря раскопкам за последние сто лет. Однако до сих пор материальные источники используются недостаточно. Причина кроется в неправильном взгляде на строительную деятельность эллинистической Эллады. По мнению некоторых исследователей, III—II вв. были временем «скромного строительства и общего архитектурного упадка» в Греции⁵. Данная оценка во многом вызвана тем, что зодчество Эллады сравнивают с зодчеством эллинистических монархий. Там в крупных культурных центрах были созданы монументальные соо-

тическим рассмотрением материала. См.: *Brunn H. Geschichte der griechischen Künstler*. Stuttgart, 1889, Bd. II, S. 213—265. В позднейших исследованиях по греческой архитектуре обычно рассматривается деятельность лишь крупнейших зодчих. См., например: *Robertson D. S. A handbook of Greek and Roman architecture*. Cambridge, 1945. В работе А. Бэрфорд (*Burford A. The Greek temple builders at Epidaurus. A social and economic study of building in the Asclepian sanctuary during the fourth and early third centuries B. C.* Liverpool, 1969, p. 138—145) справедливо указано, как мало еще известно о разных сторонах деятельности греческих зодчих, особенно об их общественном положении. Фундаментальный труд А. К. Орландоса, посвященный анализу строительной техники (*Ἐργάσιμος Α. Κ. Τὰ οὐκὰ δομῆς τῶν ἀρχαίων. Ἑλλάδων*. >Α&ήναι, 1955—1960, I—II), осветил ряд сторон технологии античной архитектуры, что позволило исследователям более углубленно охарактеризовать ряд особенностей профессии зодчего в древней Греции. См.: *Martin R. Manuel d'architecture grecque. I. Matériaux et techniques*. P., 1965; *Coulton J. J. Ancient ягreek: Architects at Work*. Ithaca, New York, 1977.

⁴ М. И. Ростовцев уделил большое внимание архитекторам эллинистической эпохи (SEHNW, p. 1230—1238). Однако он остановился главным образом на выдающихся памятниках, более обыкновенному строительству в материковой Греции он придал небольшое значение. Это же характерно для труда Г. Ллойда (*Lloyd G. E. R. Gree^ science after Aristotle*. L., 1973, p. 96).

⁵ *Lawrence A. W. Greek Architecture*. Harmondsworth, 1957, p. 223. Эту же точку зрения недавно высказал В. П. Полевой, утверждавший, что «жизнь шла мимо» материковой Греции, где многие постройки возводились на средства иноземных меценатов. См.: *Полевой В. М. Искусство Греции. Древний мир*. М., 1970, с. 243—244.

⁶ Эту оценку высказал В.¹ Б. Динсмуур: *Dinsmoor W. B. The Architecture of ancient Greece*. London; New York, 1950, p. 265.

ружения нового типа. Достаточно назвать ансамбль дворца, библиотеку и Фаросский маяк в Александрии, ансамбль Пергамского акрополя, обширный парк Дафны, величественный храм Аполлона в Дидимах. Великолепные архитектурные комплексы, появившиеся в эллинистических царствах, резко контрастировали с более скромным зодчеством материковой Греции. Конечно, архитектор, работавший на Птолемея, Селевкидов или Атталидов, имел большой простор для своей художественной деятельности. Задачи зодчих в полисах эллинистической Греции заключались не в создании пышных ансамблей, но чаще всего в постройке сугубо утилитарных зданий. Однако эта направленность творчества эллинистических зодчих не является бесспорным доказательством общей ограниченности строительной деятельности греческих государств в III—II вв.

Более справедливо будет говорить об особенностях тогдашнего зодчества, порожденных сложными социально-политическими условиями, в которых оказывались независимые полисы Греции эпохи эллинизма. Изменение положения большинства греческих республик направило их зодчество по новым направлениям. Процесс этот был весьма многозначен.

Так, в изучаемое время активность в области храмового строительства заметно сократилась. К середине IV в. до н. э. самые значительные полисы уже воздвигли монументальные святилища своим богам. Поэтому в эллинистическое время редкие государства строили крупные храмы. Известны случаи, когда начатая грандиозная постройка оставалась незавершенной — например, около 320 г. акарнанский полис Страт приступил к возведению храма Зевса, но не смог довести строительство до конца.

⁷ Вопрос об «общем архитектурном упадке» включает и оценку художественного уровня эллинистического зодчества. Не имея возможности подробно остановиться на этой стороне проблемы, заметим все же, что архитекторы III—II вв. стремились следовать канонам, выработанным архитектурой классической эпохи. Из крупных сакральных построек второй половины IV в. следует назвать храм Матери богов в Олимпии, заверченный около 320 г. Павсаний (V, 20, 9) отмечает, что этот храм в дорическом

⁹ стиле выделяется своей величиной. Так, на Лесбосе в городе Месса около 280 г. было возведено святилище ионического ордера лишь в два раза меньшее, чем колоссальный храм Аполлона в Дидимах. См.: *Robertson D. S. A handbook of Greek and Roman Architecture*, p. 145, 333.

Все же и в эллинистическое время в ряде полисов возводили новые храмы. Если государство не располагало достаточными средствами, оно иногда обращалось к сбору добровольных взносов самих граждан. Так, во второй половине III в. в Танагре было решено переместить загородное святилище Деметры и Керы в пределы города. Речь шла о полной перестройке сакральных сооружений, да еще на новом месте. Намечаемая сумма строительных расходов была восполнена пожертвованиями самих граждан, в особенности гражданок. В иных случаях государство находило выход в том, что строили здание сравнительно небольших размеров. В качестве примера можно назвать храм в антах коринфского ордера, посвященный Артемиде, Лафрии, который в III в. построили в Мессене.

Весьма поучительны выводы Г. Ру, который недавно детально исследовал зодчество Арголиты в IV и III вв. Ученый решительно утверждает, что III век в этой области страны был временем большой архитектурной активности. Отмечая, что в Эпидавре период между 300 и 200 гг. был столь же богат постройками, что и предыдущее столетие, Г. Ру называет ряд сакральных сооружений, построенных тогда же в Аргосе и Коринфе. Перечень названных французским исследователем памятников архитектуры Арголиты является весьма убедительным аргументом против тезиса В. Б. Динсмуура об упадке архитектурной деятельности во всей Греции в IV—III вв. Можно надеяться, что столь же полный обзор остатков эллинистического зодчества в других областях страны еще ярче осветит действительное положение зодчества Греции в IV—II вв.

¹⁰ *Schwyzler*, N 462.

¹¹ *ROUT G. L'architecture de l'Argolide aux IVe et III siècles avant J.-C.* P., 1961, I—II, p. 10.

¹² *Ibid.*, p. 404, 408—409. Выводы Г. Ру относительно Эпидавры получили детальное подтверждение в упоминавшейся монографии А. Бэрфорд, Английская исследовательница смогла привлечь ряд еще не опубликованных строительных надписей из святилища Асклепия, что значительно дополнило картину архитектурных работ в IV и III вв.

¹³ Нельзя ограничиваться лишь заново строившимися сакральными сооружениями — следует учитывать и различного рода пристройки к старым храмам. Эти здания бывали иногда внушительных размеров. Так, в первой половине II в. на острове Теносе к святилищу Посейдона и Амфитриты был пристроен монументальный портик площадью 170 X 15 м. См.: *Etienne R. Zagdo-*

Следует упомянуть также замечательный храм Афины в Тегее, который, по словам Павсания, «своей архитектурой и величиною превосходит все храмы, сколько их есть в Пелопоннесе» (VIII, 45, 4—5). Сооружение это было возведено в середине IV в. архитектором Скопасом, уроженцем Пароса, взамен сгоревшего в 393 г. древнего храма тегеян.

Конечно, наиболее активная строительная деятельность разворачивалась в самых богатых полисах. Например, Делос в 172 г. завершил сооружение храма Артемиды (храм Д), но и более мелкие республики иногда принимали капитальное строительство. Так обстояло дело в полисе на острове Пепарефе, который вместе с полисом Скиафом в 200 г. был разрушен Филиппом V. После 196 г. римляне установили контроль над Пепарефом, дав ему номинальную автономию¹⁴. Вскоре полис начал восстанавливать храм Афины, о чем сообщает почетный декрет, восхваляющий подрядчика Филоксена¹⁵.

Приведенные данные позволяют заключить, что в IV—II вв. в Элладе не прекратилось возведение сооружений чисто сакрального назначения. Надо отметить, что возведенные в изучаемое время храмы весьма точно следовали общим направлениям эллинистической архитектурной мысли. Их зодчие активно перерабатывали новые тенденции, свойственные общему духу эллинизма.

Еще более динамичная картина наблюдается в области гражданского строительства. В IV—II вв. появилась необходимость возводить много разнообразных построек, отвечавших потребностям усложнявшейся государственной жизни. Возросла строительная активность различных объединений граждан, возник спрос на труд архитектора и со стороны самых богатых граждан.

Отмечая эти тенденции, надлежит подчеркнуть то особое значение, которое приобрела теперь фортификационная архитектура. Частые военные конфликты требовали большой затраты сил полисов на оборонное строительство. Повсюду в Элладе шли работы по созданию новых укреп-

ue M.-A. Le Sanctuaire de Poseidon et Amphitrite.— BCH, 1975, 99, p. 724—725. Примером расширения храмового комплекса именно в эллинистическое время может служить перестройка святилища Амфиарая возле ничем не примечательного городка Оропа. См.: Paus., T, 34, 2.

¹⁴ Liv., XXXI, 28, 6.

¹⁵ Syll.3, N 587.

лений, по капитальной перестройке или ремонту старых стен. Ведь широкое применение осадных механизмов¹⁶ заставляло государство возводить особые стены — с почти полукруглыми выступами рустов, что обеспечивало рикошетирование метательных тел. Широкое применение осадных механизмов в полисах еще недостаточно изучено, так как его внушительные масштабы стали известны лишь в последние 50 лет¹¹. Назовем для примера небогатую Локриду, многие государства которой именно в эллинистическое время возвели мощные каменные стены¹⁸. Сооружение укреплений часто превышало финансовые возможности полисов, и государства обращались к помощи богатых граждан. Например, полис Юлида на Кеосе в III в. объявил сбор добровольных взносов на постройку стен. Лишь 15 граждан, внесших от 5 до 50 драхм (или статовов? — монетный номинал не обозначен в надписи), перечислены на поставленной полисом стеле, хотя место на камне было рассчитано на более длинный список¹⁹.

Значение крепостных стен в эллинистическое время в полной мере подтверждает и то обстоятельство, что именно в конце III — начале II в. стенами была укреплена Спарта (правда, неполным кольцом)²⁰. Построили их в короткое время, что было возможно лишь при использовании труда квалифицированных зодчих — фортификаторов.

Длина оборонительных линий вокруг городов не обязательно зависела от общего экономического потенциала полиса. Например, некоторые полисы Акарнании обносили стенами столь значительное пространство²¹, что длина

¹⁶ Военные машины того времени были весьма эффективны, как отмечал уже Филон Византийский в конце III в.

¹⁷ В. В. Тарн остроумно заметил, что в изучаемое время происходило нечто вроде соревнования между осадной машиной и стеной и даже трудно определить, кто же из них одержал верх (Tarn W. W. Hellenistic Military and Naval Developments. N. Y., 1966, p. 106).

¹⁸ Lerat L. Les Locriens de l'Ouest. P., 1952, p. 169—178.

¹⁹ Dunant Chr., Thomopoulos I. Inscriptions de Geos.— BCH, 1954, LXXVIII, p. 322—327, N 2.

²⁰ Liv., XXXIV, 38.

²¹ Исследовавший укрепления Акарнании и Этолии Ф. Ноак (AA, 1916, S. 215—239) подробно описал оборонительные системы ряда полисов, отметив, что внутри укреплений находились не только городские кварталы, но и свободное пространство, на котором временами укрывались от неприятеля жители хоры со своими стадами.

их стен почти равнялась окружности укреплений Эфеса²², достигавших 12 км. Умелое использование гористого рельефа делало такие мощные крепости неприступными даже для очень сильного неприятеля. Можно напомнить, как Филипп V не смог взять небольшой фессалийский полис Мелитею, так как заготовленные его военными специалистами

лестницы оказались слишком короткими²³. Необходимость защиты деревенского населения и его имущества потребовала сооружения укреплений и в хоре. Многим полисам постоянно грозили набеги пиратов, деятельность²⁴ которых в III—II вв. достигла огромных масштабов. Особенно страдали жители островов Эгейского моря, и на многих из них в изучаемое время были сооружены небольшие крепости. Характерным элементом этих сооружений были башни, имевшие до трех этажей.

Мояшо описать башни, открытые на острове Теносе²⁵. Одна из них, стоявшая между современными селами Кардиани и Авдо, была в плане квадратом со стороной в 6,25 м. Стены, сохранившиеся в высоту до трех метров, сооружены из известняковых и мраморных плит, причем швы между рядами почти горизонтальны, а между смежными блоками вертикальны или наклонны. Прямоугольный вход в башню невысок. Сооружение имело не меньше двух этажей, как показывают остатки свода высотой в три метра.

Более монументальна круглая башня у нынешнего села Свомолоне, имеющая 10 м в диаметре. Она сооружена из ровных рядов мраморных блоков, швы между последними вертикальные или слегка наклонные. Сохранились два этажа башни, причем в верхнем этаже было устроено одно прямоугольное окно высотой в 1 м. Возведение этой вместительной башни (площадь двух ее этажей около 150 кв. м), видимо, считалось немаловажным делом. Недалеко на одном из блоков сохранилась надпись, сообщающая, что соорудил ее Лисифей, сын Аристолоха. Можно

²² Это отмечено В. В. Тарном (*Tarn W. W. Hellenistic Civilisation*. L., 1941, p. 309—310).

²³ *Polyb.*, V, 97,5—98, 10. Ошибка македонян была тем более заметна, что в то время были хорошо известны надлежащие размеры лестниц, предназначенных для броска на стены города. См.: *Polyb.*, IX, 19, 5—9.

²⁴ *Rostovtzeff M.* SEHNV, p. 195—198.

²⁵ *Demoulin H.* Les Rhodiens à Tenos.— BCH, 1904, XXVII, p. 233—259, fig. 2, 3.

предположит, что такие скромные фортификаторы работали преимущественно в пределах своего полиса²⁶.

Аналогичные небольшие укрепления с башнями были открыты на Фасосе²⁷ и других островах²⁸. И в западных частях материковой Греции известны крепости, обеспечивавшие защиту деревням, и длинные стены, ограждавшие иногда довольно большую территорию²⁹.

Наряду с фортификационными линиями полисы должны были строить и другие сооружения, укреплявшие их обороноспособность. Лучше всего это строительство известно в Афинах: с 338 по 324 г. там, помимо укрепления стен, построили новые водопроводы, ремонтировали и возвели новые корабельные верфи, соорудили новые арсеналы для хранения³⁰ корабельного снаряжения — снастей, парусов, весел³⁰.

Тогда же в Пирее знаменитым зодчим Филоном из Олевсинты между 349 и 340 гг. был возведен арсенал — *Ὀλευσινή*. До нашего времени дошла надпись, в которой детально изложен проект здания³¹. В этом официальном документе самым точным образом указаны размеры всего здания и его частей, материал для изготовления деталей, способы их сочленения. Писали о нем и древние авторы³²; в современной же литературе творению Филона посвящены специальные исследования³³.

²⁶ Лисифей большинство историков считает не архитектором, а владельцем-строителем башни. См.: *Meier F. G.* Griechische Mauerbauinschriften. Heidelberg, 1959, I, N 39. Это мнение основывается на том, что обычно греческий архитектор не водружал надпись на созданной им постройке.

²⁷ *Bon M. L.* Les ruines antiques dans l'île de Thasos et en particulier les tours helléniques.— BCH, 1930, колебалась от 49 кв. м. (Палайохорион) до почти 155 кв. м. (у залива Фимония). Все эти укрепления сложены из крупных мраморных блоков, поскольку повсюду на острове добывался именно этот строительный материал.

²⁸ М. Бон перечисляет башни еще на 21 острове, а также в Аттике и Мегариде. Сооружения на островах исследователь датирует IV—III вв. до н. э. См.: *Bon M.* Les ruines..., p. 184.

²⁹ *Noack F.*— AA, 1916, S. 239.

³⁰ *Колобова К. М.* Древний город Афины и его памятники. Л., 1961, с. 319—320. Исследовательница совершенно справедливо подчеркнула роль оратора Ликурга, в то время развившего энергичную строительную деятельность в Афинах.

³¹ *Syll.*, N 969.

³² *Strabo*, IX, 1, 15. *Vitruv.*, VII, Prooem., 12.

³³ *Choisy L.* L'Arsenal du Pirée. P., 1883.

Конечно, верфи, арсеналы и склады в таком крупном полисе, как Афины, насчитывались в большом количестве, в мелких полисах число и масштаб аналогичных сооружений были много скромнее.

Особое место в оборонном строительстве занимало сооружение осадных машин. Достигавшие иногда внушительных размеров, эти механизмы требовали больших затрат, причем сооружали их и следили за их исправной работой именно архитекторы³⁴.

Даже беглый перечень объектов военного значения, возведенных республиками эллинистической Греции, показывает, сколь велика была активность государств в этой области зодчества. Иногда расходы полисов на эти сооружения вызывали огромное напряжение государственных финансов³⁵. Современной науке еще трудно определить более или менее точно объем оборонного строительства в эллинистической Элладе, так как в труднодоступных горных районах страны многие античные памятники этого рода остаются неизученными или даже вовсе неизвестными³⁶.

Прибрежные полисы Эллады, имевшие свой флот, нуждались в архитекторах-кораблестроителях. Создатели военных кораблей пользовались, несомненно, особым вниманием, что явствует из сообщения Аристотеля³⁷ о том, как в Афинах решали вопрос постройки триеры: «народ голосованием выбрал архитектора для постройки корабля». Это голосование в народном собрании позволяет предполагать, что кандидатура архитектора всенародно тщательно обсуждалась, поскольку сооружение военного судна являлось весьма дорогостоящим предприятием³⁸.

³⁴ Страбон (XII, 8, 14) указывает, что в Кизике три городских архитектора ведали общественными зданиями и военными машинами. Для осадных механизмов там был отведен специальный склад. См.: *Rostovtzeff M.* SEHNV, p. 588.

³⁵ В. В. Тарн справедливо подчеркнул, что осадные кампании изучаемого времени и огромное количество материалов, употреблявшихся во время войн, наводят на мысль, сколь непропорциональное количество сил должен был тратить каждый полис на сооружение военных машин и подготовку снаряжения (*Tarn W. W.* *Hellenistic Military and Naval Developments*, p. 118).

³⁶ В 1959 г. автору этих строк удалось посетить северную часть Эпира и найти там развалины многих небольших крепостей у современных Теолого, Зимница и в других местах.

³⁷ *Arist.* Ath. Pol., 46, 1.

³⁸ Недаром за постройкой триеры наблюдали специально избранные из членов булэ 10 триеростроителей, как указывает там же Аристотель.

Талантливые судостроители получали широкую известность. Так, уроженец Коринфа архитектор Архий был приглашен Гиероном Сиракузским (269—215) соорудить его роскошный корабль-гигант³⁹.

Сооружение обычных торговых судов велось, вероятно, архитекторами средней квалификации.

Если обратиться к сведениям о чисто гражданском строительстве греческих республик в III—II вв., то и здесь источники не позволяют говорить об очень скромных размерах архитектурной деятельности. Конечно, крупное строительство могли позволить себе лишь богатые полисы, причем по качеству и размаху тогдашнее греческое зодчество уступало монументальным сооружениям, которые возводили цари соседних эллинистических монархий⁴⁰. Однако даже сколько-нибудь преуспевающий полис выделял значительные средства для постройки необходимых ему общественных сооружений.

Можно привести факты из истории Фасоса, полиса, сумевшего сохранить свою самостоятельность, несмотря на попытки македонских и других эллинистических монархов подчинить его⁴¹. В конце IV — начале III в. в главном городе острова был сооружен пространный гипостильный зал⁴², в III в. на грани

³⁹ *Athen.*, V, 4, 203c — 204d.

⁴⁰ Сказанное относится и к зданиям, которые эти монархи сооружали в некоторых полисах Греции, стремясь укрепить установившиеся тесные связи. Яркими примерами являются: 1) здание стой Аттала II Пергамского в Афинах, имеющее площадь 116,5X X 19,4 м. (*Thallon Hill J.* *The ancient city of Athens*. L., 1953, p. 62—68); 2) храм Зевса Олимпийского в Афинах, который около 174 г. начал возводить царь Антиох Эпифан. Напомним также круглый храм Великих богов, который около 280 г. возвел на острове Самофракия Арсиноя, дочь Птолемея I. Эта политика была продолжена Птолемеем II Филадельфом, построившим там же здание пропилеи с роскошно украшенными ионийскими капителями. Однако на Делосе этот же царь построил небольшой храм Благой Судьбы. См.: *Lawrence A. W.* *Greek Architecture*, p. 208.

⁴¹ Не так давно Ж. Пуйю убедительно опроверг встречающееся в историографии мнение о том, что в III в. Фасос находился под властью Македонии. Анализируя данные Полибия (XV, 24, 1—5) о переговорах фасосцев с Филиппом V в 202 г., исследователь приходит к выводу, что до этого года остров пользовался независимостью (*Pouilloux J.* *Recherches sur l'histoire et les cultes de Thasos*. P., 1954, p. 435—437).

⁴² *Ibid.*, p. 224—225.

монументальный северо-западный портик⁴³. Тогда же фасосцы построили квадратный в плане булеверийон⁴⁴. При этом они не оставили вниманием и оборонительные сооружения. Стены города Фасоса были дополнительно усилены⁴⁵.

Перечень монументальныхстроек на Фасосе служит убедительным доказательством огромной работы, которую проделали там архитекторы за какие-нибудь 150 лет. Конечно, полисы с меньшими материальными возможностями вели более умеренное строительство. Но количество возводимых по всей стране сооружений было все же достаточно велико. Рост числа городов и их размеров вызывал необходимость строить такие специальные здания, как булевериии, эллинистических монументальных зданий, как аналогичные сооружения в столицах эллинистических монархий, эти здания встречались довольно часто⁴⁷. Например, в первой трети III в. в близкорасположенных Эпидавре и Аргосе были сооружены сцены театров,⁴⁸ в Коринфе возведено здание над источником Пейрене⁴⁹. Архитектурное обрамление источников и колодцев также получило очень широкое распространение в эллинистическое время⁵⁰. Иногда это были довольно крупные сооружения с шестью колоннами

⁴³ Martin R. Etudes thasiennes, Г Agora I. Le portique Nord-Ouest. P., 1954.

⁴⁴ Lawrence A. W. Greek Architecture, p. 274.

⁴⁵ Один из граждан уже уничтоженного Олинфа, Гераклеодор, сын Аристоника, в благодарность за оказанную ему фасосцами помощь возвел на свои средства башню и возле нее экседру со статуей. См.: Pouilloux J. Inscriptions de Thasos.— BCH, 1947—1948, LXXI-LXXII, p. 262-272.

⁴⁶ В это время возникает практика постройки специализированных рыночных зданий, предназначенных для отдельной продажи мяса, рыбы или других товаров.

⁴⁷ О большом количестве общественных зданий в крупных городах эллинистической Греции позволяет судить описание Халкиды, оставленное Псевдо-Дикеархом, жившим во второй половине III в. Указав, что город халкидян имеет 70 стадий в окружности и вполне достаточный источник хорошей воды, он пишет: «В городе много общественных сооружений — гимнасиев, портиков, святилищ, театров, а также картин и статуй» (*[Die] Descript. Hell.*, 28).

⁴⁸ Весьма впечатляющим является сравнение агоры в Афинах в классическое и эллинистическое время. Однако нам представляются более важными сведения из других полисов.

⁴⁹ Roux G. Varchitecture..., p. 404.

⁵⁰ Lawrence A. W. Greek Architecture, p. 236.

или пилястрами по фасаду⁵¹. Вообще в полисах эллинистической Греции кварталы, где располагались общественные здания, получили более яркое архитектурное оформление, чем в предшествующие века⁵².

Гражданское строительство полисов не ограничивалось пределами каждой республики.

В тех случаях, когда полис являлся членом союза нескольких государств, он должен был принимать участие в стройках, которые предпринимала вся федерация. Иногда, как это бывало и раньше, греческие государства возводили собственные строения в дружественном полисе, где находилось особо почитаемое крупное святилище. Интересные факты, подобного рода, сообщила одна из недавно найденных надписей. Этот документ, датированный временем вскоре после 217 г., представляет собою текст соглашения союза акарнанов с одним из входивших в него полисов, Анакторием. Обе стороны договорились о том, что принадлежащий Анакторию храм Аполлона Актийского станет общесоюзным с этим был оговорен ряд обязательств, которые взял на себя Акрананский союз. В частности, он должен был содержать в порядке и ремонтировать храмовые строения (стк. 26—27). Далее указано, что остается в силе старинное право полиса Анактория на здание Эленейона и на строения в священной роще Актия, а также права других полисов и племен на сооруженные ими там же строения (стк. 38—41). Нет сомнений, что упомянутые в договоре сооружения⁵⁴ были достаточно вместительны, представляя тем самым материально ценные архитектурные объекты. Использование этих построек во время ежегодных ярмарок,

Ibid.

В средних полисах в V—IV вв. общественные здания сосредоточивались даже в сравнительно небольших кварталах. Примером может служить комплекс полисных сооружений в Олинфе. См.: Robinson D. M. Excavation at Olynthus, II. Architecture and Sculpture: Houses and other Buildings. Baltimore, 1930, p. 16—34.

⁵³ В 1954 и 1955 гг. в Олимпии был найден текст этого договора. См.: Habicht Chr. Eine Urkunde des akarnanischen Bundes.— Hermes, 1957, 85, S. 86—122; Klaffenbach G.— IG, IX, 1¹, 2, N 583; Robert J. et L.— Bull. 6p., 1958, N 270.

В надписи употреблен термин λαρεϊβολή, который, исходя из контекста документа, лучше всего перевести как «подворье», поскольку, очевидно, каждый полис и соседние независимые племена имели в Актии определенные и неизменные с давних пор места для постоя. Хр. Хабихт справедливо видит в этих паремболах жилые постройки, где паломники из союзных полисов.

51
52

54

видимо, представляло определенный интерес для соорудивших их акарнанских полисов и соседних автономных племен.

Приведенные факты показывают, что в III—II вв. полисы Эллады вели достаточно обширную строительную деятельность⁵⁵, которая могла осуществляться лишь при использовании немалого числа квалифицированных архитекторов. О качестве работы этих зодчих говорит то обстоятельство, что многие из созданных ими сооружений, сохранившиеся до наших дней, в полной мере служат эстетическим потребностям современного человека⁵⁶.

Следует отметить, что уровень требований, которые греки предъявляли своим архитекторам, был весьма высоким. Тонкий артистический вкус великих мастеров прошлого, создателей прославленных сооружений, в течение многих столетий формировал представления эллинов о прекрасном в архитектуре.

Направленность греческой теоретической мысли на утверждение полиса как наилучшей формы государства определила особую черту в культурной жизни древней Греции: полисы издавна придавали большое значение художественному облику своих монументальных зданий. То же характерно и для эллинистического времени, когда обширные общественные ансамбли занимали даже большее место в общей площади полиса, чем раньше. К тому же такое капитальное строительство предпринимали теперь многие, ранее незаметные полисы. Сказанное относится в равной мере к светским и сакральным сооружениям не только крупных полисов, но и небольших государств⁵⁷⁻⁵⁸. Благодаря этому рядовые граждане постоянно общались с произведениями архитектурного искусства, открытыми для обозрения всему населению⁵⁹. Таким об-

55 Даже в небольшом Оропе был сооружен во II в. собственный театр весьма скромных размеров — глубина всей сцены этого театрала была менее 10 м.

56 Назовем хотя бы театр в эпирском полисе Буфроте, привлекающий строгостью и изяществом своих очертаний. Он был построен в конце IV в. и ремонтировался в римское время. См.: *Ugolini L. M.* Butrinto il mitod' Epoca Ellenistica. Roma, 1935, p. 148.

57-58 Примером расширения храмового комплекса именно в эллинистическое время может служить перестройка святилища Амфиарая возле ничем не примечательного городка Оропа (*Paus., II 34, 2*).

59 Ведь в эллинистическую эпоху в Греции оставались в хорошей сохранности очень многие сооружения VII—IV вв. Именно они

разом, архитекторы имели самые широкие возможности для формирования художественного вкуса населения. Сила этого воздействия была особенно значительной потому, что такое эстетическое воспитание граждан полиса начиналось с детских лет.

«Потребителями» творчества зодчих в изучаемое время выступали не только государства Эллады. Обладатели крупных состояний стремились теперь возводить роскошные жилища с большим количеством искусно отделанных помещений. Эта тенденция ярче всего проявлялась в городах, тогда как сельское население предпочитало дома сравнительно скромные, но зато хорошо приспособленные к требованиям земледельческого быта⁶⁰.

Многие богатые горожане в эту эпоху роста индифферентности, аполитизма и индивидуализма⁶¹ предпочитали тратить свои средства на великолепные жилища. Известно, что еще в начале IV в. в Афинах появились частные дома, украшенные лепниной и росписью — практичный Ксенофонт сурово осудил такие ухищрения⁶². В III—II вв. наблюдается дальнейшее развитие дорогостоящего жилищного строительства. В качестве примера можно назвать двухэтажные дома богачей на острове Делосе, характеризующиеся наличием внутреннего перистильного двора и богатой отделкой парадных помещений⁶³. Примечательно, что в некоторых из этих домов верхние этажи отличались даже более роскошной отделкой, чем нижние парадные комнаты.

определяли архитектурный облик городов и больших ансамблей важнейших святилищ в Дельфах, Олимпии, Эпидавре и других местах.

60 Примером такого жилища является открытый в 1966 г. в Аттике сельский дом, который прекратил свое существование в начале III в. См.: *Jones J. E., Graham A. J., Sackett L. H.* An Attic country house below the Cave of Pan at Vari.— BS A, 1973, v. 68, p. 356—452.

61 Недаром вульгарный эпикуреизм, проповедовавший необходимость усладить скоротечную жизнь, получил столь широкое распространение в Риме, 1935, p. 130. Среди эллинистических кругов греческих полисов. Богатые слои охотно воспринимали эту идеологию, ставившую интересы частного лица много выше ея гражданского долга.

62 *Xen. Memorab.*, III, Я, 10; *Öecon.*, 9, 2. Однако, судя по негодованию Псевдо-Демосфена (*Demosth.*, XIII, 30), уже в середине IV в. некоторые афиняне построили себе дома более великолепные, чем общественные здания.

63 Подробное описание приведено в кн.: Всеобщая история архитектуры, т. II, 1. Архитектура древней Греции. М., 1949, с. 322—

Дорогостоящее частное строительство известно и в некоторых других полисах⁶⁴. Но оно разворачивалось преимущественно в тех государствах, где заметен быстрый рост благосостояния верхушки зажиточного гражданства. Даже в Афинах, не говоря о небольших республиках, общий вид жилых кварталов в III в. производил весьма безотрадное впечатление⁶⁵.

Частные заказчики обращались к архитекторам в связи с сооружением алтарей, посвяtitельных колонн, а чаще всего — погребальных памятников. Обычно эту работу выполняли простые домостроители, но иногда к ней привлекали и высокоодаренных зодчих.

Даже беглый перечень разнохарактерных сооружений, которые возводили греческие республики, позволяет думать, что в целом их архитектурная деятельность в эллинистическую эпоху была не столь уж скромной⁶⁶. А если вспомнить, что отдельные полисы вели весьма значительное строительство, то становится совершенно очевидно, что греческие зодчие в III—II вв. имели достаточно широкое поле деятельности.

Следует отметить, что в эллинистическое время их труд стал гораздо более разносторонним, чем в предшествующие столетия. И связано это прежде всего с развитием техники, со все более широким использованием всякого рода механизмов. Речь идет не только об осадных машинах. Сложные конструкции применялись в строительном деле⁶⁷ и в театрах⁶⁸, в морском деле и в организации

328; ср.: *Rumpf A.* Zum hellenistischen Haus.— *JDAI*, 1935, Bd. 50, S. 1—8; *Rostovtzeff M.* *SEHNW*, p. 1625.

⁶⁴ На Самосе (урочище Кастро, Тигани) в 1965—1968 гг. были закончены раскопки великолепного жилого здания с двумя перистильными дворами, возведенного эллинистическое время. См. *Tolle R.* Die antike Stadt Samos. Mainz am Rhein, 1969, S. 58—63. Примечательно, что Витрувий (VI, 7, 1—5) описывает роскошный греческий жилой дом, также обычно имеющий два двора.

⁶⁵ *Dic. Geogr.*, p. 97.

⁶⁶ В эллинистическое время известно также частое строительство фонтанов и водопроводов, осуществлявшееся группами лиц. См., например: *Le Roi Chr.* *Inscriptions de Laconic Melanges Helleniques*. P., 1974, p. 229—238.

⁶⁷ Можно назвать механизмы для транспортировки тяжелых каменных блоков, конструкции для поднятия тяжелых предметов. См. *А. К. Орландосом* (Τὰ ὑλικά..., II, а. 88—116). Машины использовались и при ремонте зданий — в 279 г. на Делосе для починки столба ворот привезли специальный механизм. Судя по тому, что доставка его обошлась лишь в две драхмы и четыре

городского благоустройства⁶⁹. Все это проектировали архитекторы, так как в Элладе с давних пор зодчий соединял в себе архитектора и инженера. Сколь значительное место в архитектурной науке занимала тогда инженерная деятельность, видно из труда Витрувия, в котором нашли отражение теоретические положения греческих зодчих классического и эллинистического времени.

Правда, уже в конце эллинистической эпохи появилась тенденция к обособлению чистых механиков от зодчих. Интересным свидетельством этого является проксения от 128/7 г., которую получил Сосидам, сын Сосидама, амбракиот, механик, в Дельфах⁷⁰. В римское время античная традиция четко разграничивала ученых механиков и зодчих⁷¹.

Развитие инженерных знаний архитекторов было необходимым условием для выполнения ставившихся перед ними задач. Можно указать на сложнейший комплекс портовых сооружений Делоса, создание которых могло быть под⁷² силу только очень опытным в инженерии специалистами.

Поскольку в эллинистическое время значительно увеличились флоты и их оснащенность в крупных государствах, то возросла и роль архитекторов. Можно полагать, что,

обола (IG, XI, 2, N 161 A), можно полагать, что это было не очень большое сооружение.

⁶⁸ Вероятно, в каждом театре имелись различные машины, обеспечивавшие тот или иной сценический эффект. Сооружение некоторых из этих механизмов стоило дорого — в 279 г. казначей делосского храма уплатили 70 драхм Антигону, сыну Каика, за постройку театральной машины (IG, XI, 2, N 161 A).

⁶⁹ Например, сооружение солнечных часов в городах входило в обязанности архитектора с давних пор — ведь изобретение таких часов античная традиция приписывала еще философу Анаксимандру, родившемуся около 610 г. в Милете (*Favorinus* ap. *Diog. Laert.*, 2, 1).

⁷⁰ *Daux G.* *Delphes au IIe et au Ier siecle*, p. 420. Судя по словарю Лидделла — Скотта, интересующий нас термин μηχανικός встречается в греческой литературе впервые у Плутарха.

⁷¹ Так, в списках знаменитых художников, скульпторов, архитекторов и механиков, дошедших в одном александрийском папирусе (*Laterculi Alexandrini*/Ed. G. Biels.— *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*, 1904) в особом (восьмом) столбце текста перечислены пять механиков, причем четыре имени принадлежат строителям военных машин.

⁷² Подробное описание этого комплекса можно найти в кн.: *Cloche P.* *Les classes, les metiers, le trafic*. P., 1931, p. 100—103.

как раньше в Афинах⁷³, корабли, доки и арсеналы возводились в полисах по проектам архитекторов и при их личном наблюдении за ведением строительных работ⁷⁴. Особенно размах эти работы получили в государствах островной Эллады, благосостояние которых зависело от состояния их морского транспорта⁷⁵. Эксплуатация этих сооружений частично также находилась в ведении архитекторов⁷⁶.

Рост городов и численности их населения ставил особенно остро проблему водоснабжения.

Постройка водопроводов, колодцев и фонтанов⁷⁷ входила в круг обязанностей архитекторов. Особенное внимание уделялось тогда художественному виду архитектурных сооружений над источниками.

О гидротехнических сооружениях эллинистического времени известно очень мало. Возможно, что в тех или иных местах велись крупные работы по возведению плотин, мостов и каналов, но данных об участии архитекторов в этих стройках пока нет⁷⁸. Несомненно, и при сооружении доков полисы обращались к архитекторам гидротехнического профиля. Следует заметить, что еще в классическую эпоху греки создавали очень сложные гидротехнические системы. На эту мысль наводит сообщение Диодора о том, что в 410 г. беотяне по требованию Афин возвели плотину через морской пролив с сильным течением. Плотина, соединившая Беотию с Эвбеей, была возведена быстро. На обоих концах сооружения были построены высокие башни, а над оставленными протоками для воды перебросили деревянные мосты⁷⁹; через единственный проход могло пройти одно судно. То, что столь смелый

⁷³ *Arist.* 3 Ath. Pol., 46, 1.

⁷⁴ *Syll.*, № 969.

⁷⁵ Недаром Птолемей I для постройки маяка на острове Фаросе у входа в Александрию пригласил зодчего с Книды, Сострата, сына Дексифана (*Strabo*, XVII, 1, 6; *Plin.* NH, XXXVI, 12, 18).

⁷⁶ Рассказывая о Кйзикке, Страбон отмечает (XII, 8, 11), что городские архитекторы ведали государственными зданиями и военными машинами. Среди этих зданий были арсенал и склад военных машин.

⁷⁷ Недавно стало известно о сооружении фонтана в Спарте во II в. См.: *Le Roi Chr.* Inscriptions de Laconie, p. 229—238.

⁷⁸ Возможно, что Херефан, заключивший договор об осушении Птехейского болота с эвбейским полисом Эретрией, был не простым подрядчиком, но инженером-архитектором. См.: *Daresté Haussoullier — Reinach.* Recueil.

⁷⁹ *Diod.*, XIII, 47, 3-6.

замысел был удачно претворен в жизнь, несмотря на сильное течение в проливе, говорит о совершенстве расчетов гидроархитекторов и высоком качестве работы строителей.

Надо сказать, что греки давно умело использовали разрушительную силу воды, примером чего является маневр лакедемонского царя Агесиполида. Осаждая Мантинею в 385 г., он перегородил плотиной реку Офис, протекавшую через город. Вода размыла основание сырцовых стен города, что вынудило жителей его прекратить сопротивление⁸⁰.

Следует упомянуть и другие виды архитектурных работ.

Сложные задачи стояли перед зодчими, проектировавшими гимнасии, палестры. В эллинистическое время гимнасии были местом не только спортивного обучения, но и школами, где велось серьезное преподавание многих наук. Оставивший описание греческого гимнасия Витрувий пишет о многочисленных помещениях различного назначения, в том числе и о банях, входивших в гимнасии. Даже стадион при гимнасии должен был быть рассчитан на большое число зрителей⁸¹. Интенсивная культурная жизнь, протекавшая в гимнасиях, накладывала отпечаток на вид этих комплексов. Это требовало от зодчих тонкого понимания особенностей духовных традиций того гражданского коллектива, для которого строились гимнасии. Раскопанные археологами XX в. остатки городских гимнасией свидетельствуют, что эти сооружения действительно представляли собою сложные комплексы⁸².

По-видимому проектировщики спортивных сооружений в изучаемое время уже несколько выделялись из общей массы архитекторов. На это предположение наводит специальное упоминание о строителе ипподрома, которое встречается в одной из дельфийских надписей⁸⁴.

⁸⁰ *Xen.* Hell., V, 2, 4—5; *Diod.*, XV, 1-2; *Paus.*, VIII, 8, 7-9.

⁸¹ *Vitruv.*, V, 11, 1—4.

⁸² Например, гимнасии Делоса во II в. был заставлен множеством статуй и всякого рода посвящений, которые могли получить рациональное размещение лишь в большом помещении. Описание этого имущества см.: *Audiat J.* Le gymnase de Delos et l'inventaire de Kallistratos.— BCH, 1930, LIV, p. 95-130.

⁸³ Богатые афиняне уже в IV в. устраивали в своих домах гимнасии. Например, Деметрий, в своем любимом палестры (*Xen.* Resp. Ath., 2, 10).

⁸⁴ Но сколь монументальны были эти сооружения, пока неизвестно. *Syll.*, № 251. II. 63. Документ относится к 335 г.

Данные о разносторонности труда эллинистических зодчих относятся, конечно, прежде всего к наиболее известным архитекторам, работавшим по крупным заказам. Строители обычных частных жилищ выполняли более однообразные проекты. Эти зодчие, составляющие довольно многочисленную группу специалистов средней квалификации, должны были хорошо знать основы своего дела и уметь успешно их претворять. Ведь в столь сейсмичной стране, какой является Греция, недобросовестность зодчего в любой момент могла привести к гибели людей в случае разрушения здания во время землетрясения.

Именно эти рядовые работники выполняли повседневную архитектурную работу, в которой постоянно нуждались крупные города Греции, разросшиеся теперь в обширные урбанистические комплексы. Чтобы поддерживать городское благоустройство и обеспечивать нормальную эксплуатацию больших общественных комплексов, зодчие должны были затратить много труда и изобретательности. Некоторые полисы нанимали на один год или на иной срок штатных архитекторов.

С давних пор городские архитекторы заботились о внешнем виде города не только при планировке его⁸⁵, но и в дальнейшем. Особое внимание уделялось центральным кварталам, где располагались святилища и государственные здания. В одной из афинских надписей, датированной 420/19 г., указано, что архитектору нужно иметь попечение о наилучшем украшении Акрополя⁸⁶. Немногие документы IV—II вв. позволяют заключить, что аналогичные задачи стояли перед зодчими и в многонаселенных эллинистических полисах.

На территории ряда городов и крупных святилищ издавна стояли многочисленные статуи, рельефы, обелиски, стелы с различными декретами, договорами и списками, солнечные часы и прочие сооружения. Старинные памятники ветшали от времени и требовали ремонта.

⁸⁵ Уже в V в. была сформулирована идея правильной планировки города, в котором улицы пересекаются под прямыми углами. Выказал ее, согласно Аристотелю (Pol., VII, 10,4), Гипподам. С IV в. правильная, Гипподамова, планировка стала основным принципом греческих зодчих. Интересно, что сам Аристотель считал более безопасной и целесообразной правильную планировку не всего города целиком, а его отдельных частей и кварталов (Pol., VII, 10,5).

⁸⁶ Syll.³, № 91. 39—42. К сожалению, текст в этом месте сильно попорчен.

Иногда они получали большие повреждения во время войн и междоусобиц. Известно, например, что около 333 г. в полисе Эрифрах на острове Хиосе после восстановления демократии совет и народ вынесли постановление о починке статуи Филита, убившего тирана. Памятник был попорчен во время захвата власти олигархами, и теперь его должны были ремонтировать магистраты вместе с архитектором, имя которого не обозначено⁸⁷.

В некоторых случаях памятники требовалось переставить или восстановить на прежнем месте, и в этих работах принимали участие городские архитекторы.

Напомним, что после 196 г. полис Пепареф заново отстроил разрушенный македонянами храм Афины. По окончании постройки в святилище была передвинута статуя богини и ее база. Вся эта операция⁸⁸ была проведена под наблюдением полисного зодчего⁸⁹.

Архитектору вменялось в обязанность назначать место для вновь устанавливаемых стел, статуй, колонн и других подобных сооружений в общественных местах. Поскольку на городских площадях, а особенно на территориях святилищ, в эту эпоху оставалось уже не так много места для новых памятников, то речь шла не только о сохранении эстетического облика того или иного архитектурного ансамбля — необходимо было ставить новые сооружения так, чтобы они не препятствовали проходу и проезду в данной части города или храмового подворья. Проблема эта была тем более остра, что в старых городах улицы часто были узкими⁹⁰. Естественно, что решение данного вопроса принадлежало именно архитектору⁹⁰.

⁸⁷ Syll.³, № 284.

⁸⁸ Syll.³, № 587.

⁸⁹ Например в Платеях (*Thuc.*, II, 3,3).

⁹⁰ На Родосе в III в. было принято постановление о правилах установки посвящений в храме бога Асклепия, и текст этот решено было поставить в святилище Асклепия «в том месте, которое укажет архитектор» [*Robert J. et L.* — *Bull.*, ер., 1948, № 172]. Л. Робер справедливо подчеркивает обилие посвящений в святилищах богов-целителей и приводит ряд текстов, в которых есть указания на место установки благодарственных посвящений и стел с надписями. Судя по тому, что и в Милете зафиксирована аналогичная функция полисного архитектора (Syll.³, № 577), данное право было присуще официальным зодчим и в греческих городах Малой Азии. Сохранялось оно за городским архитектором и в период подчинения эллинистическим монархам. Например, две надписи из Приены около 130—128 гг. содержат поручение архитектору поставить эти почетные декреты в городе (*Inschr. von Priene*, № 107, 108).

Можно полагать, что содержащийся в упомянутом декрете родосцев запрет ставить в святилище посвящения в тех местах, где они «воспрепятствуют круговому обходу», был внесен по требованию архитектора, наблюдавшего за святилищем. В Аргосе незадолго до 251 г. архитектору вместе со стратегами было поручено заказать исполнение текста постановления полиса на стеле, которую затем они должны были поставить в храме Аполлона Ликийского⁹¹.

Полисные зодчие часто подготавливали проект и организовывали изготовление каменных досок⁹² для публикации важных государственных документов. Такие поручения, данные архитекторам, включали в текст публикуемого акта, как показывают специальные указания в надписи критского полиса Гиерапитны⁹³ и в дельфийской надписи от 235/4 г., в которой восхвалялись гиеромнеоны⁹⁴.

По роду своей должности городским архитекторам приходилось выполнять⁹⁵ отдельные указания высших государственных органов и магистратов или вместе с магистратами проводить в жизнь распоряжение демоа⁹⁶.

Не следует думать, что зодчий всегда находился в полной зависимости от полисных и городских властей. Судя по отрывочным свидетельствам источников, мнение архитектора по таким вопросам, как возведение стен и устрой-

ство гаваней и верфей, было достаточно весомым при обсуждении этих вопросов в полисе⁹⁷.

Особенно заметную роль играл ведущий зодчий в тех государствах, политическая роль которых зиждилась не столько на военной силе, сколько на авторитете их святилищ.

Это особенно ясно прослеживается в Дельфах, для которых вопрос об архитектурном облике храма Аполлона и других общественных зданий был исключительно важен. Не только сам полис Дельфы, но даже получивший в III в. преобладание в амфиктионии Этолийский союз ревностно заботились о сохранности дельфийских монументальных построек. Весьма красноречиво постановление этолийских синедров, принятое от сына Патрона, дельфийца. Последний, будучи одним из высших магистратов дельфийского полиса, старательно заботился о размещении паноплии амфиктионов, о большом портике, о гимнасии, об эргастериях и об отделке храма. Попечение о постановке стелы с этим текстом было поручено синедрам и архитектору⁹⁸. Постановление этолян говорит о силе давней дельфийской традиции и сохранять архитектурные богатства своего полиса. Этолийский союз не мог с этим не считаться.

Естественно, что крупнейший архитектор святилища занимал выдающееся положение. Об этом можно судить по постановлению амфиктионов, принятому около 230 г., во времена, когда права Дельф в амфиктионии были сильно ущемлены. Тем не менее на осеннем собрании амфиктионии было решено, чтобы Дамону, сыну Агасикрата, были предоставлены права, распространявшиеся и на его имущество. Чрезвычайно поучительны мотивы этого решения. Сначала амфиктионы указывают, что дед Дамона, Агафон, будучи архитектором храма, заботился о всех тех делах, которые предписывали божество и амфиктионы, что после него преемником был его сын Агасикрат, а ныне архитектором является Агафокл, так как Агасикрат умер. И вот теперь амфиктионы даруют Дамону те же права, которые были даны его брату Агафоклу⁹⁹.

⁹¹ Vollgraff G. Novae inscriptiones argivae.— Mnemosyne, N. S., 1916, v. 44, p. 64-71.

⁹² Изысканность очертаний ряда важных эпиграфических памятников показывает, что форма этих стел была создана высококачественными мастерами.

⁹³ Syll.³, № 581 — договор Родоса и Гиерапитны, заключенный около 200—197 гг.: архитектор составляет проект стелы, а полеты заказывают ее исполнение, причем стоимость всей работы не должна превышать 100 драхм.

⁹⁴ Syll.³, № 483. В стк. 29—31 предписано архитектору и секретарю гиеромнеонов приобрести и приготовить мраморную стелу, написать на ней имена чествуемых и поставить стелу возле храма Аполлона Пифийского.

⁹⁵ Например, в Афинах в 302/1 г. архитектору было поручено назначать места в театре чествуемым таксиархам «всегда там же, где отводятся места стратегам» (Syll.³, № 345).

⁹⁶ Иногда эти распоряжения касались самых обыденных предметов. Например, в 423/2 г. афиняне постановили соорудить в Элевсине три зерновых хранилища для посвящений богине, и устройство их надо было так, как сочтет необходимым архитектор (Syll.³, № 83).

⁹⁷ Plato, Gorg., 455 b—e.

⁹⁸ Syll.³, № 479.

⁹⁹ Syll.³, № 494. Комментировавший эту надпись Помтов приводит указания дельфийских строительных отчетов, в которых имя архитектора Агафона появляется с 342 г. (Syll.³, № 241. 36;

Текст амфиктионовского решения демонстрирует то благожелательное внимание, с которым относились в Дельфах к храмовым архитекторам на протяжении более чем ста лет.

Вопрос о том, почему Дамон получил упомянутые привилегии, еще не нашел окончательного разрешения: В. Диттенбергер считал, что этим решением амфиктионы стремились вознаградить заслуги его брата архитектора Агафокла¹⁰⁰. Помтов же полагает, что Дамон лишь унаследовал привилегии брата¹⁰¹. Более правдоподобным нам кажется иное объяснение. Дамон в какой-то момент вошел в состав архитектурного штата Дельф и в силу этого получил те же привилегии, какие имел его брат Агафокл, постоянный архитектор. Недаром в амфиктионовском решении такое **большое** место занимает указание на архитектурную деятельность старших членов семьи Дамона. Если бы стоял вопрос о подтверждении наследственных прав, то мотивировка могла быть изложена много короче и проще, как показывают декреты самих Дельф¹⁰².

Говоря о работе полисных архитекторов, укажем еще одну важную сферу их деятельности — реставрацию. Восстановление обветшавших сооружений было отнюдь не легкой задачей¹⁰³, особенно в изучаемое время, когда финансы полисов подчас находились в очень плачевном состоянии. Кроме того, сложность и разнохарактерность некоторых реставрируемых объектов требовали очень высокой квалификации восстанавливавших их зодчих. Архитекторы должны были принимать во внимание не только основные идеи создателя сооружения, но и учи-

№ 247. 18). Этот же Агафон, сын Неотела, вместе с братьями поставил стелу с текстом решения Дельф о возвращении Фуриям права иромантей (Syll. , № 295, от 329 г., комментарий Помтова). Совершенно очевидно, что родоначальник этой архитектурной семьи пользовался в Дельфах большим авторитетом, хотя и был там иногражданином.

¹⁰⁰ Syll. ², № 248.

¹⁰¹ Комментарий к Syll. ³, № 494.

¹⁰² Хотя мы говорим об амфиктионовском решении, небесполезно вспомнить замечания А. В. Никитского о фразеологии дельфийских документов того же времени, в которых прямо говорится о наследственности прав проксении. См.: *Никитский А.* Исследования в области греческих надписей. Юрьев, 1901, с. 37—40.

¹⁰³ Несомненно, что в Дельфах отсутствовал парк военных машин, о которых обычно заботились архитекторы (как, например, в Кизике — *Strabo*, XII, 8, 11).

тывать изменившиеся задачи, которые вставали перед обществом, использовавшим данное здание. Многие монументальные постройки, возведенные в VI—V вв., сильно пострадали от войн, землетрясений, пожаров и т. п., так что в эллинистическое время возникла настоятельная необходимость в их капитальном ремонте¹⁰⁴. Особо важны были реставрационные работы в крупнейших религиозных центрах Элады, куда ежегодно устремлялись толпы паломников, приток которых в эллинистическую эпоху резко возрос. Усиленная эксплуатация храмовых помещений вела к быстрому их износу — отсюда необходимость постоянной деятельности архитектора-реставратора. Еще Аристотель писал, что в Афинах избиралось десять магистратов, которые, получая 30 мин от аподектов, ремонтировали наиболее нуждающиеся в этом храмы¹⁰⁵. Конечно, афиняне избирали столь многочисленную коллегию потому, что в их обширном городе было много сакральных зданий. В небольших городах о сохранности и ремонте священных зданий заботились сами жрецы, тогда как в средних полисах эти обязанности возлагали на специально избираемых магистратов — гиеропоеев, наофилаков или хреофилаков¹⁰⁶.

Светские постройки также требовали ремонта и всякого рода восстановительных работ. Греческие полисы издавна **возложили** контроль за состоянием городских зданий, общественных и частных, на астиномов. Именно астиномы следили за тем, «чтобы эти здания были в надлежащем порядке, чтобы дома не грозили обвалом», как сообщает Аристотель¹⁰⁷.

Таким образом, текущие ремонтные и реставрационные работы в полисах были повседневной заботой государственной администрации. Недаром Аристотель указывает на опасность обвала домов греки с давних пор хорошо учитывали сейсмическую слабость своей страны, что побуждало полисные власти принимать различные меры предосторожности. Разрабатывать их, вероятно, должны были именно штатные государственные архитекторы.

¹⁰⁴ Иногда государства отказывались от восстановительных работ и разбирали старое сооружение, используя его материал. Так, в Элевсине в 421/20 г. было решено строить мост из остатков старого храма, разрушенного еще персами (Syll. , N 86).

¹⁰⁵ *Ibid.*, VI, 11. См. также в этом вопросе храм в Митилене.

¹⁰⁶ *Arist. Pol.*, VI, 5, 11.

¹⁰⁷ *Ibid.*, VI, 5, 3.

Иногда крупные сейсмические катастрофы наносили такой ущерб зданиям, что приходилось почти заново возводить все сооружение. Весьма интересные данные о таких восстановительных работах дошли из Дельф. Сохранившиеся надписи, относящиеся к IV в., дают представление о сложности задач, стоявших перед архитекторами-реставраторами. Вкратце остановимся на этих документах¹⁰⁸.

В 373 г. дельфийский храм Аполлона настолько пострадал от землетрясения¹⁰⁹, что возникла необходимость полностью восстанавливать его наземную часть¹¹⁰. Сохранившийся фундамент старого храма был укреплен, причем архитекторы передвинули проходивший издавна под самим зданием водопровод, питавший источник Муз 111.

После составления проекта и полной сметы оказалось, что требуемая для восстановления храма сумма столь велика, что всем членам дельфийской амфиктионии пришлось растянуть уплату своих взносов на много лет. Финансовая сторона дела была разработана и утверждена на панэллинском собрании в 371 г., в котором приняли участие многие полисы, даже не являвшиеся амфиктионами.

Перестройка велась в течение почти полувека — в 371—357 и 353—328 гг., причем, по мнению Г. Ру¹¹², только около 320 г. были закончены основные строительные работы.

Тщательная и детальная отчетная документация о расходах на восстановление храма¹¹³ позволила современным исследователям проследить основные этапы этой стройки¹¹⁴.

¹⁰⁸ Дельфийской архитектуре посвящено много работ, из которых наиболее детально исследования археологов французской школы: Courby F. La terrasse du temple. P., 1927; FD, II; Pouilloux J. La region nord du sanctuaire. P., 1960.

¹⁰⁹ Вопрос об изыскании средств на восстановление храма освещен детально в статье: Pouilloux J. Ο ἐπιπέδαλοζ ἀβόλοζ — BCH, 1949, LXXIII, 177-200.

¹¹⁰ Roux G. Les comptes du IVe siècle et la reconstruction du temple d'Apollon à Delphes.— RA, 1966, p. 245—296.

¹¹¹ Ibid., p. 246.

¹¹² Ibid., 247, 260.

¹¹³ FD, III, 5, № 22, 23; Burguet E. L'administration financière du sanctuaire pythique. P., 1905.

¹¹⁴ Г. Ру в своей работе очень убедительно сопоставил сведения, доставляемые дельфийскими счетами за произведенные строительные работы, с обычным для эллинских зодчих порядком возведения храмового здания, и вывод его, несомненно, заслуживает внимания.

Ввиду особенного значения дельфийского святилища реставрация его происходила в условиях, весьма затруднявших деятельность зодчих-реставраторов. Дело в том, что дельфийские власти не могли допустить молчания Пифии, так как это привело бы к резкому сокращению обильных доходов всего полиса. Поэтому в первую очередь была восстановлена внутренняя часть святилища, сравнительно небольшое помещение, где происходил обряд прорицания. Монументальные звенья стройки (два ряда колонн, перекрытия, фронтоны и крыши) выполнялись тогда, когда оракул уже действовал¹¹⁵. Можно даже предполагать, что реставраторам приходилось планировать очередность строительных операций с учетом распорядка притока паломников.

История здания дельфийского святилища показывает, что проводившие восстановительные работы зодчие не копировали механически первоначальный проект, но вносили свои изменения.

Так, Г. Ру считает, что именно реставраторы IV в. сдвинули внутреннюю колоннаду ближе к стенам святилища¹¹⁶, следуя канонам своего времени. Еще более показательно произведенное реставраторами изменение размеров угловых блоков фронтона, которые, как убедительно показал Г. Ру, были сделаны более массивными за счет примыкавших к ним плит. Этот прием позволил зодчим добиться более прочной связи угловых элементов антаблемента, сохраняя его общие размеры¹¹⁷.

Столь удачный маневр позволяет заключить, что в то время в Дельфах работали мастера самой высокой квалификации, умевшие сохранить первоначальный замысел автора проекта и вместе с тем улучшить некоторые детали здания. Имена некоторых из этих зодчих сохранились в финансовых документах. Например, в 345 и 343/2 гг. стройкой ведал архитектор Ксенодор¹¹⁸, позднее эту должность занимал Агафон. В подчинении главного зодчего был ὑπαρχιτέκτων. Известно и имя такого помощника¹¹⁹.

Особой функцией эллинистических архитекторов была починка городских стен. Стены и башни страдали не

¹¹⁵ Roux G. Les comptes..., p. 260—266, 286.

¹¹⁶ Ibid., p. 281.

¹¹⁷ Ibid., p. 287—294.

¹¹⁸ FD, III, 5, № 23 passim.

¹¹⁹ Это был Каллин — FD, III, 5, N 25, II A. 13—16; № 33, 3-7; № 38. 9—12.

только во время военных действий. Сильные землетрясения неоднократно вели к разрушениям фортификаций¹²⁰. Для того чтобы привести в порядок оборонительные стены, полисам нужны были значительные суммы, которыми они не всегда располагали. В таких случаях некоторые республики объявляли сбор добровольных пожертвований¹²¹, иногда обращались за финансовой помощью к своим союзникам. Например, между 249 и 244 гг. Аргос взялся за восстановление своих оборонительных сооружений. По-видимому предварительная смета дала в итоге очень крупную сумму, которой не было в государственной казне. Аргивяне послали посольство в дружественный Родос, и родосский народ постановил одолжить им 100 талантов без процентов для восстановления стен и увеличения конницы¹²². К сожалению, остается неизвестным, сколько денег было потрачено на ремонт стен. Но если даже только 50 талантов, то и эта сумма свидетельствует о крупных строительных работах.

Приведенные факты не исчерпывают всего многообразия строительных работ, выполнение которых входило в круг обязанностей архитекторов эллинистической Греции.

Особенно сложны были задачи полисных зодчих, работавших в крупных греческих республиках. Они не только ведали практическими и теоретическими вопросами строительства и благоустройства, но и должны были наблюдать за аккуратным исполнением установленных полисами законов, касающихся возведения домов, стен, храмов и других сооружений.

Судя по основательности известных эллинских юридических норм¹²³, правила строительства фундаменталь-

¹²⁰ Около 225 г. или около 180 г. полис Камир пострадал от землетрясения так сильно, что обвалились стены. См.: *Meier F. G. Griechische Mauerbauinschriften*, № 49. О таком же бедствии рассказывает и надпись с острова Телос, где после 200 г. произошло землетрясение, обрушившее стены и башни города (IG, XII, 3, № 30).

¹²¹ Надписей о сборе денег на восстановление стен известно несколько. Можно сослаться лишь на записи крупных взносов, сделанных гражданами Хиоса около 201 г. См.: *Meier F. G. Griechische Mauerbauinschriften*, N 52, 53.

¹²² *Vollgraff G. Inscriptiones argivae.*— *Mnemosyne*, N. S., 1916, v. 44, p. 219—238.

¹²³ Можно напомнить, сколь скрупулезно изложены обязанности астиномов в знаменитой пергамской надписи (OGIS, № 483). Эти инструкции свидетельствуют о глубоком и всестороннем подходе к проблеме городского благоустройства. Достаточно привести параграф о точном учете всех колодцев и водосборных цистерн,

ных сооружений должны были быть также весьма точными. К сожалению, тексты строительных установлений не дошли до нашего времени. Однако они существовали — за соблюдением этих правил следили астиномы, обладавшие широкими полномочиями, в том числе и в отношении контроля за жилищным строительством. Само название должности астиномов (*ἀστινόμοι*) указывает на то, что они осуществляли контроль за исполнением законов городской жизни. Действительно, уже с ранних времен полисные власти принимали меры к тому, чтобы строительная деятельность одних граждан не наносила ущерба другим. Даже такая мелочь, как то, что открывающаяся наружу дверь может ударить проходящего по улице человека, заслуживала осуждения. Недаром афинский тиран Гиппий в VI в. до н. э. обложил налогом двери, открывающиеся наружу¹²⁴.

В IV в. в Афинах существовал ряд юридических установлений, касавшихся городских домов. Астиномы следили за тем, чтобы граждане не застраивали улиц, чтобы не перекидывали через улицы балконы, чтобы не строили открывающиеся на улицу окна и водосточные желобы, выходящие на улицу¹²⁵.

Все эти правила обеспечивали безопасность находящихся на улицах людей. Несомненно, что существовали законы, регулировавшие размежевание владений в городах и сохранение твердо установленных границ того или иного земельного участка. Дошедшие до нашего времени документы о сдаче в аренду или о продаже домовладений свидетельствуют о детальных юридических гарантиях домовладения¹²⁶.

Естественно, что Платон исходил из обычной правовой практики афинян и других полисов, когда устанавливал обязанность астиномов и агораномов заботиться о застройках, чтобы все они возводились согласно законам¹²⁷. Архитекторы должны были знать эти законы и соблюдать

которые имелись в Пергаме. Текст надписи датируется первой четвертью II в. н. э., но, по мнению большинства исследователей, в основе его лежат инструкции астиномам еще эллинистического времени.

¹²⁴ *Arist. Oec.*, II, 2, 4.

¹²⁵ *Arist. Ath. Pol.*, II, 50.

¹²⁶ Тексты о сдаче в аренду земельного участка отличаются большой точностью.

¹²⁷ *Plato. Leg.*, VI, 10, 763 с-е.

их при проектировании, возведении или ремонте зданий¹²⁸.

Однако возможно, что при постройке крупных общественных объектов зодчие несли юридическую ответственность лишь частичную. Ведь важнейшие вопросы решало народное собрание или высшие власти полиса, принимавшего стройку. Кроме того, избиравшаяся обычно специальная строительная комиссия, возглавлявшая те или иные монументальные строительные работы, также обладала значительными полномочиями.

Приведем некоторые примеры.

В Афинах в IV в. для постройки триеры избирали специальную комиссию из 10 членов совета¹²⁹. В Танагре в III в. для постройки храма Деметры и Коры были избраны три гражданина старше 30 лет, которым надлежало строить святилище, «советуясь с полемархами и с архитектором»¹³⁰.

В таких особо ответственных работах, как постройка или приведение оборонительных стен в боевую готовность, попечение о работах часто имели и высшие военачальники полисов. Они лично следили за работами, о чем сообщает афинский декрет в честь стратега Аристофана, сына Аристомена¹³¹. Во время войны афинян с Деметрием II Македонским (239—229) Аристофан был избран вторично стратегом Элевсина и заботился тогда о ремонте стен.

Правда, для возведения стен заново в полисах избирали коллегия стеностроителей, которые известны в Афинах и в других городах. Несомненно, что такие магистраты в своей деятельности руководствовались общими законами своего государства и специальными предписаниями, составленными опытными зодчими. Самым известным трактатом было сочинение Филона из Византия «О фор-

¹²⁸ Например, весьма важным был закон о том, что у стен внутри города должно было оставаться свободное пространство. Размер этой полосы был различен. В IV в. на острове Нисиросе ширина ее равнялась 5 футам (IG, XII, 3, № 86), но уже во второй половине III в. Филон Византийский устанавливает: стена должна находиться на расстоянии 60 локтей (40 футов) от жилищ, чтобы без препятствий доставлять камни, проходить военным силам или даже выкопать ров (*Philo. De fort.*, II, 1).

¹²⁹ *Arist.* 3, Ath. Pol., 46.

¹³⁰ Syll., № 1185. Вероятно, здание было не очень крупным, поскольку его постройку предполагали завершить в три года.

¹³¹ Syll., № 485. 64-66.

тификации», в котором весьма детально изложена теория фортификационного строительства. Написанный во второй половине III в., этот труд отражает многообразие фортификационной практики греческих полисов¹³² и позволяет судить о высоком уровне научной мысли эллинистических архитекторов-фортификаторов¹³³. Но использование теоретических положений в каждом конкретном случае требовало от зодчего умения учесть все касающиеся стройки вопросы, в том числе и правовые.

Участие греческого зодчего в различных процессах, связанных с осуществлением его архитектурного замысла, сопровождалось весьма скрупулезным контролем за всеми частностями. Эта особенность его труда не привлекала к себе еще достаточного внимания исследователей. Между тем имеющиеся источники позволяют заключить, что высокая эффективность творчества греческих зодчих была результатом их напряженной работы в период всего строительства. Конечно, это справедливо лишь в тех случаях, когда стройка завершалась еще при жизни автора проекта. Однако наличие подробной строительной программы и модели здания, созданных архитектором-проектировщиком, позволяло в случае его смерти вести работы почти с той же тщательностью и, главное, без ущерба для основной идеи достраиваемого памятника.

Подчеркивая огромный вклад зодчих в дело реализации своих проектов¹³⁴, следует отметить одну особенность

¹³² Например, Филон очень тщательно описывает различные виды укреплений, характер которых определялся особенностями территории (*Philo. De fort.*, II).

¹³³ Весьма интересен рассказ Диодора о том, как в 402 г. сиракузский тиран Дионисий организовал одну из сторон города: «... созвав архитекторов, Дионисий в соответствии с их мнением счел за лучшее укреплять» Сиракузы около Гексапил. Каждому архитектору был отдан для наблюдения участок длиной в 1 стадий (= 187 м.). Вся же стена имела в длину 30 стадиев (5610 м.) и была возведена за 20 дней. Дионисий лично руководил самыми тяжелыми работами и поощрял особо отличившихся работников — архитекторов, строителей и рабочих (*Diod.*, XIV, 18, 2—8). Из этого видно, сколь высок был авторитет зодчих даже в глазах всемогущего тирана.

¹³⁴ Надо еще раз обратить внимание на исключительно глубокое проникновение греческого зодчего в общие задачи проектируемых объектов. Самой яркой фигурой зодчего-мыслителя был, несомненно, Гипподам, сын Еврифонта, уроженец Милета, который во второй половине V в. создал регулярную систему планировки городов с сетью улиц, пересекающихся под прямыми углами. Разрабатывая принципы градостроительства, Гипподамы в то же время, по свидетельству Аристотеля, был первым из частных

реальных условий деятельности изучаемой группы интеллигенции. Эллинский архитектор являлся одной из важных фигур в большом коллективе лиц, ответственных за возводимое здание. Эта ответственность, требовавшая исключительно точной и всеобъемлющей публичной отчетности в затраченных средствах, заставляла администрацию стройки самым аккуратным образом выполнять все требования архитектурного искусства.

Для пояснения сказанного полезно осветить некоторые стороны организации крупных архитектурных работ в полисах в III—II вв. Не все звенья этого процесса хорошо известны, к тому же многие внутренние и внешние факторы временами могли оказывать решающее воздействие на отдельные этапы строительства.

В большинстве демократических полисов вопрос о возведении крупного общественного здания решался в народном собрании. В олигархических государствах, по видимому, дело обсуждалось лишь высшими властями полиса. Судя по одному указанию Платона, народное собрание иногда обращалось за советами к зодчим¹³⁵. После того как принималось принципиальное решение возводить то или иное здание, для управления строительством избирали специальную комиссию. Состав строительных коллегий в разных полисах был различен, но в большинстве случаев в комиссию входили полисные магистраты, ведавшие тем или иным строительством (военным, гражданским, храмовым). Естественно, что когда речь шла о ремонте или продолжении уже начатой стройки, в строительную комиссию включали и архитектора¹³⁶. В небольших полисах состав комиссий был обычно невелик.

людей, изложившим некоторые соображения о наилучшем государственном устройстве (Pol., II, 5, 1). Творчество многих мастеров греческого зодчества также отмечено высокой художественностью и гуманностью. В этом, как нам кажется, основная причина того, что многие сохранившиеся памятники античной архитектуры производят столь глубокое впечатление на современного человека.

¹³⁵ Plato. Gorg., 455 b.

¹³⁶ Например, в Афинах в 409 г. была создана комиссия из пяти человек для обследования состояния, в котором находилось незаконченное здание храма Эрехфейона. В нее входили: Брисонид из Кефисия, Хариад из Агрила, Дионид из Кефисия, архитектор Филокл из Ахарн и секретарь Этеарх из Кидафенейона (IG, I, N 372).

Если речь шла о совершенно новой постройке, то городские власти объявляли свое постановление, с тем чтобы заинтересованные архитекторы могли выступить соискателями заказа. По свидетельству Плутарха, отражающему, несомненно, практику очень большой давности, в такой полис собирались архитекторы и представляли свои проекты, λόγοι, и модели зданий, παράδειγμα. На основании представленных работ народные собрания полисов выбирали того зодчего, который обещал им построить дешевле, лучше и скорее¹³⁷.

Вероятно, подготовка предварительных проектов занимала какое-то время. Возможно, что тогда же власти собирали сведения о малоизвестных претендентах на архитектурный заказ — ведь речь шла о капитальных затратах средств из государственной казны¹³⁸. Более молодые конкуренты называли также имена своих учителей и приводили в пример удачные постройки, возведенные ими или вместе с выучившими их мастерами, или самостоятельно¹³⁹. Все же в иных случаях красноречие зодчего, добивавшегося заказа или штатного места полисного архитектора, могло играть некоторую роль в окончательном решении народного собрания¹⁴⁰.

Избранный полисом архитектор вместе с проектом представлял и смету всего сооружения¹⁴¹, которая также утверждалась в народном собрании. Есть основания полагать, что зодчий нес какую-то материальную ответственность за правильность произведенных им расчетов. Возможно, что сумма допущенного им перерасхода учитывалась при определении размера вознаграждения архитектора при окончательных расчетах полиса с зодчим.

¹³⁷ Plut. De lib. et aegrit., 3.

¹³⁸ Диодор, рассказывая о строительстве оборонительной линии в Сиракузах в 402 г., сообщает (XIV, 18, 2—8), что для возведения стены длиной в 30 стадиев было собрано 60 тыс. человек (из жителей деревень), на транспортировке строительных материалов были заняты 6 тыс. нар волов.

¹³⁹ Plato. Gorg., 514, a—d.

¹⁴⁰ Около 304 г. зодчий Каллий из Арада ввел в заблуждение родосцев, показывая им модель меча и захватывающего неприятельскую гелеполу. Однако изготовить такой механизм в натуральную величину Каллий не смог (Vitruv., X, 16, 5—17).

¹⁴¹ Возможно, что обсуждалась сначала округленная стоимость постройки, а детально расходы на каждый узел здания определялись лишь после окончательного принятия проекта.

Витрувий рассказывает о строгом законе, издавна установленном в Эфесе: архитектор, который взялся за выполнение государственной работы, должен объявить, во что она обойдется. По утверждению сметы магистраты берут в залог имущество зодчего до тех пор, пока он не закончит постройку. Если окапается, что фактически расходы соответствуют сумме, указанной в смете, то такого архитектора чествуют почетным декретом и дают ему различные привилегии. Если перерасход не превышает одной четверти сметной суммы, полис выплачивает эту разницу и зодчий не несет никакого наказания. Если же нужно истратить больше четвертой части всей сметы, то средства на окончание постройки берут из имущества архитектора¹⁴². То обстоятельство, что Витрувий называет эфесский закон строгим, хотя и справедливым, показывает, что установления в других полисах были менее жестки. Но в чем они заключались, сказать трудно. Оставляя открытым решение вопроса об ответственности зодчего за соответствие реальных и запланированных расходов на стройку, все же заметим следующее. В греческих республиках денежная отчетность велась очень тщательно, что отражает, по-видимому, строгое соблюдение финансовой дисциплины полисными властями. Даже в таком богатейшем полисе, как Делос, храмовые казначеи аккуратно записывали в расходных отчетах мелкие выплаты, например: куплено от Дексия гвоздей 5 мин по цене 1,5 оболы за одну мину¹⁴³, так что весь расход составлял 7,5 оболы.

При частых нехватках средств в государственной казне всякий перерасход мог нанести большой ущерб полису, и, конечно, должен был быть как-то возмещен виновным. Как известно, в греческих полисах существовала широко развитая система денежных штрафов за нарушение тех или иных правил. Применение пени в расчетах со строителями заставляет думать, что строительная комиссия и власти полиса жестко требовали и от архитектора соблюдения объявленной стоимости постройки, наказывая его штрафом в случае невыполнения договоренности.

По-видимому, по окончании стройки архитекторы представляли отчет о проделанной работе, и тогда-то решались окончательно все финансовые расчеты полиса и зодчего.

¹⁴² Vitruv., X, Prooem., 1—2.

¹⁴³ IG, XI, 2, N 161 A.

Данное предположение мы решаемся высказать на основании свидетельства Цицерона о том, что архитектор Филон, передавая народу афинскому отчет о постройке арсенала, произнес очень хорошую речь. Постройка арсенала была закончена в 328 г., так что отчет зодчего в народном собрании Афин происходил буквально накануне эллинистической эпохи. Можно думать, что эта практика сохранялась и в III—II вв.

Имеющиеся источники свидетельствуют, что греческий зодчий должен был постоянно иметь в виду финансовую сторону строительства, осуществлявшегося по его проекту. Мнение зодчего принимали во внимание, прямо или косвенно, при решении вопроса о материальных затратах полиса на сооружаемый объект.

Начиналось это с того, что архитектор составлял подробную письменную программу строительных работ. В таком документе излагались последовательность строительных операций, указывались материалы для сооружения и методы их обработки, размеры строительных деталей, способы их сочленения и приводились многие другие исчерпывающие инструкции, включая предписания о работах по окончательной отделке здания. Строительные программы крупных сооружений были обычно сложнейшими документами. Несколько экземпляров копий этого документа хранилось, вероятно, у членов строительных комиссий, в особо важных случаях тексты высекали на камне и ставили на всеобщее обозрение.

Дошедшие до нас тексты убеждают в том, что составляющие архитектурную программу специалисты были великолепными знатоками своего дела. Они досконально знали строительные материалы, их цены, способы обработки и назначение каждой строительной детали, физические и химические свойства применяемого сырья. Авторы этих программ обнаруживают высокое мастерство и интеллектуальный уровень, которые априори должно предполагать у создателей многих поистине художественных и вместе с тем безусловно рациональных произведений античной архитектуры.

Правильность такой оценки подтверждает текст строительной программы Арсенала в Пирее¹⁴⁴. Эти *συγγραφαί* составлены столь обстоятельно, что можно безоговорочно

¹⁴⁴ Foukart P. L/Arsenal de Philon.— BCH, 1882, VI, p. 540—555; Syll., № 969.

согласиться с П. Фукар, который называет авторами текста архитектора Филона и эпистата Евфидома¹⁴⁵.

Конечно, у Филона, сына Эксекеста, могли быть отдельные помощники¹⁴⁶, но автором идеи и всего текста документа был, несомненно, сам Филон¹⁴⁷.

Надпись «О постройке арсенала
в Пирее»

Боги.

Программа каменного арсенала для развески в нем корабельных снастей — Евтидома, сына Деметрия из Мелиты, и Филона, сына Эксекеста из Олевониды.

Построить арсенал для развески снастей в Зее.

Начать [постройку] от пропилии, ведущих с площади, и далее, позади них, — ряды доков, у которых общая крыша. [План имеет] в длину четыре плетра, в ширину^t вместе со стенами, пятьдесят пять футов.

Углубив участок на три фута, считая от высшего уровня, и расчистив все остальное пространство, на этой плотно убитой площадке выложить и вывести [фундамент] равномерно до одной высоты и все по уровню. Выложить кладку и под столбами, отступя от каждой из двух [продольных] стен на пятнадцать футов, считая толщину столба.

Число столбов каждого из двух рядов — тридцать пять, с проходом между ними посередине арсенала для посетителей.

Ширина промежутка между столбами должна быть двадцать футов, [его] фундамент выкладывается толщиной в четыре фута, камни класть в перевязку и продольно.

Сложить стены арсенала и столбы из актейского камня, а под стенами цоколь — из камней шириной в три фута, толщиной в полтора фута, длиной в четыре фута, а на углах — в четыре фута и три пяди.

И на этом цоколе, посередине его, поставить ортостаты длиной в четыре фута, толщиной в два с половиной фута с одним дюймом, вышиной в три фута, а на углах — определяя длину сообразно с размером триглифов, с промежутками для дверных отверстий, двух с каждой стороны по торцам арсенала, шириной по девять футов.

¹⁴⁵ Foukart P. L'Arsenal de Philon, p. 551.

¹⁴⁶ Вероятно, это были ученики прославленного мастера.

¹⁴⁷ См.: Архитектура античного мира. М., 1940, с. 361—364 (пер. В. П. Зубова).

И с каждой стороны в дверных пролетах выложить стойку шириной в два фута, а в глубину в десять футов. И, повернув стену под углом, [довести ее] до первых столбов, где и будут открываться обе двери. А на ортостате сложить стены из кирпичей (каменной?) длиной в четыре фута, шириной в два с половиной, на углах же — длиной в соответствии с размером триглифов, толщиной в полтора фута.

Сделать стены вышиной от цоколя, включая триглиф под карнизом, в двадцать семь футов, а двери вышиной в двенадцать футов. И сверху положить перемычки из пентелийского мрамора длиной в двенадцать футов, в толщину стен, вышиной, равной двум рядам кладки, поставив косяки из пентелийского или гиметтского мрамора и положив в искосок в полтора фута. И сверху на перемычки положить карниз, с выносом в полтора фута.

И во всех стенах вокруг сделать окна, по одному в каждом промежутке между столбами, а на торцах — по три с каждой стороны, вышиной в три фута, шириной в два фута. И в каждое окно вделать плотно прилаженные (сборные?) медные рамы.

И поверх стен кругом наложить карнизы и выложить фронтоны и поверх них фронтонные карнизы.

И поставить столбы, утвердив их на стилобате, одной высоты с цоколем [из камней] толщиной в полтора фута, шириной в три фута одну пядь и длиной в четыре фута.

Толщина столбов у основания — два фута три пяди, длина (высота) вместе с капителью — тридцать футов; каждый столб составлен из семи сочленений (стержней), имеющих в длину (высоту) четыре фута, кроме первого — в пять футов. На столбы положить капители из пентелийского мрамора. И положить на столбы деревянные архитравы, точно пригнав их, шириной в два с половиной фута, вышиной в девять пядей, с более высокой стороны, всего по восемнадцати в каждом из двух рядов.

И на столбы над проходом между ними положить поперечины, в ширину и вышину равные архитравам.

И сверху положить коньковые брусья шириной в семь пядей, вышиной в пять пядей и два дюйма, не считая ската, положив [под конек] на поперечину бобышку длиной в три фута, шириной в полтора фута. И скрепить скобами коньковые брусья на поперечинах.

И положить стропила толщиной в десять дюймов, ши-

риной в три пяди и три пальца, на расстоянии от другого на пять пядей.

И, положив на них прогоны шириной в полфута, толщиной в два дюйма, на расстоянии друг от друга в четыре дюйма, положить на них обрешетины толщиной в дюйм, шириной в шесть дюймов и, прибив их железными гвоздями и обмазав, покрыть коринфской черепицей, пригнав одну черепицу к другой.

И поверх дверей положить на стойки внутри каменный плафон из гиметтского мрамора.

И сделать в арсенале двери, приладив их к дверным пролетам и снаружи оковав их медью.

И, выложив сплошь весь пол внутри каменными плитами плотно одна к другой, отделать его прямым и ровным. И разделить каждое междустолпие двумя каменными опорными стенками из камней вышиной в три фута и между ними поставить запирающуюся решетку.

Устроить также настилы в тех промежутках [основания], где будут лежать снасти, связав с каждой стороны здания внутреннюю грань столба со стенами посредством поперечного бруса, шириной в пять пядей, вышиной в один фут, и забрав ее в стену на три пяди, а к столбу поставить каменные столбики. И на поперечные брусья положить прогоны шириной в три пяди и толщиной в полфута каждый, по семи с каждой стороны, заполнив ими весь промежуток до столбов.

И выложить всю поверхность досками шириной в три фута, толщиной в два дюйма, пригоняя и сплачивая их.

И сделать также полки, на которых будут лежать канаты корабельного пояса, и другие снасти, вдоль каждой из двух стен в два ряда один над другим, и, сделав эти полки вокруг всего здания, вдоль боковых стен и против междустолпий, провести их за углы с обеих [торцевых] сторон. Сделать нижнюю полку на высоте четырех футов от настила, а верхнюю на расстоянии пяти футов от первой.

Утвердив от нижнего настила до верхнего стойку [шириной] в полтора фута, толщиной в шесть дюймов и укрепив к стойкам распорки такой же толщины, положить на них на всем протяжении рейки, по одной с каждой стороны, толщиной в шесть пальцев в квадрате, и на них положить сплоченные доски длиной в четыре фута, шириной в три фута, толщиной в два дюйма, и, выровнив их заподлицо с рейками, пришить к ним гвоздями.

И сделать деревянные лестницы для восхода на полки.

Сделать также лари для парусов и белых покрышек числом сто тридцать четыре по представленному образцу и поместить их у каждого столба и по одному ларю против промежутков между ними. И сделать их открывающимися — те лари, которые будут стоять у стен, открывающимися с передней своей стороны, а стоящие у столбов — открывающимися с боков,— чтобы, проходя, можно было видеть все снасти и как они содержатся в арсенале.

А чтобы в арсенале было прохладно, при кладке стен арсенала оставлять между швами кирпичей (каменей?) промежутки, как то укажет архитектор.

Подрядившиеся должны все это исполнять согласно программе, размерам и модели (проекту?), которую утверждает архитектор, и сдать каждую из работ в сроки, установленные при подряде.

Инструкция о порядке постройки Арсенала позволяет судить о степени рафинированности архитектурной мысли Греции в годы, непосредственно предшествовавшие эллинистической эпохе,— Арсенал датируется ок. 330 г.

Строительные проспекты последующих столетий из других полисов весьма сходны с арсенальским — естественное следствие того, что эллинистические зодчие сохраняли и развивали научные традиции своих великих предшественников. Поэтому и Витрувий, пользуясь их трудами, смог так обстоятельно составить общее руководство по архитектуре.

Написанная архитектором строительная программа была главным документом, определявшим последующую работу всех, кто занят на стройке.

Строительные работы велись по системе подрядов, широко распространенной в древней Греции. Организация подрядов находилась в руках строительных комиссий. Но архитектор, если он и входил официально в состав комиссии, затрачивал много труда на подготовку подрядной документации. Именно архитектор расчленял весь процесс строительства на отдельные операции, которые **можно** было поручать различным, работавшим независимо друг от друга подрядчикам. Для этого зодчий выписывал из строительной программы соответствующий раздел, дополняя его необходимыми цифрами, сведениями о способах кладки, об инструментах, о материалах и сырье.

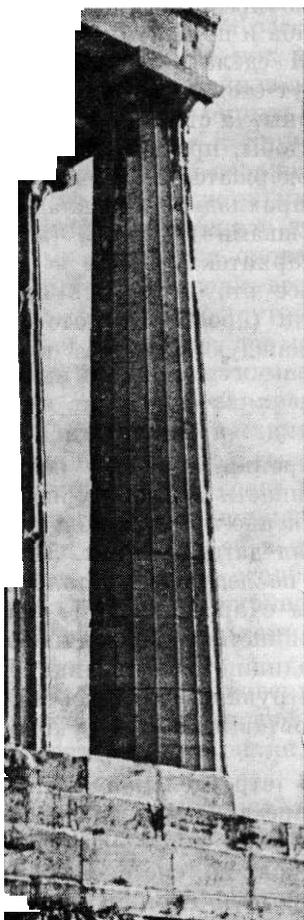

РИС. 7.
Колонны Парфенона.
Архитекторы
Иктин и Калликрат.
447—432 гг. до н. э.

В иных случаях зодчий также изготавливал модель, по которой выполняли детали сооружения. Вероятно, он представлял и необходимые чертежи.

После того как архитектор завершал подготовку рабочей документации, администрация стройки сдавала на торгах подряды на все части строительства. Между строительной комиссией и взявшим подряд лицом заключался договор — ἡ συγγραφή, в котором фиксировались условия сдаваемого строительного заказа, сроки его выполнения и — часто — санкции, применяемые к той из сторон договора, которая нарушит соглашение. Следует заметить, что выполнение работы κατὰ τὰ; συγγραφάς было четким условием, так как именно это обеспечивало успешное возведение всего сооружения.

Тексты строительных договоров, заключенных на выполнение крупных работ на важных объектах, также высекали на каменных плитах и выставляли на публичное обозрение. Так, в постановлении афинского народа о постройке стен города, Пирея и Длинных стен в 307/6 г. содержится указание секретарю притании написать на стеле само постановление и те

договоры¹⁴⁸ о подрядных работах, которые принесут архитекторы¹⁴⁸. Видимо в эти годы в Афинах архитекторы решали вопрос о том, какие договоры публиковать на камне, а какие оставлять лишь в рукописях: ведь стоимость иного мелкого подряда могла равняться стоимости работы резчика надписи. Оплата вырезки текста договора на Делосе в III в. иногда шла не за счет полиса — там в одном договоре записано, что подрядчик сам пишет текст соглашения на стеле и ставит ее по указанию архитектора. Каменные копии строительных договоров эллинистического времени дошли из многих полисов. Особенно ценны пространные тексты из Оропа (договор о ремонте бассейна и источника в святилище Амфиарая около 333—322 гг.), из Лебадеи в Беотии (174—164 гг.), а также делосские документы¹⁴⁹. Тексты обнаруживают большое формальное сходство¹⁴⁹, что указывает на тщательно разработанные нормы права, касающегося сделок о строительстве¹⁵⁰. Во всех этих документах подробно изложена работа, которую должен выполнить подрядчик, приводятся материалы условия: приводится имя взявшего подряд, имя одного или нескольких поручителей¹⁵¹, сумма всего подряда и сумма задатка, полученного подрядчиком¹⁵².

Но независимо от того, велось ли новое строительство или заключался договор о ремонтных работах, архитектор

¹⁴⁸ IG, II², N 463.

¹⁴⁹ Возможно, что более ранние документы этого рода составлялись более кратко. Например, в Кизике в IV—III вв. договор о подряде на одну башню был составлен лаконично, даже без указания срока выполнения работы (*Meier F. G. Griechische Mauerbauinschriften*, I, N 59).

¹⁵⁰ А. Бэрфорд заметила, что на протяжении 250 лет с середины IV в. строительные контракты обнаруживают заметное сходство (*Burford A. The Greek temple...*, p. 89). Эти естественно — эллинистическая Греция получила в наследство от VII—V вв. высоко развитое право.

¹⁵¹ Поручатель (гарант) в заключаемом соглашении был обязан своими деньгами или своим трудом обеспечить выполнение взятых подрядчиком обязательств. На Делосе, в 279 г. был записан факт выполнения поручителями работы взамен того, за кого они ручались (IG, XI, 2, N 161 A).

¹⁵² Например, в тексте из Оропа (IG, VII, № 4255) сказано, что вся работа должна быть закончена в течение 60 дней, считая с того дня, как подрядчик получит всю сумму задатка — 325 драхм. А весь подряд стоил 900 драхм.

принимал непосредственное участие в проводимых строительных операциях.

Некоторое представление о совместном труде архитектора с подрядчиками дает строительный договор из Лебадеи¹⁵³, где в 174—164 гг. беотархи и храмостроители возводили храм Зевсу на средства, подаренные Антиохом IV Эпифаном. В этом тексте, касающемся обработки и кладки плит наружной террасы вокруг храма Зевса, особо подчеркнут контроль храмостроителей и архитектора за качеством работы. Например, архитектор лично наблюдает за тем, как подрядчик, натянув нить, намечает резцом линии швов на поверхности уложенных в ряд плит. Гораздо более мелкие операции доверяли помощнику у . . . Ему подрядчик показывал швы всех плит и постели их, а также укладку каждой плиты, отсутствие пустот и многие другие детали стеностроительного дела.

Для лебадейской надписи характерно то, что здесь магистраты-храмостроители, *καπολοιοί*, принимали очень большое участие в непосредственном контроле за качеством работы. По-видимому, часть работ принимал архитектор, а часть — магистраты. Например, подрядчик обязан заранее заявить храмостроителям о том, что он будет заделывать штыри и некоторые другие детали и производить заливку оловом. Все эти операции подрядчик должен исполнять сам в присутствии храмостроителей. А если он что-либо заделает один, то, все подняв, сделает все заново с самого начала при храмостроителях и будет оштрафован на ту сумму, которая затрачена по его вине. Есть здесь и параграф об отстранении от работы плохого мастера; если же подрядчик не удалит такого работника, то будет оштрафован вместе с ним.

Ясно видно, что во II в. беотийские храмостроители и их архитектор стремились заранее оградить себя от недобросовестности подрядчика, от которого они ожидали разных злонамеренных ухищрений¹⁵⁴. Видимо, случаи обмена со стороны строительных подрядчиков были не в диковинку, что и повлияло на формулировки соглашения администрации стройки и лица, взявшего подряд.

¹⁵³ IG, VII, № 3073.

¹⁵⁴ Например, подрядчик должен показать храмостроителям, что он применял очищенное масло и синопский сурик для плоских досок, которыми выверялась точность обработки поверхности плит, укладываемых в террасу.

Детально составленные сунграфэ позволяют обратить внимание еще на одну сторону деятельности эллинистического зодчего: помимо разрешения обычных теоретических и практических вопросов, касающихся крупного проекта, архитектор в то же время должен был вести напряженную работу с большим контингентом работавших по договорам людей. Это была сложная задача, требовавшая юридических знаний и выдающихся организаторских способностей. Ведь множество работников, упоминаемых в известных ныне строительных надписях¹⁵⁵, составляло весьма разнохарактерный массив, который нужно было умело направить на достижение главной задачи.

Конечно, на небольших стройках психологическое напряжение архитекторов было не столь велико. Здесь сам зодчий мог выбрать одного или немногих наиболее надежных подрядчиков. Упоминание (Syll.³, N 587) рисует такого основательного компаньона архитектора — подрядчика афинянина Филоксена, сына Филоксена, показавшего себя честным человеком, выполнившим работу качественно ката τήν συγγραφήν. Сверх договора и за свой счет Филоксен вместе с архитектором установил в выстроенном им храме статую богини. Но следует заметить, что почетный декрет Филоксену был вынесен, вероятно, именно¹⁵⁶ потому, что он работал на редкость добросовестно .

Особо следует сказать о взаимоотношениях зодчих с подрядчиками при ремонте зданий. Здесь не составляли обширных строительных проспектов, но архитектор вместе с соответствующими магистратами, а иногда и самолично сдавал с подряда отдельные виды работы. Так, в 279 г. по постановлению делосского народного собрания

¹⁵⁵ в частных сунграфэ упоминается много имен работников. Например, в Эпидавре около 370 г. при строительстве одной только подсобной мастерской на стройке храма было заключено семь соглашений с шестью подрядчиками — (IG, IV², 1, № 102, стк. 25—43). Видимо, полисная администрация хорошо понимала эти затруднения архитекторов, и в текстах строительных надписей можно найти указания на стремление облегчить эти задачи. Например, в Тегее (Аркадия) где-то около 370—360 гг. знаменитый скульптор Скопас строил храм Афины, и там было установлено, что в договоре на выполнение одной работы могут участвовать не более, чем два подрядчика (IG, V, 2, № 6).

¹⁵⁶ В Лебадее в договоре указаны даже типы долот, которыми подрядчик должен обрабатывать плиты. Там же указано, что плохого работника подрядчик обязан отстранить от работы.

о починках в храме архитектор и попечители работ сдали с подряда довольно много ремонтных операций. Сохранилась запись казначеев об оплате работ, выполненных по указаниям или архитектора, или архитектора вместе с эпистатами. Судя по этому документу и другим аналогичным финансовым отчетам, на Делосе был принят следующий порядок расчетов с подрядчиками: перед началом работы подрядчик получал половину полагающейся ему платы; когда он выполнял половину объема своей работы, ему выплачивали еще 40%. И только после того, как архитектор и попечители принимали всю работу, выполненную в соответствии со всеми условиями, подрядчику выплачивали остающуюся десятую часть суммы.

Примечательно, что храмовый архитектор на Делосе, видимо, не имел права сдавать сам сколько-нибудь крупные работы. В записях 279 г. казначеи упоминают лишь один раз оплату работы, сданной самим архитектором: за очистку орхестры и мест для зрителей в театре и за уборку мусора было уплачено наемным рабочим 7 драхм.

Приведенные выше документы показывают, сколь напряженно трудились зодчие эллинистической Греции. Они не только создавали проекты оригинальных сооружений, но и непосредственно участвовали в постоянной кропотливой работе на стройке. Эта работа начиналась еще в мастерских каменотесов: для изготовления фигурных частей здания зодчий должен был дать мастерам деревянные образцы, согласно которым каменщики давали нужные архитектурные и скульптурные детали. Сложность и многообразие архитектурной работы на больших стройках заставляли полисы придавать главному зодчему помощников. Таких специалистов упоминают надписи IV в. из Дельф и II в. из Лебадеи.

Но сколь бы ни был полезен δ ὑπαρχιτέκτων, он выполнял лишь некоторые второстепенные задания, тогда как сам архитектор контролировал все важнейшие процессы. Это включало не только осмотр представленных деталей, но и проверку того, как практически выполнена

¹⁵⁷ Филон Византийский упоминает о таких моделях, когда говорит об отеске камней для пол у цилиндрических башен (IX, 3).
¹⁵⁸ Наличие помощника у архитектора засвидетельствовано все же сравнительно редко. Зодчие средней квалификации обычно не имели помощников. Поэтому архитектору приходилось даже сдавать на подряд очистку здания от строительного мусора, как это было на Делосе (IG, XI, 2, N 161 A).

каждая часть здания. Поэтому зодчий должен был и опускаться в котлован для фундамента, и по мере роста здания подниматься на стены и на крышу сооружения, что требовало немалой физической выносливости.

Многообразие задач архитектурной службы хорошо раскрывают делосские тексты. Например, в 209 г. запись об оплате выполненных работ начинается с указания: «по постановлению народного собрания и по распоряжению архитектора Горга, принявшего работы согласно договорам и поручительским документам, копии которых находятся в храме»¹⁵⁹. Следовательно, зодчий должен был проверять качество выполненных работ строго по имеющейся документации. В том же тексте в стк. 48—50 упоминается, что архитектор вымерял сданную постройку.

В 207 г. архитектор Горг помимо обычной проверки выполняемых подрядов был занят покупкой и приемом лесоматериалов для стой — в надписи сначала говорится, что Делос постановил и архитектор распорядился купить у поименованных в отчете лиц разные виды древесины, а затем, что Горг вместе с архитектором и избранными лицами принял такое-то количество леса¹⁶⁰. Поскольку названы определенные сорта древесины, то, вероятно, архитектор сам тщательно выбирал нужный для постройки материал.

Приведенные сведения показывают, как тесно штатный архитектор был связан с администрацией полиса и в то же время с многочисленными исполнителями разнообразных архитектурных и подготовительных строительных операций.

Эта особенность труда эллинистических зодчих позволяет понять, почему Витрувий столь безоговорочно подчеркивает единство теории и практики в архитектурном искусстве. Ученый римлянин исходил из многовекового опыта греческих зодчих, к которым он относился с большим уважением¹⁶¹.

¹⁵⁹ Inscr. de Delos, N 365. 23—25, 48—50.

¹⁶⁰ Ibid., N 366A, 1—44.

¹⁶¹ Приведенные данные об архитектурной документации и мнение Витрувия являются вескими аргументами, опровергающими предположение, будто в Греции архитектор-проектировщик и архитектор-строитель были отдельными самостоятельными фигурами. Следует отметить, что А. Бэрфорд уже решительно высказалась против этой мысли (*Burford A. The Greek temple...* p. 138—139).

Коснемся, однако, других сторон деятельности архитектора в Греции в IV—II вв.

По окончании стройки, если качество сооружения удовлетворяло полис, наступало время для выплаты архитектору полагавшегося ему гонорара. Это было в том случае, когда зодчий выполнял аккордный заказ и не состоял на постоянной государственной службе. К сожалению, никаких определенных сведений об аккордных гонорарах зодчих привести нельзя. Краткое указание Платона на то, что нисколько не постыдно за деньги давать советы по делам строительства¹⁶², может относиться и к жалованью штатного зодчего, и к деятельности простого домостроителя. Последний, работавший обычно по частным заказам, мог рассчитывать на высокое вознаграждение лишь в случае особо дорогих построек.

Здесь уместно напомнить о том, что общество древней Греции проводило большую разницу между профессиональными строителями двух категорий — домостроителями и архитекторами.

Домостроитель (*οικοδομος*) сооружал простые здания и, видимо, никогда не достигал новых ступеней на общественной лестнице. Недаром Платон ставит этого специалиста рядом с земледельцем, говоря о желании кого-либо избрать одно из этих двух занятий¹⁶³.

Иным было отношение к архитектору, специалисту по сооружению стен, кораблей или храмов, как определяет его Платон¹⁶⁴. Ведь архитектор владел строительным искусством (*τεχτωνική*)¹⁶⁵, которое Платон, ставил выше многих других знаний. Как уже отмечалось, в эллинистическое время немалые успехи были достигнуты в механике. Благодаря этому возросло значение тех архитекторов, которые имели дело с созданием различных видов гражданской и, что было особенно важно, военной техники. Такой зодчий, соединявший в себе

162 *Plato. Gorg.*, 520d.

163 *Plato. Leg.*, I, 12.643 c—d. Платон советует: чтобы хорошо заниматься земледелием или постройкой домов, нужно обучаться этому с детства, в играх.

164 *Plato. Gorg.*, 514, a—d.

165 *Plato. Phil.*, 56b. Вероятно, некоторое влияние оказали давние успехи строительного мастерства у греков — сам Платон и его современники видели множество великолепных памятников архитектуры, возведенных эллинами в период между XVI и V вв.

талантливого художника, ученого теоретика и опытного практика, несомненно, был видной фигурой в обществе.

Еще в IV или в начале III в. настоящих мастеров архитектуры было сравнительно немного. В приписываемом Платону сочинении «Соперники» говорится, что отличного плотника можно напать за 5—6 мин (500—600 драхм), а архитектора не наймешь и за 10 тыс. драхм, так как этих специалистов немного во всей Элладе¹⁶⁶. Поскольку в тексте нет указаний на конкретную работу упомянутых специалистов, приходится ограничиться выводом, что тогда труд квалифицированного зодчего ценился почти в 20 раз выше труда хорошего плотника. Можно думать, что Псевдо-Платон имел в виду ведущего мастера-архитектора, создателя монументального сооружения. Вероятно, таких зодчих называли уже в V в. «первыми архитекторами», как назвал Геродот¹⁶⁷ Ройка, сын Фила, построившего храм Геры на Самосе.

Как оплачивался труд греческого зодчего, сказать трудно, ибо источники не сообщают о гонораре архитектора за подготовленный им и принятый полисом проект. Ведь работа над проектом велась тогда, когда зодчий и полис еще не были связаны взаимными обязательствами. Лишь учитывая ту скрупулезность, с какой полисы обычно рассчитывались с работавшими на них специалистами любого профиля, можно высказать предположение, что за подготовку принятого государством проекта автор получал какое-то вознаграждение.

После принятия проекта нового здания полис нанимал архитектора-проектировщика на постоянную работу на все время строительства. Так, в Эпидавре в IV в. работали на строительстве своих объектов автор храма Асклепия Феодот¹⁶⁸ и проектировщик театра и фолоса архитектор Поликлет¹⁶⁹. В финансовых отчетах сохранились записи о выдаче Феодоту три раза годового и один раз полугодового жалования. Конечно, сооружение Асклепиейона длилось гораздо дольше, чем 3,5 года

¹⁶⁶ [*Plato*]. *Amatores*, 135b. Так как это сочинение лишь приписано Платону, то, скорее всего, его надо датировать ближайшим полувеком после смерти философа в 322 г. Следовательно, текст отражает положение дел в самом начале эллинистического периода.

¹⁶⁷ *Her.*, II, 60.

¹⁶⁸ *IG*, IV, 1, № 102, 7—9, 51, 102, 109 — надпись около 370 г.

¹⁶⁹ *Paus.*, II, 27, 5.

и отсутствие сведений о последующих выплатах нужно объяснить тем, что соответствующие тексты, относящиеся к другим годам, не сохранились.

Как показывает упомянутая надпись, жалование архитектора Феодота колебалось — дважды он получал за год 353 драхмы (стк. 9 и 29), а затем ему выплачивали по 350 драхм (стк. 51, 102, 109). Таким образом, Эпидавр платил ему регулярную плату до 1 драхме за все отработанные в каждом году дни.¹⁷⁰ Столь скромный размер оклада ведущего зодчего храма Асклепия вызывает недоумение¹⁷¹. Возможно, однако, следующее объяснение: дошедшие до нас финансовые отчеты относятся к тому времени, когда основные архитектурные работы были уже почти закончены и в храме велись чисто отделочные работы¹⁷². Возможно, что архитектор теперь не присутствовал постоянно на стройке¹⁷³.

Колебание размеров вознаграждения штатных архитекторов засвидетельствовано весьма авторитетным источником — Витрувием в его рассказе об отношении Родоса к своим архитекторам. Данные о Родосе тем более важны, что этот полис уделял особое внимание изготовлению орудий и заботился о запасах оружия и прочих необходимых предметов¹⁷⁴. Естественно, что иметь большое число военных машин и всякого военного снаряжения можно было лишь при наличии квалифицированных архитекторов-строителей арсеналов, складов и орудий. Названные специалисты, вероятно, получали достаточное жалование, особо же крупному зодчему иногда устанавливали экстра-

ординарное вознаграждение. В конце IV в. таким выдающимся мастером был родосский гражданин Диогнет, которому республика установила почетное — следовательно, повышенное — жалование за его превосходное искусство¹⁷⁵. К сожалению, рассказывая подробно о Диогнете, Витрувий точной цифры не привел. Между тем зодчий класса Диогнета должен был быть материально обеспечен много лучше обычного хорошего архитектора, поскольку сложнейшее военно-строительное хозяйство Родоса требовало особо рационального попечения¹⁷⁶. Стоит привести документы, содержащие сведения об оплате архитекторов, занятых только на ремонтных работах. Поскольку имеющиеся финансовые отчеты о таких видах строительства относятся к сложным объектам, можно полагать, что в этих текстах упомянуты оклады лишь заслуженных мастеров-архитекторов. В самом деле, афиняне в 307/6 г. избирали голосованием в народном собрании того архитектора, который должен был разделить подлежащие ремонту участки стен Афин, Пирея и Длинных стен¹⁷⁷. Очевидно, вопрос о главном руководителе таких работ был весьма важен.

Но все же работа такого зодчего сильно отличалась от труда автора оригинального архитектурного сооружения. Эта разница не получила должного акцента в большинстве работ, в которых затронут вопрос об оплате труда архитектора¹⁷⁸. В исследованиях недостаточно подчеркнуто то обстоятельство, что имеющиеся ныне источники свидетельствуют о доходах штатных архитекторов, занятых ремонтом и приведением в порядок общественных сооружений, преимущественно храмов.

170 *Burford A. The Greek temple...*, p. 106.

175

171 Стоит напомнить, что ведущий архитектор достраивавшегося афинянами в 409—404 гг. Эрехфейона также получал одну драхму в день, как и его коллега (IG, I⁷, N 372). Но то строительство происходило в чрезвычайно тяжелые для Афин годы, и возможности государства были крайне ограничены.

172 Например, Доркон из Коринфа взял тогда подряд на то, чтобы покрыть энкаустикой храм за 540 драхм; поручитель — Клеанор (IG, IV², 1, N 102. 28-29).

173 А. Бэрфорд особо отмечает, что плата архитектору в Эпидавре упомянута в IG, IV², 1, № 102 впервые (*Burford A. Notes on the Epidaurian building inscriptions.*— BSA, 1966, v. 61, p. 254—334). Детальный анализ этой надписи см.: *Roux G. L'architecture dans l'Argolide...*, p. 84, 424—437.

174 *Strabo*, XIV, 2,5. Интересно мнение Страбона, что с Родосом могли сравниться лишь Массилия и Кизик, также особо заботившиеся о зодчих, о государственных военных сооружениях и о запасах того же назначения.

16,3.

176 Как рассказывает Страбон (XIV, 2,5), некоторые сооружения в родосских гаванях были секретными и доступ в них посторонним был запрещен под страхом смертной казни.

177 IG, II², N 463,

178 Вопрос о материальных условиях зодчих интересовал сравнительно немногих исследователей. Часто историки обращают внимание только на памятники архитектуры, как, например, В. Тарн (*Tarn W. W. Hellenistic Civilisation*, Ch. TX). Но интерес к общей проблеме наемного труда в Греции и его оплаты определил содержание ряда работ: *Glötz G. Le travail dans la Grèce'ancienne.* P., 1920, >. 425—432; *Rortoptzeff M. с еннннн* p. 190—101, 207—208, 1600—1601. Особо ценны исследования: *Homolle Th. Comptes et inveiitaires dest emplcs deliens en l'annee 279.*— BCH, 1890, IV, p. 389—145.

Для начала приведем данные, которые содержатся в документах о восстановлении дельфийского храма. Хотя эти сведения относятся еще ко времени около середины IV в., все же их целесообразно привести, так как они отличаются большой точностью. Недавнее исследование Г. Ру, установившего соотношение расходов на стройку, произведенных из разных денежных фондов, существовавших в Дельфах¹⁷⁹, вносит убедительную ясность в этот вопрос.

Судя по отчетам напойеев и дельфийского совета¹⁸⁰, архитекторы Ксенодор, а после него Агафон¹⁸¹ получали по 1 статеру в день. Следовательно, годовое жалование каждого равнялось 720 драхмам.

Помощник архитектора Каллиопполучал одну треть жалования зодчего — в 343/2, 342/1 и в 341/0 гг. ему платили по 4 обола в день, что составляло 240 драхм в год¹⁸². Однако в то же время в Дельфах работал на другом объекте зодчий Евфорб, которому платили по 2 статера в день¹⁸³.

Г. Ру указывает, что Евфорб работал вне Дельф, и это обстоятельство, равно как и его более высокая квалификация и большая сложность выполняемой работы, обусловили такую разницу в вознаграждении¹⁸⁴.

В III—II вв. заработки храмовых архитекторов также были различными. Наиболее полную картину рисуют финансовые отчеты казначеев делосского святилища. Плохая сохранность документов из других государств¹⁸⁵ заставляет ограничиться данными из делосского архива. Эти сведения были подробно изучены Т. Омоллем¹⁸⁶.

¹⁷⁹ Мысль Г. Ру о том, что в финансовых ведомостях выплаты из сумм, вносимых самими Дельфами, записывались отдельно от расходов комиссии напойеев, доказана им весьма убедительно. К тому же она полностью отвечает практике полисных казначейств, которые записывали суммы различного происхождения отдельно.

180 FD¹⁸¹ III, 5, № 23-46; № 19.

Имя Ксенодора появилось в дельфийских счетах лишь в 353 г., около 342 г. в отчетах начали упоминать архитектора Агафона. См.: Roux G. Les comptes..., p. 294, N 1.

182 SvIIA № 245, IL 34; № 248, III. 58; № 247, II. 15.

¹⁸³ FD, III, 5, № 22. 52-55 (343-340 гг.)

¹⁸⁴ Roux G. Les comptes..., p. 268-209.

¹⁸⁵ Например, в надписи из Эпидавра от 290—270-х годов среди записей о выплате упомянут архитектор, но цифры его заработка не могли быть прочтены (IG, TV, 1, N 103 C. 45-46).

186 Homolle Th. Comptes et inventaires..., p. 477-480. Последующие эпиграфические находки подтвердили правильность вы-

который составил следующую таблицу годового жалования делосских архитекторов

Годы	Сумма (драхмы)	Годы	Сумма (драхмы)
283	506	269	720
(за 8 месяцев и 13 дней)		250	540
282	1266	246	585
(плата двум архитекторам)		201	540
279	720	около 190	780
278	1170	180	720

Как отметил Т. Омолль, в 283 г. архитектор работал не весь год, и за 253 дня было уплачено 50G драхм, следовательно, заработок составлял 2 драхмы в день. В обычные годы, длившиеся 360 дней, архитектору платили 720 драхм, как показывают записи за 279, 269 и 180 годы¹⁸⁷. В те годы, когда вставляли дополнительный месяц (μήν εμβόλιος) к годовому заработку добавляли 60 драхм. Так, в 190 г. архитектору уплатили 780 драхм.

Однако временами из-за финансовых затруднений храмовая казна выплачивала более низкое жалование. Так, в нормальный 250 г. и в год со вставным месяцем — 246 г.— архитектор Динократ получал 540 и 585 драхм, что составляет в день 1 драхму и 3 обола¹⁸⁸.

Очень редко в делосских документах встречаются записи о выдаче более высокого жалования архитекторам. Так, зодчему, имя которого не названо, платили из расчета 4 драхмы в день¹⁸⁹.

Видимо, сумма заработка архитектора стояла в прямой зависимости от его квалификации и сложности работы. Это очень ясно демонстрируют записи делосских гиеропеев в 282 г.: они выдали архитектору Симу в месяце Ленэе за 17 дней 34 драхмы, затем архитектору Са-

водов Т. Омолля. Поэтому Ф. Дюррбах в комментарии к Inscr. de Delos, № 290 (отчет гиеропеев за 246 г., где в стк. 107 записана выплата 585 драхм архитектору Динократу из расчета 1 драхма и 3 обола в день) повторил основные положения Т. Омолля. К сожалению, в монографии В. Лэдлова вопрос о заработках делосских архитекторов затронут очень бегло. См.: Laidlaw W. L. A history of Delos. Oxford, 1933, p. 152.

¹⁸⁷ Возможно, что работавший в 180 г. архитектор Аполлоний (Homolle Th. Comptes des hieropes du temple d'Apollo delien.— BCH, 1892, VI, p. 6-54. 197 = Inscr. de Delos, N 442A. 197) был более знающим специалистом, что и вызвало повышение оклада.

188 IG, XI, 2, N 287A. 87; Inscr. de Delos, N 290. 107.

189 IG, XI, 2, N 144A, 27.

тиру за 10 месяцев и 13 **дней** было уплачено 1239 драхм. Таким образом, среднеоплачиваемый Сим был заменен архитектором Сатиром, который получал по 5 драхмы и 5 оболов в день. Очевидно, возникла срочная необходимость в труде мастера более высокой квалификации¹⁹⁰. Также и в 278 г. делосский храм платил архитектору за год из 13 месяцев, следовательно за 390 дней, 1170 драхм (стк. 46, без упоминания имени зодчего), что составляет 3 драхмы в день. Между тем в предшествующий, 279 г. архитектор получал по 2 драхмы в день.

Данные делосских надписей тем более ценны, что позволяют иногда составить достаточно ясное представление о сложности работы, выполнявшейся архитектором. Например, записи за 279 г. показывают, что делосские магистраты сдавали тогда на подряды многие частные строительные работы, качество исполнения которых контролировал архитектор¹⁹¹. Но это была проверка выполнения деталей чужих проектов, а не собственная творческая работа зодчего. Характерно, что в текстах отчетов гиеропеев обычно имя архитектора контролер не упоминается.

Естественно, что такому работнику платили не больше 2 драхм в день¹⁹². Этот заработок нельзя равнять с оплатой дельфийских архитекторов в IV в. — за истекшие 75—100 лет курс денег сильно упал, так что реальное содержание номинально одинакового заработка в IV и в III, а особенно во II в. разнилось очень сильно.

Как всякая средняя цифра, сумма среднего заработка, равная 60 драхмам в месяц, не отражает многочисленных отклонений, вызванных конкретными обстоятель-

ствами. Однако такой размер жалованья среднего архитектора был, видимо, достаточно распространен в III—II вв. В пользу этого вывода можно привести один, правда, весьма гипотетический расчет.

В 225 г. на Родосе произошло катастрофическое землетрясение¹⁹³. Многие полисы материковой Греции и все соседние монархи и династы (Гиерон I и Гиерон II, Птолемей IV Филопатор, Антигон Досон, Селевк II, Прусий I, Митридат IV и некоторые другие) дали большую материальную помощь родосцам. В частности, Птолемей IV, как сообщает Полибий, присылал 100 архитекторов и 350 рабочих, на ежегодное содержание которых царь отпускал 14 талантов. Поскольку Полибий употребил выражение «отпускал», то, следовательно, названная сумма выплачивалась несколько лет и обеспечивала постоянное содержание 100 зодчих и 350 рабочих. Можно полагать, что на аварийные работы по восстановлению сложных сооружений на Родосе из Египта были присланы высококвалифицированные каменщики, плотники, маляры и другие специалисты. Их можно сопоставить с «хорошим плотником», о котором известно, что в начале III в. ему платили в среднем в 20 раз меньше, чем архитектору ([Plato]. *Amatores*, 135b). Таким образом содержание 350 работников могло равняться оплате 17—18 архитекторов. Отсюда можно вывести, что 117,5 зодчих получали 14 талантов годового содержания, иначе говоря, 84 тыс. драхм. Если произвести расчет — $84000 : 117,5$, то получим цифру около 700 драхм в год. Такая сумма соответствует годовому жалованью рядовых храмовых архитекторов на Делосе в III и II вв.

Известные ныне размеры заработной платы средних архитекторов в полисах эллинистической Греции большинство исследователей склонно считать не столь большим¹⁹⁴. Заметим, однако, что сумма в 2 или 4 драхмы

190 Т. Омолль, подсчитав общие цифры строительных расходов Делоса в 279, 250 и 180 гг. — соответственно 7410, 12 600 и 9703 драхмы, — полагает, что разница в оплате архитекторов определялась только их квалификацией, а не общим объемом работы строителей. Нам кажется, что критерий объема строительных работ должен быть полностью отброшен, к чему склоняется и сам Т. Омолль. Но решающим фактором был, конечно, характер архитектурной работы — крупный мастер с меньшим числом рабочих мог выполнить чрезвычайно тонкую задачу, недоступную рядовому архитектору, даже если он имел несколько сотен рабочих.

191 IG, XI, 2, N 161A.

192 Т. Омолль, исходя из этой средней цифры жалованья храмовому архитектору, полагает, что термин «архитектор» означал скорее ремесленника, чем художника, т. е. простого руководителя работ. (*Homolle Th. Comptes et inventaires...*, p. 480). Но с этим согласиться нельзя.

193 Многие авторы сообщили об этом событии, особенно детален рассказ Полибия (*Polyb.*, V, 89).

194 Нам представляется, что А. Бэрфорд допускает ошибку, когда, исходя из такой оплаты, говорит, что архитектор отличался от квалифицированного рабочего только тем, что он был более искусен (*more skilled*) и поэтому имел право командовать рабочими (*Burford A. The Greek temple...*, p. 139). Впервые эта мысль была высказана еще Т. Омоллем — *Homolle Th. Comptes...*, p. 480). Однако нельзя исходить из одних лишь цифр оплаты зодчего и первоклассного мастера-работника. В полисном строе издавна утвердилась мысль о необходимости самоотверженной работы

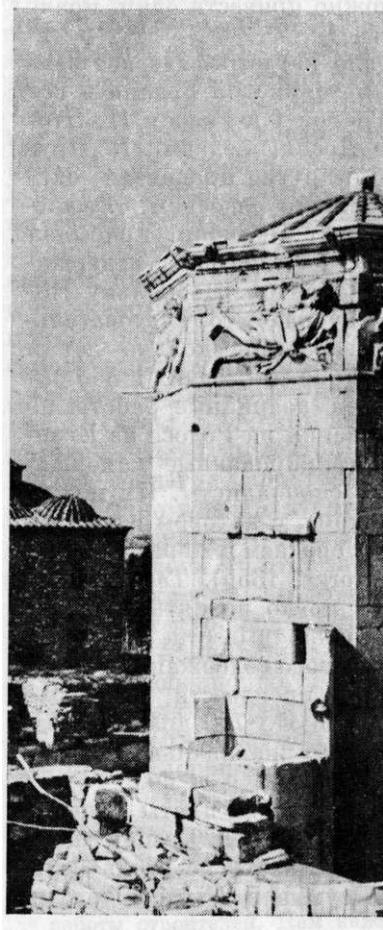

РИС. 8.
Башня ветров.
Афины.
Архитектор Андроник
из Кирры
(Македония).
Начало I в. до н. э.

в день была не так уж мала — нужно помнить, что полисы платили своим служащим всегда не очень много и что оскудевшую государственную казну сплошь и рядом пополняли за счет добровольных пожертвований граждан. Греческие республики были, как правило, небогаты, и их административный аппарат должен был вести скромный образ жизни¹⁹⁵. К тому же, если архитектор жил в родном полисе или в дружественном государстве, то для него трудная работа на твердом

должностного лица на благо государства, что не предполагало полного денежного вознаграждения. Кроме того, А. Бэрфорд не учла огромной моральной компенсации, которую получал архитектор от полиса, принявшего его проект того или иного сооружения. К тому же это могло оказывать прямое влияние на его дальнейшие гонорары. Весьма интересны соображения Дж. Коултона (*Ancient greek Architects...*, p. 40) о том, что архитекторы, часто принадлежавшие к обеспеченным слоям общества, могли быть заинтересованы прежде всего в осуществлении своих творческих замыслов и, может быть, в признании полисом их авторитета как авторов проектов первоклассных сооружений.

Ведь в самом конце V в., когда бедствовавшие афиняне взялись достраивать Эрехфейон, они платили архитекторам этого великолепного

окладе доставляла определенные материальные преимущества.

Следует добавить и справедливое наблюдение Р. Рэнделла: архитектор, получавший жалованье за все без исключения дни в году, находился в гораздо более благоприятном финансовом положении, чем работники, оплачивавшиеся по денно. Ведь любые внешние факторы (например, бури и ливни) лишали таких тружеников возможности работать и, следовательно, получать плату¹⁹⁶.

Разумеется, правители соседних монархий могли предложить известным эллинским зодчим более высокое вознаграждение. Поэтому, естественно, что некоторые архитекторы покидали Элладу. Процесс этот начался еще при Александре, в войске которого находился крупнейший военный архитектор Диад. Имя его упомянуто в *Laterculi Alexandrini* среди семи знаменитых зодчих, чья слава впоследствии, во II в. была общепризнана. Несколькими десятилетиями позднее о нем подробно писал Витрувий, перечисливший многие военные машины, изобретенные Диадом¹⁹⁷. И Афиней в *Механике* упоминает Диаду¹⁹⁸, значение которого в военно-инженерном искусстве античного мира получило заслуженное признание и в новой историографии¹⁹⁹.

Широкая программа разнообразных архитектурных работ привлекла к македонскому царю большое число зодчих из Греции. Не все из них были достаточно квалифицированными специалистами и, как рассказывает Витрувий, некоторые из них старались особенно заискивать перед царем и его приближенными.

В бурное время войн диадохов, а затем и эпигонов спрос на труд эллинских зодчих, особенно военных архи-

и трудного здания, расположенного на весьма неровной площадке (*Robertson D. S. A Handbook of Greek and Roman architecture*, p. 127—135), по одной драхме в день. Такое вознаграждение следовало и главному архитектору-строителю Филоклу, и его коллеге Архилоху. Оба зодчих довольствовались этим заработком (36 или 37 драхм в пританию), размер которого был одинаков с жалованием младшего писца Пиргиона (*IG, I², N 372—374*).

¹⁹⁶ *Randall R. II. The Erechtheum workmen.— AJA, 1953, v. 57, p. 209.*

¹⁹⁷ *Vitruv. X, 13, 3.*

¹⁹⁸ *Athen. Mech. De mechan., p. 10.*

¹⁹⁹ *Дильс Г. Античная техника. М.; Л., 1934, с. 34—35; Tarn W. W. Hellenistic Civilisation, p. 309.*

текторов, резко возрос. Среди многих имен строителей, завербованных на службу к монархам, особенно прославился Эпимах из Афин, строивший гелеполудля Деметрия Полиоркета Коринфа архитектора Архия. Гиерон II пригласил его в Сиракузы для постройки роскошного корабля-гиганта, в котором имелись бассейн, библиотека, залы для пиров и многие другие помещения²⁰¹.

Каждая династия в эллинистических государствах стремилась не только расширить, но и консолидировать свое царство. В этой политике известную роль играла строительная деятельность царей, активно использовавших достижения архитектурной мысли Эллады. Роскошные архитектурные ансамбли в столицах этих монархий, возведенные греческими архитекторами или их учениками из местного населения, также свидетельствуют о том, как много одаренных архитекторов уехало тогда из Эллады. Как уже говорилось, их заработки были намного выше доходов архитекторов не только скромных полисов, но даже таких богатых центров, как Дельфы или Делос²⁰².

Правда, некоторая часть архитекторов, работавших по заказам монархов, трудилась в пределах самой Эллады. Ведь северные области страны были захвачены Македонией, и там в отдельных местах шло большое строительство. Например, Деметрий Полиоркет около 290 г. основал в Фессалии город Деметриаду, славившийся великолепными стенами²⁰³.

Крупные и интересные заказы на постройки в независимых полисах получали греческие архитекторы от тех эллинистических монархов, которые желали проявить себя как щедрые филэллыны. Немалую роль также играло их стремление увековечить себя и своих близких в известном культурном центре. Показательна политика Антигона Гоната в отношении Делоса: демонстрируя делосцам свою мощь и благочестие, он организовал им

²⁰⁰ Vitruv., X, 16, 4.

²⁰¹ Athen., V, 203c—204d.

²⁰² Уже М. И. Ростовцев указал на блестящие материальные условия греческих зодчих в эллинистических монархиях (*Rostovtzeff M. SENHW*, p. 1233).

²⁰³ Strabo, IX, 5, 15. Эти мощные стены, сложенные из правильных блоков, были хорошо видны еще в начале текущего столетия (*Kent R. G. The city gates of Demetrias.— AJA*, 1905, v. IX, p. 166-169).

роскошные праздники и в святилище Аполлона около 254—252 гг. построил Северный портик²⁰⁴.

Однако при всем этом и тогда цари передавали работу иностранным специалистам. Так, около 175 г. Антиох IV Эпифан решил продать Зевса Олимпийского, начатую в Афинах еще Писистратом. Но тогда, в VI в., архитектор лишь фундамент. Для возведения всего монументального храма теперь был приглашен римский гражданин Коссутий, которому Витрувий

Появление иноземных специалистов неизбежно наносило определенный ущерб интересам греческих зодчих. Примером может служить конфликт, имевший место на Родосе, о котором рассказывал Витрувий: в конце IV в. приехавший из Арада (Сирия) архитектор Каллий выступил в народном собрании с речью-лекцией, в которой расхваливал перед родосцами модель своего механизма, способного со стены захватить и вытащить вверх неприятельскую гелеполу. Поверившие приезжему зодчему родосцы постановили принять его и передать ему высокооплачиваемое место их знаменитого архитектора Диогнета. Однако, когда в 304 г. Деметрий Полиоркет начал осаду города Родоса и родосцы потребовали у Каллия, чтобы он построил обещанную машину, новый государственный архитектор не смог этого сделать. Пришлось властям и народу Родоса обратиться вновь к Диогнету и упрашивать его о помощи²⁰⁶.

Все же такие случаи были, по-видимому, не столь часты. И хотя римлянин Коссутий пользовался большой известностью уже в первой четверти II в., однако и позднее сами римляне приглашали на работу эллинских архитекторов. Так, около 140 г. уроженец Саламина Гермодор возвел в Риме портик Марса²⁰⁷.

Вопрос о въезде греческих зодчих в страны Средиземноморья в III—II вв. слишком обширен и многосторонен, чтобы его можно было раскрыть детально в данной главе. Мы обращаем внимание на последствия этого явления для самой Эллады: определенная часть подго-

²⁰⁴ Courby F. Note sur la date du portique d'Antigone a Delos.— BCH, 1914, XXXVIII, p. 296-299.

²⁰⁵ Vitruv., VII, Prooem., 15.

²⁰⁶ Ibid., X, 16, 5-17.

²⁰⁷ Ibid., III, 2, 5.

товленных специалистов покидала родину и работала в чужих государствах. Но показательно, что для срочных восстановительных работ на Родосе в 225 г. сотня архитекторов была прислана из Египта. Видимо, независимые полисы не имели средств, чтобы откомандировать на Родос столько квалифицированных зодчих, тогда как в распоряжении Птолемея IV Филопатора таких работников и денег было вполне достаточно.

Отметим, что не каждый полис мог позволить себе расходы на оплату постоянного архитектора²⁰⁸. Обычно обращают внимание на сообщение Страбона²⁰⁹ том, что в Кизике было три городских архитектора²⁰⁹. Но это сообщение нужно корректировать другим известием того же автора: рассказывая о Родосе, Страбон особо подчеркивает заботы Родоса, Массидии и Кизика о государственной архитектурной службе²¹⁰. Следовательно три штатных архитектора в Кизике представляют собою редкое и исключительное для греческих полисов явление.

Весьма интересны данные из Дельф, где на протяжении около 100 лет архитектурную службу несли последовательно три поколения одной семьи²¹¹. Этот факт свидетельствует, что в обычных условиях даже такой богатый полис материковой Греции, как Дельфы, содержал одного постоянного архитектора.

Конечно, когда необходимо было срочное строительство, полисы нанимали несколько архитекторов. Например, при возведении афинских, пирейских и Длинных стен в 307/6 г. помимо главного архитектора, избранного на-

²⁰⁸ А. Бэрфорд особо подчеркивает временный характер работы архитектора, поскольку архитектурных работ было немного (*Burford A. The Greek temple...*, p. 139). В этом согласиться с ней нельзя. Для специалиста-зодчего занятие архитектурной деятельностью было отнюдь не временным, а постоянным делом. Правда, постоянная штатная должность архитектора имела лишь в крупнейших полисах, где потребность в архитекторе-профессионале возникала очень часто. В средних и мелких полисах архитектурная служба действительно носила временный характер, но зато таких государств было очень много, и, переезжая из одного полиса в другой, архитектор-профессионал всегда находил работу.

²⁰⁹ *Strabo*, XII, 8, 11.

²¹⁰ *Ibid.*, XIV, 2, 5.

²¹¹ *Syll.*, № 494. Даже во время восстановления храма в IV в. дельфийский полис имел только двух зодчих. Правда, у храмового архитектора был помощник Каллин (*FD*, III, 5, № 25, II A. 13–16, № 33. 3–7, № 38. 9–12).

родным голосованием, за работой наблюдало несколько архитекторов, точное число которых осталось неизвестным.

Мелкие полисы по мере надобности приглашали архитекторов из дружественных крупных государств²¹². О такой практике свидетельствует текст с острова Самофракия²¹³. В надписи говорится, что архитектор Микис, сын Мнесистрата, был послан демосом Кизика по просьбе демоса города Самофраки, приславшего по этому поводу посольство. Следует заметить, что все это происходило в конце II в. до н. э., когда Рим установил свое владычество над Грецией и полисы были лишены необходимости самостоятельно заботиться о своих средствах обороны. Возможно, что такая ситуация позволила властям Кизика сравнительно безболезненно откомандировать на Самофракию своего архитектора. Такая практика в полисах материковой Греции, из-за отсутствия источников сказать пока нельзя.

Весьма неопределенным остается вопрос о сроках службы архитектора в одном полисе. По-видимому, это зависело в первую очередь от объема и характера предстоящих архитектурных работ. Вероятно, когда зодчего приглашали для возведения одного крупного объекта, то в избравшем архитектора народном собрании уже назывались предварительные сроки окончания всей стройки. Известно, что в подрядных договорах соблюдение сроков сдачи было важным условием.

²¹² Можно думать, что в окраинных греческих полисах, часто ведших войны с соседним населением, потребность в архитекторах была особенно острой. Так, один из независимых полисов Западного Понта во второй половине II в. пригласил из Византии архитектора Эпикрата, сына Никобула. Этот зодчий проработал там два года столь успешно, что заслужил самые горячие похвалы и достаточно высокие материальные награды, как свидетельствует принятый в его честь почетный декрет (*Syll.*, N 707).

²¹³ *Samothrace 2: Fraser P. M. The Inscriptions on stone.* L., 1960, p. 112–116 (*IG*, XII, 8, N. 188).

²¹⁴ Возможно, что данный факт иллюстрирует существовавшую в III – II вв. систему взаимопомощи дружественных полисов, выражавшуюся не только в материальной поддержке, но и в присылке работников умственного труда. Выше рассматривая деятельность врачебной интеллигенции, мы привели несколько случаев подобного рода.

Иное дело, когда архитектора нанимали для проведения текущих ремонтно-строительных работ. Как показывают делосские тексты, в подобных случаях время занятости архитектора исчислялось иногда целым годом, иногда только месяцами и днями. Например, в счетах 281 г. записана выдача жалования архитектору Симу за 17 дней в месяце Ленэе²¹⁵, архитектору Сатиру за 10 месяцев и 13 дней. Видимо, в сравнительно редких случаях архитектор работал всю жизнь в одном полисе. Пока что имеются данные только о дельфийских зодчих Агафоне и его сыне Агасикрате²¹⁶.

Можно полагать, что специфические условия архитектурной деятельности в большом святилище весьма способствовали длительному сроку службы храмовых архитекторов. Зодчий Аполлоний, например, работал на Делосе около десяти лет, в 190—180 гг. Вероятно, храмовые магистраты стремились нанимать архитекторов на длительный срок. За долгое время такой зодчий мог досконально изучить все сакральные сооружения, степень их ежегодного износа, последовательность необходимого ремонта, а также тщательно и со знанием дела поддерживать архитектурный декор всего религиозного центра²¹⁷.

Однако присущая строительным кадрам мобильность обуславливала сравнительно частые перемещения архитекторов. Видимо, аккордный характер работы зодчих отразился на их взаимоотношениях с эллинистическими республиками Греции. Среди множества принятых тогда полисами почетных декретов, прославлявших магистратов, дипломатов, правоведов, врачей и других работников умственного труда, нигде не говорится о заслугах архитекторов. Исключение составляет упомянутый декрет амфикионов около 230 г., восхваляющих заслуги дельфийского храмового зодчего Агафона, уже давно умершего. Что касается его внука Дамона, то ему давалось право продикии и асфалии на том лишь основании, что

²¹⁵ Видимо, это было завершение найма Сима, который служил на Делосе весь 282 г.

²¹⁶ Syll., N 494.

²¹⁷ Можно думать, что Дельфы и во II в. имели постоянных храмовых зодчих. Во всяком случае, когда дельфийцы просили пергамского царя помочь им средствами для покупки хлеба и для благоустройства святилища, то Евмен II в 160 г. прислал им деньги и работников-рабов. (FD, ИТ, 3, № 239). Следователь* но, архитектурные кадры у дельфийцев были тогда свои,

эти права были даны его брату, архитектору Агафоклу²¹⁸. Но ни Агафоклу, ни Дамону не воздается при этом никаких похвал.

Прямых свидетельств, которые могли бы объяснить отмеченное явление, пока что нет, поэтому приходится ограничиться лишь предположениями. Возможно, что сложные материальные расчеты в процессе строительных или ремонтных работ иногда сказывались на отношении полисных властей к архитектору. Просчет зодчего-проектировщика мог быть частым явлением, причем не из-за неумения автора проекта. Прежде всего стоимость проекта могла сильно меняться ввиду изменения цен на сырье и на рабочую силу. Это вело к конфликтной ситуации: зодчий, заботясь о качестве сооружения, требовал выдачи средств сверх утвержденной первоначально сметы, финансовое же ведомство полиса не могло изыскать²¹⁹ деньги на дополнительное финансирование стройки. Между тем при сдаче архитекторам построенного объекта всякие недоделки или отклонения от принятого полисом проекта могли быть поводом к очень серьезным санкциям государственных властей по отношению к зодчему. Даже если дело не доходило до суда, как это было предусмотрено в Афинах²²⁰, разногласия между заказчиками и зодчим могли отразиться на авторитете и славе архитектора, что влекло за собой не только моральный, но и материальный ущерб в его дальнейшей работе²²¹.

Контакты зодчих с многочисленными подрядчиками, исполнявшими отдельные работы или строительные детали, также должны были сопровождаться неизбежными трениями. Вспомним программы сооружения террасы

²¹⁸ Для архитектора, постоянно имевшего дело с договорными работами, эти привилегии были особенно важны.

²¹⁹ Вспомним, какие бедствия переживали тогда греческие государства. Картина, нарисованная Полибием, может быть, и несколько преувеличена, но в основном она отражала условия, в которых часто оказывались многие полисы.

²²⁰ Так, в IV в. совет контролировал постройку судов, арсеналов и доков. Совет также подвергал осмотру все общественные сооружения и предавал суду виновных. См.: *Arist. Ath. pol.*, 46.

²²¹ Недаром Витрувий (1,3,2) специально указывал на щедрое расходование тщательно отобранного материала как один из факторов, обеспечивающих прочность здания. Одно это могло вызвать конфликт между архитектурными и финансовыми работниками в небогатом полисе.

храма Зевса в Лебадеё — там оговорен детальнейший контроль архитектора и его помощника за качеством работы и заранее предусмотрены возможные разногласия между зодчими и подрядчиком²²². По самой сути дела архитектор был обязан придирчиво принимать каждое изделие строителей, что вызывало массу нареканий по его адресу. А так как подрядчики были преимущественно гражданами того полиса, где велась стройка²²³, то естественно, что в народном собрании и среди властей государства часто не возникало желания особо чествовать автора законченного сооружения.

Сказанное в полной мере относится и к зодчим, выполнявшим строительные-ремонтные работы. Весьма интересные сведения можно найти в отчетах делосских гиеропеев. Так, в 207 г. архитектор Филоксен, завершая свою работу, не выполнил ее как: *ἀ τὴν συγγραφήν*, поэтому последняя часть стоимости подряда, 200 драхм, не была уплачена нарушившему соглашение. Точно так же Горг наложил штраф на подрядчиков Ктесифонта и Сотерида²²⁴. О последнем также сказано, что он не выполнил работу согласно договору. Правда, подобных случаев не так уж много среди общего числа выплат делосским подрядчикам, но все же формулировка *ἀρχιτέ/τονος ελιττίσσαντος* встречается и в другие годы. Строгость контроля архитекторов за качеством сдаваемой ему работы была неременным условием успеха его деятельности. Это делает понятной ту аккуратность, с какой гиеропееи в каждой записи об оплате договорной работы или о неуплате ее отмечали: «по распоряжению архитектора» или «наказан по указанию архитектора».

Можно думать, что сдержанность полисов в отношении похвал и чествований архитекторов могла вызывать и некоторую обиду у высокоодаренных, прославленных зод-

²²² Syll.³, № 972.

²²³ Подрядчики-инограждане встречаются в большом числе в IV в. в Эпидавре (*Burford A. The Greek temple...*, p. 113—158) и особенно часто в делосских документах. В одном только тексте IG, XI, 2, № 161A упомянуты граждане Пароса, Спроса, Серифа и других полисов. Но это был пришлый контингент, не игравший никакой роли во внутренних делах островного полиса, где велось строительство.

²²⁴ Inscr. de Delos, № 366A. 14—16, 19—21 и 25—27. Филоксен взялся построить архитравы для гиполампиды одной из стой-изготовление этих деталей должно было быть безусловно безупречным.

РИС. 9.

Афинские суда. Вазовый рисунок. Около 500 г. до н. э.

чих. Ведь крупные мастера по праву гордились своими выдающимися сооружениями. Недаром творец маяка на острове Фаросе, зодчий Сострат, сын Дексифана, гражданин Книда, добился у Птолемея I разрешения написать свое имя на этом творении²²⁵. Как каждый гражданин полиса, эллин-зодчий не мог быть нечувствительным к публичному одобрению его деятельности согражданами. К тому же, как указывалось выше, в III—II вв. получила особенное значение оборонная и инженерная стороны архитектурной специальности, что имело прямое отношение к обеспечению жизнеспособности всего государства. Архитекторы, несомненно, хорошо сознавали свою необходимость для полиса, может быть, много лучше, чем рядовые граждане²²⁶.

²²⁵ *Strabo*, XVII, 1, 6. *Plin. NH*, XXXVI, 12, 18. В рассказе Лукиана об этом факте (*De hist. scr.*, 62) падают новеллистические черты.

²²⁶ Вопрос об общественном положении художников в греческом обществе еще весьма мало исследован. Можно встретить довольно часто мнение о том, что близость художника и ремесленника говорит о достаточно низком положении обеих групп работников. В эллинистическое время, как полагает Я. Д. Силади, когда уважение к труду в обществе падало, возникло представление о великих художниках-творцах и массе художников-ремесленников. См.: *Szilagui J. Gy. Zur Frage der gesellschaftlichen Stellung des griechischen Künstlers.*— В кн.: *Античное общество.* М., 1967, с. 123—124. Это мнение ни в коей мере не

Отсутствие почетных декретов, прославляющих мастеров архитектуры, отчасти объясняется и тем, что монументальные сооружения нередко завершались спустя многие десятилетия после кончины их творцов.

Здесь уместно коснуться вопроса о социальной принадлежности зодческих кадров в эллинистической Греции. Существующие источники красноречиво говорят об общем общественном положении архитектора. Находившийся на государственной службе зодчий являлся иногда юридически, а иногда лишь практически одним из членов аппарата управления полиса. Ему часто доверялось попечение об обороноспособности республики²²⁷. Его авторитетное мнение было решающим во многих серьезных финансовых вопросах, связанных с новыми постройками или ремонтом уже существующих сооружений. Зодчему поручали попечение об архитектурном облике важнейших общественных сооружений. Естественно, что такой специалист имел высокий авторитет в полисе независимо от того, был ли он его гражданином или инополитом. Выдающееся положение зодчего, нанятого на службу полисом, было столь прочно обосновано общегосударственными интересами, что вопрос о его статусе имел лишь второстепенное значение²²⁸.

Несомненно, однако, что архитектор должен был быть свободным человеком, членом господствующего класса рабовладельцев²²⁹. Сложная система социальных отно-

может считаться справедливым по отношению к архитектурным кадрам. Специфика архитектурного творчества не допускала отрыва зодчего-проектировщика от практического строительства. А роль рядового архитектора в государственной жизни делала его лицом, весьма важным для благосостояния полиса. Поэтому нет оснований считать, что положение рядового архитектора в III—II вв. в какой-то мере ухудшилось.

227 Напомним рассказ Полибия о Гераклиде, архитекторе Тарента (XIII, 4,6): как главный архитектор он во время ремонта городских стен имел ключи от одних из ворот города. Такие же случаи могли быть и в самой Греции.

228 Мнение о том, что штатный архитектор должен был быть обязательно гражданином нанимавшего его полиса, было давно высказано М. Лакруа (*Lacroix M. Les architectes et entrepreneurs à Delos de 314 à 240.— Rev. Phil., 1914, XXXVIII, p. 303—329*).

229 Следует заметить, что и в более ранние времена архитекторы, по-видимому, выходили из среды свободного населения. Сообщение Витрувия о том, что древнейший храм Артемиды в Эфе-

шений в эллинистическом полисе не допускала того, чтобы жизненно важные посты государственной администрации находились в руках раба, представителя антагонистического класса. Полное отсутствие источников о существовании штатных рабов-зодчих в Греции III—II вв. в этом смысле весьма показательно. Заметим лишь, что в зависимости от конкретных условий жизни рабовладельческого общества каждый квалифицированный зодчий мог стать рабом, попав в плен на войне или будучи захвачен пиратами²³⁰.

Подчеркивая свободный статус архитекторов в республиках эллинистической Греции²³¹, нужно все же сделать одну оговорку — крупный мастер архитектуры, имевший средства, мог пользоваться рисовальщиками, изготовителями моделей и чертежниками, находящимися в рабском состоянии. Но эти труженики составляли личный подсобный штат самого зодчего (вероятно, он покупал себе рабов, уже имевших какое-то образование, — ведь в Афинах покупка умелых помощников была известна

осаждения Пелопонеса и др. См.: Оффенберг И. Раб Деметрий (*Vitruv., VII, Prooem., 16*), остается ед. И. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p. 11.

230 Примечательно, что среди многих сотен актов IV—I вв. о выкупе рабов на волю нет ни одного, свидетельствующего о том, что отпускаемый был архитектором. См.: *Börner F. Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom. II. Die sogenannte sakrale Freilassung in Griechenland und die (δούλοι) ἐροί. Wiesbaden, 1960, S. 18—97, 153—159.*

231 Афинские источники называют обычно гражданскую принадлежность зодчих: Архилох из Агрилы (IG, I², N 372), Филокл из Ахарн (IG, I², N 372), Филон, сын Эксекестида, из Элевсина (Syll., N 969). В надписях из Эпидавра и с Делоса архитекторы упомянуты только по одному имени. Однако такая форма не является убедительным аргументом в пользу их иногражданства, как думает А. Бэрфорд (*Burford A. The Greek temple..., p. 142—143*). Ее мысль очень спорна — ведь в записях о сданных на подряд работах в Эпидавре писали происхождение подрядчика, если он был гражданином другого полиса, например: Евтернид из Коринфа, Клеандр из Коринфа. Следовательно, родные полисы. Что касается семьи дельфийских архитекторов Агафона и его потомков, то этот род зодчих, возможно, происходивших из Фурий (как полагает Г. Помтов в комментариях к Syll., N 295, 494), занимал в Дельфах достаточно солидные позиции.

уже давно.— Хер. Мем., II, 3, 3). Такие работники в обществе самостоятельного значения не имели²³².

Заметим еще, что стать настоящим архитектором мог лишь человек, получивший глубокое и многостороннее образование²³³. Как правило, такое обучение было доступно лишь сравнительно обеспеченным кругам рабовладельческого общества²³⁴. К тому же крупнейшие мастера, обучавшие архитектурную молодежь, предъявляли ученикам весьма высокие требования. Уже знаменитый архитектор Пифей, работавший в середине IV в., писал, что архитектор должен во всех искусствах и науках достичь большего, чем ученый, занимающийся только одной отраслью знания²³⁵. Ко времени эллинизма уже накопился ряд специальных сочинений по архитектуре, в III—II вв. было создано еще немало фундаментальных трудов по раз-

²³² К сожалению, известный пример относится к более раннему времени: афинский архитектор Филокл, работавший на завершении строительства Эрехфейона, привел на стройку двух рабов-плотников, Герия и Креза, которым выплачивали поденную плату. См.: IG, I², N 373; *Bronner O.* Excavations on the north slope of the Acropolis.— *Hesperia*, 1933, II, p. 377—390, № 9 — обломок счета от 409/8 г. Несомненно, что дома для своего хозяина эти плотники должны были выполнять достаточно тонкие и сложные работы. А то обстоятельство, что на строительстве храма им выплачивали отдельное вознаграждение, служит веским аргументом в пользу того, что и здесь они исполняли не простые задания. Как отметил Р. Рэнделл, все рабы, занятые на возведении Эрехфейона, были квалифицированными работниками, главным образом каменщиками или плотниками. См.: *Randall R. H.* The Erechtheum Workmen.— *AJA* 1953, 57, p. 203. Заметим попутно, что ценные данные о применении рабов на строительстве Эрехфейона почему-то совершенно выпали из поля зрения автора исследования о численности рабов в Афинах в V—IV вв. См.: *Sargent R. L.* The Size of slave population at Athens during the Fifth and Fourth centuries before Christ. *Trbana*, 1924, p. 94—109.

²³³ Витрувий, работавший в начале I в. н. э., в своем трактате сохранил представления об образовании архитектора, которые были издавна выработаны греческими зодчими: «Архитектор должен быть человеком грамотным, умелым рисовальщиком изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, иметь понятие о медицине, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах» (I, 1,3).

²³⁴ Даже обучение одной грамоте требовало известных средств. Ср. сетования Метропимы о необходимости платить учителю за ее сына каждое тридцатое число (*Herod. Mim.*, III, 8,11).

²³⁵ *Vitruv.*, I, 1,12.

личным отраслям зодчества²³⁶. К сожалению, многие произведения известны лишь стоятельный компилятивный труд Витрувия может служить главным сводом греческой эпохи эллинизма, Известно, что работа Витрувия построена не столько на его личном опыте, сколько на трудах зодчих Греции²³⁷. Достойны внимания те требования, которые Витрувий неоднократно ставит перед архитектором и перед заказчиком, — они детально рисуют уровень позднеэллинистической архитектуры. Витрувием конкретные и теоретические установления эллинистических зодчих позволяют понять, каким путем греческие архитекторы в массе добивались изумительного единства художественной, конструктивной и идейно-утилитарной стороны своих творений.

Витрувий в полной мере воспринял греческий подход к архитектуре как научному единству искусства и техники. Поэтому он уделяет большое внимание инженерному и механическому аспектам зодческого труда. Крупный прогресс в этих областях архитектурной мысли позволил

²³⁶ Уже в VI в. до н. э. греческие зодчие создали трактаты о возведенных ими храмах. Составителями их были самосец Феодор, построивший святилище Геры, и уроженец Кносса Херсифрон вместе с сыном Метагеном, создавшие храм Артемиды в Эфесе. И в V, и в IV вв. литература по архитектуре продолжала пополняться. Назовем уже упомянутого Пифея и уроженца Фокеи зодчего Федора, писавшего о круглом мраморном здании в Дельфах (*Vitruv.*, VII, Prooem., 12). Знаменитый Филон, соорудивший в Пирее около 340 г. арсенал (*Syll.*, № 969), также оставил его описание, а равно и труд о симметриях священных зданий. В эллинистическую эпоху появились труды Гермогена, грека из Алабанды, во второй половине III в. возводившего на острове Теосе храм Диониса и в Магнесии — храм Артемиды. Это был выдающийся теоретик храмовой архитектуры ионийского ордера, введший принцип симметричных расстояний между колоннами храма. Его работы получили всеобщее признание, и Витрувий даже особо пишет о Гермогене: «и оставил источники, отку- ные теории» (*Vitruv.*, III, 3, 9). Кроме того, в распоряжении архитекторов имелось много сочинений по отдельным вопросам зодчества, о которых неоднократно упоминает Витрувий (IV, Prooem., 1; VII, Prooem. 10—18).

²³⁷ Во Вступлении к книге VII Витрувий специально останавливается на значении работ ученых предшествующих поколений. Широко используя труды древних архитекторов, Витрувий сохранил имена многих из них.

эллинистическим архитекторам создать сложнейшие комплексы²³⁸.

Высокое качество массовой архитектуры эллинистического времени, дошедшей до наших дней, позволяет заключить, что не только выдающиеся мастера, но и рядовые греческие архитекторы были высокообразованными специалистами. Достижению этого уровня в немалой степени помогала система подготовки зодчих — мастер, обучавший молодежь зодческому искусству, брал в соотаварищи достойных учеников и тем самым как бы давал им свою рекомендацию. Молодой зодчий, добиваясь заказа, называл своих²³⁹ учителей и созданные с ними известные сооружения²⁴⁰. Такая непосредственная передача²⁴⁰ знаний и мастерства от учителя к ученику была, по-видимому, обязательным условием для того, чтобы молодой специалист мог именоваться архитектором и претендовать на право строить стены, корабли, храмы, театры, портики и другие общественные здания. В эпоху эллинизма такая система помогала полисам находить квалифицированных зодчих.

Выше мы попытались выяснить некоторые особенности положения архитектурной интеллигенции в независимых полисах эллинистической Греции. Роль зодчих, специалистов весьма высокой квалификации, в III—II вв. возросла, особенно как создателей средств обороны и наступления, обеспечивавших безопасность полиса. Их знания способствовали сохранению великолепных произведений архитектуры классического времени, что имело первостепенное значение для устойчивости давних традиций полисного самосознания. Крупномасштабная деятельность зодчих²⁴¹ давала импульс производственной жизни полиса. Вместе с тем зодчие принадлежали к тому слою работ-

²³⁸ Ярким свидетельством являются сложные портовые сооружения многих полисов. Особенно монументален комплекс делосского порта. См.: *Cloche P.* Les classes, les metiers, le trafic, p. 100—103.

²³⁹ *Plato.* Gorg., 514a-d.

²⁴⁰ Нередко архитектурная специальность передавалась по наследству в одной семье, как показывает дельфийская надпись об Агафоне, его сыне и его внуке. Об этой практике пишет и Витрувий (VI, Prooem., 6).

²⁴¹ К сожалению, имеющиеся источники не сообщают ничего об архитекторах, работавших по крупным частным заказам. Лишь в Олимпии известно обширное сооружение, которое сам возвел и посвятил Зевсу наксосский зодчий Леонид (*Inschriften von Olympia*, № 651; *Paus.*, V, 15).

ной интеллектуального труда, который был самым тесным образом связано управленческим аппаратом рабовладельческого государства. Основные задачи архитекторов заключались в укреплении военного, идеологического и культурного потенциала греческих республик в те труднейшие для них времена, когда самые крупные политические силы Средиземноморья вели ожесточенную борьбу за то, чтобы подчинить себе оставшиеся еще независимыми земли Эллады. Имеющиеся исторические источники показывают, что в этих обезлюдивших и оскудевших полисах эллинистической Греции продолжалась довольно оживленная строительная деятельность и что основная масса архитектурной интеллигенции сумела поставить свои знания на службу привлекавших их полисов.

Глава шестая ЗЕМЛЕМЕРЫ

Профессия землемеров в Элладе характеризуется рядом особенностей, порожденных как спецификой их работы, так и особенностями социально-экономического характера полиса.

Греческий межевик — γεωμέτρης — должен был работать в условиях, весьма затруднявших его деятельность: большая часть поверхности страны покрыта горами, перемежающимися глубокими долинами и ущельями. Здесь измерение полей требовало применения самых разнообразных приемов геометрии, а также создания сложных чертежей, доступных лишь искусному графику. Таким образом, обширные теоретические и практические знания, необходимые для землемеров, ставили эту специальность в ряд сугубо интеллектуальных профессий.

Вместе с тем связи землемеров с гражданским коллективом отличались рядом особенностей, присущих только этой профессии. Она, т. е. землемерие, служила полису в самой важной области его внутренней жизни — в аграрной сфере. Земледелие занимало первостепенное место в жизни греческих полисов, громадное большинство их граждан и в эллинистическое время жило за счет трудов на собственном земельном участке. Как и раньше, земля была для них главным источником существования, а право владения ею обуславливало их социальное место в обществе.

Греки имели ясное представление о практическом значении земледелия, а небольшие размеры их полей заставляли граждан неустанно заботиться о своей земле. С древнейших времен каждая республика Эллады строго и детально разрабатывала правила землепользования. Выдающиеся мыслители, особенно Платон и Аристотель, со-

¹ Самое исчерпывающее изложение отношения свободного грека к обработке земли принадлежит еще Сократу (*Хен. Оесон.*, 5).

хранили много сведений о старинных законах и правилах, определявших земельные отношения². Ряд важных эпиграфических документов VI—II вв. содержит некоторые тексты установлений о земле. Традиционные порядки землепользования иногда бывали изменены в результате напряженной политической борьбы внутри свободного населения полисов³. Это вызывало необходимость проведения больших землемерных работ. Еще более мощный импульс развитию землемерного дела дал бурный процесс выведения апойкии, развернувшийся в VIII—V вв. Там, в отдаленных землях, переселенцы активно применяли геометрические знания, принесенные с родины⁴.

Таким образом, к началу эллинистической эпохи искусство измерения земли имело длительную историю. В это время знатоки межевого дела были заметными и уважаемыми гражданами полиса. Значение профессии землемера и всей науки геометрии — γεωμετρία — очень рельефно показал Аристотель: говоря о праве выбора землемера или капитана корабля, он указывает, что избрание должно быть делом людей, обладающих специальными землемерными или навигационными знаниями⁵.

В развитии древнего искусства измерения земли выступает один, совершенно своеобразный феномен, сказавшийся и на практическом применении искусства землемера: уже в VII—VI вв. произошло кардинальное отделение теории геометрии от повседневной работы межевиков. Абстрактные логические положения геометрии стали предметом умозрительных рассуждений крупнейших мыслителей Греции. Начиная с Пифагора (VI в. до н. э.) геометрия заняла почетное место среди чисто теоретических наук, и ее задачей стало изучение геометрических линий и фигур на плоскости и в пространстве. Результатом этого

² Аристотель весьма положительно относился ко многим древним аграрным законам, особенно тех республик, которые устанавливали ограниченные размеры земельных наделов. Такие правила имели целью сохранить постоянную численность сельского населения, которое Стагирит считал наилучшей частью демоса (*Pol.*, 1318b).

³ Силу традиционных земельных установлений полиса обстоятельно показал в своем труде П. Гиро: *Guiraud P.* La propriete fonciere en Grece jusqu'à conquete romaine. P., 1893.

⁴ Сложный вопрос наделения землей в апойкиях детально исследован в кн.: *Яйленко В. П.* Греческая колонизация VII—III вв. до н. э. М., 1982.

⁵ *Arist. Pol.*, 1281b.

было то, что землемерное дело утратило свое первоначальное название и получило более конкретное обозначение — разделение земли, $\gamma\epsilon\omega\delta\alpha\iota\sigma\iota\varsigma$. Совершенно ясно об этом говорит уже Аристотель, указывая в «Метафизике» (997 b 26) отличия геодезии от геометрии. Видимо, довольно скоро обозначение межевика геометром вообще исчезло из употребления. В источниках оно встречается лишь в надписи IV в. из южноиталийской Гераклеи, где $\gamma\alpha\alpha\epsilon\tau\rho\alpha\varsigma$ обозначает лицо, работавшее с коллегией межевиков⁶. Но и термин «геодезист» не стал общепринятым обозначением межевика, иногда его применяли к людям, смотревшим за землею⁷. В документах III—II вв. лица, ведавшие межеванием, обычно именовались $\beta\rho\upsilon\tau\eta\varsigma$.

Одной из причин некоторой неустойчивости наименования специалистов является множество видов землевладения в эллинистическом полисе. Исконно вся земля была собственностью государства, но владельцами разных ее частей могли быть сам полис, отдельные граждане, союзы граждан, святилища, а также инополиты, получившие право покупки земли и дома в чужом полисе. К концу IV в. аграрный фонд каждого полиса был в основном уже давно измерен и разделен, а границы между участками были точно зафиксированы. На межах стояли каменные знаки⁸, иногда вдоль⁹ межей тянулись стенки, сложенные полностью из камня¹⁰ или имевшие сырцовую кладку на каменном основании¹¹. В маленьких полисах, где каждый клочок земли был хорошо всем известен¹¹, границы участков определялись по постоянным локальным реперам (дом соседа, дорога к святилищу, источник, река и т. д.).

Неприкосновенность межей сохранялась всеми законами и религиозными постановлениями полисов. Создается впечатление, что государства обычно стремились не

нарушать уже сложившиеся границы отдельных владений. Например, власти в Афинах сразу пускали в продажу конфискованные участки — поля оставались ухоженными и алчные соседи не успевали самовольно передвинуть межевые знаки.

Стабильность границ отдельных участков соблюдалась даже и тогда, когда эти хоридионы были частями одного обширного владения. Пример этому можно найти на Делосе¹². Многолетние записи делосских гиеропеев, ведавших сдачей в аренду земель храма Аполлона, показывают, что каждый надел имел традиционное собственное название — Фиталия, Гипподром, Лиман, Эписфенея и т. д. Эти хоридионы на протяжении многих десятилетий фигурировали в документах как устойчиво обособленные участки. В начале III в. на самом Делосе во владение храма поступили еще шесть новых хоридионов. Только один из них вскоре был присоединен к старому храмовому участку. После этого приблизительно с 280 по 166 г. все десять сдаваемых в аренду владений постоянно¹³ фигурировали в отчетах о получении арендной платы. Это позволяет предположить, что размежевание названных хоридионов за 114 лет не подвергалось каким-либо изменениям.

Но как бы ни были устойчивы нормы давнего землеустройства полиса, временами приходилось проводить новые землемерные работы. Обычно для проведения таких работ избирали людей, знающих землемерное дело, на это указывал и Аристотель. Скудость источников не позволяет представить, как происходила эта процедура в эллинистическое время. Некоторые сведения доставляют более ранние источники.

Например, в 418 г. афиняне приняли декрет (Syll³, № 93) о святилище Кодра, Нелея и богини Василии. В частности, в нем указано, что архонт-басилей полиса должен сдать в аренду принадлежавшую этому святилищу землю, согласно заключенным договорам. Точно так же его обязывали послать межевиков ($\sigma\iota$ $\sigma\rho\iota\tau\epsilon\iota\varsigma$) для размежевания сдаваемого участка. По-видимому, ранее эта территория не была разбита на хоридионы, и теперь ее надлежало разграничить в зависимости от заключенных

¹² Дж. Кент обстоятельно исследовал различные аспекты системы арендного землепользования на самом Делосе и принадлежавших ему соседних островах: Kent J. H. The Temple Estates of Delos, Rheneia and Myconos.— Hesperia, 1948, v. 17, p. 243—338.
¹³ Ibid., p. 286.

⁶ IG, XIV, № 645 = Schwyzer, N 62—63.

⁷ Такое словоупотребление можно найти у Герона Механика (Heracl. Definitiones, 138, 3).

⁸ Syll., № 966: здесь указано, что с каждой стороны участка должны стоять по два межевых столба, каждый высотой не менее трех футов.

⁹ Остатки античных полевых межей лучше всего сохранились в Херсонесе (Стржецкий С. Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961).

¹⁰ Jones J. E., Graham A. J., Sackett L. H. Op. cit., p. 370—372, fig. 4.

¹¹ Территория некоторых полисов бывала столь мала, что она просматривалась из одного конца в другой.

соглашений. Комментировавший эту надпись И. Кирхнер полагал, что упомянутая работа была постоянной¹⁴. Однако вопрос не совсем ясен — ведь в постановлении указано, что деньги на проведение операции должны быть выделены из средств теменоса. Это показывает, что землемеры выполняли здесь аккордно срочную работу. Если наше толкование верно, то очевидно, что в данной надписи речь идет о группе землемеров, временно избранных для межевых работ во владениях упомянутого святилища. Примечательно, что сведения о постоянной коллегии межевиков другие афинские источники пока не доставили.

Термин "ористес" весьма прозрачен, он указывает на практическую работу по установлению границ того или иного участка прямо на местности¹⁵. Это была трудоемкая задача, и иногда для выполнения ее такой крупный полис, как Афины, привлекал до 50 человек¹⁶.

Определение границ земельных владений иногда касалось не всего государства, но лишь некоторых его подразделений. Так, около 330 г. аттический дем Сунион получил от своего богатого гражданина Левкия, сына Феокла, участок земли для собраний демотов в качестве подарка. Дем вынес специальное постановление: «тотчас же» выбрать троих мужей, чтобы они произвели межевание площади¹⁷. Иногда аттические демы также не выбирали специальных межевиков, а передавали наблюдение за границами участков казначеям дема: так, в упоминавшейся выше надписи Syll.³, № 966 от 346/5 г. межевые столбы поручалось поставить финансовым магистратам дема.

¹⁴ Syll.³, N 93, comm. п.. Здесь И. Кирхнер ссылается на комиссию межевиков в южноиталийской Гераклее. Но там, как мы увидим ниже, речь идет не о постоянной, а об экстраординарно избранной коллегии межевиков.

¹⁵ Интересно отметить терминологическую точность афинян — при выводе апойки в Брею около 440 г. для раздела участков на новом месте избирали по одному геону от каждой филы (Syll.³, 67). В самом термине «геоном» содержится указание на его юридическую правоспособность устанавливать размеры клеров (ср.: Яйленко В. П. Указ. соч. с. 164). Межевик же, видимо, только отмерял землю, следуя данному ему предписанию о размерах того или иного участка.

¹⁶ *Hyperid.* Pro Euxenippo, 16.

¹⁷ Syll.³, № 913. Примечательна расторопность демотов, стремящихся немедленно вымежевать границы подаренной для агоры довольно значительной площади — около 1752 χ 876 м. Ведь дем Сунион был весьма горист.

Текст документа показывает, что здесь все землемерные работы были введены в действие сразу же — надел, сдаваемый в аренду Автоклу, сыну Автея, и его сыну, имел общепринятое собственное название Филлейда, так что его границы были хорошо известны всем демотам. Поэтому казначеям дема нужно было лишь наблюдать за сохранностью границ хоридиона и за тем, чтобы арендаторы аккуратно выполняли условия договора в течение тех сорока лет, на которые они арендовали Филлейду.

Оба приведенных документа свидетельствуют, что в IV в. рядовое сельское население Аттики непосредственно распоряжалось земельными делами внутри демов: оно ведало вымежеванием новых участков и поддерживало традиционные границы владений¹⁸. Вероятно, хорошее знание территории своего дема и школьное знакомство с началами геометрии позволяли демотам успешно справляться с локальными задачами межевания.

Можно полагать, что надзор за границами между аттическими демами и триттиями также был делом специально избираемых граждан. Они опирались в своей деятельности на те межевые столбы с краткими, но четкими обозначениями, которые уже в V в. стояли на межах между владениями фил и триттий (Syll.³, № 917—920).

В IV—II вв. в аграрной истории Эллады происходил ряд изменений, оказывавших влияние на практическую систему землеустройства. Источники позволяют понять некоторые черты происходивших процессов. В Аттике, как отметил Дж. Файн, в конце V в. был решительно нарушен принцип неприкосновенности родовой земельной собственности. Земля стала отчуждаемым имуществом, и документы IV—III вв. свидетельствуют о переходах земельных участков от одного вл

Естественно, что каждое изменение владельцев надела вызывало усиленные заботы дема о точном сохранении межей участка, менявшего хозяина, — ведь всякая неяс-

¹⁸ Любопытно, что такой типичный представитель сельского населения Аттики конца V в. до н. э., как Стрепсиад, хорошо понимает необходимость землемерной науки — геометрии; особенно же он считал «народной и полезной» ту геометрию, которая предназначалась размежеванию не надельной, но всей вообще земли (*Aristoph.* *Nubes*, 202—205). Видимо, большинство зрителей в тогдашнем афинском театре вполне с ним соглашалось.

¹⁹ *Fine J. Horoi*, p. 202—206.

ность границ могла нанести материальный ущерб соседям или всему дему. Судя по речам ораторов, в IV—III вв. большие земельные владения состояли из многих участков, расположенных в различных демах Аттики²⁰. Как известно, наделы в Аттике были в основном небольшими²¹, что, несомненно, облегчало демотам проведение необходимых землемерных работ своими собственными силами. Несомненно, что демоты сами ставили межевые столбы с краткими грубоватыми надписями, извещавшими о закладе, продаже или иных операциях, связанных с данным частновладельческим участком²². Демархи и другие магистраты демов следили за границами земельных владений, принадлежавших всему дему и его святилищам. Тщательный надзор за этими землями был связан с получением дохода от сдачи в аренду таких участков²³. Межевые столбы, которые ставили на демовых землях, обычно четко сообщали, кому принадлежит эта земля. Например, известна вежа аттического дема Ангела с надписью: «Межа участка святилища героя Ангела»²⁴. Подобные памятники были найдены и в других областях страны.

Как известно, административная деятельность сельских властей составляла важное звено в системе греческой государственной жизни. Они решали самые важные вопросы²⁵, и это в полной мере относилось к распоряжениям демов относительно размежевания подведомственных им земель. Однако не все вопросы местного землеустройства входили в компетенцию демов. Земельные владения родов или союзов граждан распределялись этими организациями. Для межевых работ роды или союзы граждан специально избирали отдельных частных лиц. Интересные подробности сообщают две стелы, на которых начертаны решения третейских судов относительно земельных владений

²⁰ Giraud P. La propriete..., p. 400; Rostovtzeff M. SEHW, p. 1180—1183.

²¹ Finley M. Studies..., p. 58.

²² Fine J. Horoi, p. 51.

²³ Например, в 321 г. Пирей в арендных контрактах на участке святилищ прямо указал, что демоты получают то зерно, которое даст земля, запаханная арендатором в нарушение условий договора (Syll., 965).

²⁴ Kirchner J., *Dow St. Inschriften vom Attischen Lande.*— AM, 1937, Bd. 62, S. 8, N 7.

²⁵ Ведь юноша, достигший 18 лет, получал права гражданина именно в своем деме (Arist. Resp. Ath. 42, 1). Можно напомнить и то, как искусно оратор Исей использовал авторитет демотов в интересах своего истца (Isaeus, VIII, 18—20).

рода Саламиниев в Аттике²⁶. Этот большой род распался на две ветви, которые начали тяжбу относительно земли. Первый третейский суд в 363/2 г. до н. э. вынес общее решение: все владения рода должны быть поделены пополам, и каждая ветвь Саламиниев должна поставить межевые камни на своей части (стела № 1, стк. 16—19). Следовательно, тогда практическое размежевание производили сами члены рода, они же и ставили разграничительные камни. Однако спустя более чем 100 лет это решение было пересмотрено. Взаимные претензии уже четко обособившихся двух родов разбирали приглашенные в качестве «разрешителей» граждане — Антиген из дема Семахиды и Калител из дема Суния. В 242/1 г., вархонтство Фаномаха²⁷, эти судьи определили имущество — дома, сады, колодец и поля-делится между Саламиниями из Гептафил и Саламиниями из Суния. Но при разделе земли третейские судьи исходили из старинных межевых камней, обозначавших границы владений (стела № 2, стк. 38—43). Таким образом, эти надписи показывают, что землеустроительные работы внутри родовых территорий проводились или самой гентильной организацией, или совсем посторонними роду гражданами. Видимо, приглашение в качестве третейских судей посторонних демотов считалось обычным в Аттике IV—III вв. По-видимому, работа по размежеванию, которая считалась делом рядовых граждан, рассматривалась ими как одна из почетных, хотя и сложных гражданских обязанностей. Вероятно, эта деятельность не подлежала никакой оплате.

Земельные владения самих полисов обычно находились под наблюдением государственных администраторов. Магистраты разных ступеней ведали сохранением и размежеванием общих земель. Интересные данные содержит постановление аттической трибы Эреффеиды, принятое между 300 и 250 гг. (Syll.³, № 911). Этот документ специально упоминает псефисму, составленную Антисфеном, сыном Менандра, которая устанавливала правила: дабы все члены трибы знали состояние их общего имущества,

²⁶ Эти обширные тексты, содержащие много важных данных об экономической и религиозной жизни аттического дема, стали известны сравнительно недавно (Ferguson W. S. The Salaminioi of Heptaphylai and Soinion.— *Hesperia*, 1938, v. 7, p. 1—74).

²⁷ Meritt B. D. Athenian Archons 347/6 — 48/7 B, C— *Historia*, 1977, Bd. XXVI, p. 161—191.

эпимелетам вменялось в обязанность ходить во владение трибы дважды в год и проверять, обрабатываются ли сда²⁸нные в аренду участки согласно условиям договоров и стоят ли на местах межевые камни.

Греческим государствам приходилось иногда производить крупные землемерные операции для защиты своих владений от посягательств собственных отдельных граждан. Один из таких случаев хорошо известен благодаря надписям на двух медных таблицах из южноиталийского полиса Гераклеи (IG, XIV, № 645). Эти документы, относящиеся к IV в. до н. э., показывают, что город занялся упорядочиванием владений двух храмов. На таблице I идет речь о землях храма Диониса²⁹, которые оказались захваченными частными гражданами²⁹. Вероятно, беды военных времен и разливы реки Акирис уничтожили официальные межи, разграничивавшие участки святилищ. Город не мог сдавать их в аренду в таком виде, следовательно, лишился доходов³⁰, что и заставило полис принять чрезвычайные меры. Было созвано специальное народное собрание, которое рассмотрело вопрос и избрало комиссию из пяти граждан (Филоним, Аполлоний, Дадзим, Филот и Гераклид) для точного выменивания земель храма Диониса. Эта коллегия имела обширные юридические права: выявив размеры захваченной земли, она возбудила судебные иски против тех, кто «сделал священную землю собственной». Тяжбы были рассмотрены в течение тридцати

²⁸ Обычно в арендных контрактах излагали детальные правила эксплуатации участка. Например, неоднократно встречается запрещение вывозить почву с данного хориона (Syll., № 965, 966), нарушать полевою землю канавами (IG, XIV, № 645), уничтожать плодоносящие деревья (Syll., № 964) и т. д. Очевидно, что эти условия вырабатывали местные земледельцы, хорошо знавшие сдаваемый в аренду участок.

²⁹ Попытки частных лиц присвоить храмовую землю известны даже в Дельфах в конце II в. до н. э. (Syll., № 826, от 117 г.).
³⁰ В отношении эллинов к своим богам всегда было очень сильно развито представление об обязанностях богов заботиться о благополучии патронируемых ими полисов. Естественно, что имущество богов должно было приносить пользу государствам, поэтому все доходы храмов поступали в казну полисов. Учет был налажен очень строгий, и жрецы каждого храма писали властям государства подробные финансовые отчеты. Ярким свидетельством являются финансовые документы делосского храма. И в Афинах сведения о храмовых доходах аккуратно сообщались всему народу. Например, хорошо сохранился отчет о продаже в 334—331 гг. остатков жертвенных животных (копыт, рогов и т. д.), средства от которой поступили в государственную казну (Syll., № 1029).

дней, и Дионис получил обратно 738,5 схойнов своих земель, пашенных участков и нераспаханных кустарниковых и лесных угодий.

Точный и лаконичный отчет гераклейских межевиков (гористов) позволяет представить, как конкретно велась практическая землеустроительная работа. Эти землемеры выделили, отграничили, обмерили и разделили на несколько частей земли святилища Диониса. Обмер был начат ими от двух дорог, отделявших священные земли от частных наделов. Владения храма они поделили на четыре части (мериды), в каждую из которых входили обработанная земли и нераспаханные угодья. После этого участки были сданы в аренду. Судя по приведенным ниже цифрам арендной платы, в предшествующее время частные лица захватили около 25% священной территории. Комиссия гористов поставила также столбы с надписями о принадлежности участков Дионису. Описание места, где ставились вехи, составлено очень тщательно. В конце отчета Филоним и его коллеги сообщили, сколько именно межевых столбов и на каком участке они поставили. Примечательно, что иногда они ставили по два столба с надписями³¹, а иногда — простые межевые вехи. После отчета землемеров на той же медной скрижали были написаны весьма подробные условия сдачи в аренду заново вымежеванных участков Диониса.

Текст арендных условий сообщает, что землю Диониса сдавали в аренду полис, полианомы и коллегия межевиков. Подписан же документ в конце секретарем Аристодамом, сыном Симмаха, и геометром, из Неаполя. Появление подписи геометра Хэрея, являвшегося инополитом в Геракlee, указывает, что он был вспомогательным работником: ведь официально его не включали в состав межевиков. Однако его подпись была необходима; это позволяет предположить, что в данном случае геометр был наемным профессионалом, который произвел техническую опись состояния каждого из сдаваемых в аренду участков. Он отвечал за указанное им количество строений, оливковых деревьев, виноградных лоз и т. д.

Вторая медная таблица из Гераклеи содержит документы относительно земельных владений Афины Полиады.

³¹ В Аттике засвидетельствована та же практика ставить по два одинаковых межевых столба (*Klaffenbach G. Zwei neue Horossteine aus Attika.* — AM, 1926, Bd. L

По-видимому, эти работы были осуществлены не сразу, может быть, через год после работ на землях Диониса — эпонимом полиса назван здесь другой эфор, а комиссию межевиков теперь составили только из трех граждан — тех же Филонима, Аполлония и Дадзима. В своем отчете эта коллегия сообщает, что они провели те же виды землемерных работ во владениях богини Афины, подготовили несколько участков и сдали их в аренду. Конец текста не сохранился, но все же и этот документ сообщает важные данные. Меньший состав коллегии землемеров и отсутствие указаний на проведенные судебные процессы заставляют предполагать, что земли святилища Афины не подвергались расхищению или, может быть, захватчики теперь безропотно вернули богине ее земли. Как бы то ни было, полис счел необходимым обновить всю деловую документацию и этих земель³².

Гераклейские надписи ясно указывают, сколько усилий прилагали полисы к проведению крупных землемерных работ. Их доверяли специально избираемым гражданам, получавшим также значительные юридические полномочия. В качестве аналогии можно напомнить о деятельности херсонесского гражданина Агасикла, сына Ктесия, именитого гражданина Херсонеса. В III в. до н. э. он провел важные работы в своем полисе, в том числе и размежевал виноградники на равнине. За эти заслуги полис поставил ему стацию (IOSPE, I⁷, № 418).

В самой Элладе в это же время можно заметить улучшение даже внешнего вида межевых камней, особенно когда это были вехи общественных владений. Так, во второй половине IV в. текст на межах одного сельского святилища в Аттике был исполнен квалифицированным резчиком; надпись на этом камне указывала и длин/ межи в 50 футов³³.

Военные и экономические трудности, которые пережили греческие государства в III—II вв., должны были вызвать особые заботы о землемерной практике и документации. Среди редких источников надлежит упомянуть сильно фрагментированную монументальную надпись из Лариссы (Фессалия), поставленную около 217 г. до н. э. Это был официальный список хоридионов различной ве-

личины с именами их владельцев — видимо, город выяснял состояние своего аграрного фонда³⁴. Несомненно, опубликование этого документа предшествовала кропотливая работа землемеров, выверивших на местности размеры канедого клера.

Участившиеся случаи продажи или закладов земельных участков должны были хоть иногда происходить при участии землемеров, точно обмерявших такие хоридионы. Однако во многих надписях³⁵ о таких операциях никаких упоминаний о межевиках мы не встречаем. Конечно, в истории межевого дела эллинистической Эллады остается еще много неизвестного и спорного. Например, недавно был поставлен вопрос о связях между городским и сельским межеванием³⁶, но вряд ли в III—II вв. архитекторы и межевика работали совместно. Нуждается в исследовании обширная тема о земельных спорах между соседними полисами. Некоторые из этих усобиц длились долго, для решения их избирались авторитетные третейские суды³⁷. Несомненно, при разборе этих конфликтов должны были применяться практические приемы землемерного дела.

Приведенные выше некоторые данные о геодезии в IV—II вв. в Элладе позволяют сделать следующий вывод: полис довольно редко пользовался трудом профессиональных землемеров и не имел постоянной межевой службы. Корни этого явления восходили к малой подвижности аграрного фонда. Оба разряда земельных владельцев, полис и индивидуальные владельцы, старательно использовали уже сложившуюся систему деления полей.

³⁴ *Salviat F., Vatin Cl.* Le Cadastre de Larissa.— BCH, 1974, LXXXII, p. 247-262.

³⁵ *Fine J.* Ногої, p. 61-115; *Finley M.* Studies..., p. 21-27. Иногда полисы устраивали единовременную большую распродажу участков, и возможно, что при этом избиралась специальная комиссия межевиков. Такая операция известна в конце III — начале II в. до н. э. в Херсонесе Таврическом (IOSPE, I⁷, № 403; IV, № 80. Детальный анализ текста см.: *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Причерноморья. М., 1953, с. 29-35.

³⁶ *Boyd T. D., Jameson M. H.* Urban and Rural Land Division in Ancient Greece.— *Hesperia*, 1981, v. 50, p. 327-342.

³⁷ Например, Полибий рассказывает о многолетней тяжбе Мегалополя и Спарты из-за земель в судьи около 164 г. вынесли свое решение, и в Олимпии была установлена стела с этим документом (*Polyb.*, XXXI, 9, 7; *Inscriptionen von Olympia*, N 47).

³² Мне осталось неизвестным новое издание таблиц из Гераклеи: *Uguzzoni A., Ghinatti F.* Le tavole greche di Eraclea. Roma, 1968.

³³ *Klaffenbach G.* Op. cit., S. 21.

Глава седьмая
ОРУДИЯ ТРУДА
ОБРАЗОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Углублявшаяся специализация внутри греческой интеллигенции, естественно, требовала создания разнообразных орудий интеллектуального труда. До нашего времени дошли подлинные инструменты и приборы, изображения орудий на памятниках искусства, а также упоминания о них у античных авторов. Инструментарий врача, реквизит актера, часы, навигационные приборы, письменные принадлежности, музыкальные инструменты — все известные ныне образцы этих изделий отличаются рациональностью устройства и удобством практического применения. При тогдашнем состоянии производства основные орудия были сравнительно простыми, сложных инструментов и механизмов известно не так много. Но вся техника того времени была великолепно приспособлена к возможностям применяющих ее работников, что обеспечивало высокий коэффициент полезного действия их труда.

Специалисты эллинистической Греции унаследовали много приспособлений от своих предшественников классического времени. Вместе с тем давняя богатая традиция послужила основой для крупных технических усовершенствований в IV—II вв. Конечно, прогресс орудий труда различных специальностей шел по-разному. Но эта тема слишком обширна, чтобы осветить ее в данной книге, поэтому мы ограничимся лишь кратким обзором.

Принадлежности для письма в изучаемые столетия претерпели не столько качественные, сколько количественные изменения. С давних пор греки много писали на табличках и листках из самых различных материалов — глины, бронзы, свинца, дерева, кожи, полотна,

¹ Schubart W. Das Buch bei den Griechen und Römern¹. Leipzig, 1960, S. 7—37.

папируса, камня. Способов письма было два: 1) буквы вырезали металлическим или костяным острием — γραφίς, такие письмена называли χαρακτήρες — черты; 2) буквы наносили краской с помощью кисти или писали чернилами посредством пера из тростника — κάλαμος.

Весьма распространены были деревянные доски, поверхность которых обычно покрывали белой краской или воском.

Дошечки небольших размеров служили для всякого рода кратких записей. Пространные тексты размещали на многих табличках, которые соединяли вместе шнурами, пропущенными через соответственно просверленные отверстия². Так возникли первые тетради и книги. Для того, чтобы начерченные письмена случайно не стирались, края табличек вырезали в виде валика, со всех сторон возвышавшегося над поверхностью для письма. Такие дошечки сначала имели треугольную форму, откуда и пошло их название дельта (ή δέλτος). Уже в I в. до н. э. дельты делали из бронзы, судя по Syll.³, № 764. Деревянные доски больших размеров применялись в школах и в государственной практике: магистраты выставляли официальные объявления или вели на них публичные списки. Покрывать гипсом, они назывались σαπίδες или λειχώμα, левкомата³. Были и другие названия: например, в Оропе в IV в. полисные чиновники употребляли квадратные доски, именовавшиеся τό πέγορον⁴. Упоминания о левкоматах встречаются у авторов и в надписях довольно часто, причем заметно, что такие доски служили для написания временных или второстепенных объявлений и документов⁵.

² Две дошечки, соединенные вместе, назывались диптих, три связанные дельты именовались триптих. Оба эти термина вошли в русский язык.

³ Пользуясь документами, дошедшими до нас на камне или металле, историки иногда забывают о массе погибших актов, которые публиковались в полисах на деревянных досках и безвозвратно погибли еще в древности. О них имеются лишь разрозненные упоминания. Например, в Афинах списки оштрафованных выставлялись на таких досках (Lys., IX, 6). Такая же практика³ засвидетельствована в 175—172 гг. в Лебадее (Беотия) (Syll., № 972). На острове Косе около 200 г. левкоматы служили для записи участников культа Аполлона и Геракла (Syll., № 1023).

⁴ Syll.³, № 1004. 40.

⁵ В надписи из Ларисы от 214 г. четко указано, что основной текст документа должен быть записан³ на камне, лишь часть его выставляется на левкомате (Syll., № 543). На острове

Широкое употребление, особенно в афинском государственном делопроизводстве, получили навощенные дощечки или пинаки (ὁ πίναξ). На них писали разные списки, решения судей, счета и другие официальные документы. Пинаками называли также доски, которыми пользовались архитекторы, художники и чертежники. Размеры и количество чертежных досок определялись характером сооружений, планы и проекты которых на них подготавливались. Так, в 408/7 г. в надписи о строительстве Эрехфейона записано, что за 4 доски уплачено 4 драхмы. Изготовление больших чертежных досок было сложным и дорогостоящим делом. В 279 г. на Делосе в отчете о расходах на ремонт храмовых сооружений записано, что для плана пропилеи куплена доска у Хресима за 12 драхм. Доску отделивал некто Феодем, за что ему уплатили 2 драхмы. Затем доску побелили с обеих сторон, что стоило 3 драхмы. Таким образом, доска для чертежа плана пропилеи стоила 17 драхм. Вероятно, столь ценный инструмент готовили для специалиста высокой квалификации.

Школьники и беднейшее население издавна использовали дешевые виды писчего материала. Например, в Афинах в V в. до н. э. в школах употребляли каменные доски из мягких сланцевых пород, по которым было удобно писать и затем стирать написанное⁶. В большом ходу были обломки керамики особенно чернолаковой, на которых очень часто упражнялись в написании букв алфавита. Школьники из зажиточных семей имели навощенные доски — дельты; восковое покрытие на таких школьных досках возобновляли не реже одного раза в месяц⁷.

Несомненно, что писчие материалы для школьников делались сравнительно простыми и, главное, прочными.

Кеосе полис Коресия в III в. предписывал секретарю записывать по порядку имена мужчин и мальчиков, победителей на спортивных состязаниях, на левкомате, а само постановление — на каменной стеле (Syll., № 958).

⁶ IG, I, N 372.

⁷ IG, XI, 2, № 161/A.

⁸ Около сотни сланцевых досок было найдено в сбросе у стены Гиппарха в Афинах. См.: *Vanderpool E. News Letter from Greece.*— *AJA*, 1959, v. 63, p. 279—280, PL 75, fig. 11. Формы этих скрижалей были самые различные. На некоторых дощечках сохранились ученические записи.

⁹ *Herod. Mim.*, III, 14-16.

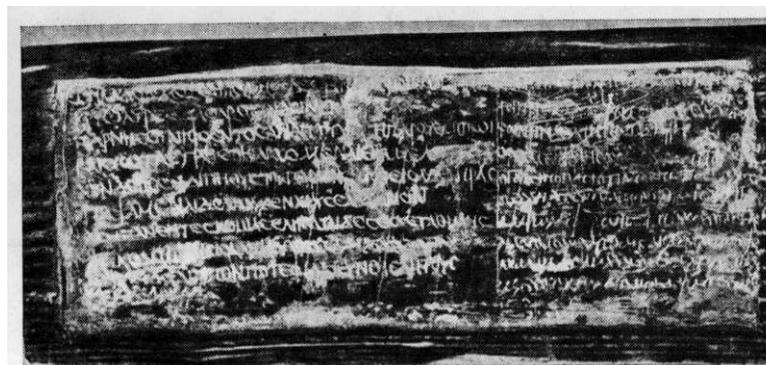

РИС. 10.

Дельта — деревянная доска школьника.

Иной вид имели инструменты, которыми писали зажиточные люди. Уже в V в. до н. э. изготовляли роскошные орудия письма, как показывает костяная графида, найденная в одном из погребений Эретрии на Эвбее и хранящаяся ныне в Британском музее¹⁰.

Эллины издревле писали тексты, предназначенные для длительного сохранения, на кожах овец и коз¹¹. Знакомство с египетским папирусом и все возрастающий ввоз его в Грецию¹² обусловили широкое распространение папирусных листов (ὁ χάρτης), чернил — (τὸ μέλαν) и перьев из камыша (ὁ κάλαμος). В III—II вв. листы и длинные свитки (ἡ βίβλος) из папируса главенствовали в писчем деле эллинов. На них писали письма, документы, литературные и научные произведения. Удобство этого материала способствовало развитию книгоиздательского дела и созданию крупных коллекций книг.

К сожалению, цены на папирус в Греции почти неизвестны. При строительстве Эрехфейона в Афинах в конце V в. была записана покупка двух листов папиру-

¹⁰ British Museum. *A Guide to the Exhibition illustrating Greek and Roman Life.* L., 1908, p. 185, fig. 193.

¹¹ *Her.*, V, 58.

¹² В. Шубарт считает, что массовое поступление папируса в Грецию начинается со времени Алены. *Schubart W. Das Buch...*, S. 22.

са за 2 драхмы и 4 обола¹³. Но каков был размер купленного папируса — остается неизвестным.

В полисном делопроизводстве папирус потребляли в значительном количестве — на нем писали копии и проекты документов, отчеты, ведомости, разные списки. Покупка папируса производилась заблаговременно, с запасом. В отчетах делосских гиеропеев (180 г.) сохранилось интересное свидетельство о том, что в месяце Ленэе они потратили 5 драхм на листы папируса (в то же самое

РИС. 11.
Графида из слоновой кости. Эвбея. V в. до н.э.

время эти гиеропеи купили жертвенного поросенка за 4 драхмы и 3 обола). Так как в записях расходов следующего месяца папирус не упомянут, то вероятно, что на 5 драхм был закуплен папирус на два, а может быть, и на три месяца вперед.

Стоимость книг — свитков папируса — остается пока неизвестной. Судя по многочисленным изображениям книжных свитков на памятниках искусства в III—II вв., книги из папируса были доступны широким кругам населения полисов.

Упомянем еще об одном писчем материале — пергаменте. При царе Евмене II в Пергаме была усовершенствована выделка кожи, из которой стали изготавливать великолепный писчий материал, получивший название пергамента. Высокое качество пергамента и его дороговизна обусловили использование его для важных документов и роскошных изданий. Можно полагать, что в последние десятилетия эллинской независимости только самым богатым гражданам полисов было доступно употребление пергамента.

¹³ IG, I2, № 372. На этих листах были написаны копии счетов.

Попутно заметим, что для письма на пергаменте использовались такая же чернильница¹⁴ и калам, как и для письма на папирусе.

Трудно определить, какими инструментами работали резчики надписей по камню. Многочисленные варианты лапидарных шрифтов эллинистического времени показывают, что при исполнении надписей применяли зубила и долото самых различных размеров. Кроме молотка, резчики надписей применяли еще и линейки, по которым вычерчивали линии для строк. Особенно чисто графили поверхность камней для сложных государственных текстов¹⁵.

Архитекторы пользовались орудиями труда двух видов. Для проектной работы у них был набор чертежных инструментов — доски¹⁶, линейки, прямоугольники, треугольники, циркули¹⁶, графиды и каламы. При возведении различных сооружений требовались уровни, отвесы и самые разнообразные приспособления, именовавшиеся *μηχανήματα*. В их числе были подъемные устройства, катки и рычаги¹⁷.

Выше уже говорилось об инструментарии врачей. Добавим только то, что орудия труда медиков изготавливали из кости, рога, камня, железа, но больше всего из бронзы¹⁸.

¹⁴ Античные чернильницы были найдены при раскопках многих эллинистических и римских городов. Их делали из глины и бронзы. См.: *Robinson D. M. Olynthus V. Mosaics, Vases and Lamps of Olynthus*. Baltimore, 1933, p. 260, PL 194; *Sfquist E. Morgantina: Hellenistic Inkstands*.— *AJ A*, 1959, v. 63, p. 275-277, PL 71.

¹⁵ Попутно отметим, что изготовление важных государственных надписей обходилось довольно дорого. Например, Дельфы уплатили Дейномаху за написание списка победителей на Пифийских играх 2 мины (Syll. ³, № 327/6 г. Вероятно, работа Дейномахом заняла много месяцев — ведь список был составлен Аристотелем и Каллимахом около 332 г., судя по Syll. ³).

¹⁶ Применение циркуля засвидетельствовано в Греции уже около XV в. См.: *Блатская Т. В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976, с. 91. Судя по Аристофану (Aves, 1005), циркуль был неизменным атрибутом архитекторов.

¹⁷ Весьма обстоятельное исследование подобных механизмов произведено А. Орландосом (Τὰ υλικά ..., II σ. 88—174).

¹⁸ Изящные хирургические инструменты римского времени, несомненно, сохраняли традиции инструментария эллинистической Греции, что, конечно, связано с той ролью, которую эллинская наука сыграла в развитии римской медицины. См.: *Сергеевко М. Е.* Ремесленники древнего Рима. Л., 1968, с. 48.

года и 2) изменение количества воды, вытекающей из одного мерного сосуда в другой.

Солнечные часы, изготавливавшиеся из мрамора или прочного камня, были найдены при раскопках многих эллинистических городов. Изготавливались они для каждой местности Греции, и расчеты их конструкции производили архитекторы — Витрувий указывал, что архитектура включает три части: строительство, гномнику и механику²⁴. Сооружение солнечных часов обходилось недешево, и не каждый город мог позволить этот расход. В мелких центрах и в селах жители определяли время старинным способом — по длине своей тени, измерявшейся длиной ступни человека.

Водяные часы — клепсидры — имели различные размеры и конструкцию. Чрезвычайно интересна открытая в 1953 г. монументальная клепсида на агоре в Афинах²⁵. Ее конструкция и дата сооружения совпадают с устройством клепсидры в святилище Амфиарая в Оропе, что позволило исследователям считать оба механизма творением одного архитектора²⁶. Афинская клепсида, показывавшая афинянам время на главной городской площади с конца IV в. до начала II в. до н. э., за время своей службы претерпела конструктивные доработки в соответствии с техническими достижениями того времени²⁷. Обычно клепсидры являлись государственными сооружениями, но вполне возможно использование переносных приборов в домах богатейших граждан.

Таким образом, даже из краткого обзора ясно, сколь разнообразны были подручные средства образованного работника в эллинистической Греции²⁸.

²⁴ *Vitruv.*, I, 3, 1.

²⁵ The Athenian Agora, XIV. *Thompson H. A., Wycherley R. E.* The Agora of Athens. Princeton, 1972, p. 64—65, 202; *Armstrong J. A., Mck Camp. II. J.* Notes on a Water clock in Athenian Agora.— *Hesperia*, 1977, v. 46, p. 147—161.

²⁶ *Armstrong J. E., Mck. Camp. II. J.* Notes..., p. 152.

²⁷ Клепсидры в Афинах и Оропе, сооруженные во второй половине IV в., показывают, что сведения Витрувия о решающей роли Ктесибия в изобретении водяных часов (*Vitruv.*, IX, 8) должны быть поняты как сообщение лишь о дополнениях Ктесибия, жившего в III в., к уже давно созданной системе измерения времени с помощью гидравлического сооружения.

²⁸ Добавим лишь то, что это были добротные изделия. В качестве примера назовем краски художников — на многих античных памятниках они и ныне сохраняют свою свежесть и яркость.

Следует сказать еще об учебных пособиях, употребившихся в школах.

Обучение детей требовало значительного количества таких предметов — чернил, папируса, простых и навошенных дощечек и, вероятно, моделей геометрических тел — конусов, цилиндров, шаров и т. д. Особо отметим изготовление таких учебных пособий, как таблицы с примерами на четыре правила арифметики, на дроби или на более сложные математические действия. Судя по происходящим из позднего Египта табличкам²⁹, подобные таблицы писали на деревянных досках небольшого формата (например, 0,260 X 0,125 м.). В деревянных тетрадах-образцах, видимо, обычно писали чернилами прямо по дереву, так как текст должен был служить долго.

С давних времен в греческой школе применяли счетные³⁰ таблицы — абаки. Известно несколько типов абаков.

Несомненно, что в серьезных гимназиях могли применять географическую градусную сетку Эратосфена и планетарий Архимеда.

В школьный инвентарь входили также многочисленные снаряды для физических и военных упражнений — диски, мячи, луки и т. д.

Наряду с орудиями и приборами, широко использовавшимися в эллинистической Греции, существовали отдельные механизмы, не вошедшие в массовое употребление. Таков, например, был будильник, изобретенный Платоном для того, чтобы громким звуком поднимать утром учеников, спавших в различных местах сада Академии. Этот механизм работал на принципе использования водяного давления для сжатия воздуха, перегоняемого в узкую трубку и звучащего при выходе из нее³¹. Совершенно ясно, что здесь была развита давняя идея греческих водяных часов, клепсидры. Были и другие аппараты, о которых лишь мимоходом упоминали античные писа-

Прекрасные образцы, датируемые V—VI вв. (из Египта), см.: *Boyaval B.* Tablettes mathematiques du Musee du Louvre.— RA 1973, p. 243-260.

³⁰ М. Лэнг, изучая вычисления Геродота, указала на несколько ошибок «отца истории» из-за того, что он невнимательно пользовался абаком. См.: *Lang M.* Herodotus and the Abacus.— *Hesperia*, 1957, v. 26, p. 271—287.

³¹ Подробнее описание будильника Платона дал Г. Дильс, предложивший убедительную реконструкцию всего инструмента. См.: *Дильс Г.* Античная техника, с. 172-175, рис. 78—80.

тели. Сопоставление даже кратких данных создает впечатление, что творчество механиков в эллинистической Греции не ослабевало по сравнению с предшествующим периодом, они с успехом использовали достижения V—IV вв.

О внимании эллинистического общества к механическим усовершенствованиям весьма красноречиво свидетельствуют обширные экскурсии Полибия в эту область. Напомним его изложение различных систем сигнальных огней (по современной нам терминологии — систем видеотелеграфа) и весьма квалифицированную полемику самого Полибия с принципами, которые Эней Тактик (IV в.) положил в основу своего устройства связи. Стремление самого Полибия усовершенствовать применявшиеся тогда приемы оптического телеграфа говорит о том напряженном поиске, который вели эллинские механики в III—II вв. (*Pol.*, X, 43-47).

Попутно заметим, что подобная творческая деятельность требовала и мастеров-ремесленников, специализировавшихся на изготовлении орудий интеллектуального труда. Этот слой работников не мог быть многочисленным, но существование его в полисах, где трудилось много лиц интеллигентных профессий, не может вызывать сомнений³². Можно предположить, что среди таких ремесленников было много одаренных от природы механиков, вынужденных ограничиться ручным трудом в силу недоступности теоретического образования. Ведь книжные науки были уделом молодежи из рабовладельческих семей не менее чем среднего достатка.

Как известно, в эллинистическое время большое значение имели библиотеки.

Уже в конце V в. Сократ отмечал, что медики написали много трудов³³, в последующие столетия расширение знаний влекло за собой рост литературы, как чисто научной, так и учебной. Пользование этим орудием интеллектуального труда зависело от многих обстоя-

³² По-видимому, специалисты, изготовители топких инструментов, появились в Греции задолго до эпохи эллинизма. В архитектуре изготовление парадейгм должно было существовать во времена ранних монументальныхстроек. Об этом бесспорно свидетельствует миниатюрная дорийская капитель, датированная серединой VI в., найденная в Коринфе. См.: *Roebuck M. C.* Excavations at Corinth: 1954.— *Hesperia*, 1955, v. 24, p. 152, PL 61 a.

³³ *Xen. Mem.*, IV, 2, 10.

тельств. Не последнюю роль играли и чисто экономические факторы. Ведь покупка и составление обширного собрания свитков были доступны лишь состоятельным людям³⁴. Между тем потребность в книгах испытывали очень широкие круги грамотного населения, а представители интеллигенции в массе своей не обладали особым богатством.

Распространенность произведений крупнейших поэтов и ученых³⁵ подтверждается и тем, что в первой половине IV в. мы встречаем книги в числе товаров, которыми бойко торговали в самых отдаленных уголках греческого мира³⁶. Легко перевозимые в деревянных футлярах книги массами оседали не только в крупнейших центрах, но и в любом городе, где любили читать.

Для ясного представления о множестве читавшихся тогда свитков напомним, что до нас дошло лишь 26 подлинных сочинений Аристотеля, а в III—II вв., вероятно, сохранялись все его труды. Если обратиться к афинским трагикам, то число наиболее читаемых произведений оказывается уже трехзначным. Библиофильство сопровождалось составлением сначала частных собраний свитков, затем в крупнейших культурных полисах появились публичные библиотеки.

Коротко остановимся на истории возникновения общедоступных книгохранилищ. Поздняя аттическая традиция, сохраненная Авлом Геллием, называла организатором их Писистрата, дело которого было затем усердно продолжено афинянами. Когда Ксеркс взял Афины, он захватил эту библиотеку и отправил ее в Персию. Позднее, говорит Авл Геллий, все книги³⁷ были возвращены в Афины царем Селевком Никатором.

Рассказ ученого римлянина остается пока что единственным свидетельством. Вероятно, в основе этой поздней версии лежали воспоминания о широком распространении в Афинах в VI в. сочинений ученых и поэтов. Преда-

³⁴ Даже выделение специального помещения для хранения свитков и оснащение комнаты особыми шкафами-хранилищами требовало затраты немалых сумм.

³⁵ Судя по аргументации Сократа во время его защиты в афинском суде в 399 г., считалось вполне обычным знакомство всех гелиастов с трудами Анаксагора (Plato. Ap. 26d). Возможно, конечно, что Сократ несколько преувеличил образованность судей, тем более что сам он изучал книги Анаксагора с большим рвением (Plato. Phaed., 97 b, 98 b).

³⁶ Xen. Anab., VII, 5, 14.

³⁷ Qellius. Noctes Atticae, VII (VI), 17, 1-2.

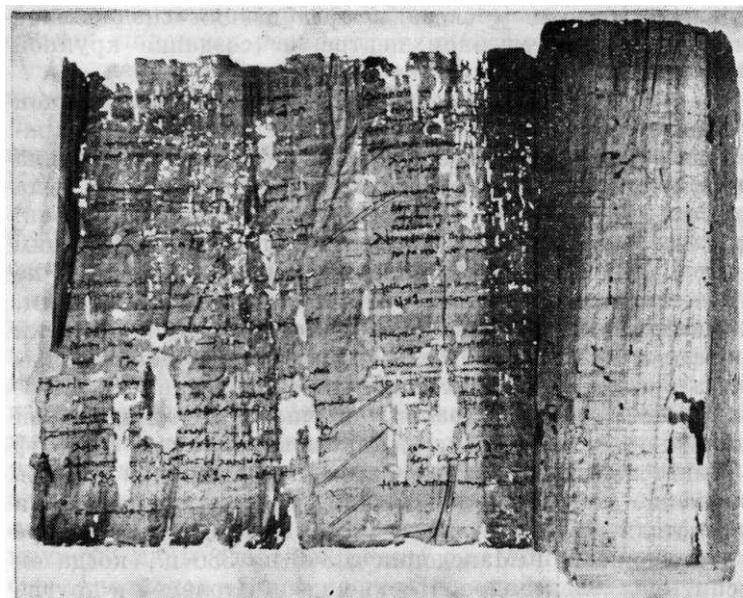

РИС. 12.

Развертываемый для чтения книжный свиток. Папирус.

ние о том, что при Писистрате в Аттике были впервые записаны поэмы Гомера, также указывает на большой интерес к чтению, на возникновение потребности иметь читаемый текст эпоса у какого-то, первоначально еще довольно узкого круга образованных афинян. Естественно полагать, что преподаватели афинских школ уже собирали тогда необходимые им труды, составляя небольшие учебные библиотеки. К концу V в. в Афинах собирание книг стало заметным явлением. Библиотеки теперь получили значение важного инструмента для приобретения образования. По-видимому некоторые ученые старшего поколения не сразу это признали, считая живое слово учителя не менее действенным. Однако книги читало все большее число людей, переписчики поставляли на книжный рынок все новые списки наиболее популярных произведений.

Уже в IV в. библиотеки стали важным фактором в научной жизни эллинов. Имеющиеся данные позволяют заключить, что огромную роль в этом деле играл Аристо-

тель. С его именем связаны организация Специальной библиотеки при учебном центре и создание крупной государственной библиотеки.

Как сообщает Страбон, Аристотель вместе с школой передал Феофрасту и свою библиотеку, причем сохраненная в полисе Скепсисе традиция тщательно проследила дальнейшую судьбу этого собрания³⁸. Видимо, это была крупная библиотека. Примечательны слова Страбона: Аристотель был, как нам известно, «первым, собравшим книги». Это сообщение, вероятно, нужно понимать не буквально, а в том смысле, что Аристотель был первым, кто собрал книги при школе. Устройство библиотеки при философской школе знаменовало качественный скачок в греческой системе высшего образования. Аристотель, как говорит Страбон, научил египетских царей «составлению библиотеки». Как известно, сам философ в Египет не ездил, так что в этом известии нужно видеть отражение той обширной библиофильской деятельности Аристотеля, которую он вел у себя на родине в Стагире и в особенности в Македонии с 343 по 336 г., когда он воспитывал Александра. Именно здесь Птолемей и другие товарищи юности сына Филиппа не только получили от Аристотеля научные знания, но и оценили значение библиофильства. Только так можно объяснить то, что идею организации Александрийской библиотеки связывают с именем великого философа. Правда, Птолемей был тесно связан и с Феофрастом, но нужно думать, что любовь к собиранию книг ему привил сам Аристотель.

Собственная библиотека Стагирита была обширным собранием — вероятно, он вложил в нее много средств, полученных от македонян. Около 285 г., после смерти Феофраста, ученик и наследник последнего Нелей перевез это собрание из Афин в свой родной город Скепсис. Судя по тому, что Нелей оставил свою библиотеку не полису, а собственным родственникам, сам он рассматривал ее больше как огромную материальную ценность, нежели как орудие просвещения.

Греческие полисы периода эллинизма, являвшиеся центрами науки и искусства, подняли библиотечное дело на очень высокий уровень. Отдельным полисам было трудно, конечно, соперничать с Птолемеями или Атта-

³⁸ *Strabo*, XIII, 1, 54.

лидами, но деятельность каждого города содействовала самому широкому распространению научных знаний.

Государственные библиотеки находились под неусыпным наблюдением всего гражданства городов.

Обратимся к весьма яркому документу, повествующему об основании библиотеки во II в. до н. э. на острове Косе, изданному еще в 1935 г. Л. Робером³⁹. На мраморной стеле (сохранившаяся высота 0,34 м., полная ширина 0,20 м.) начертано объявление о том, какие граждане сделали пожертвования на библиотеку.

Текст документа позволяет заключить, что на Косе⁴⁰ в начале II в. до н. э. была основана заново библиотека полиса. Маловероятно, чтобы в этом крупном центре медицинской науки до такого позднего времени не было государственной библиотеки. Напрашивается предположение, что какая-то катастрофа, вероятнее всего, пожар, уничтожила прежнее городское книгохранилище, и в этих чрезвычайных обстоятельствах граждане объединились для воссоздания полисной библиотеки⁴¹. Самые крупные дары сделали Диокл, сын Аполлодора, и его сын Аполлодор — они построили здание библиотеки и, кроме того, внесли 100 книг. Четверо граждан внесли по 200 драм и по 100 книг. Только деньги (по 200 драм) подарили еще 5 человек. К сожалению, плита внизу обломана и совершенно неизвестно, сколько строк погибло. Суммируя имеющиеся цифры, получаем следующее: деньгами было внесено, не считая стоимости библиотеки, не менее 1200 драм, возможно даже, 1400 драм⁴², книг было подарено 500 свитков. Если учесть, что в Афинах в 117/6 г. пожертвование 100 книг делал сообща целый выпуск эфеев⁴³, состоявший из более чем 90

³⁹ *Robert J.*, Notes d'epigraphie hellenistique XLI. ΕΠΙΔΟΣΕΙΣ pour des bibliothèques.- BCH, 1935, LIX, p. 421-425.

⁴⁰ Надпись находилась в частной коллекции в Париже и была куплена в 1912 г. на Родосе. Но Л. Робер на основании данных ономастики Родоса и Коса установил весьма убедительно, что камень происходит с острова Кос.

⁴¹ Начало надписи: «Следующие лица объявили о своем даре библиотеке...» — позволяет думать, что ей предшествовал какой-то текст с объяснением причин, почему нужен сбор средств для библиотеки.

⁴² В стк. 17 и 18 за именами Леонида и Евнома можно ожидать упоминания об одном лишь денежном даре, а не о внесении книг.

⁴³ IG, II 2, № 1009.

человек, то станет ясной ценность подарка, который вносил каждый из граждан⁴⁴. Вместе с тем крупные размеры пожертвований говорят о необходимости каких-то особых мер по восполнению библиотеки на Косе.

Косский текст позволяет заключить, что библиотеки полисов обычно насчитывали сотни, а может быть, тысячи свитков, и поэтому для воссоздания приличной государственной библиотеки нужны были щедрые дары⁴⁵.

Крупные полисы, такие, как Кос, Смирна⁴⁶ или Эфес, строили специальные здания для публичных библиотек. Античные библиотеки с самого начала имели особую архитектуру, так как свитки хранились в особых футлярах в нишах или на полках шкафов. Огромный опыт эллинистических зодчих был обобщен Витрувием⁴⁷, и в его предписаниях о качестве помещения для книгохранилища нужно видеть отзвуки эллинистической теории⁴⁸.

Не только здания, но и расположение книг и система комплектования библиотеки были предметом исследований эллинистических ученых. До нас дошла, правда, только одна работа «О собирании книг» (*Περὶ συναγωγῆς βιβλίων*), принадлежащая Артемонту⁴⁹, уроженцу Кассандрей (Македония), написанная во II или I в. до н. э. Этот труд свидетельствует о большом прогрессе в теории библиотечного дела.

Помимо общегосударственных книгохранилищ в полисах эллинистической Греции существовали ведомственные библиотеки — собрания учебной литературы при гимназиях. Известны многие города, в гимназиях которых имелись библиотеки: Родос, Коринф, Дельфы, Афины. Объемы этих собраний колебались достаточно сильно. Например, в гимназии Родоса во II в. обычно книги

⁴⁴ О богатстве жертвователей на косскую библиотеку бесспорно свидетельствует тот факт, что имена многих из этих лиц известны из других эпиграфических документов, относящихся к расходам на сакральные торжества на Косе.

⁴⁵ Л. Робер упоминает еще неизданную надпись римского времени с острова Кос, в которой также говорится о пожертвовании одним лицом библиотеки «Дому Цезаря» и народу (*Robert L. Notes...*, p. 424).

⁴⁶ *Strabo*, XI, 1, 37.

⁴⁷ *Vitruv.*, VI, 4, 1.

⁴⁸ Строительным канонам возведения библиотек посвящено исследование: *Götze B. Antike Bibliotheken.*— JDAI, 1937, Bd. 52, S. 225—247.

⁴⁹ FHG, IV, 342 sq.

имелись в одном экземпляре, лишь в трех случаях из известного нам списка в 17 названий стоят цифры 5, 4 и 2 экземпляра. Это труд Диогена Лаэртского об афинском законоустройстве, «Технэ» писателя Феодекта и безымянная речь «Против Евагора»⁵⁰.

Любопытны сведения о количестве книг в библиотеке гимнасия полиса Теоса: в относящейся к I в. до н. э. надписи SEG, II, N 584 встречается цифра 185. Однако плохо сохранившийся текст не позволяет решить, о всех ли книгах идет речь или только о тех, которые нуждаются в ремонте. Нам кажется, что второе предположение больше отвечает действительности.

Гимнасиальные библиотеки комплектовались не только за счет государственных средств (как можно предположить), но и иными способами. Как всегда, пожертвования частных граждан были наиболее распространенным источником. Интересные данные содержат родосские надписи⁵¹, датируемые II в. до н. э.

Родосский полис с большим уважением относился к гражданам, проявлявшим заботу о библиотеке гимнасия: в конце ее каталога, высеченного на мраморных плитах, была начертана просьба к желающим подарить книги, чтобы они записали свои имена у гимнасиархов, затем стояли имена даривших⁵². К сожалению, сохранность этой части текста⁵³ очень плохая, и практически ничего из него почерпнуть нельзя.

Более подробные сведения содержат надписи из Афин — постановления демоса в честь эфебов, их настав-

⁵⁰ *Maiuri A. Nuova Silloge Epigrafica di Rodi e Cos.* Firenze, 1925, p. 14, N 11 = *Segre M. Catalogo di libri di Rodi.*— *Rivista Filol.*, 1935, XIII, p. 215. 6, 11, 21.

⁵¹ Эти надписи были опубликованы в кн.: *Maiuri A. Nuova Silloge...*, p. 14, N 11 и датированы автором последующее изучение шрифта надписей (*Segre M. Catalogo di libri di Rodi*, p. 214—222; *Idem.* Ancora sulla biblioteca del ginnasio di Rodi.— *Rivista Filol.*, 1936, XIV, p. 40; *Robert L. Notes...*, p. 424—425) показало, что оба текста бесспорно относятся ко II в. до н. э. См. также: RE, Suppl. V, Sp. 825, s. v. Rhodos, однако, здесь каталог неправильно отнесен к библиотеке всего полиса. Более печальную ошибку допустил A. Marrou, отнесший к Косу обе родосские надписи (*Marrou H. Histoire de l'éducation...*, p. 259—260).

⁵² Восстановления Ф. Гитлера ф. Гертрингена и М. Сегре. См.: *Segre M. Catalogo...*, p. 219—220.

⁵³ *Maiuri A. Nuova Silloge...*, N 4.

ников и косметов, правда относящиеся уже ко времени римского владычества.

Следует прежде всего подчеркнуть, что, судя по имеющимся документам, афинское государство в II—I вв. особо заботилось о пополнении библиотек своих гимнасиев — народ, по крайней мере, дважды в год специальными псефисмы о том, чтобы заканчивавшие курс обучения эфебы вносили книги в библиотеку Птолемея гимнасия⁵⁴. Необходимость в подобных псефисмах говорит и о больших потребностях гимнасиев, и о том, что эфебов нужно было специально побуждать к восполнению книжного фонда своего гимнасия.

Как известно, в эллинистических Афинах имелось пять гимнасиев, из которых гимнасии Птолемея и Диогена были организованы лишь в III в. Возможно, что другие гимнасии также расширяли свои книгохранилища за счет обязательных даров⁵⁵ заканчивавших обучение юношей. Гимнасия, основанная Птолемеем II Филадельфом недалеко от афинской Агоры⁵⁶, получал во II в. и в начале I в. по 100 свитков от ежегодных выпусков эфебов⁵⁷. Поскольку в декрете IG, II², № 1009 сохранилось более 90 имен юношей, можно полагать, что каждому эфебу приходилось тратить не очень большую сумму на покупку книг⁵⁸. Позднее размер книжного взноса эфебов, видимо, стал менее определенным, в декрете IG, II², № 1042 от 41/40 г. говорится только, что эфебы «сделали книжный вклад» (τῆ]ν των βυβλαων ἀνάθεσιν ἐποίησαντο). Слово ἀνάθεσς, прилагавшееся в особенности к посвя-

⁵⁴ В надписи IG, II², № 1009 от 116/5 г. упоминается в стк. 8 псефисма, внесенная Феодоридом из Пирея; в декрете IG, II², № 1029 от 94/3 г. в стк. 25—26 также стояло указание на такое постановление. Спустя несколько десятков лет народное собрание вновь вынесло аналогичное решение — в декрете IG, II², № 1043 от 38/7 г. до н. э., в стк. 50 упомянута другая псефисма о книгах, внесенная гражданином Мелоса.

⁵⁵ В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что надписи относительно эфебов и Птолемея гимнасия были найдены недалеко от стой Аттала, вблизи Агоры, где и был расположен названный гимнасия (Paus., I, 17, 2). В других гимнасиях могли храниться тексты псефисм, касавшихся только их.

⁵⁶ Точное место здания еще не определено (Thalton Hill J. The Ancient City of Athens. L., 1953, p. 92).

⁵⁷ IG, II², N 1009; 1029.

⁵⁸ При архонте Аристархе (107/6 г.) в Афинах закончили эфебию не менее 132 человек, судя по IG, II², N 1011.

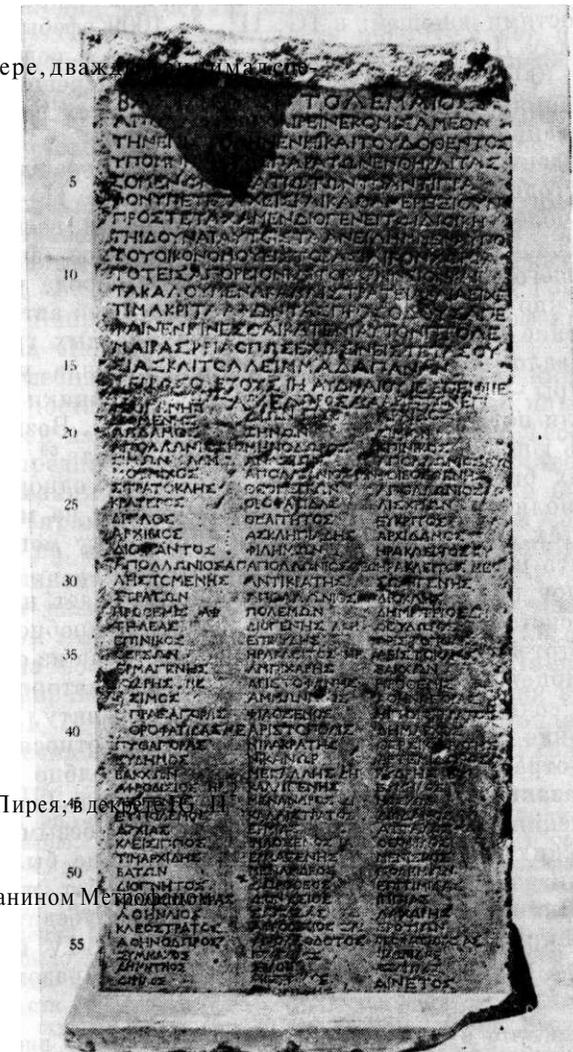

РИС. 13.
Стела со списком греческих наемников.
О-в Мелос.
Около 340 г. до н. э.

щаемым богам подаркам, хорошо передает важность для города эфеской книжной повинности. Вместе с тем интересна тесная связь книжного дара с сакральными обязанностями юношей: в IG, II², № 1009 эфебы посвятили фиалу Деметре, Коре и Матери богов и совершили вклад в 100 книг; в IG, II², № 1029 дарение книг также упомянуто сразу после исполнения всех религиозных обязанностей.

Возведение книжных вкладов в ранг гражданских актов, угодных богам, во второй половине II—I в. в Аттике более чем закономерно — лишённые военной и политической мощи, Афины сохраняли свое значение крупнейшего культурного центра, и для города чрезвычайно важно было поддерживать свой научный авторитет.

Введение книжной повинности для молодых граждан обеспечивало качественное восполнение фонда учебной литературы — руководившие эфебами наставники лучше всех знали потребности библиотеки гимнасия. Возможно, что часть юношей охотно выполняла свой долг⁵⁹. Состав школьных библиотек был более или менее однородным во всех полисах. Обычно каталоги высекали на мраморных плитах, так что входивший в библиотеку мог сразу определить наличие нужного ему свитка.

Каталог родосского гимнасия обнаруживает наличие строгой систематизации книг. М. Сегре, подробно осветивший этот вопрос, отметил, что опись состояла из отдельных столбцов, которые содержали имена авторов или названия сочинений, расположенные по алфавиту, в каждой колонке текста перечислялись труды, относящиеся к одной отрасли знаний. Так, в первом столбце текста № 1 1 указаны речи Феопомпа, труды Диогена Лаэртского, сочинения Феодокта Фаселидского и ряд безымянных политических трактатов⁶⁰. Во втором столбце были начертаны названия многих философских работ и труд некоего Дамоклида. Этого автора М. Сегре убедительно идентифицирует с афинским оратором конца IV в., который был учеником Феопфраста⁶¹. Таким образом, вся

59 Напомним, что в эллинистическое время эфебия не имела общеобязательного характера, ее проходили только желающие дети граждан и чужеземцев.

60 М. И. Ростовцев полагает, что упомянутый здесь Феопомп, автор труда *Περὶ βασιλείας*, не идентичен знаменитому хиосскому историку Феопомпу (SENHW, p. 1377, N 83).
61 Segre M. *Catalogo...*, p. 218—219.

перечисленная здесь литература относится к разряду политических и философских сочинений, служивших пособиями для обучения риторике.

Такую же систематичность обнаруживает и каталог библиотеки афинского гимнасия, составленный в конце II — начале I в. до н. э. До нас дошел угол мраморной стелы с аккуратно высеченными убористым шрифтом двумя столбцами каталога⁶². В левом столбце перечислены авторы преимущественно литературных произведений — Эсхил, Софокл, Ахей, Менандр, Никомах, тогда как в правой части стоят имена Демосфена, Гелланика⁶³.

Сходным был состав библиотек в греческих школах Египта — здесь учились по произведениям Гомера, Гесиода, Бабрия, читали из Диогена Лаэртского и других авторов⁶⁴.

В учебных библиотеках учет и хранение книг велись также достаточно строго. Так, мраморная плита с аккуратной надписью из гимнасия на острове Теосе содержала предписание ставить книги в ряды соответственно их названиям⁶⁵. На каждом свитке снаружи был прикреплен ярлык — силлиб. Обычно это был кусок пергамента, на котором писали имя автора и наименование его сочинения.

Как известно, учебные книги быстро ветшают, и в теосском гимнасии начальство предусмотрело особые расходы на восстановление старых изданий. По-видимому, реставрировались лишь части свитков, так как в надписи SEG, II, № 584, в стк. 8—12 идет речь об оплате труда переписчиков соответственно количеству стихов⁶⁶.

62 IG, II², № 2363. В упоминавшихся выше афинских псефисмах II—I вв. обычно не указывали, какие книги были подарены гимнасию. В тексте IG, II², № 1041 в стк. 24 сохранились имя Еврипида и немного далее название «Илиада», однако надпись здесь так испорчена, что ничего определенного вывести нельзя. Вероятно, списки даримых эфебами классических произведений были столь обширны, что вводить их в текст псефисмы было излишним — книги к

63 Правда, классификация выдержана не полностью — в I столбце в стк. 10 назван философ Евклид Мегарский, а во II столбце в стк. 38 бесспорно восстанавливается имя Еврипида.

64 Ziebarth E. *Aus dem griechischen Schulwesen*², S. 132.

65 Плохо сохранившийся текст (BGH, 1922, XLVI, p. 327, № 6) в стк. 3—4 был удачно дополнен Г. Кронертом (SEG, II, № 584) следующим образом: [ἐπιτιθέτω ἰὲ ἐκάστῳ (seil, βιβλίῳ) κατ' ἰδίαν σί[λλυβον],

66 Примечательно, что переписчики именуются здесь *παίδες* (стк. 10) — видимо, как и в Риме того же времени, основным контин-

Сведения об учебных библиотеках **ценны тем**, что проливают некоторый свет на организацию книжного дела в крупных государственных и частных книгохранилищах.

Последние также заслуживают внимания. Библиофильство в эллинистическую эпоху достигло уже большого развития. Древние книги тогда высоко ценились, как показывает судьба библиотеки Нелея — его неученые наследники прятали книги даже в погребе, с тем чтобы продать их потом за большие деньги Аpellиконту из Теоса.

Составление частных библиотек распространилось по всему эллинистическому миру. Например, в Египте к чтению приобрелись многие жители не только полисов, но и хоры⁶⁷.

Приведенные данные о состоянии библиотечного дела в полисах эллинистической Греции позволяют понять те огромные успехи, которых добились просвещенные правители эллинистических монархий, в первую очередь Египта и Пергама.

Итак, огромный труд эллинистических ученых, библиофилов и лиц разных интеллигентных профессий позволил не только собрать и сохранить, но и значительно умножить достояния науки предшествующих столетий. Можно сказать, что Греция велика не только тем, что она впервые в истории Европы создала научную мысль, но и тем, что вооружила своих ученых полноценными средствами труда. Вместе с тем массовость и содержательность эллинистических библиотек способствовали тому, что до нас дошло значительное количество произведений греческих авторов — множество лиц читало и сохраняло свои любимые книги. Греки везли с собою книги в дальние страны и даже уносили с собою в загробный мир: великолепный список поэмы Тимофея (ок.

гентом работников этой профессии были рабы. Весьма интересен вопрос о качестве работы переписчиков. Вероятно, были известны высококвалифицированные профессионалы, но существовала и масса работников, наводнявших рынок дешевыми изделиями. Недаром переписчики в эллинистическом мире славились своим небрежным отношением к тексту. Особенно страдали авторы сложных для обычного читателя сочинений: как рассказывает Страбон, в Александрии и Риме в его время были списки трудов Аристотеля, сильно искаженные при копировании (*Strabo*, XIII, 1, 54).
⁶⁷ Rostovtzeff M. SENHW, p. 1589, N 24.

РИС. 14.
Бронзовая таблица с текстом проксении.
Выс. 22,5 см
Коркира. Около 200 г. до н. э.

450 — ок. 360) «Персы» был найден в могиле эллина, похороненного между 330 и 320 гг. в Египте⁶⁸.

Следует кратко упомянуть об одном виде сооружений, которые относятся к области интеллектуальной деятельности полисов. Это хранилища государственных и частных документов, о которых упоминают многие авторы и эпи-

⁶⁸ Gerke A., Norden E. Einleitung in die Altertumswissenschaft, I², Leipzig; Berlin, 1912, S. 5.

графические источники. В эллинистическое время роль архивов возросла очень сильно — они выдавали массу копий документов по требованиям магистратов и по просьбам частных лиц. Вероятно, в это время создавались новые типы оборудования и футляров для хранения оригинальных документов.

Большой сдвиг в архивном оборудовании нужно связывать с важным шагом Афин: в середине IV в. все государственные акты были собраны в одном хранилище — в святилище богини Матери. Метроон находился среди важнейших административных зданий, так что государственным чиновникам доступ к официальным актам прошлых времен был весьма прост. В Метрооне хранились не только оригиналы декретов, финансовых отчетов, протоколов обсуждений важных государственных дел, договоров с другими государствами, судебных дел и т. п. По предложению оратора Ликурга в этот государственный архив был сдан на хранение точный текст сочинений великих трагиков — Эсхила, Софокла и Еврипида. Актеры были обязаны выверять свои рабочие тексты с официальным списком, и только после этого они могли ставить пьесы трагиков в театре⁶⁹.

Указанная мера, принятая в тяжелую эпоху, когда над всей Элладой нависла угроза со стороны македонских царей, свидетельствует о том, как ответственно относились Афины к сохранению духовных сокровищ своего народа.

Заметим попутно, что в Афинах культура административного делопроизводства стояла на высоком уровне. Например, на каждый день составлялись ведомости полагающихся в этот срок взносов арендной платы⁷⁰. Такая система предполагала высокую образованность даже низших государственных чиновников.

Полисная администрация также пользовалась различными орудиями. Например, магистраты, ответственные за соблюдение мер и весов, употребляли для контроля государственные эталоны, на которых обычно стояли официальные надписи и клейма⁷¹. Следует упомянуть и об известных инструментах афинских юристов: каждому из избираемых ежегодно по жребию 6000 судей

(гелиастов) полис выдавал бронзовый пинак (жетон) с его именем и номером судебной палаты, также определенной жребием. По жребию устанавливали и ежедневный состав судов, причем теперь пинаки комбинировали с особым устройством — клеротерием. Известный ныне афинский клеротерий III—II вв. представлял собою массивную каменную плиту с внутренним каналом для баллотировочных шаров и с одиннадцатью столбцами (в каждом из них было 50 отверстий для пинаков). В конце заседания каждый судья получал для голосования по два бронзовых диска с трубочкой посередине. Диск для оправдания имел сквозную трубочку, у диска для осуждения трубочка была запаяна наглухо. Голосуя, гелиаст опускал соответствующий диск в особую бронзовую амфору, а неупотребленный диск вкладывал в специальный ящик. Соотношение вынутых из бронзовой амфоры дисков определяло постановление суда. Этот инвентарь мог служить многие десятки лет, не требуя особых расходов⁷².

В данной главе речь идет лишь о некоторой части орудий и приспособлений, которые употреблялись работниками умственного труда. Крупные технические достижения и механизмы эллинистических греков уже описаны и исследованы в ряде монументальных трудов.

⁶⁹ *Церетели Г. Ф.* Архивы классической древности (Греция и Рим).— Архивные курсы. Пг., 1920, с. 7—8.

⁷⁰ *Arist.* Ath. pol., 47, 5—48,1.

⁷¹ Эталоны мерных сосудов и гирь дошли из многих полисов.

⁷² Принадлежности афинских гелиастов опубликованы в кн.: *Lang M.* Athenian citizen. Princeton; New Jersey, 1960, p. 20, fig. 20—24. Описание процедур в афинском суде см.: *Arist.* Ath. pol., 63—69; *Латышев В. В.* Очерк греческих древностей. Вильна, 1880, т. 1, с. 185—193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка осветить некоторые конкретные вопросы положения интеллигенции в независимых греческих полисах в силу ограниченности источников носит во многом предварительный характер. Однако уже имеющиеся данные могут доставить некоторые существенные сведения по истории образованных слоев древнегреческого общества. В полисе, этом весьма своеобразном типе государства эпохи рабовладельческих отношений, роль образованной части населения заслуживает особенного внимания ввиду того уровня, которого в нем достигло развитие античных республиканских институтов.

Ограниченность древнегреческой демократии, распространявшейся лишь на свободное население полиса, имело следствием особенно глубокое воздействие полиса на миропонимание его гражданского населения. Усложнение социально-политической обстановки в IV—II вв. до н. э. ставило перед греческими полисами все более трудные задачи. Это повышало их требования к своим гражданам.

Как известно, греческая мысль эпохи классики выработала идеал активного гражданина, самоотверженная деятельность которого была подчинена прежде всего интересам государства. Подробно сформулированные правила указывали гражданину, как должен он выполнять свои обязанности в народном собрании или на поле битвы. Философские учения о наилучшем гражданине предусматривали полную самоотдачу личности во имя блага и величия родины. Эти положения официальной полисной идеологии энергично пропагандировались в эллинистическое время, о чем свидетельствуют многочисленные документальные источники. Привлекая к активному участию в государственной жизни значительный контингент своих граждан, полис опирался при этом на деятельность различных образованных профессионалов.

Более того, полис нуждался в расширении знаний рядовых своих граждан, так как в государственных магистратур в этих республиках требовало определенной суммы знаний от исполнявших эти обязанности лиц. Таким образом, в греческом полисе развитие общественной жизни стимулировало подъем интеллектуального уровня различных слоев его гражданства. Ясное представление об этом феномене затруднено тем, что дошедшие источники освещают преимущественно деятельность состоятельных кругов образованного эллинизма. Все же и эти, часто очень скудные, сведения позволяют представить то, каким образом полису удавалось плодотворно использовать труд своих интеллектуальных работников.

Данные о конкретной деятельности врача, учителя и других образованных работников полиса бросают некоторый свет на общую проблему взаимосвязи полиса и его граждан. Можно заметить, что, ставя себе на службу труд обширного круга интеллектуалов, полис создавал одновременно наиболее благоприятные в условиях рабовладельческого общества предпосылки для развития своих граждан. Среди свободных эллинов существовала издавна тяга к знаниям — огромный успех софистов в конце V — начале IV в. был возможен лишь потому, что образованное эллинизма активно стремилось расширить свои научные, философские и этические знания.

Это интенсивное распространение знаний продолжалось и в эллинистическую эпоху, захватывая все более широкие круги, что должно было сказаться на положении выделившихся интеллигентных профессий среди свободного населения страны. Некоторые черты общественного положения и конкретных условий труда этих работников стали достаточно известны. Однако многие стороны жизни и работы этого слоя населения полиса остаются еще неясными.

Но даже и неполные сведения о работниках умственного труда позволяют составить некоторое представление о роли науки в производственной жизни и в мировоззрении тогдашнего греческого общества. Конкретное применение знаний каждым специалистом характеризует те условия, при которых эллинистическая Эллада сохраняла и развивала творческое наследие прошлых веков, что имело огромное значение для всей жизни страны,

Высокий уровень знаний оказывал определенное влияние и на политический климат Эллады. Например, необходимость использовать труд профессионалов-инополитов способствовала ослаблению традиционной полисной изоляции. Появление высокообразованных специалистов-рабов, пусть пока еще весьма малочисленных, наносило удар по рабовладельческой идеологии. Важно и то, что интеллектуальный потенциал эллинистической Эллады использовали не одни греки, к нему обращались и соседние народы. Всестороннее освещение названных явлений еще далеко от завершения, для этого требуются новые источники и новые исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗРАО — Записки Русского археологического общества
 СА — Советская археология
 AA — Archäologischer Anzeiger
 AJA — American Journal of Archaeology
 AM — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
 AP — Epigrammatum anthologia Palatina. P., 1894—1906
³Арх. Έφ. — Ἀρχαιολογική Ἐφημερίς. Ἀθήναι
 BCH — Bulletin de correspondance hellénique
Bengtson. Griechische Geschichte² — *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit². München, 1960
 BS A — Annual of the British School at Athens
Dareste — Haussoullier — Reinach. Recueil — *Dareste D., Haussoullier B., Reinach Th.* Recueil des inscriptions juridiques grecques. P., 1891-1898
Daux G. Delphes — *Daux G.* Delphes au I I^c et au I Ier siècles av. J.-C. P., 1936
Dessau. I LS — *Dessau H.* Inscriptiones Latinae selecte, 1892—1916, I—III
Durrbach. Choix — *Durrbach F.* Choix d'inscriptions de Delos. P., 1921—1923
Ferguson. Hellenistic Athens — *Ferguson W. S.* Hellenistic Athens. L., 1911
 FD — Fouilles de Delphes
Guarducci M. Inscr. Cret. — *Guarducci M.* Inscriptiones Creticae. Roma, 1935—1950, I—IV
Hill I. The Ancient City — *Hill I. Th.* The Ancient City of Athens. L., 1953
Holleaux. Etudes — *Holleaux M.* Etudes d'epigraphie et d'histoire. P., 1938, I
 ID — Inscriptions de Delos
 Inscr. of Cos — *Paton W. K., Hicks H. L.* The Inscriptions of Cos. Oxford, 1891
 IG — Inscriptiones Graecae
 IOSPE — *Latyschv B.* Inscriptiones Antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916
 Inschriften von Olympia — *Dittenberger W., Purgold K.* Die Inschriften von Olympia. B., 1966
 JDAI — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
 JHS — The Journal of Hellenic Studies

Jaeger W. Paideia — Jaeger W. Paideia. B., 1954, I—III

Launey M. Recherches — Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. P., 1949—1950, I—II

OGIS — Dittenberger W. (Mentis Graeci Inscriptiones selectae. Lipsiae, 1902-1905, I—II

RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Realencyclopädie der klassischen

Altertumswissenschaft

REG — Revue des études grecques

Rostovtzeff M. SEHWW — Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford. 1941, I—III

Schwyzler — Schwyzler E. Dialectorum Graecarum Exempla epigraphica potiora. Leipzig, 1923

SEG — Supplementum epigraphicum Graecum. Leyden, 1923—

SGDI — Collitz H., Bechtel F. Sammlung der Griechischen Dialectinschriften. Leipzig, 1884—1915

Syll.³ — Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum³. Lipsiae, 1915—1924, I—III

Tod. Selection — Tod M. N. A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxford, 1946—1948, I—II

Welles. R. C. — Welles C. B. Royal Correspondance in the Hellenistic Period. New Haven, 1934

Will. Histoire politique — Will. E. Histoire politique du Monde Hellenistique (323—30 av. J. C). Nancy, 1966, I

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

АВТАРКИЯ — полная независимость полиса.

АДОКСИЯ — бесчестие, вид особого наказания гражданина греческого полиса.

АКАДЕМИЯ — сад в пригороде Афин, где находился гимнасии, в котором учил Платон (427—347); отсюда — название научной философской школы Платона.

АКМЭ — возраст (ок. 40 лет) наивысшего развития физических и умственных способностей человека.

АМФИКТИОНИЯ — союз независимых полисов для попечения об общем святилище и, позднее, для решения споров, возникших между автономными полисами.

АРЕОПАГ — Ареев холм, на котором в Афинах заседал высший судебный орган, ведавший делами об убийствах. По местопребыванию этот суд называли Ареопагом.

ВОТИВ, ВОТИВНОЕ ПРИНОШЕНИЕ — предмет, посвященный богам в силу данного обета.

ГИЕРОПЕЙ — выборный магистрат, наблюдавший за правильной процедурой жертвоприношения.

ГЕЛЕПОЛА — букв. «берущая город» — название осадной машины, изобретенной Деметрием Полиоркетом (337—283).

ГОРИСТ — магистрат-межевик, избиравшийся для установления границ земельных владений.

ДИДАСКАЛЕЙОН — училище, школа.

ДИЭТЕТИКА — врачебная наука о разумном образе жизни, особенно питания.

ИНОПОЛИТ — свободный греческий гражданин, обитающий в чужом полисе.

ИСОПОЛИТИЯ — союз двух полисов, заключивших соглашение об одинаковом положении их граждан в государственно-правовой, религиозной и судебной сферах.

КАТАГОГИОН — гостиница, постоялый двор.

ЛИКЕЙ — гимнасии в пригороде Афин у храма Аполлона Ликейского. Руководил этой научной школой Феофраст (322), а затем его ученики Феофраст, Стратон и др.

ЛУТЕРИЙ — ванна, открытый сосуд для воды.

НЕОКОР — наемный служитель в храме.

НЕОПЕЙ — храмостроитель: магистрат, избранный для строительства или ремонта храма.

ОЙКЕТ — домоходец; чаще употребляется в значении «раб».

ПАЙДАГОГ — букв, «ведущий мальчика»: сначала раб, смотревший за ребенком и водивший его в школу, позднее — воспитатель, свободный или несвободный.

ПАЛЕСТРА — место для спортивной борьбы; отсюда — гимнастическая школа.

ПАНОПЛИЯ — полный комплект вооружения гоплита.

ПЕРИОХА — краткое изложение сочинения греческого автора.

ПЕРИСТИЛЬ — крытая колоннада вокруг здания или внутреннего двора обширного сооружения.

ПОЛИТЕЙЯ — система государственного устройства, государство.

ПРОКСЕН — гражданин, представляющий в своем государстве интересы дружественного ему другого полиса и оказывающий покровительство гражданам из этой республики, приезжающим в полис своего проксена.

ПРОПЕДЕВТИКА — предварительное обучение, вводные знания.

СИЛЛИВ — карточка с именем автора и названием его сочинения, которую прикрепляли к книжному свитку.

СИНЕДР — букв, «совместно сидящий»: один из членов совета или другого коллегиального органа.

СТОЯ — крытая галерея с колоннами, служившая в городах местом прогулок. В Афинах в таком портике стал преподавать философ Зенон (ок. 336—264), отсюда его философское учение получило название стоицизма.

СОМАТОФИЛАК — телохранитель.

СЮНГРАФЭ — запись, договор, контракт.

ТЕХНИТ — искусник, мастер, ремесленник, художник. Дионисовы техниты — профессионалы в искусстве общества актеров.

ЭНКОЙМЕТЕРИОН — помещение в храме Асклепия, где больной проводил ночь, надеясь получить во сне совет бога-врачевателя.

ЭПИСТАТ — руководитель, наставник, начальник.

ЭРГОЛАБИЯ — публичная процедура, во время которой демон решал вопрос о найме того или иного специалиста на службу в полисе.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая	
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЭЛЛАДЕ	6
Глава вторая	
ОБРАЗОВАННЫЕ СЛОИ	
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ ПОЛИСАХ ГРЕЦИИ	24
Глава третья	
ПРЕПОДАВАТЕЛИ — РАБОТНИКИ ДИДАСКАЛЕЙОНОВ И ГИМНАСИЕВ	55
Глава четвертая	
МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ	73
Глава пятая	
ЗОДЧИЕ	214
Глава шестая	
ЗЕМЛЕМЕРЫ	282
Глава седьмая	
ОРУДИЯ ТРУДА ОБРАЗОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ	294
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	318
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	321
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ	323

Татьяна Васильевна
БЛАВАТСКАЯ

**ИЗ ИСТОРИИ
ГРЕЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ВРЕМЕНИ**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор издательства
Ф. Н. Арский
Художник
Э. Л. Эрман
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
Н. Н. Плохова
Корректоры
Ф. А. Дебабов, Н. А. Несмеева

ИБ № 25286

Сдано в набор 12.07.83
Подписано к печати 5.11.83
Т-21702. Формат **84X108V32**
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 19,8.
Усл. кр. отт. 17,22. Тираж 4400 экз.
Тип. зак. 3129
Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я тип. издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «НАУКА
ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ

«ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК»,
Т. 45
30 л. 3 р. 50 к.

В том включены статьи по социально-экономической истории (об экономических и социальных отношениях в ранне-византийском городе, о развитии ноздневизантийской деревни), по истории внешнеполитических и культурных связей Византии с соседними странами и народами (о системе обороны балканских провинций от нашествий «варваров», о размещении готов накануне их переселения на территорию империи, о путях проникновения византийской духовной культуры на мусульманский Восток), по византийской историографии (об Иоанне Лаврентии Лиде, Пасхальной хронике, Феофане Исповеднике), по истории военной мысли и военного дела в ранней Византии, а также статьи, характеризующие византийское культурное наследие. В разделе Критика и библиография публикуются рецензии и аннотации на новейшие работы советских и зарубежных византистов.

Раздел Хроника содержит информацию о симпозиуме по византиноведению в рамках XVI Международной конференции «Эйрене» (Прага, 1982 г.).

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091	Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);	196034	Ленинград, В/О, 9 линия, 16;
370005	Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);	220012	Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);
320093	Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);	103009	Москва, ул. Горького, 19а;
734001	Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);	117312	Москва, ул. Вавилова, 55/7;
375002	Ереван, ул. Туманяна, 31;	630076	Новосибирск, Красный проспект, 51;
664033	Иркутск, ул. Лермонтова, 289;	630090	Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22 («Книга — почтой»)
420043	Казань, ул. Достоевского, 53;	142292	Иушино, Московская обл., МР, «В», 1;
252030	Киев, ул. Ленина, 42;	620151	Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
252030	Киев, ул. Пирогова, 2;	700029	Ташкент, ул. Ленина, 73;
252142	Киев, проспект Вернадского, 79;	700100	Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
252030	Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);	700187	Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
277012	Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);	634050	Томск, наб. реки Ушайки, 18;
»43900	Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1;	450059	Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
360049	Красноярск, проспект Мира, 84;	450025	Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
443002	Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);	720001	Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
191104	Ленинград, Литейный проспект, 57;	310078	Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).
199164	Ленинград, Таможенный пер., 2;		